МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Мошечков Петр Владимирович

Французский фактор в образовании и деятельности Чешско-Словацкого корпуса в России в годы Великой войны

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к. и. н., доц. З. С. Ненашева

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4
1.1. Степень научной разработанности темы. 15
1.2. Характеристика источников 60
Глава I. Национальное движение чехов во Франции в июле 1914 – осенью 1915 года. 77
1.1. Образование Комитета чешской колонии в Париже 77
1.2. Новые лидеры во главе новых организаций «французских» чехов (октябрь 1914 – октябрь 1915 г.). 92
1.3. Военная акция чешской колонии во Франции в начале Первой мировой войны 110
Глава II. Успехи и неудачи на пути формирования чешско-словацких войсковых единиц в России и Франции в 1916 году 126
2.1. Вокруг вопроса об отправке чешско-словацких добровольцев из России во Францию 126
2.2. Миссия Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника в Российскую империю в 1916 году 155
2.3. Возвращение М. Р. Штефаника в Россию. Переговоры с В. И. Ромейко-Гурко 169
2.4. Петроградская конференция (февраль 1917 г.) – чешский вопрос как международный 177
2.5. М. Жанен и М. Р. Штефаник в борьбе против Й. Дюриха 183
Глава III. Военная акция Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) во Франции и в России в 1917 году. 191
3.1. Переговоры ЧСНС с правительством Третьей республики о создании войска 191
3.2. Т. Г. Масарик в России в 1917 г.: политические и военные аспекты освободительной акции 214

Глава IV. Между ноябрем 1917 г. и Брестским миром. Чешско-Словацкий корпус в стратегических и тактических замыслах союзников 247

4.1. План генерала Бертело по использованию корпуса на Румынском фронте 251

4.2. Проект сотрудничества с Украинской Народной Республикой 256

4.3. Концепция по объединению «угнетенных народностей» 267

4.4. Между «белыми» и «красными»: контакты с советской стороной 283

Заключение 300

Список литературы. 309

Введение

История Чешско-Словацкого корпуса, одного из крупнейших воинских формирований, созданных в составе российской армии в годы Первой мировой войны, начала привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей уже в первой половине XX в. В исторической науке существует значительное количество работ, посвященных политической деятельности его руководства в России.

Помимо аспектов, связанных с действиями частей Чешско-Словацкого корпуса в России в годы Гражданской войны, исследователями затронут и вопрос, касающийся организации в составе армий стран Антанты чешско-словацких военных формирований. Особо рассматривается процесс их создания в армии Французской Республики – страны, в которой 16 декабря 1917 г. декретом президента Раймона Пуанкаре было провозглашено образование автономной Чешско-Словацкой армии. В первую очередь изучается процесс установления контактов представителей чешской колонии в Париже и лидеров чешско-словацкого национального движения с французским правительством. Активно изучаются и вопросы, связанные с организацией миссий в Россию Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника.

Проблема и актуальность исследования. Рассматриваемая тема весьма актуальна в наши дни, поскольку процесс формирования Чешско-Словацкого корпуса и характер его деятельности в России до сих пор не получили в научной литературе полного, всестороннего освещения. Авторами в основном затрагиваются сюжеты, связанные с вооруженным конфликтом между Советским правительством и Чешско-Словацким корпусом в мае 1918 г. При этом сам ход возникновения на территории Российской империи чешско-словацких частей, их дальнейшая судьба, равно как и связанные с этим процессом события от начала мировой войны и вплоть до заключения 3 марта 1918 г. между Советской Россией и блоком Центральных держав Брестского мира, зачастую остаются в тени. Они

рассматриваются большинством ученых как некий этап, предваряющий столкновение чешско-словацких войсковых подразделений с местными советскими органами в Поволжье и Сибири. Главными для них является участие корпуса в интервенции и Гражданской войне. Что же касается контактов лидеров чешской и словацкой эмиграции, «русских» чехов с политическим истеблишментом Третьей республики и ее военными представителями в России, то следует отметить, что эта проблематика изучена в отечественной историографии крайне скудно.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной историографии по истории чешско-словацкого заграничного сопротивления в годы Великой войны в диссертационной работе

- освещены сюжеты, связанные с деятельностью членов чешской колонии в Париже в начале Первой мировой войны, прослежен процесс налаживания контактов с правительственными учреждениями Французской Республики;

- изучены обстоятельства организации Чешско-Словацким национальным советом (ЧСНС) и правительством Французской Республики миссий Й. Дюриха и Милана Растислава Штефаника в Российскую империю;

- показан формат и характер отношений с французскими дипломатами и военными во время их пребывания в России во второй половине 1916 – начале 1917 г., в первую очередь, с начальником французской военной миссии генералом М. Жаненом;

- рассмотрен вопрос о создании автономной Чешско-Словацкой армии в качестве одного из аспектов дипломатических отношений между Францией и Россией;

- раскрыт характер переговоров Т. Г. Масарика с представителями Третьей республики и Временного правительства, а также российскими государственными и военными учреждениями и МИД о формировании чешско-словацких частей для России и Франции и отправки на Западный фронт первых транспортов с чешскими и словацкими добровольцами;

- разобран план французских военных представителей в Румынии и на Украине по использованию частей Чешско-Словацкого корпуса для восстановления боеспособности румынской и русской армий с целью возобновления широкомасштабных военных действий против армий Центральных держав на Восточном фронте;

- проанализировано отношение находящихся на территории бывшей Российской империи французских дипломатов и военных, равно как и Отделения ЧСНС для России к другим попыткам привлечь части корпуса для решения собственных задач. Для Т. Г. Масарика – в деле «возрождения российской армии», для других игроков – якобы в целях стабилизации политической и военной обстановки в разных регионах страны.

- в данном случае представлены наиболее значимые проекты:

1) участия подразделений корпуса в военных действиях на территории Украины;

2) сотрудничества с формируемой на Дону генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым и А. М. Калединым Добровольческой армией;

3) проведения совместных действий с польскими национальными организациями и представителями иных славянских и романских народов монархии Габсбургов.

Таким образом, в работе сделана попытка проследить, как шел процесс устранения России от решения чешского и словацкого вопросов как проблемы международного характера и, в частности, показано, как трансформировался процесс организации и использования чешско-словацкого войска в России и Французской Республике.

Предметом диссертационной работы стало изучение непосредственного влияния французского правительства, дипломатических и военных представителей Третьей республики на процесс формирования чешско-словацких войсковых единиц на территории России. Немаловажным аспектом также является выяснение роли Чешско-Словацкого национального совета в Париже как признанного центра зарубежного сопротивления чехов и словаков в создании автономной Чешско-Словацкой армии во Франции.

Объектом исследования является процесс взаимодействия правительства Третьей республики и Чешско-Словацкого национального совета в решении вопросов об организации чешско-словацких добровольческих формирований для России и Франции и транспортировке ряда подразделений, а затем – и всего Чешско-Словацкого корпуса на Западный фронт.

Цель работы состоит в том, чтобы представить во всей полноте масштаб влияния французской стороны на формирование и деятельность Чешско-Словацкого корпуса в России и его дальнейшую судьбу.

Ее **задачами** стало:

- проанализировать деятельность чешской колонии в Париже в июле 1914 – октябре 1915 г., показать подоплеку появления первых чешско-словацких войсковых подразделений во Французской Республике в рассматриваемый период и определить вклад представителей диаспоры во Франции в налаживание политических контактов чешско-словацкого заграничного сопротивления с правительством Третьей республики;

- определить момент, когда и почему правительственные и военные учреждения Третьей республики заинтересовались процессом организации на

территории России отдельных чешско-словацких добровольческих формирований;

- выяснить роль, которую сыграла французская сторона в организации миссий М. Р. Штефаника и Й. Дюриха в Россию, а также определить степень участия представителей французской военной миссии в происходившей между ними борьбе;

- рассмотреть сотрудничество лидеров «парижского центра» заграничного сопротивления – Э. Бенеша и М. Р. Штефаника с правительственными и военными учреждениями Третьей республики в деле создания автономной Чешско-Словацкой армии во Франции, а также произвести сравнение условий ее создания с процессом организации чешско-словацких частей в России;

- выделить основные этапы в переговорах французской и чешско-словацкой сторон о формировании чешско-словацких частей, предназначавшихся для России и Франции, и транспортировке последних на Западный фронт, проводившихся после приезда Т. Г. Масарика в Россию;

- выявить основные причины, повлиявшие на принятие Т. Г. Масариком и его коллегами по Отделению ЧСНС для России (впервые о создании в России данной организации было заявлено 8 (21) марта 1917 г.)[1] в феврале – начале марта 1918 г. окончательного решения связать судьбу Чешско-Словацкого войска с Францией.

Хронологические рамки работы охватывают период с июня 1914 г. и вплоть до заключения 3 марта 1918 г. дипломатическими представителями советского правительства в Брест-Литовске сепаратного мира с Центральными державами. Их выбор был обусловлен задачей представить подробную картину развития взаимоотношений между чешско-словацкой и французской сторонами в годы Первой мировой войны. Нижняя хронологическая граница – июнь 1914 г. – обусловлена появлением первых попыток проживающих во Франции чехов и словаков наладить контакты с правительством Третьей республики. Это создало предпосылки для сотрудничества чешской и словацкой эмиграции с

[1] Копия обращения руководства ЧСНСовета за подписью М. Р. Штефаника и Б. Чермака о создании своего Отделения в России // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920. Документы и материалы. Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914 – 1917. М., 2013. № 335. С. 655 – 659.

французскими государственными деятелями и командованием армии в создании национальных войсковых единиц. Выбор верхней границы связан с резким изменением внешнеполитической ситуации вокруг Советской России. Ее должно было учитывать Отделение Чешско-Словацкого национального совета для России во главе с его председателем Т. Г. Масариком. Кульминационным моментом в принятии решения об отправке Чешско-Словацкого корпуса во Францию стало заключение мира с Центральными державами сначала Украинской Народной Республикой, а затем – и Советской Россией. В связи с этим отпала всякая целесообразность оставления частей корпуса на Восточном фронте.

Теоретическая значимость исследования заключается в обращении к ранее не поднимавшимся в отечественной историографии проблемам, связанным с контактами Чешско-Словацкого национального совета с правительственными и военными учреждениями Третьей республики в ходе формирования чешско-словацких частей для русской и французской армий**.** Рассмотрение данных вопросов позволит по-новому взглянуть на русско-французские отношения в годы Первой мировой войны. Выводы и наблюдения, сделанные в диссертации, позволят всесторонне оценить деятельность его руководителей по организации чешско-словацких частей, раскрыть суть их переговоров с военными и дипломатами стран Антанты, а также показать влияние последних на процесс организации автономной Чешско-Словацкой армии во Франции.

Во время подготовки диссертационной работы был обнаружен значительный пласт новых материалов. Их введение в научный оборот, а также сделанные в ходе анализа выводы и наблюдения позволили значительно расширить существующее исследовательское поле.

Практическая значимость диссертации. Авторские наработки могут быть использованы для подготовки лекций и практических занятий по общему курсу истории южных и западных славян в XX в., а также разработки специальных курсов по истории национального движения чехов и словаков в годы Великой войны, русско-французских отношений, европейской дипломатии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность проживавших во Франции чехов в начале Великой войны внесла весомый вклад в чешско-словацкое заграничное сопротивление. Руководству чешской колонии в Париже в период с июля 1914 по октябрь 1915 г. удалось установить контакты с государственными учреждениями Французской Республики. Ими были сделаны первые шаги на пути признания чехов и словаков дружественным Франции и ее союзникам по Антанте народом. При этом неоднократные попытки «французских» чехов возглавить национальное движение своих соотечественников за рубежом успеха не имели. Причиной тому было отсутствие среди лидеров колонии опытных руководителей. В результате она оказалась вынуждена принять политическую линию возглавляемого Т. Г. Масариком Чешского заграничного комитета, в феврале 1916 г. реорганизованного в Чешско-Словацкий национальный совет (ЧСНС).

2. Впервые французские дипломаты и военные заинтересовались процессом организации чешско-словацких войсковых единиц в России в середине 1916 г. Основной причиной внимания к данной проблеме стали понесенные армией Третьей республики в ходе военных действий 1914 – начала 1916 г. на Западном фронте серьезные людские потери. Сложившаяся ситуация отвечала и основным чаяниям лидеров ЧСНС – Т. Г. Масарика, Й. Дюриха, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника. Они рассматривали создание чешско-словацких частей на территории держав Антанты как важный шаг в проводимой ими политической деятельности, конечной целью которой было объявлено создание независимого чешско-словацкого государства.

3. Первый совместный шаг чешско-словацкой и французской сторон в вопросе об организации на территории Франции чешско-словацких частей был сделан весной-летом 1916 г. Им стала подготовка и отправка в Российскую империю двух миссий от ЧСНС, которые возглавили заместитель председателя данной организации Й. Дюрих и ее словацкий представитель М. Р. Штефаник. Результаты поездки деятелей заграничного сопротивления в Россию имели

двоякий характер. Несмотря на отклонение правительственными учреждениями Российской империи ходатайства об отправке военнопленных чехов и словаков на Западный фронт, М. Р. Штефанику фактически удалось привлечь на сторону ЧСНС ряд ведущих должностных лиц Штаба Верховного главнокомандующего. Достигнутые с ними договоренности стали важным основанием для активизации в 1917 – начале 1918 г. в России процесса формирования чешско-словацких частей.

4. В начале 1917 г. французская и российская стороны впервые предприняли попытку рассмотреть чешский и словацкий вопросы как международные в ходе заседаний Петроградской межсоюзнической конференции, состоявшейся в январе – феврале 1917 г. Участники конференции приняли решение оставить в стороне политическую составляющую чешского вопроса. В то же время исследование показало их заинтересованность на данном этапе в чешско-словацких воинских частях как одном из источников для пополнения рядов союзных вооруженных сил.

5. Параллельно с переговорами в России в сентябре 1916 г. у ЧСНС возникла возможность начать активные действия по созданию собственных войсковых частей на территории Французской Республики. Значительную роль в ходе их организации должен был играть опыт, накопленный на данном направлении российскими военными учреждениями в процессе формирования аналогичных войсковых частей в России.

6. Деятельность чешско-словацкой и французской сторон в России в 1916 – начале 1917 г. в ходе завершения работы по организации и формированию чешско-словацких частей были скоординированы и согласованы. На это, в частности, указывает поддержка, которую оказывал начальник французской военной миссии в России генерал Морис Жанен М. Р. Штефанику в ходе его деятельности в России во второй половине 1916 – начале 1917 г., в частности, во время конфликта с коллегой по ЧСНС Й. Дюрихом.

7. В процессе решения вопроса о переброске чешско-словацких контингентов из России во Францию можно выделить три этапа. На первом из них (середина мая – начало июня 1917 г.) приоритетным был процесс организации чешско-словацких войсковых единиц для Франции. Второй из них охватывает период с начала июля 1917 г. вплоть до событий Октябрьского переворота в ноябре 1917 г. На данном этапе ситуация изменилась – в связи с героическим поведением частей Чешско-Словацкой бригады в сражении у Зборова (19 июня (2 июля) 1917 г.) Т. Г. Масарик и возглавляемое им Отделение ЧСНС для России приняли решение о приоритетном формировании войсковых частей для Восточного фронта. Этому способствовало и согласие российских правительственных учреждений. Третьим этапом является период от Октябрьского переворота вплоть до заключения дипломатическими представителями УНР (27 января (9 февраля) 1918 г.) и Советской России (3 марта 1918 г.) сепаратных мирных договоров с Центральными державами. В ходе него был выдвинут ряд проектов возможного использования частей Чешско-Словацкого корпуса для стабилизации обстановки на Восточном фронте. Их анализ Т. Г. Масариком и его коллегами по ОЧСНС позволил прийти к выводу, что идея отправки корпуса во Францию является наиболее приемлемым решением для сохранения его целостности в качестве боеспособного военного подразделения.

8. Анализ архивных материалов показал, что с 1917 г. французское правительство и ЧСНС проводили политический курс, направленный на ограничение роли России в решении чешского вопроса как в политическом, так и в военном аспектах. Кроме того, в 1917 г. произошла эволюция отношения правительственных структур Третьей республики к вопросу о чешско-словацких частях от признания паритета в нем России и Франции к решению взять на себя полное финансирование Чешско-Словацкого корпуса, включая его отправку на Западный фронт.

Степень достоверности и обоснованности исследования обеспечивается привлечением широкого круга исторических источников, хранящихся в фондах и

коллекциях российских и чешских архивов и библиотек. Ряд обнаруженных в ходе исследовательской работы материалов вводится в научный оборот впервые.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования были представлены в ходе заседаний следующих конференций: XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015» (Москва, организатор – МГУ имени М. В. Ломоносова, 13 – 17 апреля 2015 г., доклад «Национальное движение чехов во Франции в начале Первой мировой войны (август 1914 - октябрь 1915 гг.)»; V Международной научно-практической конференции «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год», проводившейся в Москве 26 – 27 ноября 2015 г. (организаторы – Международный независимый эколого-политологический университет Академия МНЭПУ и Государственный исторический музей; доклад «Рота "Наздар" и ее участие в военных действиях на Западном фронте в 1915 г.»); Молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский мир: общность и многообразие», состоявшейся 24 мая 2016 г. (организатор – Институт славяноведения РАН, доклад «Французские чехи и миссия Йозефа Дюриха в Россию»); XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов – 2017" (организатор – МГУ имени М. В. Ломоносова, доклад «ЧСНС в поисках решения вопроса о чешско-словацких военнопленных в России в 1916 году»); Молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культур 23 – 24 мая 2017 г. «Славянский мир: общность и многообразие» (организатор – Институт славяноведения РАН, доклад «Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии»); VII Международной научно-практической конференции «1917 год в истории Первой мировой войны: взгляд спустя столетие» (12 – 14 декабря 2017 г., Москва, организаторы – Международный независимый эколого-политологический университет Академия МНЭПУ, Общество русского исторического просвещения «Двуглавый орел», Российская ассоциация историков Первой мировой войны, Московский дом

национальностей; название доклада – «Т. Г. Масарик в России в 1917 году: военные аспекты освободительной акции»).

По теме диссертации подготовлены 6 статей, отражающих содержание работы. Их общий объем составляет 4,65 п. л. Четыре из них опубликованы в журналах, входящих в перечень рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Методологическую основу диссертационного исследования составил принцип историзма. Разнообразие источниковой базы по истории чешско-словацкого заграничного движения, а также по истории создания Чешско-Словацкого корпуса в России столь велико, что обусловило необходимость использовать для их анализа **историко-генетический метод**. Он позволил показать, как трансформировался интерес представителей чешско-словацкого заграничного сопротивления и правительства Третьей республики к процессу формирования на территории России чешско-словацких частей, выявив в нем несколько этапов. Немаловажным является и **историко-сравнительный метод**, основывающийся, в первую очередь, на закономерности процесса общественно-исторического развития, раскрытии сущности изучаемых явлений исторического процесса, происходящем в ходе их сравнительного анализа. Он был применен при сравнении проектов французских и российских военных кругов, появившихся в связи с организацией чешско-словацких частей, а также при выяснении их отношения к проблеме использования военнопленных в качестве солдат на фронтах Первой мировой войны и на заводах и фабриках в качестве рабочих. Метод способствовал выявлению сходных и различных черт во взглядах французских и российских военных и дипломатических кругов на все возникавшие серьезные проблемы.

1.1. Степень научной разработанности темы

Чешская и словацкая историография. Начало изучению проблем, связанных с историей чешско-словацкого национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны, а также историей создания и деятельности Чешско-Словацкого войска, было положено уже сразу после образования в 1918 г. независимой Чехо-Словакии.[2] Ее руководство во главе с президентом Т. Г. Масариком прекрасно осознавало необходимость проведения исследований в данной области. Это было необходимо, в первую очередь, для обоснования появления на карте Европы нового государства.[3] В 1919 г. для этих целей при Министерстве национальной обороны Чехо-Словакии была учреждена специальная организация – «Мемориал освободительного движения» *(Památník odboje)*.[4] Первоначально ее деятельность ограничивалась рамками консультативного совета, занимавшегося сбором письменных и вещественных источников по истории Первой мировой войны. Поскольку коллекция постоянно пополнялась, возникла необходимость расширения компетенций данного органа. В результате он был превращен сначала в отделение в рамках Министерства национальной обороны, а затем в самостоятельную организацию – «Архив легии» *(Archív Legií)*. Помимо «Архива Легии» в Праге были основаны и другие научно-исследовательские организации – «Архив национального освобождения» *(Archív národního osvobození, 1919)*, Военный архив Чехо-Словацкой республики (1920) и Военный музей Чехо-Словацкой республики при Чешско-Словацком военном научно-исследовательском институте.

В 1929 г. все упомянутые организации были объединены в единый научно-исследовательский центр, получивший название «Мемориал освобождения»

---

[2] Данное название образованного 28 октября 1918 г. независимого чешско-словацкого государства фигурирует в тексте Версальского мирного договора (28 июня 1919 г.), во второй его части, посвященной определению границ Германии (27-я статья). См.: Версальский мирный договор. Полный перевод французского подлинника под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина со вступительной статьей проф. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. М., 1925. С. 16. В тексте также присутствует обозначение «Чехо-Словацкое государство». См.: Там же. С. 38 – 40.

[3] Historie vojenského historického ústavu Praha // Vojenský historický ústav. URL: http://www.vhu.cz/zakladni-informace-o-vhu-praha/historie-vhu-praha/ (дата обращения: 13.03.2016.).

[4] *Vorel J.* Legionáři. Brno, 1930. S. 104.

(Památník osvobození). Его руководителем стал генерал Рудольф Медек, один из крупнейших легионерских деятелей, служивших в рядах Чешско-Словацкого корпуса. Данная организация просуществовала вплоть до начала Второй мировой войны. После оккупации нацистскими войсками Чехо-Словакии и образования Протектората Богемия и Моравия она была расформирована вместе с другими отделениями Министерства национальной обороны.[5]

Среди публикаций по избранной проблематике, выпущенных в межвоенный период, следует, в первую очередь, назвать так называемые «хроники». Они представляют собой достаточно объемные труды, излагающие в форме повествования историю чешско-словацкого национально-освободительного движения и создания автономной чешско-словацкой армии. Наиболее известными из этих работ являются четырехтомное издание «За свободу: иллюстрированная хроника чехословацкого революционного движения в России»,[6] первая книга монографии Ярослава Богача «Хроника Чешско-словацкого легиона во Франции»[7] и посвященная организации чешско-словацких частей в Италии работа «В бой!», опубликованная под редакцией Отакара Ванека и Франтишека Беднаржика.[8] Данные книги, по сути, представляют собой компиляции, созданные на основании значительного количества исторических источников, большинство из которых приведены целиком, а также отрывков из работ и воспоминаний, вышедших из-под пера бывших участников чешского и словацкого национальных движений. Так, в работе Богача присутствуют документы, непосредственно связанные с историей акции парижских чехов в начале войны и основанием во Франции Чешско-Словацкого национального совета как центра заграничного сопротивления. Интересны и материалы, раскрывающие отношения лидеров данной организации с представителями французских дипломатических и военных кругов, правительствами Третьей республики и ее союзников. Следует отметить, что как в этом издании, так и в других подобных хрониках, чешско-словацкие

[5] Ibidem.
[6] Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914 – 1920. Kn. 1 – 4. Praha, 1925-1929. 4 kn.
[7] *Boháč J.* Kronika Československé legie ve Francii. Kn. 1 : Rota Nazdar, 1914 – 1916. Praha, 1938. 580 s.
[8] V boj! Obrázková kronika československého revolučního hnutí v Italii. 1915 – 1918. Praha, 1927. 946 s.

легионеры были представлены как национальные герои, внесшие огромный вклад в создание независимой Чехословацкой республики.

В четырехтомной хронике «За свободу» рассмотрен процесс создания чешско-словацких военных подразделений в составе российской армии при царском, а затем при Временном правительствах. Она также касается деятельности Т. Г. Масарика во время его пребывания в России в 1917 г., а также миссий Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника. В двух последних томах затрагиваются проблемы, отражающие трудности транспортировки частей Чешско-Словацкого корпуса из России на Западный фронт, характер вооруженного выступления Чешско-Словацкого корпуса против советской власти.

Особое место занимает наследие историка Ярослава Папоушека, непосредственного участника национально-освободительного движения чешского и словацкого народов, бывшего личным секретарем Т. Г. Масарика во время его пребывания в России во второй половине 1917 – начале 1918 г. Он, по сути, является одним из первых представителей чешской историографии межвоенного периода, положивших начало осмыслению роли заграничного сопротивления в войне и деятельности его лидеров. Основной темой его исследований стало изучение национального движения представителей чешских и словацких колоний, преимущественно на территории России.[9] В данном контексте особо следует выделить его работу «Россия и чешско-словацкие легионы в 1914 – 1918 годах».[10] В ней Я. Папоушек рассуждает о той роли, которую сыграли в данном процессе Россия и Франция. Согласно его точке зрения, в появлении в составе армий этих двух стран воинских подразделений, состоявших из чехов и словаков, нет ничего необычного. Он отмечает, что практика создания военных формирований из представителей иных национальностей имелась и в других странах, в том числе в

[9] *Papoušek J.* Boj za československou samostatnost. Praha, 1928. 65 s. ; *Idem.* Carské Rusko a československá otázka // Carské Rusko a naše osvobození. Praha, 1927. S. 9 – 49.

[10] *Papoušek J.* Rusko a československé legie v letech 1914 – 1918. Praha, 1932. 60 s. Данная брошюра была составлена на основе трех лекций, прочитанных Папоушеком в рамках организованного пражским «Славянским институтом» цикла, посвященного «новейшей истории России». См.: *Papoušek J.* Carské Rusko a náš boj za samostatnost // Naše revoluce. 1932. Roč. VIII. Sv. 1. S. 1 – 25 ; *Idem.* Revoluční Rusko a československé legie // Ibid. Sv. 2. S. 129 – 146 ; *Idem.* Konflikt československých legií se sověty // Ibid. Sv. 3. S. 241 – 253.

Австро-Венгрии. Так, в годы Первой мировой войны в армии монархии Габсбургов были созданы добровольческие отряды, состоявшие из поляков и украинцев.[11] В свою очередь, Россия и Франция, создавая подобные военные подразделения, стремились организовать их таким образом, чтобы дальнейшая их деятельность ни к чему не обязывала правительственные круги этих стран.[12]

Другим крупным историком и представителем чешско-словацкой заграничной акции в годы Первой мировой войны является Йозеф Кудела. Наиболее известными и широко цитируемыми являются его монография «Профессор Масарик и чешско-словацкое войско в России»[13] и статья «Масарик в ОЧСНС в России», опубликованная по частям в нескольких выпусках журнала «Наше революце».[14] Автор затронул сюжеты, связанные с историей политической деятельности Союза чешско-словацких обществ в России и представителей военнопленных до приезда Масарика, а также проводимой ими военной акции. Кроме того, Куделу заинтересовала и ситуация вокруг переброски корпуса во Францию. Согласно точке зрения этого исследователя, эта идея принадлежала именно Масарику. Сразу же после его прибытия в Россию она была воспринята большинством представителей Президиума ОЧСНС с воодушевлением. На фоне деморализации частей русской армии и крайне скептического отношения властей к вопросу о формировании чешско-словацких подразделений это проект казался вполне реальным. Успешные действия Чешско-Словацкой бригады в сражении у Зборова способствовали утрате данной проблемы острой актуальности.[15] Йозеф Кудела является и автором ряда общих трудов по истории национального движения чехов и словаков в годы Великой войны. Они представляют собой попытку набросать общую картину процессов, происходивших в заграничном сопротивлении в России, Франции и Италии.[16]

---

[11] *Papoušek J.* Rusko a československé legie... S. 12.
[12] Ibid. S. 13.
[13] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Praha, 1923. 257 s.
[14] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše Revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 1 – 31 ; Sv. 2. S. 161 – 169 ; Sv. 3. S. 281 – 291 ; 1932. Roč. VIII. Sv. 3. S. 254 – 271 ; Sv. 4. S. 399 – 421.
[15] Ibid. S. 4 – 11; 30 – 31.
[16] *Kudela J.* Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny: šestá přednáška cyklu Československá Revoluce: proslovena 29. března 1923. Praha, 1923. 98 s. ; *Idem.* Rok 1917 v dějinách odboje. Brno,

Истории формирования Чешско-Словацкого корпуса в России, переговоров ОЧСНС с представителями Третьей республики о его переброске на Западный фронт касается и Ярослав Кратохвил. В его монографии «Путь революции» [17] центральной темой исследования является определение степени влияния революционных событий в России 1917 г., а затем – и событий Гражданской войны, на идеологическую подготовку и мышление чехов и словаков, служивших в организованных в России национальных частях. Согласно точке зрения данного автора, они в значительной степени способствовали достижению корпусом характера самостоятельной воинской единицы и предоставили ему возможность жить отдельной, самостоятельной жизнью.[18] Упоминается в книге Кратохвила и о проектах по использованию Чешско-Словацкого корпуса, авторами которых являлись французские и британские военные представители в России и на Украине, члены Центральной Рады, организаторы Добровольческой армии генералы М. В. Алексеев, А. М. Каледин и Л. Г. Корнилов, большевики.[19] Причина почти единогласного стремления военнослужащих чешско-словацких частей отправиться во Францию, по мнению данного историка, заключалась в непонимании ими «значения и силы русской революции».[20]

Среди работ, посвященных истории заграничной акции, процессу создания в странах Антанты автономной Чешско-Словацкой армии, можно выделить и четвертый том труда известного чешского политического деятеля и историка Зденека Тоболки «Политическая история чешско-словацкого народа с 1848 года до наших дней».[21] Эта часть труда Тоболки полностью посвящена деятельности чешских политиков в годы Первой мировой войны как в самих Чешских землях, так и за рубежом. Помимо описания развития чешско-словацкого национального

1927. 116 s. ; *Idem.* Rok 1918 v dějinách odboje. Část I: Leden – červen. Brno, 1928. 144 s. ; *Idem.* Rok 1918 v dějinách odboje. Část II: Červenec – prosinec. Brno, 1928. 136 s.

[17] *Kratochvil J.* Cesta revoluce. Praha, 1922. 674 s.

[18] Ibid. S. 7.

[19] Ibid. S. 30 – 36.

[20] Ibid. S. 39.

[21] *Tobolka Zd.* Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl IV. : 1914 – 1918. Praha, 1937. 416 s.

движения, автор касается истории создания частей чешско-словацкой армии во Франции, Российской империи и в Италии.

В первую очередь, интерес привлекает оценка характера Первой мировой войны. По мнению этого чешского исследователя, Великая война «не была национальной войной несмотря на то, что проходила в тот период, когда национальное чувство у всех народов Европы существенно усилилось».[22] В четвертой части своей работы Тоболка стремится опровергнуть суждение о том, что Первая мировая война являлась «борьбой славянства с германизмом». Так, он отмечает, что правительству Российской империи, являвшейся к началу войны крупнейшим из всех славянских государств, была чужда «новая славянская идея, основывающаяся на праве народов на самоопределение, их равноправности и равноценности». По мнению историка, наиболее насущными являлись две проблемы: возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии и решение вопроса о черноморских проливах и Константинополе. Зденек Тоболка также считает, что экономические интересы стран-участниц войны также не сыграли существенной роли в ее развязывании. Согласно его мнению, война стала следствием нерешенности многих династических и внешнеполитических вопросов в Западной Европе.[23]

Касается Тоболка в своем труде и вопроса, связанного с определением роли стран Антанты в создании в конце мировой войны независимого чешско-словацкого государства. По его мнению, разложение Австро-Венгерской монархии и создание на ее обломках самостоятельных славянских стран первоначально не входило в планы правительственных, военных и дипломатических кругов стран Антанты. Основной причиной такого политического курса союзников было стремление их правительств не нанести вред экономической и политической жизни в регионах Юго-Восточной Европы. Тоболка отмечает, что усилия дипломатов стран Антанты были направлены, в первую очередь, на «освобождение Габсбургской монархии из объятий

[22] Ibid. S. 3.
[23] Ibidem.

Германии» и превращение Австро-Венгрии в союзника держав Согласия. Изменение политического курса стран Антанты и, в первую очередь, Франции, по отношению к Австро-Венгрии, согласно его мнению, связано с активной деятельностью Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника за границей.[24]

Говоря о создании во Франции автономной Чешско-Словацкой армии, Тоболка пишет о том, что ее появление сыграло огромную роль в чешско-словацком национально-освободительном движении за границей. Нельзя не согласиться с его мнением о том, что самостоятельная армия была одним из условий «дипломатического и политического успеха чешско-словацкого народа».[25] Упрочению положения Чешско-Словацкого национального совета за границей способствовало и доблестное поведение чешско-словацких солдат и офицеров на полях сражений Первой мировой войны.[26] Что касается позиции стран Антанты, то для автора было важным подчеркнуть, что Франция стала первой из держав Антанты, официально признавшей чешско-словацкую национально-освободительную акцию. В его работе отмечено, что, в первую очередь, правительство Третьей республики вело переговоры о создании самостоятельной Чешско-Словацкой армии, поскольку ожидало от этого усиления своих войск за счет чешско-словацких военнопленных. По мнению историка, созданная во Франции автономная Чешско-Словацкая армия стала в политическом и правовом плане первой самостоятельной чешско-словацкой армией.[27] Тем самым, автор стремится подчеркнуть, что Франция сыграла ведущую роль как в создании Чешско-Словацкой армии, так и в создании независимого Чехословацкого государства.

Присутствуют в межвоенной чешско-словацкой историографии и отдельные работы, посвященные военной акции во Франции. Как правило, они представляют собой жанр лекций и научных докладов.[28] Они затрагивают такие моменты, как

[24] Ibid. S. 4.
[25] Ibid. S. 5.
[26] Ibidem.
[27] Ibid. S. 30.
[28] *Eliáš A.* Vývoj a boje ČSL. Legií ve Francii. Šestá přednáška v cyklu o našem národním osvobození, pořádaném jednotami ČSOL. Praha, 1924. 23 s. ; *Kudela J.* Československé vojsko ve Francii. Praha, 1928. 30 s. ; *Štejdler F., Boháč*

становление контактов между представителями французской и чешской интеллигенции до Великой войны и в годы нее, военная акция чешской колонии в Париже и создание роты «Наздар», деятельность функционеров Чешско-Словацкого национального совета по организации автономной армии во Франции, в том числе, и принятие ОЧСНС решения об отправке из России на Западный фронт северным путем двух чешско-словацких эшелонов, история создания чешско-словацких частей во Франции и их участия в военных действиях, размышления об их роли в заграничном движении сопротивления. Зачастую на первое место в них выведено описание хронологической канвы событий. В большинстве случаев на первом плане представлено описание процесса формирования ее подразделений, в то время как позиция французской стороны по данному вопросу практически не раскрыта. Декрет о создании чешско-словацкой армии от 16 декабря 1917 г. рассматривается в них как значительный дипломатический успех ЧСНС, который демонстрировал поддержку французским правительством политической программы чешского заграничного сопротивления. Именно он сделал возможным ведение дальнейших переговоров в вопросе об организации военных подразделений. Из этой группы исторических сочинений следует выделить работу Л. Котика.[29] Ее автором дано подробное описание операции, проведенной частями французской армии в ходе сражения у Арраса, произошедшего 9 мая 1915 г. Труд Котика примечателен тем, что его автор упоминает об участии в сражении военнослужащих роты «Наздар» в рамках 2-го маршевого полка Иностранного легиона, вписывая таким образом историю данного подразделения в общий контекст событий Первой мировой войны.

Наконец, имеется ряд исследований, посвященных деятельности представителей Чешской колонии в Париже, а также истории роты «Наздар». Первопроходцем на данном направлении стал В. Войтех. В своей докторской

J., Bednařík F. Československé legie za světové války. Praha, 1928. 51 s. ; *Šteijdler F.* Ideový a vojenský význam československých legií. Brno, 1924. 28 s. ; *Idem.* Naše vystoupení v Rusku r. 1918. Praha, 1923. 85 s. ; *Tuček A.* Prvých tisíc branného odboje: k desítiletí vzniku České družiny na Rusi a setniny Na Zdar ve Francii. Praha, 1924. 38 s.

[29] *Kotík L.* Průlom v Artois dne 9. května 1915. První hrdinný boj československých dobrovolníků ve Francii. Praha, 1924. 40 s.

диссертации[30] он попытался составить подробный очерк основных этапов истории чешской колонии во Франции, начиная с основания в 1862 г. чешским политиком Й. В. Фричем «Чешско-Моравской беседы» и заканчивая эпохой сотрудничества членов колонии с ЧСНС в 1916 – 1917 гг. Им были рассмотрены такие вехи истории парижской колонии в годы мировой войны, как формирование ее внутренней организации, участие в военной акции Национального совета, отношения с лидерами национального движения.

В целом, для работ по истории чешско-словацкого заграничного сопротивления и организации войсковых частей в России и во Франции, вышедших в межвоенный период, характерна своеобразная героизация личностей Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника. Им, впрочем, как и представителям руководства чешских и словацких колоний во Франции и в России, принявшим их политическую линию, приписывается ведущая роль в процессе организации Чешско-Словацкого войска, а затем – и создания независимого государства.[31] В связи с такой ложной установкой весь комплекс событий раскрывается на основании описания действий, предпринятых в ходе создания национальной армии. Изучение других факторов, в том числе и позиции стран Антанты, зачастую носит подчиненный характер. Что же касается взглядов правительства, военных и дипломатических кругов Третьей республики, то следует отметить, что в большинстве случаев она предстает в качестве верного союзника ЧСНС. В преамбулах к своим научным работам, посвященным проблематике чешского национального движения в России и во Франции, чешские и словацкие историки межвоенного периода как правило описывали довоенные контакты этих двух народов, характеризуя их как в значительной степени повлиявшие на развитие чешской и словацкой идентичности и национальной мысли.

Исследование вопросов, связанных с участием чехов и словаков в Великой войне, а также с созданием в 1918 г. независимого государства, продолжалось и

---

[30] *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská v našem odbojí // Naše revoluce. 1926. Roč. IV. Sv. 1. S. 1 – 37 ; Sv. 2 – 3. S. 178 – 225.

[31] *Bartůšek J.* Štefánikova vojenská činnost. Praha, 1930. 36 s. ; *Herben J.* T. G. Masaryk. Díl II. Praha, 1927. 660 s. ; *Kopta J.* Štefánik. Praha, 1923. 33 s. ; *Pisecký F.* Generál M. R. Štefánik. Praha, 1929. 137 s.

после Второй мировой войны. Наиболее яркие работы, касающиеся этой проблематики, появились в период существования Чехословацкой Социалистической Республики.[32] Несомненно, что заметное влияние на их авторов оказала советская историография, в том числе тенденция представлять деятельность руководителей Чешско-Словацкого национального совета как сговор с западными союзниками России по Антанте. Зачастую взгляды историков данного периода достаточно тенденциозны: так, Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и М. Р. Штефаник часто предстают в качестве непосредственных исполнителей их намерения получить как можно больше рабочей силы и солдат для службы в армии. Стремясь предоставить в распоряжение стран-союзниц военнопленных, по мнению этих исследователей, они преследовали цель упрочить свое положение в правительственных и дипломатических кругах стран Антанты. Упоминаемые Масариком в его воспоминаниях переговоры с Сетон-Ватсоном и Стидом накануне его отъезда в Россию были охарактеризованы И. Веселы как подготовка к специальной миссии, целью которой было выяснить степень готовности России продолжать свое участие в войне.[33] Кроме того, Веселы полагает, что на момент прибытия Масарика в Петроград решение отправить корпус во Францию уже было окончательным и не подлежащим корректировке. С большой долей сомнения следует отнестись к трактовке Веселы и Ваврой принятого Т. Г. Масариком и его коллегами по Отделению Чешско-Словацкого национального совета постановления о включении Чешско-Словацкого корпуса в состав автономной Чешско-Словацкой армии во Франции. Они видят в этом решении формальный акт. Финансирование французской стороной отъезда корпуса из России трактуется этими историками как его «продажа» английским и

[32] *Краль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955. 280 s. ; *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России. 1917 – 1920. М., 1965. 182 с. ; *Vávra V.* Klamná cesta: přípravy a vznik protisovětského vystoupení československých legií. Praha, 1958. 277 s. ; *Idem.* Z Masarykovy kontrrevoluční činnosti v Rusku // Historie a vojenství. 1954. № 1. S. 84 – 144.

[33] *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России. С. 33.

французским империалистам,[34] или же плата за услуги, которые должны были оказать чешско-словацкие легионы западным державам Антанты.[35]

Словацкая историография рассматриваемого периода, посвященная рассматриваемой в диссертации проблематике, представлена работой Людовита Голотика «Штефаниковская легенда и возникновение ЧСР».[36] При ее написании автор достаточно подробно рассмотрел миссии Штефаника в Россию, опираясь на большое количество материалов, впервые введенных им в научный оборот. Большинство из них было опубликовано в приложении к его монографии. Согласно концепции Голотика, представители французского правительства и военных кругов начали проявлять интерес к военнопленным чешского и словацкого происхождения, захваченным странами Антанты и, в первую очередь, Россией, уже в первой половине 1916 г. Он обуславливался острой нехваткой людских ресурсов в Третьей республике.[37] По мнению историка, ее правительство никоим образом не связывало вопрос о военнопленных «с политическими проблемами чешского и словацкого народа».[38]

В 60 – 80-х гг. XX века в чешской и словацкой историографии наблюдается прогресс в изучении истории Чешских земель второй половины XIX – начала XX века. В это время по-прежнему сохранялся интерес к изучению заграничной акции чехов и словаков в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что для данного периода характерно появление трудов общего характера, обладающих более взвешенной оценкой заграничного движения сопротивления. К ним следует отнести книгу историка Карела Пихлика «Зарубежное сопротивление 1914 – 1918 гг. без легенд», а также его статью «Антиавстрийская деятельность чехов».[39] В них исследовались как деятельность чешских и словацких колоний в годы Великой войны, так и Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника по основанию в Париже Чешско-Словацкого национального совета. К этому же

[34] Там же. С. 35.
[35] *Vávra V.* Klamná cesta... S. 113 – 114.
[36] *Holotík L.* Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958. 513 s.
[37] Ibid. S. 142 – 143.
[38] Ibid. S. 144.
[39] *Píchlik K.* L'activité anti-autrichienne des Tchèques // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1969. Tome 16. № 1. P. 87 – 99 ; *Idem.* Zahraniční odboj 1914 – 1918 bez legend. Praha, 1968. 499 s.

времени относится написанная Пихликом в соавторстве с Властимилом Ваврой и Ярославом Кржижеком монография, посвященная судьбам чешских и словацких солдат на фронтах Первой мировой войны, а также военной акции ЧСНС в России, Франции и Италии.[40]

Другим крупным историком, посвятившим свои труды судьбам Чешско-Словацкого корпуса в России, является чешский историк-эмигрант Виктор Мирослав Фиц. Следует выделить его монографию «Революционная война за независимость и российский вопрос».[41] Она посвящена истории чешско-словацкого движения в России и формированию чешско-словацких подразделений, начиная с 1914 г. и вплоть до их отъезда с территории Украины в марте 1918 г. Характеризуя проекты по реорганизации русской армии и восстановлению боеспособности частей на Восточном фронте, говоря о степени участия в их разработке Масарика, историк отмечает, что на первых порах планы лидера ЧСНС совпадали с замыслами союзников. Однако стремительно ухудшающаяся политическая обстановка на Украине и в России способствовала расхождению взглядов, отстаивавшихся представителями стран Антанты и ОЧСНС.[42] Масарик понимал невозможность поддержки со стороны Национального совета какой-либо из действовавших в регионе сторон, будь то украинские националисты, Белое движение, представители стран Антанты или же большевики. Единственным выходом могла стать транспортировка корпуса во Францию.[43]

В современной чешской и словацкой исторической науке, помимо упоминания исследуемой тематики в ряде традиционных работ общего характера,[44] появились исследования, представляющие качественно новый взгляд

---

[40] *Pichlík K., Vávra V., Křížek J.* Červenobílá a rudá: vojáci ve válce a revolucí. 1914 – 1918. Praha, 1967. 471 s.
[41] *Fic V. M.* Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914 – 1918). New Delhi, 1977. 270 p.
[42] Ibid. P. 167.
[43] Ibid. P. 202.
[44] *Сайдлер И.* Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основание чехословацкого государства // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 50 – 56 ; Branná moc neexistujícího států // Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XIIb. 1890 – 1918. Praha, 2013. S. 686 –714 ; O samostatný československý stát, 1914 – 1918. Praha, 1992. 117 s. ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československšti legionáři (1914 – 1920). Praha, 1996. 282 s. ; Sak R. Anabáze: Drama československých legionářů v Rusku (1914 – 1920). Jinočany, 1996. 174 s. ; *Šedivý I.* Češi, České země a velká válka,

на проблематику французско-чешских отношений в годы Великой войны. Их авторы рассматривают не только традиционные сюжеты, связанные с деятельностью чешских и словацких организаций в России, Франции и Италии по формированию национальных воинских подразделений, но и исследуют восприятие представителями заграничного сопротивления политической и культурной жизни этих стран. Если говорить о Франции периода Третьей республики, то здесь наиболее распространенным направлением стало изучение влияния ее культуры и общественной мысли на становление личности Э. Бенеша как политика. В частности, данной тематике посвящено исследование Дагмар Гайковой и Евы Гайдиновой.[45] Источниковой основой для него послужила корреспонденция Э. Бенеша и его супруги Ганны Бенешевой, а также материалы дневников Бенеша, позволившие авторам проследить путь генерального секретаря Национального совета от статуса малоизвестного чешского эмигранта к высшим правительственным эшелонам Третьей республики.[46] Авторы статьи подчеркивают ведущую роль образа Франции в политических взглядах Бенеша, характеризуя его как своеобразный идеал, «светоч», пример, к которому стремился в разработке своих концепций устройства Европы этот чешский политик. В разделах, посвященных периоду Великой войны, акцент сделан на изменении восприятия Бенешем образов Франции и ее столицы, Парижа, в данный период.[47] Значительное место уделено и его контактам с представителями высшего света, интеллектуальных кругов Третьей республики, политическими и военными деятелями.[48] Однако, затрагивая сюжеты, связанные с деятельностью ЧСНС в Париже, Д. Гайкова и Е. Гайдинова обходят стороной вопрос о деятельности Э. Бенеша по организации автономной Чешско-Словацкой армии во Франции.

1914 – 1918. Praha, 2001. 492 s. ; *Urban O.* České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. 288 s.

[45] *Hájková D., Hajdinová E.* «Mais Paris demeure une phare…». La France dans la vie d'Edvard et Hana Beneš avant 1919 // Revue des Études Slaves. 2015. T. 86. Fasc. 4 : Relations franco-slaves. P. 449 – 472.

[46] Ibid. P. 449.

[47] Ibid. P. 454 – 470.

[48] Ibid. P. 462 – 466.

Присутствуют в современной чешской и словацкой историографии и отдельные работы по организации в странах Антанты чешско-словацких добровольческих частей. В частности, следует выделить статью М. Нехвatала «Рождение Чешско-Словацкой армии во Франции».[49] Статья является кратким очерком основных этапов развития чешско-словацкого движения сопротивления в годы Великой войны, а также касается политической и экономической ситуаций в Чешских и Словацких землях Австро-Венгрии непосредственно перед войной. При этом проблемы организации войсковых единиц в России и во Франции рассматриваются лишь поверхностно, историк повторяет уже имеющиеся в распоряжении исследователей факты и наработки прежних периодов. Так, автор придерживается одной из распространенных в работах по данной тематике точек зрения, согласно которой революционные события 1917 г. в России не только в значительной степени продвинули вперед организацию чешско-словацких частей, но и изменили отношение союзников к чешско-словацкому вопросу. В первую очередь, речь шла о Франции, правительственные, военные и дипломатические круги которой начали проявлять живой интерес к судьбе чешско-словацких солдат и офицеров.[50]

Достаточно тенденциозным представляется взгляд на историю формирования чешско-словацких частей, предложенный Вацлавом Вебером.[51] Точка зрения этого исследователя заключается в том, что ведущую роль в создании чешско-словацких воинских формирований сыграли Великобритания и Франция, а не Россия. Событиями, послужившими толчком к созданию чешско-словацких частей в составе армий стран Антанты, он считает демонстрацию представителей чешской колонии во Франции перед австро-венгерским посольством в Париже 27 июля 1914 г., а также собрание деятелей чешской колонии в Париже 29 июля.

[49] *Nechvatal M.* La naissance d'une armée Tchécoslovaque en France // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1993. № 169. P. 37 – 41.
[50] Ibid. P. 39.
[51] *Veber V.* O Československých legiích a potřebě tradice // Československé legie v Rusku: sbornik příspěvků z kolokviuma 9.5. 2001 v Praze. Praha, 2003. S. 6 – 15.

Именно тогда и было принято решение о заключении союза с французским правительством и помощи Франции в создании чешского легиона.[52]

Описывая ситуацию с образованием первых чешско-словацких воинских формирований, а затем и отдельного Чешско-Словацкого корпуса в составе Российской императорской армии, ученый отмечает, что движение чехов, проживавших в России, было плохо организовано. Вебер аргументирует свое суждение тем, что в Киеве перед войной выходил лишь один чешский журнал «Čechoslovan» («Чехослован») и существовала лишь одна чешская школа. Представители чешских колоний пошли на сотрудничество с царским правительством главным образом лишь потому, что боялись конфискации своего имущества.[53] Представляется, что точка зрения Вацлава Вебера является не совсем корректной, поскольку процесс вступления чехов и словаков в качестве добровольцев в Русскую императорскую армию и французскую армию происходил практически одновременно. Так, Чешская дружина в составе русской армии была сформирована приказом от 28 августа 1914 года. Практически одновременно парижские чехи приняли участие в мобилизации добровольцев в ряды Иностранного легиона (21 – 22 августа 1914 г.), а сама рота «Наздар» была сформирована в составе батальона «С» 31 августа 1914 г.[54]

Политике западных держав Антанты по отношению к чешско-словацкому вопросу уделяет место в монографии, посвященной национальному движению чехов и словаков в России и русской эмиграции в Праге, историк и журналист русского происхождения Иван Савицкий.[55] Рассуждая о позиции Франции и Великобритании, этот ученый отмечает, что до 3 марта 1916 г., дня, когда Т. Г. Масарик представил на рассмотрение А. Бриану свой меморандум о чешском вопросе, эти великие державы не проявляли к данной проблеме никакой заинтересованности. Вопрос о формировании чешско-словацкого войска, согласно его точке зрения, был ключевой составляющей программы, проводимой

[52] Ibid. S. 6 – 7.
[53] Ibid. S. 8 – 9.
[54] *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 6 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 143 – 144.
[55] *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914 – 1938. Praha, 1999. 271 s.

представителями заграничного сопротивления.[56] Первостепенную значимость для И. Савицкого имеет характеристика восприятия Т. Г. Масариком ситуации в России в годы Великой войны. Интересует его и тема организации в России чешско-словацких частей и переговоров Масарика с французскими военными представителями об отправке корпуса на Западный фронт в 1917 – начале 1918 г. Согласно концепции Савицкого, заинтересованность французских и британских военных представителей в Чешско-Словацком корпусе являлась частью их политики, направленной на поиск надежных военных ресурсов для стабилизации все более ухудшающейся обстановки на Восточном фронте.[57] Описывая события, связанные с приездом Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию, данный исследователь упоминает и о роли, которую сыграла французская военная миссия в ходе борьбы между ними. Автор указывает на различие точек зрения по чешскому вопросу, существовавших у посла Франции в Петрограде М. Палеолога и начальника французской военной миссии в России генерала М. Жанена. Савицкий полагает, что именно это обстоятельство мешало им организовать эффективное сотрудничество в деле решения чешско-словацкого вопроса. В частности, оно повлияло на отсутствие у них во время событий 1916 – начала 1917 г. четкой позиции по данной проблеме.[58]

Большое внимание уделяется военной и дипломатической деятельности одного из лидеров ЧСНС, словацкого политика и военного Милана Растислава Штефаника.[59] В частности, заслуживает внимание ряд статей, подготовленных известным словацким историком Богумилой Ференчуговой.[60] На основании

---

[56] Ibid. S. 38.
[57] Ibid. S. 42.
[58] Ibid. S. 44 – 45.
[59] *Holec R.* M. R. Štefánik – organizovanie a štátotvorná úloha Česko-Slovenských Legií // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat: zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4. – 5. mája 1999. Bratislava, 1999. S. 57 – 68 ; *Hronský M.* Milan Rastislav Štefánik – organizovanie a štátotvorná úloha Česko-Slovenských Legií // Ibid. S. 38 – 56 ; *Stanová Z., Faivre Dupaigre.* Ohromujúca vojenská a diplomatická kariéra Milana Rastislava Štefánika (1914 – 1918) vo svetle archívnych dokumentov v Château de Vincennes v Paríži // Ibid. S. 109 – 122 ; *Kautský E.* Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázniky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky. Martin, 2007. 295 s. ; *Mlynárik J.* Cesta ke hvězdam a ke svobodě. Praha, 1989. 275 s. ; *Štvrtecký Št.* Náš Milan Rastislav Štefánik. Bratislava, 1990. 305 s.
[60] *Ferenčuhová B.* Štefánik diplomat – medzi Francúzskom a Talianskom // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. S. 87 – 108 ; *Eadem.* Visions et diplomatie: Štefánik entre la guerre et la paix // Milan Rastislav Štefánik – astronome, soldat, grande figure franco-slovaque et européenne. Bratislava; Paris, 1999. P. 65 – 75 ; *Eadem.* M. R. Štefánik a česko-slovenské hnutie v zrkadle francúzskych diplomatických dokumentov // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. Bratislava, 2010. S. 129 – 150 ; *Eadem.* M. R. Štefánik a československé

обнаруженных во французских архивах документов, она исследует его дипломатическую и военную деятельность в годы Великой войны. Основное внимание в ее работах уделено исследованию переговоров Франции и Италии по чешско-словацкому вопросу на завершающем этапе. Изучает данный автор и проблемы, связанные с позицией правительства Третьей республики к чешскому и словацкому вопросам. Б. Ференчугова отмечает, что к моменту начала войны французские правительственные круги знали о существовании чешского и словацкого народов. Однако с целью добиться создания объединенного чешско-словацкого государства представителям заграничного сопротивления чехов и словаков следовало получить поддержку своей программе у военных и дипломатов Франции.[61]

Изучением личности Милана Растислава Штефаника, его контактов с правительственными, военными и дипломатическими кругами Третьей занимается и Михал Кшинян. Его статья «В единстве сила!»[62] посвящена первой миссии М. Р. Штефаника в Россию в 1916 – 1917 гг. Изучая отношение представителей российского МИД к деятельности Чешско-Словацкого национального совета, Кшинян отмечает, что часто используемые в исследованиях по данной теме при характеристике ориентации представителей чешско-словацкого национального движения термины «пророссийский» и «прозападный» не следует противопоставлять друг другу. В качестве доказательства он приводит утверждение, что об этом «свидетельствует оказываемая Штефанику поддержка со стороны военых кругов, которые не стали бы поддерживать ″антироссийских″ представителей.[63] Подметил автор и такую особенность дипломатии М. Р. Штефаника, как стремление использовать при достижении стоящих перед ним целей своих знакомых и друзей. Таким образом,

---

vojsko v Rusku (s dôrazom na roky 1916 – 1917) // Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie): kapitoly a príspevky z vedeckej konferencie s popularizačným akcentom. Bratislava, 2014. S. 13 – 26.

[61] *Ferenčuhová B.* Slováci, Francúzsko a vznik Československa v roku 1918 // Francie a zrození Československa: společná cesta k demokratické Evropě (1914 – 1925). Katalog z výstavy mapující československo-francouzské vztáhy za první světové války a v období první republiky do roku 1925. Praha, 2008. S. 44 – 74.

[62] *Кшинян М.* «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в 1916 – 1917 годы // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 104 – 118.

[63] Там же. С. 107.

полагает М. Кшинян, используя терминологию философа П. Бурдье, следует говорить о мобилизации М. Р. Штефаником «социального капитала» во время его деятельности по объединению заграничного сопротивления с национальным движением в России.[64] В свете этого он рассматривает противостояние между Дюрихом и Штефаником в России как борьбу двух противоположных групп.[65] Одно из центральных мест в тексте работы заняло освещение сотрудничества М. Р. Штефаника с начальником французской военной миссии в России генералом Морисом Жаненом.

Таким образом, следует отметить, что в чешской и словацкой историографии до сих пор отсутствуют фундаментальные труды, освещающие роль французского фактора в создании в составе Российской императорской армии чешско-словацких частей. Тем не менее, чешские и словацкие историки затрагивают в своих работах проблемы, связанные с миссиями в Российскую империю Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника, а также контактами этих деятелей с представителями французской военной миссии в России. Специалисты из Чехии и Словакии, как правило, освещают в своих трудах вопросы, связанные с участием частей Чешско-Словацкого корпуса в военных действиях в Сибири в годы Гражданской войны. Изучение этого круга проблем активно продолжается и в наши дни.

Отечественная историография. В отечественной научной литературе первые работы, посвященные изучению истории Чешско-Словацкого корпуса, возникли уже в годы Гражданской войны в России. Одной из них стало издание «Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам», выпущенное в 1918 г. в Москве книгоиздательством «Змий».[66] Его автором был Зезюлинский Николай Семенович (1879 – 1959) – российский журналист, писавший под псевдонимами «Н. Каржанский» и «В. Качанов».[67] В данной публикации среди прочих представлены материалы, касающиеся решения

[64] Там же. С. 108.
[65] Там же. С. 105.
[66] *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. М., 1918. 95 с.
[67] Там же. С. 1 ; *Тархова Н. С.* Указ. соч. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус в России. Т. 1. С. 30.

вопроса о переброске сформированных в России частей Чешско-Словацкого корпуса на Западный фронт. В раздел «Переговоры о перевозке чехов во Францию» включен ряд документов, раскрывающих процесс обсуждения представителями Временного правительства и командования российской армии вопроса о переброске части военнопленных из России во Францию.[68] В своей публикации Каржанский пытается дать собственную оценку описываемым им событиям с учетом привлечения новых источников. Следует отметить, что она немногим отличалась от ведущейся в то время в рядах Чешско-Словацкого корпуса официальной пропагандой ЧСНС. Так, причину медленного развития процесса организации чешско-словацких частей в Российской империи Н. С. Каржанский видел не только в бюрократических проволочках в аппарате царского правительства, но и в прямом противодействии успешному осуществлению данного дела со стороны ряда «германофильски» настроенных высокопоставленных чиновников и военных.

Однако активное исследование истории создания и деятельности в России Чешско-Словацкого корпуса началось уже после Гражданской войны. Интерес к данной проблематике проявляли как советские ученые, так и представители белого движения, эмигрировавшие из России. Ключевым вопросом в трудах межвоенного периода, посвященных истории корпуса, стало его участие в Гражданской войне. Прежде всего, их авторы пытались дать оценку той роли, которую сыграло руководство корпуса в антибольшевистской интервенции в Россию. Причем одни из них обвиняли его и самих чешско-словацких легионеров в предательстве, в то время как другие пытались оправдать их деятельность.

Если обратиться к эмигрантской литературе, то, на наш взгляд, наиболее наглядными примерами являются работы одного из крупнейших деятелей белого движения в Сибири генерал-лейтенанта К. В. Сахарова[69] и В. С. Драгомирецкого «Чехословаки в России (1914 – 1920)».[70] Однако изучение влияния французской стороны на организацию как в составе французской, так и русской армий чешско-

[68] *Каржанский Н.* Указ. соч. С. 68 – 84.
[69] *Сахаров К. В.* Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930. 142 с.
[70] *Драгомирецкий В. С.* Чехословаки в России, 1914 – 1920. Париж–Прага, 1928. 219 с.

словацких военных формирований, а затем передаче военнопленных чешского и словацкого происхождения во Францию и, тем более, сформированных чешских частей на Западный фронт проводится в работах этого периода крайне скудно.

Из работ представителей русской эмиграции, посвященных национальному движению «русских» чехов и словаков, отдельно следует упомянуть монографию В. А. Лазаревского.[71] На основании материалов из органов печати, выпускавшихся представителями колоний накануне и в начале Великой войны, а также выдержек из принятых ими постановлений, автор рассматривает процесс зарождения данного движения. В тексте работы акцент сделан на деятельности Союза чешско-словацких обществ в России, разногласиях и политической борьбе между членами его Правления. Немаловажным является и его освещение контактов между руководителями национального движения и правительственными органами Российской империи. Согласно точке зрения автора, в начале Первой мировой войны наблюдался «живой интерес русского общества и правительства к чешскому освободительному движению».[72] Причиной всевозможных препятствий, затруднений и задержек в деле организации на территории России чешско-словацкого войска, по мнению Лазаревского, была неуверенность российской стороны в том, каким именно образом сложится устройство будущего Чешского государства. Кроме того, пишет он, в правительственных кругах Российской империи присутствовали опасения относительно вопроса о том, какое место оно займет «в послевоенной европейской констелляции».[73]

Что же касается работ советских историков межвоенного периода, то среди них наиболее яркой является статья А. Попова «Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914 – 1917 гг.».[74] В ней рассматривается отношение Министерства иностранных дел Российской империи к чешско-словацкому вопросу. Согласно

---

[71] *Лазаревский В. А.* Россия и чехословацкое возрождение: Очерк чешско-русских отношений, 1914 – 1918 гг. Париж, 1927. 175 с.
[72] Там же. С. 20.
[73] Там же. С. 81.
[74] *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914 – 1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. 1929. Т. 2 (33). С. 3 – 33 ; Т. 3 (34). С. 3 – 38.

точке зрения Попова, они стали значимыми только с началом Первой мировой войны. В свою очередь идея возникновения независимого Чехословацкого государства реализовывалась чешскими политиками в двух совершенно противоположных направлениях – при помощи ориентации на Россию, или же при поддержке западных союзников – Великобритании и Франции.

Изучение истории Чешско-Словацкого корпуса, продолжалось в отечественной историографии и в послевоенный период. Именно в это время в советском славяноведении на первый план выходят вопросы, касающиеся влияния Октябрьского переворота на судьбы южных и западных славян, ее роль в образовании независимых славянских государств.[75] Возникла серия работ, посвященных участию славянских интернационалистических формирований в революционных событиях в России в 1917 г. и Гражданской войне 1918 – 1922 гг.[76]

Чешской и словацкой проблематике были посвящены труды выдающегося советского историка А. Х. Клеванского.[77] Его монография «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус»[78] является, по сути, единственным в отечественной историографии трудом, рассматривающим все аспекты истории создания в составе Российской императорской армии Чешско-Словацкого корпуса как отдельного воинского формирования. Так, А. Х. Клеванский стал первым советским ученым, который обратился к вопросам, связанным с проблемой военнопленных чешского и словацкого происхождения в России в годы Первой мировой войны. Он отмечает, что обращение Французской Республики к России с просьбой разрешить отправку на Восточный фронт части военнопленных было

---

[75] *Горяинов А. Н., Дьяков В. А.* Советские историко-славистические исследования. / Историография истории южных и западных славян // «Historic.ru: Всемирная история». URL: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000061/st022.shtml (дата обращения: 21.02.2016.).

[76] *Зеленин В. В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России, 1917 – 1921. М., 1977. 253 с. ; *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М., 1965. 412 с.

[77] *Клеванский А. Х.* Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914 – 1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов: сборник статей. М., 1965. С. 21 – 65 ; *Его же.* Из истории чехословацких политических организаций в России (1914 – февраль 1917 г.) // Ученые записки. 1963. Т. 25. С. 60 – 102 ; Т. 26. С. 226 – 269.

[78] *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914 – 1922. М., 1965. 395 с.

связано с серьезным недостатком людских резервов на Западном фронте.[79] Решение о переброске частей корпуса через Владивосток во Францию Клеванский объяснял «стремлением чехословацких буржуазных политиков выждать и выиграть время».[80]

Организация в составе Российской императорской армии Чешско-Словацкого корпуса и процесс принятия решения о переброске его частей на Западный фронт продолжают изучаться и в современной российской историографии.[81] В частности, эти вопросы ставит в своей кандидатской диссертации, посвященной истории Чешско-Словацкого корпуса,[82] Б. Н. Недбайло. Первый раздел его работы кратко описывает основные этапы истории формирования чешско-словацких частей в Российской империи в годы Великой войны. Здесь же характеризуется деятельность по организации войсковых частей в России Союза чешско-словацких обществ, а впоследствии – и ОЧСНС во главе с Т. Г. Масариком. Переговоры последнего с Временным правительством о переброске чешско-словацких войсковых единиц из России во Францию, по мнению этого исследователя, были вызваны, помимо стремления продемонстрировать державам Антанты политическую значимость чешско-словацкого национального движения, и другими причинами. Среди них он называет необходимость предотвратить их деморализацию, а также избежать серьезных потерь в рядах формируемого чешско-словацкого войска.[83] При этом, повествуя об обстоятельствах заключения соглашения между чешско-словацкой и французской сторонами, автор рассматривает проблему поверхностно.

Проблем образования частей Чешско-Словацкого корпуса в России в годы Первой мировой войны и их переброски на Западный фронт касается в своих работах израильский и российский историк Л. Г. Прайсман. В первую очередь,

---

[79] Там же. С. 42 – 43.
[80] Там же. С. 153.
[81] См., например: *Ефименко А. Р.* Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 17 – 22 ; *Захаров А. М.* Чехословацкие вооруженные формирования в составе русской армии и проблема складывания независимой Чехословакии (1914 – февраль 1918 г.) // Великая война 1914 – 1918. Альманах РАИПМВ. Вып. 2. М., 2013. С. 58 – 63.
[82] *Недбайло Б. Н.* Чехословацкий корпус в России (1914 – 1920): историческое исследование: дис. … канд. историч. наук 07.00.02. М., 2004. 228 с.
[83] Там же. С. 45.

следует выделить его статью «Чехословацкий корпус в 1918 г.»,[84] а также первую главу его монографии «Третий путь в Гражданской войне».[85] Автор подчеркивает, что в начале Первой мировой у союзников Российской империи – Франции и Великобритании – не было единых планов «в отношении политического будущего чешских и словацких земель».[86] Говоря об этом, Прайсман приводит неоднократно цитируемый отрывок из дневника посла Третьей республики в России Мориса Палеолога. В нем упомянуто о беседе, состоявшейся между российским министром иностранных дел Сазоновым, Палеологом и послом Великобритании в России Дж. У. Бьюкененом. Из содержания этой беседы следует, что французский посол выступал за проведение сепаратных переговоров с Австро-Венгрией, в то время как Сазонов выступал за раздробление монархии Габсбургов.[87] Таким образом, из анализируемого Л. Г. Прайсманом отрывка можно сделать вывод о том, что правительство Французской Республики не имело в начале войны какой-либо серьезной программы в решении чешского вопроса и допускало сепаратный мир с Австро-Венгрией.

Говоря о позиции представителей чешского движения сопротивления по отношению к вопросу об отправке корпуса во Францию, Прайсман отмечает, что «чешские политические деятели (…) считали, что единственный путь к созданию своего независимого государства пролегает через поля сражения во Франции», а «их стремление использовать корпус в боях с немцами во Франции совпадало с французскими интересами».[88] Нельзя не согласиться с его мнением о том, что провозглашение Чешско-Словацкого корпуса частью армии Третьей республики было достаточно продуманным шагом со стороны руководства ЧСНС. Он считает, что таким образом Масарик и его сторонники стремились защитить корпус «от эксцессов русской революции, от угрозы со стороны большевиков».[89] Касается ученый и вопроса, связанного с решением проблемы эвакуации корпуса

[84] *Прайсман Л. Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75 – 103 ; № 6. С. 54 – 76.
[85] Глава I. Восстание Чехословацкого корпуса. Участие чехословаков в Гражданской войне в России // *Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 г. на Волге. СПб., 2015. С. 20 – 96.
[86] Там же. С. 24.
[87] Там же.
[88] Там же. С. 31.
[89] Там же.

из России. Одной из причин требования союзников изменить направление эвакуации корпуса, отправив часть эшелонов через Мурманск и Архангельск, стало желание правящих кругов Третьей республики «как можно скорее получить этих солдат на фронт, где немцы наносили один удар за другим». Прайсман также пишет о том, что «союзники (…) желали располагать силами в районе Архангельска и Мурманска для отражения возможного немецкого удара из Финляндии или для борьбы с большевиками».[90]

Помимо комплексных исследований, посвященных Чешско-Словацкому корпусу и участию его частей в Гражданской войне в России, примерами которых могут послужить работы Б. Н. Недбайло и Л. Г. Прайсмана и ряд других трудов, в современной отечественной историографии присутствуют и работы, посвященные отдельным аспектам его истории. В первую очередь, в современном российском славяноведении широко исследуются вопросы, касающиеся миссий в Россию двух представителей ЧСНС – Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника. В частности, данные проблемы нашли свое отражение в вышедшем в 2001 году в Словакии сборнике статей – «Милан Растислав Штефаник: новый взгляд».[91] Он представляет собой плод сотрудничества российских и словацких ученых. В создании данной книги приняли участие сотрудники Института славяноведения РАН (В. К. Волков, Э. Г. Задорожнюк, Ю. В. Богданов, Е. П. Серапионова) и исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (З. С. Ненашева и Е. Ф. Фирсов). Сборник содержит материалы, освещающие научную деятельность Штефаника. Даны и весьма взвешенные оценки его участию в процессе создания Чешско-Словацкой армии во Франции в годы Первой мировой войны. В подготовке данной работы принял активное участие и словацкий историк Йозеф Гусар.

Из вошедших в сборник научных трудов особо следует выделить статью З. С. Ненашевой «Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское

[90] Там же. С. 43.
[91] Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд: сборник статей. Мартин, 2001. 157 с.

общественное мнение (весна 1916 – начало 1917 г.)».[92] Она посвящена истории развития словацкого вопроса в Российской империи в годы Первой мировой войны. Основной задачей политической деятельности Штефаника было изменение отношения российских правительственных кругов к чешскому и словацкому вопросам в России. В этом контексте З. С. Ненашева отмечает, что во время своей первой миссии в Россию этот выдающийся словацкий политик проявил себя как талантливый и искусный дипломат, который, будучи офицером французской армии, стремился решить поставленные перед ним вопросы в нужном для Парижа направлении.[93]

Не менее важны и интересны и иные работы З. С. Ненашевой, посвященные чешско-словацкому национальному движению и организации в России чешско-словацких войсковых частей.[94] Среди них особо следует выделить введение к первому тому сборника документов «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920». В нем наглядно представлены основные этапы создания данного воинского подразделения в составе Российской императорской армии.[95]

Весомый вклад в изучение вопросов, связанных с историей чешско-словацкой акции в годы Первой мировой войны, а также созданием Чешско-Словацкого корпуса в составе Российской императорской армии внес и Е. Ф. Фирсов.[96] В монографии «Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость

---

[92] *Ненашева З. С.* Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение // Там же. С. 83 – 109.

[93] Там же. С. 102 – 108.

[94] *Ненашева З. С.* Правовое положение военнопленных чехов и словаков в России в начале Великой войны (1914 – 1915 гг.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915. Материалы V международной научно-практической конференции (25 – 28 ноября 2015 г.). М., 2016. С. 607 – 620 ; *Ее же.* Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных. 1917 г. // Социальные последствия конфликтов и войн XX века. Историческая память. М; СПБ, 2014. С. 32 – 48 ; *Ее же.* Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и рельность // Современная Европа. № 7. 2017. С. 88 – 98 ; *Eadem.* Prvé kolo boja za pomlčku – ruské ministerstvo zahraničných veci, T. G. Masaryk a otázka politického osudu Slovákov počas prvej svetovej vojny // T. G. Masaryk a slováne. Praha, 2013. S. 55 – 71.

[95] *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 5 – 28.

[96] *Фирсов Е. Ф.* Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колонии в России в 1915 – 1917 гг.: Масарик или Дюрих // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 111 – 135 ; *Его же.* Борьба Т. Г. Масарика за национальную независимость в 1917 – 1918 гг. // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН – МГУ имени М. В. Ломоносова – МГПУ (8 – 10 сентября 2014 г.). Ч. 1. М., 2014. С. 257 – 261 ; *Его же.* Военно-дипломатические миссии генерала М. Р. Штефаника в Россию в 1916 – 1919 гг. (чешско-словацкие и геополитические аспекты) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: материалы международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 38 – 49 ; *Его же.* Восприятие Т. Г. Масарика в России и его геополитические ориентиры // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. М., 1998. С. 153 – 160 ; *Его же.* Словацкие сюжеты и знаменитый словак М. Р. Штефаник (по архивным

чехов и словаков»[97] он рассматривает развитие национального движения чехов и словаков в России. Согласно точке зрения этого исследователя, в ходе решения странами Антанты вопроса о политической судьбе чехов и словаков, «Россия стремилась отстаивать свои великодержавные интересы и свою линию внутри Антанты».[98] Автор монографии считает, что основной целью деятельности прибывшего в Россиию М. Р. Штефаника было «ослабление геополитического влияния России» в странах Центральной Европы.[99]

Заграничному сопротивлению и истории формирования чешско-словацких частей в России посвящен и ряд работ Е. П. Серапионовой.[100] Среди ее трудов можно встретить как произведения, затрагивающие общую проблематику национального движения чехов и словаков в годы Великой войны, так и посвященные деятельности ведущих его представителей. Наиболее яркими из них являются биографии К. Крамаржа, Т. Г. Масарика и М. Р. Штефаника.

Серьезный вклад в исследование происхождения и деятельности чешских и словацких диаспор в России внесли работы М. В. Ведерникова.[101] На основании новых, ранее не изученных материалов, в первую очередь, источников личного происхождения, он рассмотрел историю эмиграции чехов и словаков в

материалам России) // Меценат и мир. 2002. № 17 – 20. С. 508 – 518.

[97] *Фирсов Е. Ф.* Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012. 336 с.

[98] Там же. С. 159.

[99] Там же. С. 167.

[100] *Серапионова Е. П.* К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 120 – 136 ; *Ее же.* Карел Крамарж и Россия. 1890 – 1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. 512 с. ; *Ее же.* Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 16 – 25 ; *Ее же.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 322 – 339 ; *Ее же.* Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 357 – 373 ; *Ее же.* Чешский и словацкий народы в годы Первой мировой войны // История стран Центральной и Восточной Европы XX века. М., 1997. С. 58 – 62 ; *Ее же.* Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 1. С. 44 – 77 ; *Ее же.* Чехи и словаки в формирующемся Чешско-Словацком корпусе в России в годы Великой войны // Dvě století nacionalismu. Pocta prof. Janu Rychlíkoví. Praha, 2014. S. 314 – 328.

[101] *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. … канд. историч. наук 07.00.03. М., 2016. 273 с. ; *Его же.* Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6. С. 122 – 130 ; *Его же.* Становление политических институтов русских чехов в начале Первой мировой войны // Славянский альманах. 2016. № 3 – 4. С. 138 – 150 ; *Его же.* Участие МИД в организации чешско-словацкой акции на территории России в середине 1916 – начале 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2016. № 5. С. 60 – 74 ; *Его же.* Оформление чешского общественно-политического движения в России накануне Первой мировой войны // Клио. 2017. № 1. С. 71 – 80.

Российскую империю, а также политическую деятельность руководства чешских и словацких колоний в России в годы Великой войны. В своей работе автор приходит к выводу, что акция чешских и словацких обществ в России в начале Первой мировой войны была уникальным явлением, поскольку их представители создали основу для сопротивления Австро-Венгерской монархии фактически с нуля, при полном отсутствии ориентации на Запад.[102] Кроме того, в кандидатской диссертации М. В. Ведерникова достаточно подробно прослеживается позиция Министерства иностранных дел Российской империи по отношению к чешскому вопросу. Исследуя данную проблематику, он пришел к выводу, что российские дипломатические круги не имели конкретной программы по чешско-словацкому вопросу. Согласно его точке зрения, у правящих кругов Российской империи отсутствовала определенная стратегия в данной области.[103] Говоря о причинах принятия Т. Г. Масариком окончательного решения об ориентации чешско-словацкого сопротивления на западные державы Антанты, исследователь отмечает, что события Октябрьского переворота стали основным фактором, приведшим к отказу «от следования в фарватере российской политики».[104]

Сюжеты, связанные с чешско-словацким заграничным сопротивлением, затронуты и в книге В. В. Марьиной «Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек».[105] В ее второй главе была отражена деятельность Э. Бенеша в годы Первой мировой войны в Париже на посту генерального секретаря ЧСНС. Исследователь упоминает в том числе и о его переговорах с представителями правящих кругов Французской Республики в 1916 – 1917 гг., проводимой совместно со Штефаником деятельности по организации автономной Чешско-Словацкой армии во Франции.[106]

Упоминание о проводимой правительством Третьей республики политике в отношении чешского и словацкого вопроса отсутствует в трудах по истории русско-французских военно-стратегических и дипломатических отношений в

[102] *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России… С. 257.
[103] Там же. С. 255 – 256.
[104] Там же. С. 262.
[105] *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884 – 1948. М., 2013. 488 с.
[106] Глава 2. Первая мировая война. Вступление в практическую политику // Там же. С. 30 – 47.

годы Великой войны. Проблема участия командующего русского экспедиционного корпуса во Франции генерала Н. А. Лохвицкого в переговорах по вопросу об отправке части военнопленных чехов и словаков в них также не затрагивается. Остался в стороне и факт устройства на службу в штаб генерала Лохвицкого в качестве переводчиков представителей чешской колонии в Париже, офицеров Иностранного легиона Ивана Штафла и Рудольфа Аудрицкого.[107]

Из современных сочинений по истории взаимоотношений Французской Республики с Россией по вопросам ведения войны в 1914 – 1917 гг. следует выделить работы А. Ю. Павлова.[108] Согласно выдвинутой этим историком гипотезе, через военно-стратегическое взаимодействие между двумя великими державами шло осуществление координации военных действий на Западном (русском) и Восточном (французском) фронтах. Истоком для организации подобного сотрудничества, считает Павлов, стало стремление Франции и России ослабить позиции Германской и Австро-Венгерской монархий, в стратегическом плане имевших значительные преимущества перед союзниками. Одним из них, считает А. Ю. Павлов, была возможность Германии и Австро-Венгрии, используя свое центральное положение в Европе, осуществлять свободное маневрирование «войсками и военными ресурсами на внутренних коммуникациях».[109] Согласно точке зрения исследователя, несмотря на многочисленные попытки, Франции и России так и не удалось построить эффективную систему военно-стратегического сотрудничества. Причинами для этого стали «несовпадение сугубо национальных и общесоюзных интересов» этих великих держав; значительное расстояние между

---

[107] *Бабинцев В., Галкина Ю.* Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916 – 1917) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1. С. 241 – 254 ; *Их же.* «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 352 – 358 ; *Данилов Ю. Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. Париж, 1933. 247 с. ; *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношение России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. 367 с.

[108] *Павлов А. Ю.* «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М., 2011. 213 с. ; *Его же.* Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны. дис. … д-ра историч. наук 07.00.15. СПб., 2012. 321 с. ; *Его же.* Россия на межсоюзнических конференциях в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 25 – 31 ; *Его же.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914 – 1918. Альманах РАИПМВ. Вып. 3. М., 2013. С. 33 – 41.

[109] *Павлов А. Ю.* Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие… С. 30 ; *Его же.* Россия на межсоюзнических конференциях… С. 25.

Западным и Восточным фронтами, а также различие между ними в географическом плане. Серьезным препятствием для взаимодействия между Россией и Францией была и неосведомленность обеих сторон о положении своего союзника и имеющихся в его распоряжении ресурсах. В такой обстановке, полагает Павлов, в построении русского-французского сотрудничества по военным вопросам ведущую роль играли межсоюзнические конференции. Они стали важным инструментом, компенсировавшим отсутствие постоянного органа военного руководства у союзников.[110] Однако, затрагивая проблематику взаимоотношений между Францией и Россией в годы Великой войны, А. Ю. Павлов концентрируется исключительно на вопросе о координировании военных действий и военных поставках, не затрагивая вопросы о месте и роли славянских народов Центральной Европы в стратегических концепциях союзников.

Проблематика организации на территории России славянских воинских формирований нашла свое отражение и в работах Я. В. Вишнякова. Его труды посвящены организации сербских добровольческих частей в России, дипломатическому и военному положению Сербского королевства в годы войны.[111] Автор подчеркивает, что изучение истории организуемых на территории России славянских добровольческих формирований позволяет исследователю определить степень эффективности использования военнопленных в сражениях против Австро-Венгерской монархии, государства, подданными которого они являлись.[112] Интерес представляет и высказанная им точка зрения о том, что неоднократно происходившие в рамках данных добровольческих частей конфликты между военнослужащими сербского, хорватского и словенского происхождения на почве разногласий в вопросе о своем государственном

---

[110] *Павлов А. Ю.* Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие… С. 30 – 31.

[111] *Вишняков Я. В.* Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // *Вишняков Я. В., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. М., 2014. С. 47 – 61 ; *Его же.* Обреченная победа. Сербские реалии 1914 – 1915 гг. в оценках русского военного агента В. А. Артамонова // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева: сборник статей. М., 2017. С. 277 – 298 ; *Его же.* «Сербская Голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 52 – 59 ; *Его же.* Сербские добровольцы и Русская революция 1917 г. // Вестник МГИМО – Университета. 2017. № 5. С. 33 – 59 ; *Его же.* Сербы в русской армии в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 15 – 29.

[112] *Вишняков Я. В.* Сербы в русской армии… С. 15 – 16.

будущем уже тогда проиллюстрировали несостоятельность теорий объединения этих южнославянских народов в рамках одного государства.[113]

Значительное место в современной отечественной историографии уделено изучению проблем, связанных с положением Австро-Венгерской монархии в годы Первой мировой войны на международной арене, национальным движениям ее славянских народов, происходившим внутри данной державы дезинтеграционным процессам. В частности, этой тематике посвящен ряд работ С. А. Романенко.[114] Особое внимание следует уделить его статье «Распад многонациональных государств Центральной Европы в XX веке: Австро-Венгерская империя».[115] Основной ее темой является рассмотрение вопроса об устойчивости имперской системы государственности. Тем не менее, в своей работе С. А. Романенко рассуждает и о месте славянского вопроса в политике Антанты и Центральных Держав в годы войны. Интересен вывод автора о переплетенности исторических судеб Российской и Австро-Венгерской империй.[116] По мере того, как на протяжении последней трети XIX – начала XX в. отношения между двумя государствами ухудшались, Россия все в большей степени становилась своеобразным идеологическим и геополитическим фактором, который должен был определить вопрос о ее существовании или распаде. Во многом на это повлияло то обстоятельство, что большую часть населения монархии Габсбургов составляло славянское население.[117] Характеризуя политику царского,

---

[113] Там же. С. 28 – 29.

[114] *Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С.* Глава 13. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 415 – 471 ; *Романенко С. А.* Национальные революции в Австро-Венгрии и ее распад в представлениях большевиков // Чичеринские чтения. ″Революционный 1917 г.″: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2018. С. 131 – 146 ; *Его же.* Позиции социал-демократических партий Австро-Венгрии на совещаниях по подготовке международной социалистической конференции в Стокгольме // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): материалы международной конференции. Ставрополь, 2015. С. 178 – 185 ; *Его же.* Проблема Австро-Венгрии и южнославянский вопрос в политической борьбе в России (февраль – октябрь 1917 г.) // Российско-австрийский альманах. Исторические и культурные параллели. Вып. 5. Пятигорск, 2014. С. 188 – 216 ; *Его же.* Советская Россия и Австро-Венгерская монархия от октября 1917 года до Брест-Литовского мира // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 65 – 75 ; *Его же.* Среднеевропейская и балканская дилемма 1917 – 1918 гг.: Австро-Венгрия или Югославия? // Европейские сравнительно-исторические исследования. 2017. № 5. С. 157 – 180.

[115] *Романенко С. А.* Распад многонациональных государств Центральной Европы в XX веке: Австро-Венгерская империя // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 113 – 122.

[116] Там же. С. 113.

[117] Там же. С. 114.

Временного, а затем и большевистского правительств по отношению к Австро-Венгрии, С. А. Романенко отмечает, что она отличалась двойственным характером. Будучи политическим противником, а затем, в годы Великой войны, врагом монархии Габсбургов, российские правительственные и дипломатические круги не всегда являлись сторонниками концепции ее распада. После Февральской революции отношение российских политиков к вопросу о будущем Дунайской монархии во многом определялось конфликтами, происходившими в данный период между различными политическими партиями и течениями.[118]

Крайне редко рассматриваются чешские сюжеты в работах, посвященных истории России в годы Первой мировой войны. Их примером может послужить четырехтомная монография О. Р. Айрапетова «Участие Российской империи в Первой мировой войне».[119] Сюжеты, связанные с формированием Чешской дружины, этот историк рассматривает в контексте политики, проводимой командованием Русской императорской армии в начале войны, надеявшегося, что недовольство в славянских регионах монархии Габсбургов будет способствовать ослаблению ее армии.[120] В третьем томе книги Айрапетова присутствует и глава, посвященная обсуждению польского и чешско-словацкого вопросов российскими дипломатами и военными в 1916 г. Однако следует отметить, что упомянутые сюжеты рассмотрены в монографии поверхностно и зачастую сводятся к упоминанию фактов, связанных с историей формирования чешско-словацких частей.

Завершая рассмотрение отечественной историографии, посвященной Чешско-Словацкому корпусу, следует, на наш взгляд, сделать следующие выводы. История корпуса начала изучаться уже на завершающем периоде Первой мировой войны и в годы Гражданской войны. Исследование вопросов, касающихся истории создания в составе Российской императорской армии

---

[118] Там же. С. 114 – 115.

[119] *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 1 : 1914 год. Начало. М., 2014. 637 с. ; *Его же.* Участие Российской империи... Т. 2 : 1915 год. Апогей. М., 2014. 622 с. ; *Его же.* Участие Российской империи... Т. 3 : 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. 381 с. ; *Его же.* Участие Российской империи... Т. 4 : 1917 год. Распад. М., 2015. 413 с.

[120] *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи… Т. 1. С. 156 – 164.

чешско-словацких воинских частей активно продолжалось и позднее. Проблемами, связанными с корпусом, интересовались как непосредственные участники событий 1918 – 1922 г., так и советские исследователи. В основном, авторы этих работ концентрировали свое внимание на той роли, которую сыграли части Чешско-Словацкого корпуса в интервенции стран Антанты в Россию. Сюжеты, связанные с ролью французской стороны в истории формирования Чешско-Словацкого корпуса в России и политической деятельности его руководства, практически не затрагивались.

Сюжеты, связанные с возникновением на территории России чешско-словацких частей, получили свое освещение и в **английской и американской историографии**. В частности, из англоязычных работ межвоенного периода следует выделить монографию Генри Бэрлейна «Марш семидесяти тысяч».[121] Книга фактически представляет собой серию очерков, охватывающих период с начала Великой войны и вплоть до событий Гражданской войны в России, в которых приняли участие подразделения Чешско-Словацкого корпуса. Интересна сама концепция автора, рассматривающего проблему через призму деятельности американских чехов. Так, он начинает свое исследование с главы, посвященной организации в Нью-Йорке «американскими» чехами во главе с Э. Воской особой службы, занимавшейся раскрытием секретных данных, пересылаемых по австро-венгерским дипломатическим каналам, а также сотрудничеству Воски и его коллег с представителями британской разведки, его деятельности в революционной России.[122] Все же, основную часть работы Бэрлейн посвятил проблемам формирования подразделений Чешско-Словацкого войска в России. Возникновение у чехов идеи создания войска он связывал с издавна существовавшими у них глубокими патриотическими чувствами.[123] Основное внимание в разделах, посвященных «русским» сюжетам историк уделил образованию в России Чешской дружины и судьбам ее наиболее выдающихся

[121] *Baerlein H.* The March of the Seventy Thousand. London, 1926. 370 p.
[122] The Czechs' secret service in America // Ibid. P. 1 – 17.
[123] Ibid. P. 18.

военнослужащих.[124] Писал Бэрлейн и о политической составляющей чешско-словацкого национального движения в России, упоминая о деятельности Союза чешско-словацких обществ, контактов представителей организаций «русских» чехов и словаков, а также их военнопленных соотечественников с правительственными учреждениями Российской империи, установлении ими контактов с Чешско-Словацким национальным советом в Париже.[125]

Затронуты в монографии и нюансы, связанные с приездом Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию.[126] Однако они рассматриваются автором лишь в контексте участия этих деятелей в борьбе, происходившей в 1916 г. между представителями петроградской и киевской группировок чехов и словаков в национально-освободительном движении в России. В этом же контексте Генри Бэрлейн рассматривает и приезд Масарика в Россию, а также представляет характеристику основных пунктов его политической программы. О переговорах председателя ЧСНС с Альбером Тома и членами французской военной миссии в тексте работы упоминается лишь вкратце, а сама проблема отправки чешско-словацких воинских контингентов на Западный фронт не получила отдельного освещения.[127]

Интересна и выпущенная в период Второй мировой войны биорграфия Т. Г. Масарика, автором которой является Виктор Коэн.[128] Целью своего повествования автор обозначил рассмотрение становления Масарика как ученого и политика в контексте событий, происходивших как в самой монархии Габсбургов, так и на международной арене в середине XIX – начале XX в. В главах, посвященных событиям Первой мировой войны, Февральской революции и Октябрьского переворота в России, Коэн сосредотачивается на их характеристике и восприятии их Т. Г. Масариком. При этом акцент делается на политических взглядах председателя Чешско-Словацкого национального совета. Проводимой им работе по завершению формирования войска в России автор уделил крайне мало места.

---

[124] Ibid. P. 25 – 34.
[125] Ibid. P. 41 – 43.
[126] Ibid. P. 49 – 56.
[127] Ibid. P. 79.
[128] *Cohen V.* The Life and Times of Masaryk, the President-Liberator. A biographical study of Central Europe since 1848. London, 1941. 262 p.

Решение Масарика и его коллег по ОЧСНС отправить войско из России во Францию было, по мнению автора, единственным решением, которое позволило бы сохранить его единство на фоне все более ухудшающейся политической обстановки в России.[129]

Исследование английскими и американскими историками вопросов, связанных с чешско-словацким заграничным сопротивлением, продолжалось и в послевоенное время. Так, история формирования Чешско-Словацкого корпуса в России и участия его подразделений в Гражданской войне достаточно подробно описана в монографии профессора Манчестерского университета Джона Фрэнсиса Нейеза Брэдли.[130] Как и книга Бэрлейна, она имеет широкие хронологические рамки, затрагивая периоды Первой мировой и Гражданской войн. В качестве преамбулы к своему сочинению Брэдли представляет главу, в которой дается повествование о русско-чешских отношениях в XIX в. и в предвоенный период, становление которых историк связывает с распространением идеологии панславизма.[131] Монография дает не только широкую картину эволюции отношения к России ведущих чешских и словацких политиков XIX в., но и касается проблемы восприятия ими Российской империи в начале мировой войны как возможного освободителя Чешских земель. Затрагиваются и вопросы, связанные с участием чехов и словаков в военных действиях в составе австро-венгерских воинских подразделений, организацией первой публичной антиавстрийской манифестации в Праге 22 – 23 сентября 1914 г. Свое повествование в данной части работы автор строит на материалах австрийских архивов.[132] Достаточно обширный раздел посвящен «русским» чехам и словакам, в первую очередь, деятельности их обществ в годы войны.[133]

Повествует Дж. Брэдли и о миссиях Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию. Согласно его концепции, при подготовке в Париже данных миссий, значительную роль играли позиции именно французской стороны. Отправка в Петроград и

[129] Ibid. P. 185.
[130] *Bradley J. F. N.* La légion Tchécoslovaque en Russie, 1914 – 1920. Paris, 1965. 151 p.
[131] Ibid. P. 9 – 10.
[132] Ibid. P. 23 – 29.
[133] Ibid. P. 29 – 36.

Могилев заместителя председателя ЧСНС и его коллеги представлены им как «следствие определенных желаний французской Главной квартиры».[134] В первую очередь французская сторона была заинтересована в чехах и словаках как в источнике рабочей силы и возможного пополнения истощенных рядов вооруженных сил Третьей республики. Данная тенденция, по мнению исследователя, сохранялась и после Февральской революции и Октябрьского переворота. При этом на тот момент французские правительство и верховное командование, подчеркивает в своей монографии Брэдли, не собиралось поддерживать деятельность, проводимой как чешскими и словацкими деятелями, так и представителями интеллектуальных кругов иных славянских народов. Это и стало серьезной ошибкой в проводимом британской и французской дипломатией политическом курсе, направленном на стабилизацию положения на Восточном фронте, в котором особое внимание уделялось казачеству и организуемым на Дону добровольческим формированиям.[135] Более того, полагал Брэдли, первостепенное влияние на разрабатываемые французской стороной планы по отношению к Чешско-Словацкому корпусу оказывали идеи самого Т. Г. Масарика.[136]

Интерес представляет и статья Брэдли «Франция, Россия и чешско-словацкая независимость в 1918 году».[137] В ней он заявляет о необходимости пересмотра концепции, согласно которой чешский и словацкий вопросы занимали ключевое место при решении западными державами Антанты вопроса о судьбе Австро-Венгерской монархии, а Французская Республика считалась «главным действующим лицом» в деле предоставления независимости чешскому и словацкому народам.[138] Историк отмечает, что французские политики вплоть до ноября 1917 г. «не изменяли своему спокойствию относительно чешского вопроса», несмотря на поступавшие от представителей заграничного

[134] Ibid. P. 38.
[135] Ibid. P. 62 – 63.
[136] Ibidem.
[137] *Bradley J.* La France, la Russie et l'indépendance tchécoslovaque en 1918 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1969. T. 18. № 2. P. 189 – 202.
[138] Ibid. P. 189 – 190.

сопротивления, а затем – и итальянских премьер-министра и министра иностранных дел ходатайств о признании чешско-словацкого дела.[139] Значительное место в данной работе уделено и полемике об использовании Чешско-Словацкого корпуса в ходе организации интервенции в Россию, которая имела место среди ведущих деятелей французского и английского правительств.[140]

Сюжеты, связанные с рассматриваемой в научно-квалификационной работе проблематикой, были затронуты и в монографии известного американского историка Бетти Миллер Антербергер.[141] В частности, предметом ее исследования, созданного под впечатлением событий «Пражской весны» 1968 г., ввода войск Варшавского договора в Чехословакию и происходившего в стране курса «нормализации», является определение той роли, которую сыграли правительство Соединенных Штатов и непосредственно сам президент В. Вильсон в осуществлении поддержки чешско-словацкого движения сопротивления. По мнению исследователя, именно она прямым образом способствовала распаду Австро-Венгерской монархии и возникновению независимого Чехословацкого государства.[142] Вводная глава книги Б. М. Антербергер содержит краткую характеристику заграничного сопротивления, основных вех деятельности его лидеров – Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника. Основная часть работы посвящена политике США по отношению к Австро-Венгрии и чешскому вопросу, в частности. Контакты Т. Г. Масарика и его коллег с представителями французской стороны отодвинуты на второй план, а проблема формирования чешско-словацких войсковых единиц для России и Франции не выделяется автором в отдельную проблему.

О пребывании Масарика в России в 1917 – начале 1918 г. упоминается и в ряде работ общего характера, посвященных анализу событий, приведших к революционным событиям 1917 г. в России. Наиболее примечательной из них

---

[139] Ibid. P. 191.
[140] Ibid. P. 194 – 190.
[141] *Unterberger B. M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill; London, 1989. XIV, 463 p.
[142] Ibid. P. XI.

является труд американского историка Дж. Суэйна «Истоки российской Гражданской войны».[143] Достаточно примечательным является его восприятие происходивших в 1917 – 1918 гг. в России событий. Согласно его точке зрения, Гражданская война в России должна рассматриваться не только как борьба между большевиками и представителями Белого движения, но также как конфликт между большевиками и социалистами, в первую очередь, эсерами. По мнению Суэйна, его началом является формирование А. Ф. Керенским в сентябре 1917 г. третьего коалиционного состава Временного правительства.[144] Именно в рамках сотрудничества представителей чешско-словацкого заграничного сопротивления в России с представителями умеренных социалистических партий Суэйн пытается рассматривать проблематику, связанную с участием корпуса в событиях Гражданской войны.[145] Касается автор и более ранних периодов истории Чешско-Словацкого корпуса в России, упоминая, в том числе, и о деятельности Т. Г. Масарика. Одной из тем, достаточно подробно рассмотренных в монографии Суэйна, стала организация в июне 1917 г. миссии в Россию известного британского писателя и разведчика Сомерсета Моэма. Историк достаточно подробно описал его контакты с представителями «американских чехов» – Э. Воской, Р. А. Коуколом, Й. Мартинеком и В. Шварцем, М. Р. Штефаником, равно как и с представителями иных славянских народностей.[146] Согласно его мнению, ведущую роль в разработке проектов использования частей корпуса для возобновления военных действий на Восточном фронте сыграли именно Моэм и прибывшие с ними чешские представители. Джеффри Суэйн полагает, что именно этим деятелям удалось убедить Масарика в необходимости ведения переговоров о координации сил с представителями поляков и казаков в Киеве, а также заручиться поддержкой в продвижении этого вопроса со стороны военного министра генерала А. И. Верховского. Таким образом, Суэйн стремился

[143] *Swain G.* The origins of the Russian Civil War. London; New York, 1996. 296 p.
[144] Ibid. P. 3 – 6.
[145] Ibid. P. 8.
[146] Ibid. P. 104 – 105.

подчеркнуть их ведущую роль в разработке планов использования Чешско-Словацкого корпуса для восстановления Восточного фронта.[147]

Возникновение автономной чешско-словацкой армии привлекает внимание и **французских ученых**. Однако исследований, посвященных данной тематике, во французской историографии встречается крайне мало. В основном, данным работам свойственно лишь поверхностное освещение темы.

Едва ли не единственным крупным исследованием межвоенного периода является монография Ш. Анри и Ф. де Меана «Чешско-Словацкая армия».[148] Характеризуя ее содержание, следует отметить, что свои выводы авторы во многом заимствовали из современной им чешской и словацкой историографии. Так, уже во введении к данной работе Ш. Анри рассматривает чешско-словацких солдат как борцов за национальные идеалы своего народа.[149] В этом отношении уже показательна первая глава книги, представляющая краткий очерк истории Чешских и Словацких земель до начала Великой войны. Основное внимание в ней авторы уделили сюжетам, связанным с борьбой за национальную идентичность чешского народа. В качестве таковой они, в частности, воспринимали деятельность представителей гуситского движения в Чехии, и, в первую очередь, полководца Яна Жижки. Как и представители официальной историографии межвоенной Чехо-Словацкой республики, Ш. Анри и Ф. де Меан полагают, что качества, которые Жижке удалось сформировать у своих воинов, сохранились у чехов и в XIX и XX вв., что проявилось в создании «Сокольского движения», а затем – и чешско-словацких подразделений в годы Великой войны.[150]

В последующих главах авторами освещены основные этапы чешско-словацкого внутреннего и заграничного сопротивления. Процесс формирования подразделений на Западном (во Франции и в Италии) и Восточном (России) фронтах раскрывается в двух отдельных главах. При этом следует отметить, что, по сути, работа Ш. Анри и Ф. де Меана представляет собой краткий очерк

---

[147] Ibid. P. 107.
[148] *Henry Ch., De Méans F.* L'Armée Tchécoslovaque. Paris, 1928. 208 p.
[149] Ibid. P. 16 – 17.
[150] Ibid. P. 21 – 22.

истории чешско-словацкого заграничного сопротивления и деятельности Т. Г. Масарика, Й. Дюриха, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника по формированию Чешско-Словацкой армии. В работе подчеркивается ведущее значение Франции в осуществлении данного процесса. Так, авторы делают акцент на том, что именно в Париже, центре «революционной» акции Чешско-Словацкого национального совета, возникла идея создания чешско-словацкого войска.[151]

Кроме того, упоминание о деятельности ЧСНС и его контактах с правительством Третьей республики и командованием ее армии можно встретить и в работах по внешней политике Французской Республики в годы Первой мировой войны, вышедших из-под пера А. Пинго[152] и П. Ренувена.[153] Чешский и словацкий вопросы были рассмотрены данными историками в контексте политики Австро-Венгрии, осуществляемой по отношению к национальным меньшинствам дуалистической монархии. Затронуты были и проблемы, связанные с рассмотрением дипломатическими и правительственными кругами Франции и Великобритании исходивших от австро-венгерской стороны и лично от императора Карла I предложений о сепаратном мире.[154] Так, исследуя данную проблему, Пьер Ренувен утверждает, что политики держав Антанты активно заинтересовались деятельностью представителей движений сопротивления национальных меньшинств Австро-Венгрии начиная с апреля 1918 г. Поводом для принятия подобного решения стала очевидная невозможность ведения дальнейших переговоров с правительством дуалистической монархии. По мнению историка, на решение держав Антанты поддержать лозунги о необходимости распада Австро-Венгрии повлияло и изменение позиции Италии по отношению к югославянскому вопросу в связи с поражением ее армии при Капоретто. Поддержка правительствами Великобритании, Франции и Италии югославянского, польского и чешско-словацкого движений, по мнению Ренувена,

---

[151] Ibid. P. 66.
[152] *Pingaud A.* Histoire diplomatique de la France pendant la Grande Guerre. En 3 t. Paris, 1938. 3 t.
[153] *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. T. VII : Les crises du XXe siècle. Vol. 1 : De 1914 à 1929. Paris, 1957. 376 p. ; *Idem.* La crise européene et la Grande Guerre. 1904 – 1918. Paris, 1934. 640 p. ; *Idem.* La Première guerre mondiale. Paris, 1965. 128 p.
[154] *Renouvin P.* La crise européene... P. 251 – 252; 449 – 456.

было продиктовано чисто стратегическими соображениями, в первую очередь, стремлением ослабить австро-венгерскую армию.[155] При этом Ренувен не касается проблем, связанных с возникновением чешско-словацких частей во Франции и в России, упоминая лишь о принятии союзниками 8 мая 1918 г. решения о транспортировке частей Чешско-Словацкого корпуса через Архангельск и Владивосток.[156]

Подробная характеристика отношения французской стороны к проблеме образования в России и во Франции чешско-словацких войсковых единиц отсутствует и в таком значительном для межвоенной французской историографии истории Первой мировой войны труде, как подготовленное сотрудниками Генерального Штаба и Исторической службы Министерства обороны Французской Республики 11-томное издание «Французские армии в Великой войне».[157] Данная коллективная монография посвящена военно-стратегическому сотрудничеству правительства Третьей республики со своими союзниками по Антанте, а также подробному описанию хода военных действий на Западном фронте. Деятельность Чешско-Словацкого корпуса упоминается в ней лишь в контексте событий Гражданской войны в России, в первую очередь, в связи с конфликтом между чешско-словацкой стороной и большевиками, Челябинским инцидентом, военными действиями частей корпуса в Поволжье и Сибири против местных советов и обсуждением представителями стран Антанты вопроса о военной интервенции в Россию.[158]

Ряд трудов, посвященных истории возникновения Чехо-Словацкой Республики и военному сотрудничеству французской и чешско-словацкой сторон, существует и в современной историографии. Наиболее примечательными из них являются работы историка Антуана Маре. Основной тематикой его исследований

---

[155] Согласно Лондонскому договору 1915 г., правительства держав Антанты согласились на предоставление Италии части адриатического побережья Австро-Венгрии, в связи с чем предоставление южнославянским народам права создания независимого государства было нежелательным для итальянской стороны. Поражение при Капоретто, считает Пьер Ренувен, показало правительству Италии необходимость «ослабить австро-венгерскую армию, спровоцировав измену южных славян». См.: Ibid. P. 525 – 526.

[156] Ibid. P. 527.

[157] Les armées françaises dans la Grande Guerre. En 11 t. Paris, 1922 – 1939. 11 t.

[158] Les armées françaises... T. VII : La campagne offensive de 1918 et la marche au Rhin. 18 juillet 1918 – 28 juin 1919. Vol. 1 : 18 juillet – 25 septembre 1918. Paris, 1923. P. 38 – 39.

являются французско-чешские дипломатические, культурные и экономические контакты в XIX – первой половине XX века, установление и развитие дипломатических связей между Францией и Чехо-Словакией в межвоенный период, восприятие интеллектуальными кругами Франции идей руководителей чешско-словацкого заграничного сопротивления и их место в европейской политической мысли XX века.[159]

Согласно точке зрения Маре, Первая мировая война стала своеобразным катализатором для расширения прежних контактов между чешским и французским народами, которые, по его мнению, стали возможны благодаря схожести идеалов чешского национального движения XIX в. с идеалами Третьей республики.[160] При этом, несмотря на явные симпатии ряда представителей интеллектуальных кругов Французской Республики к чешскому вопросу, в начале Первой мировой войны они не имели какого-либо значения для развития политических контактов между чешско-словацким национально-освободительным движением и Францией. Поскольку чешский вопрос не был одним из центральных направлений французской внешней политики, важную роль в становлении контактов между чешскими и словацкими эмигрантами и французскими политиками, учеными и общественными деятелями зачастую играл фактор личных связей. Маре также полагает, что не последнюю роль в развитии чешско-французских отношений в годы Великой войны играло и вероисповедание. Он отмечает тот факт, что большинство представителей французской политической элиты, поддержавшей чешско-словацкое заграничное сопротивление, были, за редчайшим исключением, протестантами, что в значительной степени подкрепляло близость их взглядов к культурным идеалам чехов.[161] Создание автономной чешско-словацкой армии во Франции Антуан Маре рассматривает как серьезный «″качественный сдвиг″ в отношениях между

[159] *Marès A.* Československo-francouzské vztahy, seismograf Evropy od první světové války do Locarna (1914 – 1925) // Francie a zrození Československa... S. 76 – 106 ; *Idem.* Les Français et Thomas Garrigue Masaryk // Ibid. 1988. Tome 16. № 1. P. 559 – 586 ; *Idem.* Milan Rastislav Štefánik – réflexions sur une trajectoire centre-européenne // Milan Rastislav Štefánik – astronome... P. 13 – 20 ; *Idem.* Mission militaire et relations internationales: l'exemple franco-tchécoslovaque. 1918 – 1925 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1969. Tome 30. № 4. P. 559 – 586.
[160] *Marès A.* Československo-francouzské vztáhy... S. 76 – 77.
[161] Ibid. S. 78.

чешской эмиграцией и французами», а сам декрет от 16 декабря 1917 г. – де факто дипломатическим признанием движения сопротивления. В переговорах, проводившихся Бенешем в конце 1917 – 1918 гг. о судьбе чешско-словацких частей в России и во Франции первостепенное значение приобрела дипломатическая сторона вопроса и, в первую очередь, признание французскими правительственными кругами права чехов и словаков на создание собственного государства, в то время как военные аспекты были отведены на второй план.[162] Что же касается отношения французской политической элиты к вопросу о расформировании Австро-Венгрии и достижении чешским и словацким народами суверенитета, то оно, по мнению исследователя, было неопределенным вплоть до весны 1918 г., благодаря господству у ведущих французских политических деятелей мысли о возможности заключения сепаратного мира союзников с дуалистической монархией.[163]

Процесс становления контактов между правительством Французской Республики и Чешско-Словацким национальным советом был затронут Антуаном Маре в исследовании, посвященном деятельности французской военной миссии в Чехословакии в межвоенный период. Здесь он вновь касается декрета о создании автономной чешско-словацкой армии во Франции. Историк считает, что его принятие было выгодно как французской, так и чешско-словацкой стороне. Лидеры заграничного сопротивления рассматривали декрет в качестве своего первого дипломатического успеха, в то время как правительство Третьей республики могло считать факт образования на своей территории автономной чешско-словацкой армии в качестве залога для удовлетворения его собственных чаяний и амбиций. Свою точку зрения Маре объясняет тем, что обеспечение организации данного войска и его участия в дальнейших военных действиях французской стороной на деле представляло собой первый этап в установлении ее

[162] Ibidem.
[163] Ibid. S. 79.

контроля над формирующимися вооруженными силами будущего чешско-словацкого государства.[164]

Присутствуют в современной французской историографии и работы, посвященные деятельности руководителей Чешско-Словацкого национального совета. Наиболее часто исследователи обращаются к фигуре Милана Растислава Штефаника, французского гражданина и офицера армии Третьей республики. Наглядным примером подобных сочинений является статья Эммануэль Брод «Источник создания чешско-словацкой армии во Франции: генерал Милан Растислав Штефаник».[165] Она представляет собой описание деятельности Штефаника в годы Великой войны. Исследование было проведено на основании документов из его личного дела, отложившихся в архиве Исторической службы французского Министерства обороны, начиная с призыва словацкого ученого в армию Третьей республики 2 августа 1914 г. и кончая его гибелью 4 мая 1919 г. Среди проблем, затронутых автором, упоминается не только военная, но и дипломатическая деятельность Штефаника, в том числе и его две поездки в Россию в 1916 – 1917 гг. и в 1919 г. При этом основное внимание в своей работе Э. Брод уделила военной карьере этого словацкого деятеля, в то время как цели его поездок в Россию, Румынию, Италию и США, его контакты с дипломатическими и военными деятелями данных государств были освещены достаточно скудно.

Сюжеты по истории чешской колонии в Париже, ее инициатив в годы Великой войны, а также связанные с участием ее лидеров и рядовых членов в деятельности ЧСНС и создании собственной национальной армии впервые во французской историографии были затронуты в работах Жана-Филиппа Намона.[166] Первая глава его монографии «История чешской и словацкой эмиграции во Франции (1914 – 1940)» посвящена истории возникновения основных органов

---

[164] *Marès A.* Mission militaire et relations internationales... P. 560.

[165] *Braud E.* À l'origine de la création de l'armée tchécoslovaque en France: le général Milan Rastislav Štefánik // Revue historique des armées. 2009. № 255 : Les étrangers dans l'armée française. P. 79 – 83.

[166] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. Une histoire de l'immigration tchèque et slovaque en France (1914–1940). Paris, 2011. 411 p. ; *Idem.* La Colonie Tchécoslovaque en France pendant la Première guerre mondiale // Guerres mondiales et conflits contemporaines. 2004. № 216. P. 41 – 57.

чешской колонии во Франции, деятельности ее представителей в годы Первой мировой войны, происходившей между ними политической борьбе, признанию колонией политической линии Т. Г. Масарика, сотрудничеству ее представителей с Чешско-Словацким национальным советом.[167] Исследователь полагает, что вступление в 1914 г. проживавших в Париже чехов и словаков добровольцами в Иностранный легион стало результатом влияния, оказанного на них французскими «чехофилами» и рядом представителей политической элиты Чешских земель.[168]

Период создания автономной чешско-словацкой армии был затронут автором монографии исключительно в контексте деятельности ведущих функционеров чешской колонии в Париже, в том числе, и освещении той роли, которую они сыграли в образовании автономного войска во Франции. Однако Намон, рассматривая эти сюжеты, уделяет значительное место описанию фактов и событий, связанных с переговорами Э. Бенеша с членами правительства, военными и дипломатами Третьей республики, в то время как их более глубокая характеристика в этой части работы отсутствует. Историк обходит стороной и такую важную проблему, как отношение французского правительства к поездкам М. Р. Штефаника и Т. Г. Масарика в Россию.[169]

Анализ наиболее значимой литературы, раскрывающей влияние французского фактора на весь комплекс проблематики, связанной с Чешско-Словацким корпусом, показывает, что исследователи, как правило, выделяют два аспекта. Речь идет об определении роли стран Антанты и, в первую очередь, Франции в процессе создания в составе русской армии отдельного Чешско-Словацкого корпуса, об оценке политической деятельности его руководства в годы Гражданской войны в России. На основании рассмотренных работ можно сделать следующие выводы.

---

[167] Des associations tchèques à la Colonie tchècoslovaque (1862 – 1918) // *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchècoslovaque. P. 27 – 114.
[168] Ibid. P. 20.
[169] Ibid. P. 105 – 113.

Во-первых, следует отметить, что в историографии, посвященной истории создания на территории стран Антанты чешско-словацких войсковых единиц, отсутствуют работы, целиком посвященные изучению влияния правительства Франции, ее дипломатических и военных кругов на процесс создания Чешско-Словацкого корпуса. Тем не менее, в работах, затрагивающих разные аспекты истории Великой войны, присутствуют наблюдения, касающиеся этих сюжетов. Чаще всего авторы вполне обоснованно пишут о деятельности лидеров ЧСНС (в первую очередь, Т. Г. Масарика, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника) по установлению политических контактов с французскими правительственными кругами. Чешские, и особенно словацкие, историки затрагивают и сюжеты, связанные с дипломатической активностью М. Р. Штефаника в России, Италии и Румынии, направленной на решение вопроса о чешских и словацких военнопленных и создание автономной чешско-словацкой армии. Упоминаются чешскими и словацкими, а также отечественными исследователями, и переговоры, проводившиеся между Советским правительством, французскими дипломатическими и военными представителями и руководством Отделения ЧСНС в России об условиях транспортировки корпуса на Западный фронт. Следует также отметить, что практически во всех монографиях перед исследователями неизменно стоит вопрос об оценке использования Чешско-Словацкого корпуса на Восточном фронте. В них часто приводятся точки зрения дипломатов и военных стран Антанты. Однако подходы, присутствующие в данных трудах, требуют, на наш взгляд, уточнения и привлечения новых документов и материалов, а также их более глубокого изучения. Наличие обширной базы источников, доступных современному исследователю, позволяет это сделать.

1.2. Характеристика источников

Источники, использованные для написания диссертационной работы, можно условно разделить на несколько групп. Среди них можно выделить архивные материалы, публикации документов, материалы периодических изданий, источники личного происхождения.

Переходя к описанию **архивных источников**, следует отметить то обстоятельство, что они весьма многочисленны, но отложились в различных единицах хранения отдельных архивных коллекций.

Материалы *Архива внешней политики Российской империи*, в первую очередь, представлены документами, находящимися в нескольких фондах. Собрание фонда «Особый политический отдел»[170] важно для исследователей, в первую очередь, тем, что в нем сохранилось значительное количество материалов, свидетельствующих об интенсивных контактах ведущих деятелей чешско-словацкой акции с российскими дипломатическими представителями. Присутствует здесь и ведомственная переписка между российскими дипломатическими представителями, посвященная формированию чешско-словацких частей во Франции, Италии и США. Среди источников, вносящих несомненную новизну в рассматриваемую в данной работе проблематику, следует, в первую очередь, выделить документы, проходившие по линии российского Министерства иностранных дел, адресованные товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову, о направлении во Францию чешских и словацких добровольцев для работы на заводах и службы в армии Третьей республики.[171]

Кроме того, были использованы документы, отложившиеся в фондах «Дипломатическая канцелярия при Ставке»,[172] «Политархив»[173] и «Секретный

[170] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 135. Оп. 474.
[171] АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 224. Л. 244 – 245об.
[172] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617.
[173] АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482.

архив министра».[174] Основу этих собраний составляют материалы международных конференций, проводившихся представителями стран Антанты в 1916 – 1917 гг. в Париже и Петрограде. Среди них наиболее важными являются протоколы их заседаний и записи их решений.[175] В ходе исследования особо полезными оказались протоколы встреч участников Петроградской межсоюзнической конференции. Среди них особый интерес представляет запись заседания от 22 января (4 февраля) 1917 г.,[176] на котором присутствовали представители Франции, Великобритании, Италии и России. Помимо проблем, связанных с военными действиями на Салоникском фронте, были, в частности, рассмотрены отвод в тыл и реорганизация сербской армии. Крайне интересен характер обсуждения процесса формирования во Франции и в России чешско-словацких войсковых частей.[177]

В фонде «Дипломатическая канцелярия при Ставке» имеется и отдельное дело, в котором отложились материалы, связанные с чешско- словацкой акцией.[178] Их хронологические рамки достаточно широки: они охватывают период с октября 1914 по сентябрь 1917 г. Большая часть документов посвящена приезду в Россию с миссией по набору военнопленных двух представителей Чешско-Словацкого национального совета – Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника и сопровождавших их лиц. Это, в первую очередь, официальная переписка министра иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонова и начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, а также телеграммы и записки по линии МИД Российской империи. Присутствуют и материалы, касающиеся противостояния между Дюрихом и Штефаником, обострившегося во второй половине 1916 – начале 1917 г. Крайне информативно письмо генерала Жанена российскому правительству, в котором содержались инструкции правящих кругов Третьей республики о необходимости поддерживать

[174] АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467.
[175] АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4285 ; АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4287.
[176] См., например: АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 628. Л. 10 – 25.
[177] АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 628. Л. 64 – 66 ; АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 682. Л. 41 – 42.
[178] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 93.

позицию М. Р. Штефаника в произошедшем между двумя представителями чешско-словацкого национально-освободительного движения конфликте.

Помимо обозначенных выше дел, следует упомянуть и материалы фондов «Архив ″Война″»[179] и «Канцелярия министра иностранных дел».[180] Тематика отложившихся в них документов достаточно широка – это переписка МИД с различными государственными учреждениями царского и Временного правительств по определенным вопросам, а также российскими дипломатическими представителями за границей. Особую группу составляют телеграфные донесения российских послов за рубежом, из которых, в первую очередь, следует выделить коллекцию секретных телеграмм российского посла в Париже А. П. Извольского. Ряд интересных документов был обнаружен и в фонде «Российское посольство в Париже». Из отложившихся в нем материалов особое место занимает дело, в котором содержится переписка посольства и консульства Российской империи в Париже с Министерством иностранных дел о визировании паспорта на въезд в Россию сопровождавшего Й. Дюриха В. Цркала, одного из представителей чешской колонии в Париже.[181]

Российский государственный военно-исторический архив представлен, в первую очередь, рядом дел из фонда «Штаб Верховного Главнокомандующего». Особый интерес представляет дело, включившее материалы Управления генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего. В нем содержится корреспонденция между начальником французской военной миссии в России генералом Морисом Жаненом и Ставкой, а также внутренняя переписка по линии Штаба Верховного главнокомандующего Русской императорской армии по вопросу отправки во Францию рабочих-специалистов и пополнений для сражающихся там русских бригад. Среди различных категорий персонала, предназначавшегося к отправке на Западный фронт, в отдельном пункте записки генерала М. Жанена в Ставку были указаны военнопленные чехи и словаки, отправляемые, согласно заключенным с М. Р. Штефаником договоренностям, из

[179] АВП РИ. Ф. 134. Оп. 437.
[180] АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470.
[181] АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524.

Румынии во Францию через территорию России. Здесь же находится и переписка, раскрывающая специфику организации их отправки на Западный фронт. Она датирована апрелем 1917 г.[182] Следует упомянуть и о подлиннике благодарственного письма чешского депутата от аграрной партии Йозефа Дюриха в Ставку на имя генерала М. В. Алексеева, датированного 21 августа 1916 г.[183]

Интересны и материалы, вышедшие из Управления дежурного генерала.[184] В первую очередь, это записка поручика русской службы И. Храпала и сопровождающие ее справки, вошедшие в состав дела «Переписка с ГУГШ и штабами фронтов о формировании чешских, польских, грузинских и армянских войсковых частей». В ней был представлен развернутый проект возобновления боеспособности деморализованной русской армии, за счет организации новых полков, основную часть военнослужащих которых составили бы представители славянских народов, в том числе чехи и словаки.[185] В этом же деле содержится внутренняя переписка о необходимости транспортировки военнопленных из Румынии на Западный фронт через территорию России.[186]

Кроме того, при написании данной работы были использованы и другие документы, разные по своему содержанию и значимости. Так, в отношении главнокомандующего группой армий «Север» генерала Ф. Фоша на имя представителя русской армии во Франции генерала Я. Г. Жилинского сообщается о месте и времени награждения чешских солдат и унтер-офицеров Иностранного легиона.[187]

В *Российском государственном историческом архиве* были просмотрены материалы из фонда, где отложились документы, связанные с деятельностью известного русинского публициста и общественного деятеля Дмитрия Николаевича Вергуна. Они охватывают достаточно широкий период – с 1871 по

[182] Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1 доп. Д. 1772. Л. 38 – 47.
[183] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 325. Л. 158 – 161.
[184] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.
[185] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 333. Л. 19 – 21.
[186] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 333. Л. 155 – 182.
[187] Здесь же прилагается краткое описание данного церемониала. См.: РГВИА. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 – 3.

1917 гг.[188] Из материалов, также не использовавшихся ранее исследователями, следует выделить несколько дел. Одно из них – «Статьи неустановленных лиц ”Чешские добровольцы во Франции” и ”Чешские добровольческие легионы во Франции”». В ходе их изучения удалось установить автора второй из указанных выше статей. Им был один из представителей чешской колонии в Париже, офицер Иностранного легиона Иван Штафл, командированный в Российскую империю для набора добровольцев из числа военнопленных чешского и словацкого происхождения, готовых сражаться на Западном фронте. Представленные в деле черновики статей содержат информацию, связанную с формированием роты «Наздар» в составе французского Иностранного легиона. В них весьма красноречиво дается описание сражения у Арраса, в котором приняли участие чешские и словацкие добровольцы.[189]

Был проведен и поиск документов в фонде «Совет министров, 1905 – 1917)». Здесь содержатся телеграммы и официальные письма, посвященные отклонению правительством Российской империи ходатайства французского правительства об отправке на Западный фронт взятых в плен русской армией чехов и словаков в связи с нехваткой рабочих рук в России.[190]

Материалы *Российского государственного военного архива* представлены, в первую очередь, фондом «Документы по истории создания Чехословацкого государства».[191] В данном фонде числится 1240 единиц хранения. Хронологические рамки документов, вошедших в состав данной коллекции, охватывают период с начала Первой мировой войны до 1939 г.

В ходе работы с материалами архива были обнаружены ранее не использовавшиеся в научной литературе источники. Среди них особо следует выделить ряд документов, связанных с деятельностью прибывшего в Париж в декабре 1914 г. представителя русских чехов Сватоплука Коничека-Горского. Они

[188] Российский государственный исторический архив. Ф. 909. Оп. 1. Д. 377.
[189] РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 377. Л. 1 – 11.
[190] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 168. Л. 23 ; РГИА. Ф. 1276. Оп. 15. Д. 41. Л. 9 – 9об.
[191] Российский государственный военный архив. Ф. 1198к. Оп. 1.

дают представление об организованном им Национальном совете чешско-словацких колоний, а также участии в этом проекте «французских» чехов.[192]

Особенно ценной оказалась переписка генерального секретаря Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) Эдуарда Бенеша с Томашем Гарригом Масариком.[193] Помимо переписки двух лидеров ЧСНС в архиве содержатся фотокопии созданных ими памятных записок. Их тематика широка: они посвящены положению военнопленных чехов и словаков на территории Российской империи, процессу создания автономной Чешско-Словацкой армии во Франции, а также отношению западноевропейских правительств к освободительной акции чехов и словаков. Присутствуют документы на французском, английском и чешском языках. Данные материалы позволяют выявить во франзусско-чешских отношениях в годы Первой мировой войны те аспекты, на которых заостряли свое внимание лидеры чешско-словацкого заграничного сопротивления.

Исследованы были и материалы *Военно-исторического архива г. Праги* (фонды «Чешско-Словацкий национальный совет», «Чешско-словацкие легионы во Франции – Генеральный штаб чешско-словацких войск» и «Отделение Чешско-Словацкого национального совета в России»). В фонде «Чешско-Словацкий национальный совет» следует выделить материалы о службе М. Р. Штефаника в рядах армии Третьей республики и переговорах о транспортировке чешско-словацких добровольцев во Францию по линии французского военного ведомства.[194] Из материалов фонда «Генеральный штаб чешско-словацких войск» были просмотрены документы, раскрывающие процесс формирования чешско-словацких частей на территории Франции, а также показывающие, каким сложным оказался вопрос о судьбе корпуса накануне Гражданской войны в России Значительную часть из них занимают телеграфные сообщения о

[192] РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. По большей части данные материалы представляют собой рассылавшиеся представителям других колоний телеграммы с приглашением назначить для работы в данной организации своих делегатов, проекты его статутов и текст протокола учредительного собрания по созданию данной организации, которое происходило в Париже с 28 января по 5 февраля 1918 г. См.: РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. Л. 3 – 19.
[193] РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 29 ; РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 30.
[194] Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv. F. ČSNR. Část II. Karton 6.

подготовке переброски его частей во Владивосток и их продвижении.[195] Отдельные документы, свидетельствующие о трудностях в отправке чешско-словацких добровольцев из России на Западный фронт в 1917 г., отложились и в фонде ОЧСНС.[196] Наиболее важными среди них являются черновые копии проекта организации чешско-словацких войсковых частей для Франции, разработанные военной комиссией данной организации.[197]

Архив Института Т. Г. Масарика и Академии наук Чешской Республики представлен документами, отложившимися во временной описи фонда «Томаш Гарриг Масарик – Война».[198] В нем содержится ряд телеграмм полномочного комиссара при Чешско-Словацком корпусе Прокопа Максы, сообщающих о переговорах Масарика о переброске чешско-словацких частей во Францию с военными представителями Третьей республики. В них же описаны события, обусловившие отъезд корпуса с территории Украины. Здесь же отложились копии инструкций по организации автономной Чешско-Словацкой армии во Франции. Одна из них была отправлена Т. Г. Масарику в Россию для личного пользования.[199] Нельзя не обратить внимание и на черновик соглашения о статусе корпуса на территории Украины, заключенного между правительством УНР и Отделением Чешско-Словацкого национального совета для России.[200]

Архивные документы существенно дополняют материалы многочисленных **публикаций**. Первые сборники, включившие в себя источники по истории чешско-словацкого национально-освободительного движения за границей в годы Первой мировой войны, появились уже на ее завершающем этапе. Так, полные тексты документов, посвященных рассматриваемой в работе проблеме, приведены в упомянутой выше книге журналиста Н. С. Каржанского.[201] Кроме того, в сборнике «Дипломатические документы о Чехословацком государстве», вышедшем в Париже в 1918 г. содержатся переводы на чешский язык ряда

[195] VÚA – VHA. F. FL – GŠ. Karton 2 ; Karton 3 ; Karton 4 ; Karton 5.
[196] VÚA – VHA. F. OČSNR.
[197] VÚA – VHA. F. OČSNR. Čj. 471. Karton 3 ; VÚA – VHA. F. OČSNR v Rusku. Čj. 825. Karton 3.
[198] Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR. F. TGM – VÁLKA. Rusko – legie. X – 1a. Karton 1.
[199] AÚTGM. F. TGM – VÁLKA. Rusko – legie. X – 1a. Folio 9 – 10. Karton 1.
[200] AÚTGM. F. TGM – VÁLKA. Rusko – legie. X – 1a. Folio 36. Karton 1.
[201] *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. М., 1918. 95 с.

официальных документов, касающихся признания чехов и словаков союзным по отношению к странам Антанты народом, в том числе и обращение премьер-министра и военного министра Третьей республики Ж. Клемансо и министра иностранных Франции С. Пишона о необходимости организации чешско-словацкой армии.[202]

Процесс издания документов по истории заграничного сопротивления происходил и в межвоенной Чехословакии. Таковым, в частности, является второй том сборника «Чешско-словацкий легион во Франции: 1914 —1918».[203] Его редактором стал один из бывших чешско-словацких добровольцев, Ладислав Прейнингер, который служил в годы Первой мировой войны в частях французской армии.[204]

Сборник был переиздан представителями словацкого военно- исторического клуба «Татранцы» в 2007 году, в годовщину 90-летия со дня принятия президентом Французской Республики Раймоном Пуанкаре декрета об образовании автономной Чешско-Словацкой армии. Поскольку он создавался ветеранами Первой мировой войны, входившими в межвоенной Чехословакии в общество «Круг французских легионеров»,[205] в нем представлены источники разного типа. Это стихотворения, написанные самими легионерами и в честь них, отрывки из дневников, рассказы очевидцев событий, в которых принимали участие чешские и словацкие добровольцы, письма добровольцев с фронта домой. Присутствует и раздел, посвященный истории роты «Наздар».[206] Из документов, содержащихся в нем, особый интерес представляют таблица, демонстрирующая состав роты «Наздар» в 1914 году,[207] заметка, посвященная истории Марокканской дивизии,[208] и фрагмент стенографического отчета заседания в верхней палате французского парламента (Сенате). На нем обсуждался вопрос о

[202] Diplomatické dokumenty o Československém státu. Paříž, 1918. 56 s.
[203] Československá legia vo Francúzsku [Electronický zdroj]. 2007. 346 s. URL: http:// www.pamatnik.valka.cz/index.php/texty/dokumenty/sbornik-francie.pdf (дата обращения: 21. 02. 2015.).
[204] URL: http://www.pamatnik.valka.cz (дата обращения: 21. 02. 2015.).
[205] Чешск. – Kruh francouzských legionářů.
[206] Československá legia vo Francúzsku. S. 36– 81.
[207] Zloženie roty Nazdar v roku 1914 // Ibid. S. 43 – 44.
[208] Marocká divise // Ibid. S. 45 – 48.

принятии закона, запрещающего вступление во французскую армию в качестве добровольцев лиц, являвшихся подданными государств, ведущих войну с Францией и ее союзниками.[209]

Однако наиболее важным сборником материалов, вышедших в межвоенный период, является третий том воспоминаний Э. Бенеша «Мировая война и наша революция».[210] Работу над данной публикацией осуществляли известные историки Ярослав Верштадт, Ян Опоченский и Ярослав Папоушек.[211] Вошедшие в него документы разбиты на три тематические части. Первые две из них содержат свидетельства деятельности «Чешской Маффии» и материалы, связанные с военной и дипломатической акцией, проводившейся в западных державах Антанты представителями чешской и словацкой политической эмиграции. Третья часть, посвященная событиям в России,[212] в частности, включает протокол совещания, проведенного в Лондоне Т. Г. Масариком с представителями «русских» чехов – З. Рейманом и В. Ванеком и добавление к нему, тексты инструкции по созданию автономной Чешско-Словацкой армии во Франции, а также соглашения, заключенного между председателем Чешско-Словацкого национального совета и французским министром вооружений А. Тома об условиях пребывания на территории Франции отправляемых для ее нужд чешских и словацких рабочих. Кроме того, 4 документа, касающиеся инициатив Э. Бенеша по организации чешско-словацких подразделений во Франции, были отдельно опубликованы Ярославом Верштадтом в журнале «Наше революце».[213] Интерес представляет и опубликованная им в том же издании переписка видных деятелей чешского заграничного сопротивления Льва Сыхравы и Йозефа Тврзицкого в период с января по март 1915 г.[214] Их корреспонденция содержит информацию о ходе чешско-словацкого заграничного сопротивления в начале Великой войны. Затрагиваются в ней и сюжеты, связанные с приездом

[209] Senát Francúzskej republiky – schôdza zo dňa 3. júna 1915 // Ibid. S. 48 – 51.
[210] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 3. Praha, 1935. 685 s.
[211] Ibid. S. VII.
[212] Ibid. S. XV.
[213] *Werstadt J.* K otázce československých zajatců ve Francii // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 147 – 154.
[214] *Werstadt J.* Počátky českého odboje v zrcadle dopisů Lva Sychravy a Josefa Tvrzického z roku 1915 (leden až březen) // Ibid. 1933. Roč. IX. Sv. 2. S. 173 – 212.

представителя московских чехов С. Коничека-Горского в Париж и его деятельностью по организации «Национального совета чешско-славянских колоний».

Работа по выявлению новых материалов, посвященных деятельности, проводившейся за границей представителями национально-освободительного движения, проводится чешскими и словацкими учеными и в настоящее время. Особое место занимают публикации, издаваемые Институтом Т. Г. Масарика и Архивом Академии наук Чешской Республики. В первую очередь, следует упомянуть второй и третий тома издания текстов речей, лекций, статей и выступлений перед соотечественниками лидера ЧСНС в 1914 – 1918 гг.[215] Интерес представляет и изданная этой же научной организацией переписка Т. Г. Масарика с его учеником и ближайшим соратником Эдуардом Бенешем. В годы войны он занимал пост генерального секретаря Чешско-Словацкого национального совета и фактически возглавлял парижский центр заграничной акции.[216] Кроме того, необходимо выделить сборник документов «Возникновение Чехословакии. 1918 г.», изданный Институтом международных отношений г. Праги.[217]

Во второй половине XX – начале XXI в. возник ряд сборников документов, являющихся результатом совместной исследовательской деятельности отечественных, чешских и словацких историков. В частности, особую значимость имеет первый том издания «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Эта совместная публикация советских и чехословацких исследователей под общей редакцией П. Н. Поспелова и В. Краля, была подготовлена Ч. Амортом, А. Х. Клеванским, А. И. Недорезовым и Я. Пиволуской.[218] Нельзя обойти вниманием и первый том российско-чешского

[215] *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2 : Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1917. Praha, 2008. 357 s.; *Idem.* Válka a revoluce. Díl 3 : Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1918. Praha, 2017. 245 s.
[216] Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1 : 1914 – 1918. Praha, 2004. 353 s.
[217] Vznik Československa. 1918. Praha, 1994. 439 s.
[218] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1 : Ноябрь 1917 – август 1918 г. М., 1973. 551 с.

издания «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920»,[219] специально посвященного истории создания этого военного подразделения, освещающего ход национального движения чехов и словаков в России в целом, а также отношение к нему со стороны царского и Временного правительств. Кроме того, в нем содержится их переписка с военными представителями Третьей республики об отправке части чешских и словацких добровольцев из России во Францию.

Заслуживает упоминания и публикация документов, связанных с дипломатической и военной деятельностью М. Р. Штефаника, подготовленная французскими историками Фредериком Гельтоном и Эммануэль Брод, а также словацким исследователем Михалом Кшиняном.[220] Вошедшие в нее материалы содержатся в фондах архива Исторической службы Министерства обороны Французской Республики.[221] Наиболее важные из них связаны с набором Штефаником в Румынии чешских и словацких военнопленных для создания автономной армии во Франции.[222]

Значение этих изданий весьма велико. Большинство из вошедших в их состав документов снабжены комментариями, что позволяет специалисту, занимающемуся изучением деятельности чешских политиков в эмиграции, лучше ориентироваться в отложившихся в архивных фондах материалах.

Периодические издания. При написании данной работы был использован ряд периодических изданий на русском, французском и чешском языках. К группе периодики, выпускавшейся чехами и словаками, проживавшими в России, следует отнести газеты ***«Чехословак»*** (Čechoslovák), ***«Чехослован»*** (Čechoslován), ***«Ческословенски денник»*** (Československý denník) и журнал ***«Чешско-словацкий воин»*** (Československý voják).[223] Периодическая печать чешско-словацкой колонии в Париже представлена газетами ***«Наздар»*** (Nazdar, выпускалась с

[219] Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920. Документы и материалы. Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914 – 1917. М., 2013. 1016 с.
[220] *Guelton F., Braud E., Kšiňan M.* Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch Historickej služby francúzského ministerstva obrany. Bratislava, 2009. 180 s.
[221] Фр. – Service historique de la Défence.
[222] *Guelton F., Braud E., Kšiňan M.* Op. cit. S. 61 – 70.
[223] Оригинальное название журнала на русском языке, присутствует на его титульном листе, вместе с чешским.

октября 1914 по март 1915 г.), ***«Чешская независимость»*** (L'Indépendance Tchèque, издавалась В. Цркалом с 15 января по 15 июля 1915 г.), ***«Бюллетень чешской колонии во Франции»*** (Bulletin de la Colonie Tchèque de France); официальной периодикой ЧСНС – журналом ***«Ла Насьон Чек»*** (La Nation Tchèque) и издававшейся Л. Сыхравой газетой ***«Ческословенска самостатност»*** (Československá samostatnost). Использованная в научно-квалификационной работе французская пресса представлена парижской печатью – правительственной газетой ***«Журналь Оффисьель»*** (Journal Officiel), а также ежедневниками ***«Ле Там»*** («Le Temps») и ***«Эксельсиор»*** (Excelsior). Были использованы и материалы из периодических изданий, выходивших на территории бывшей Российской империи. К таковым можно отнести литературно-политическую газету Юго-Западного края ***«Киевлянин»***.

Еще одной группой источников стали **источники личного характера**. В первую очередь, следует упомянуть о мемуарах самого Т. Г. Масарика.[224] В них автор достаточно подробно остановился на контактах с представителями официальных кругов Франции и Великобритании, равно как и с российскими дипломатами и политическими деятелями. Своему пребыванию в России во второй половине 1917 – начале 1918 г. этот чешский политик посвятил главу «Панславизм и наша революционная армия».[225] Ценность этой части заключается в том, что здесь дана оценка выдвинутых в конце 1917 г. проектов использования Чешско-Словацкого корпуса с целью восстановления боеспособности армий, располагавшихся на линии Восточного фронта. Масарик признал важность своих отношений с представителями западных держав Антанты, в том числе, и министром вооружений Третьей республики Альбером Тома, а также членами французской военной миссии в России. Часть рассматриваемой главы представляет собой краткий очерк истории русских чехов и словаков до его

[224] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. Прага, 1926. 232 с.
[225] Там же. С. 146 – 232.

приезда в Россию.[226] Здесь же изложен взгляд автора на политику царского, а затем и Временного правительств к славянам и чехам в частности.[227]

Достаточно интересным источником являются воспоминания Э. Бенеша «Мировая война и наша революция: воспоминания и размышления о борьбе за свободу народа».[228] Значительная часть их первого тома посвящена деятельности автора в качестве руководителя «Чешской Маффии», а затем, после его отъезда за границу, – заграничной акции чехов и словаков. Отдельные разделы посвящены организации пропаганды чешского вопроса во Франции,[229] процессу основания Чешско-Словацкого национального совета в Париже и распространению его влияния на чешские и словацкие землячества и колонии в иных странах.[230] Подробно раскрыты и связи генерального секретаря ЧСНС и его коллег с членами правительства Третьей республики, а также с представителями французских академических и университетских кругов и журналистами. Отдельно рассмотрены вопросы о подготовке миссии Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию,[231] организации во Франции военной акции ЧСНС.[232] Второй том охватывает период с ноября 1917 г. и вплоть до конца войны. Он посвящен переговорам Бенеша с представителями Франции, Великобритании и Италии о признании Чешско-Словацкого национального совета единственным полномочным представителем чехов и словаков за границей. Останавливается автор и на сюжетах, связанных с процессом организации во Франции автономного чешско-словацкого войска и, в частности, обстоятельствами подготовки и принятия декрета президента Раймона Пуанкаре, провозглашавшего его создание.[233]

---

[226] Там же. С. 166 – 185.
[227] Там же. С. 159 – 166.
[228] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 1. Praha, 1935. 537 s. ; *Idem.* Světová válka... Díl 2. Praha, 1935. 612 s.
[229] *Beneš E.* Světová válka... Díl 1. S. 143 – 160.
[230] Ibid. S. 114 – 160.
[231] Ibid. S. 180 – 190.
[232] Ibid. S. 200 – 201.
[233] *Beneš E.* Op. cit. Díl 2. S. 9 – 20.

Собственный взгляд на происходившие в России события представляет в своих мемуарах «На чешской службе» Йозеф Дюрих.[234] Автор достаточно подробно повествует об обстоятельствах своего отъезда из Праги за границу в 1915 г., а также приезда в Париж и назначения в качестве заместителя председателя ЧСНС руководителем направляемой в Россию миссии. Следует отметить, что воспоминания Дюриха – это своеобразная попытка доказать правоту своих действий в ходе конфликта с М. Р. Штефаником. Именно поэтому значительную часть издания занимает описание сюжетов, связанных с приездом в Петроград, контактов с представителями российских министерств и общественными деятелями. Особое место уделено организации Чешско-Словацкого народного совета, к созданию которого, как отмечает автор, царское правительство приступило из-за своего недоверия к петроградскому и киевскому центрам движения чехов и словаков в России.[235] В последней части воспоминаний Йозеф Дюрих повествует о своей деятельности в Киеве после Февральской революции и рассказывают о контактах с представителем «балканских» чехов Франтишеком Кралем, а также отъезде из России.[236]

Значительно расширить рамки исследования позволяют и воспоминания, вышедшие из-под пера ряда ведущих деятелей чешско-словацкого национально-освободительного движения в России. К этой категории, в частности, относится книга генерала русской службы чешского происхождения Я. В. Червинки «Дорогой нашего сопротивления».[237] В марте 1917 г. он вступил в должность председателя комиссии по формированию чешско-словацких войсковых частей при штабе Киевского военного округа. С 15 октября 1918 г. – являлся начальником Чешско-Словацкой стрелковой запасной бригады.[238] Червинка повествует об участии в начатом «русскими» чехами деле формирования в составе Русской императорской армии чешско-словацких войсковых единиц.

---

[234] *Dürich J.* V českých službách. Vypsání mého pobytu za hranicemi 1915 – 1918. Klášter nad Jizerou, 1921. 102 s.
[235] Ibid. S. 40 – 41.
[236] Ibid. S. 73 – 102.
[237] *Červinka J.* Cestou našeho odboje. Příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914 – 1918. Praha, 1920. 195 s.
[238] Червинка Ярослав Вячеславович // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 962.

Описывает он и свое впечатление о деятельности представителей чешских и словацких колоний в России, а также о внутренней борьбе, происходившей между руководителями Союза чешско-словацких обществ в России. Значительное место уделено ситуации, возникшей после приезда в Россию Й. Дюриха и М. Р. Штефаника. При этом французским сюжетам в воспоминаниях Червинки отведено достаточно мало места.[239]

Процесс подготовки первого эшелона с чешско-словацкими добровольцами и его отправки во Францию освещает и недавно опубликованная первая часть воспоминаний Отакара Гусака.[240] Он был командиром первого транспорта добровольцев из России во Францию и известным деятелем легионерского движения. В 1920 – 1921 гг. он входил в правительство первой Чехословацкой Республики, занимая пост министра обороны.[241] Этим вопросам, равно как и участию Чешско-Словацкой бригады в битве у Зборова, а также приезду к ее военнослужащим Т. Г. Масарика, посвящена последняя глава его мемуаров, озаглавленная «Зборов. Масарик в бригаде. Отъезд во Францию».[242] Важность данного источника, как, впрочем, и остальных мемуаров подобного характера, заключается в воссоздании атмосферы, в которой проходило национальное движение чехов в России. Упоминает автор в своих воспоминаниях и о личных встречах и беседах с председателем Чешско-Словацкого национального совета.[243]

Интерес представляют и воспоминания рядовых участников чешского национального движения во Франции, а также их сослуживцев по Иностранному легиону.[244] В основном, они посвящены описанию жизни чешских добровольцев

---

[239] Генерал упоминает о них лишь в нескольких местах: во время описания своей встречи со Штефаником летом 1916 г., повествуя о ходатайстве министра вооружений Третьей республики Альбера Тома и реакции на него российских властей, а также касаясь вопроса об отправке из России во Францию первых эшелонов с чешско-словацкими добровольцами. См.: *Červinka J.* Op. cit. S. 65 – 66; 109 – 110; 133 – 136.

[240] *Husák O.* Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka. Kn. 1. Praha, 2017. 357 s.

[241] Ing. Otakar Husák // Vláda České republiky. Historie minulých vlád [Electronický zdroj]. URL: https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/historie-minulych-vlad/prehled-vlad-cr/1918-1938-csr/jan-cerny-1/ing--otakar-husak-38256/ (дата обращения: 17.04.2018.).

[242] *Husák O.* Op. cit. Kn. 1. S. 269 – 376.

[243] Ibid. S. 315.

[244] *Ivo.* Francouzští starodružinící // Dokumenty naší národní revoluce. 1923. Roč. 1. Č. 5. S. 102 – 106 ; Č. 7. – 9. S. 181 – 187 ; *Joffé S.* La phalangue tchèque. Comment se sacrifièrent les premiers volontaires tchécoslovaques. Paris, 1919. 117 p. ; *Mareš B.* Lumír Březovský, Benjamin roty Nazdar. Brno, 1934. 125 s. ; *Ulrych E.* S Francii za svobodu světa. Čeští dobrovolníci ve francouzské armadě (Cizinecká legie). 1914 – 1918. Smíchov, 1920. 126 s. ; Válečný deník Jendy Hofmana, letce-dobrovolce (1914 – 1917). Praha, 1928. 296 s.

на фронте, их участию в боевых действиях. Некоторые из них содержат сведения о волонтерах, принявших участие в боевых действиях на французском фронте, их численности в рядах французской армии, количестве награжденных российскими или французскими знаками отличия солдат.[245] Политическая сторона чешско-словацкого национально-освободительного движения, в том числе и деятельность Комитета чешской колонии и Чешско-Словацкого национального совета по налаживанию контактов с французской стороной в деле формирования автономного Чешско-Словацкого войска, рассмотрена в них крайне слабо.

Отдельно следует рассмотреть ряд произведений мемуарного характера, автором которых является генерал Морис Жанен.[246] Они позволяют проследить контакты этого французского военного деятеля, в 1916 г. находившегося на посту начальника французской военной миссии в России, с приехавшими в Россию Йозефом Дюрихом и М. Р. Штефаником. В книге «Мое участие в чешско-словацкой борьбе за свободу» дана объективная картина инициированных им и Штефаником переговоров с представителями царского правительства в начале 1917 г., и, в первую очередь, с исполняющим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего В. И. Ромейко-Гурко и министром иностранных дел Российской империи Н. Н. Покровским. Здесь же автор описывают свое участие в качестве верховного главнокомандующего чешско-словацких вооруженных сил за границей.[247] Обстоятельства принятия решения о переброске чешско-словацких частей на Западный фронт описывает в своих мемуарах и Арсен Верже, состоявший при Чешско-Словацком корпусе в качестве представителя армии Третьей республики.[248]

В отдельную группу источников личного происхождения можно выделить воспоминания и дневниковые записи политических лидеров стран Антанты, командующих их вооруженными силами, а также их дипломатических

---

[245] См., например: *Ulrych E.* S Francii za svobodu světa. S. 123 – 124.
[246] *Janin M.* Moje účast na československém boji za svobodu. Praha, s.d. 381 s. ; *Idem.* Pád carismu a konec ruské armady (moje misse na Rusi v letech 1916 – 1917). Praha, 1931. 230 s. ; *Idem.* Úvahy o Dürichově misi // Naše revoluce. 1937. Roč. XIII. Sv. 2. S. 145 – 154.
[247] *Janin M.* Moje účast… S. 32 – 59.
[248] *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques: invraisemblable et véridique epopée. Paris, 1926. 201 s.

представителей и военных атташе.[249] Они содержат важные и ценные материалы по истории дипломатических отношений между Россией, Великобританией и Францией в годы Первой мировой войны, попыток организации военно-стратегического взаимодействия между тремя державами. Подробно описан в них и ход революционных событий 1917 г. в России. При этом следует отметить, что их авторы либо вовсе не затрагивают проблемы, связанные с формированием на территории России и Франции чешско-словацких частей и позицией Чешско-Словацкого корпуса после Октябрьского переворота, либо упоминают о них лишь фрагментарно.

Таким образом, завершая рассмотрение источниковой базы, следует сделать вывод о том, что источники, посвященные данной теме, крайне разнообразны. Это архивные материалы, периодические издания, воспоминания, а также официальные документы. Разнообразие данных источников позволяет, на наш взгляд, рассматривать проблему развития контактов представителей заграничного сопротивления с правительственными кругами Третьей республики и их дипломатическими и военными представителями, а также создания военных формирований из чешских добровольцев и их переброски на Западный фронт с разных ракурсов.

---

[249] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М. – Л., 1929. 249 с. ; *Игнатьев А. А*. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. 750 с. ; *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. В 5 т. М., 1934 – 1938. 5 т. ; *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. 236 с. ; *Его же.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. 472 с. ; *Паскаль П.* Русский дневник: во французской военной миссии. 1916 – 1918. Екатеринбург, 2014. 591 с. ; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Париж, 1927. 398 с. ; *Foch F.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de 1914 – 1918. En 2 volumes. Paris, 1931. 2 vol. ; *Gurko B.* War and Revolution in Russia. 1914 – 1917. New York, 1919. 420 p. ; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie Soviétique. 1917 – 1919. En 2 volumes. Paris, 1933. 2 vol. ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917 – 1918. Paris, 1940. 381 p. ; *Poincaré R.* Au service de la France: neuf années de souvenirs. En 10 volumes. Paris, 1926 – 1933. 10 vol. ; *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas. 22 avril – 19 juin 1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. № 1 – 2. P. 86 – 204. ; *Tabouis G.* Comment je devins comissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Т. 8 : Спогаді. Варшава, 1932. С. 141 – 161.

Глава I. Национальное движение чехов во Франции в июле 1914 – осенью 1915 года[250]

1.1. Образование Комитета чешской колонии в Париже

К началу Первой мировой войны во Франции жило около 3000 чехов, из которых около 1500 – 2000 проживало в Париже и его пригородах. Большую часть из них составляли ремесленники, недавно переехавшие в Париж. Приведенные французским исследователем Ж. Ф. Намоном данные свидетельствуют о том, что среди чешских добровольцев, записавшихся в ряды французской армии, преобладали представители следующих профессий: 23 % составляли портные; 12, 5% механики; 8, 8 % - столяры; 7, 8 % - скорняки и 5 % сапожники. Столько же процентов составляли рестораторы и официанты; 12, 5 % – булочники; 2, 7 % – торговцы; 4, 5 % – садовники. 8, 6 % от общего числа добровольцев составляли иные профессии. Что же касается интеллигенции, то среди парижских чехов она занимала незначительное место. В основном это были студенты, приезжавшие учиться в столицу Французской Республики (7, 4 %), художники (5, 8 %) и журналисты, малоизвестные у себя на родине.[251]

Большая часть чехов прибыла во Францию сравнительно недавно – к началу войны срок их пребывания в Париже составлял от 4 до 10 лет, хотя присутствовали и такие, кто жил в столице Французской Республики в течение достаточно длительного времени. Среди них можно назвать одного из крупнейших деятелей парижской колонии, Йозефа Чапека, который эмигрировал во Францию в 1879 г., а также торговца Франтишека Якла, который приехал во французскую столицу двумя годами раньше, в возрасте 22 лет.[252] Парижские чехи,

---

[250] На основании главы были подготовлены публикации: *Мошечков П. В.* Национальное движение чехов во Франции в начале Первой мировой войны (июль 1914 – середина 1915 года) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 3 (30). С. 122 – 129 ; *Его же.* Рота «Наздар» и ее участие в военных действиях на Западном фронте в 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год. Материалы V Международной научно-практической конференции (26 – 28 ноября 2015 года, г. Москва). М., 2016. С. 591 – 600.

[251] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 47 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 15.

[252] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 47 – 48.

как и в других странах, где имелись значительные чешские диаспоры, имели свои собственные организации. Наибольшее значение в жизни чешской колонии в Париже имели организованное в 1891 г. спортивное общество «Сокол», а также возникшее в 1907 году объединение социал-демократов «Ровност».

28 июня 1914 г. большая часть чехов находилась в департаменте О-де-Сен на севере Франции, принимая участие в туристической поездке в город Шавилль, организованной «Кружком чешских тамбуристов». Известие о гибели эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги в Сараево застало парижских чехов врасплох. Об убийстве наследника австрийского престола узнали и те парижские «соколы», которые в этот день принимали участие в съезде французских гимнастов в городе Бонневал. Во время торжественного банкета мэр города и городской префект задали вопрос о том, как поступят чехи в том случае, если убийство эрцгерцога повлечет за собой войну. Глава делегации парижских «соколов» Август Смутный, ответил, что, если Германия или Австро-Венгрия нападут на Францию, чехи будут сражаться в рядах армии Третьей республики.[253]

После известия о сараевской трагедии патриотическая активность чехов, проживавших во Франции, значительно усилилась. Празднование дня сожжения мученика Яна Гуса, которое состоялось вскоре после объявления об убийстве Франца-Фердинанда (6 июля), превратилось у парижских чехов в настоящую патриотическую манифестацию.[254] Однако это еще не означало того, что парижская колония чехов обладала к началу войны какой-либо программой национально-освободительного движения. Сразу же после известия о гибели Франца-Фердинанда среди членов «Сокола» и «Ровности» возник вопрос о том, как им следует поступить в случае возникновения вооруженного конфликта между Германией и Францией.[255] Большей части чехов, проживавших к тому времени в Париже и имевших возможность наблюдать за ходом событий, происходивших в европейской политике после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево, была недостаточно ясна дипломатическая борьба между

[253] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 80 ; *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 52.
[254] *Tuček A.* Prvých tisíc branného odboje. S. 34 ; *Ulrych E.* S Francii za svobodu světa. S. 7.
[255] *Boháč J.* Op. cit. Kn. 1. S. 79.

великими державами. Во многом этому способствовало господствовавшее в то время в Европе убеждение, что сараевское убийство не перерастет в крупный военный конфликт.

Влияние немногочисленных представителей чешской интеллигенции в Париже на чешские общественные и политические круги было весьма незначительным, контакты с политическими партиями в Чешских землях были редкими, а связи – весьма слабыми.[256] Об этом свидетельствует следующий факт. Так, еще в январе 1914 г. ***Центральный комитет чешских обществ (Ústřední vybor českých spolků)*** [257] рассматривал проект о создании в Париже единого чешского революционного комитета, а его функционеры говорили о необходимости подготовки в Австрии государственного переворота. Однако, когда члены общества «Ровност» обратились за консультацией по этому поводу к руководству чешской социал-демократической партии, последнее отклонило их предложение. В феврале объединенное руководство обоих обществ предприняло попытку обратиться за советом к представителям чешской интеллектуальной элиты и ко всем чешским политическим партиям. Они просили дать рекомендацию, какую линию должны занять «Сокол» и «Ровност», если начнется война и Австро-Венгрия вступит в нее.[258] Руководство парижского «Сокола» направило запрос главе Чешского Сокольского общества доктору Й. Шейнеру. В документе в качестве одного из возможных вариантов действий колонии в сложившейся обстановке рассматривался вопрос о вступлении чехов добровольцами в ряды французской армии. Председатель пражского «Сокола» одобрил стремление парижских чехов сражаться в предстоящей войне на стороне Франции. Из представителей чешской политической элиты на запрос Центрального комитета чешских обществ в Париже ответил лишь доктор Ф.

[256] České zahraničné kolonie // Československá samostatnost. 1916. Roč. I. Č. 10. S. 6.

[257] Организован осенью 1912 г. для упорядочения и объединения работы всех чешских обществ в Париже. Участие в работе Комитета приняли следующие общества парижских чехов – «Сокол», «Кружок тамбуристов», «Чешский спортивный кружок», «Общество чешско-славянских садоводов». Возглавил его крупный деятель парижского «Сокола» Йиндра. В состав Центрального комитета вошли также некоторые представители от социал-демократического общества «Ровност». См.: *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 79 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 8 – 9.

[258] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 81 ; *Namont J.-Ph.* Op. cit. P. 52.

Соукуп. Он исключал возможность возникновения военных действий между великими державами.[259] В этих условиях представители чешской колонии в Париже вынуждены были принимать решение о дальнейших действиях самостоятельно.

Вечером 25 июля 1914 года, в день разрыва Австро-Венгрией дипломатических отношений с Сербией, в Пале-Рояль одновременно прошли внеочередные собрания членов обоих обществ в Париже. На собрании общества «Ровност» состоялась дискуссия, основной темой которой стала сложившаяся политическая ситуация. В результате было принято решение о необходимости организации совместной работы обоих обществ. На переговоры с членами «Сокола» были тут же отправлены два представителя от «Ровности» - Граф и Гора. Когда же стало известно о том, что члены «Сокола» присоединяются к деятельности «Ровности», совещание продолжилось. Присутствующие открыто высказались против войны и за необходимость мира между народами, осудив действия австро-венгерских дипломатов. Члены «Ровности» во главе со своим председателем Й. Шибалом приняли решение о проведении антивоенной демонстрации.[260]

Демонстрация состоялась на следующий день, 26 июля 1914 г. Около 200 членов «Сокола» и «Ровности» собрались на Площади Согласия у статуи, олицетворяющей город Страсбург. Оттуда они направились на другой берег Сены к улице Варенн, где располагалось здание австро-венгерского посольства. Проходя по парижским улицам, демонстранты пели чешский национальный гимн, песню «Гей, Славяне» и «Марсельезу». У посольства Й. Шибал достал из газетной обертки кусок ткани черно-желтого цвета, разорвал, поджег и растоптал его.[261] Во время проведения данной акции чехи выкрикивали лозунг «Долой

---

[259] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 79 ; *Brouček S.* K druhému břehu: Češi v prostředí francouzské společnosti, 1862 – 1918. Praha, 2007. S. 100.

[260] Mimořadná členská schůze Rovnosti // *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 82 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 16.

[261] *Гайкова Д.* Эти люди идут на казнь… // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. С. 548 ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914 – 1920). S. 22 ; *Veber V.* O Československých legiích a potřebě tradice // Sborník příspěvků z kolokviuma 9.5. 2001 v Praze. S. 7 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 83.

Австрию!» и провозглашали славу Сербии и Франции.[262] В результате демонстранты были разогнаны полицией, председатель «Ровности» Йозеф Шибал и два других члена «Сокола» и «Ровности» – Йозеф Сыкора и Алоиз Мареш – были задержаны. В сложившейся обстановке французское правительство было вынуждено принести свои извинения в связи с произошедшим инцидентом австро-венгерскому правительству.[263] Значение манифестации чехов в Париже было велико. Французское общество, плохо осведомленное о положении чешского народа в Австро-Венгрии, его чаяниях и политических предпочтениях, благодаря опубликованным в прессе сообщениям о демонстрации,[264] смогло обратить на чехов свое внимание.[265]

После объявления Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г., на следующий день, 29 июля 1914 г., в Пале-Рояль состоялось первое общее собрание чешской колонии в Париже. На нем обсуждался вопрос об организации централизованного управления колонией. В конце совещания было принято решение об избрании временного комитета, состоявшего из четырех членов, во главе которого стоял председатель. Им стал журналист Йозеф Гофман-Краткий.[266] Во время этого собрания из числа присутствующих были выбраны четыре

---

[262] Ibid. S. 83; 85.

[263] Ibid. S. 82 –83.

[264] Den na boulevardech. Překlad výstřižku z neznámého pařížského deníku ze dne 27. července 1914 // Цит. по: Ibidem ; Slovanští studenti manifestovali před rakouským vyslanectvím. Překlad výstřižku z neznámého pařížského večerníku ze dne 26. července 1914 // Цит. по: Ibid. S. 84 ; Manifestation devant l'ambassade d'Autriche // Excelsior. 1914. Cinquème année. № 1350. P. 7 ; Une manifestation à Paris // Le Temps. 1914. Cinquante-quatrième année. №. 19378. P. 1.

[265] *Мошечков П.В*. Национальное движение… С. 123 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 83.

[266] **Гофман-Краткий, Йозеф (Hoffman-Kratký, Josef) –** чешский журналист, первый председатель Чешской колонии в Париже. Родился 14 января 1875 г. в Брно, в семье известного моравского учителя Яна Гофмана. Его мать происходила из патриотически настроенного рода Кратких. Гофман-Краткий учился в гимназии в Кромержиже, а затем некоторое время служил в канцелярии брненского адвоката Тучека. В 1895 г. он уехал во Францию, где несколько лет служил в рядах Иностранного легиона в Алжире. Во время своей службы в легионе Гофман-Краткий активно занимался просветительской деятельностью среди солдат. Там же он познакомился с чехом Снейдареком, что позднее способствовало его сближению с парижскими чехами. После окончания службы в армии Гофман-Краткий поселился в Париже, где, благодаря помощи чешского редактора Владимира Клоса и ресторатора Выгналека, стал работать журналистом. Известно, что он также некоторое время жил в Лондоне, где женился на дочери английского инженера. С 1903 г. он прочно обосновался в столице Французской Республики. В этот период своей жизни Йозеф Гофман-Краткий занимался различными видами деятельности: он писал статьи в чешские газеты, издавал гектографически газету «Вольна трибуна» (Volná tribuna), пытался издавать в Париже медицинский журнал, организовал информационное бюро, целью которого было объявлено оказание помощи чехам, приехавшим во Францию, в устроении их дел в Париже. После смерти своей супруги в 1913 г. взял на себя руководство принадлежавшей ей фабрики по производству бинтов, располагавшейся в парижском предместье Монтрёй, преподавал немецкий язык. Среди своих соотечественников, проживавших в Париже, Гофман-Краткий был известен, прежде всего, как человек, обладающий широкими связями в столице, хороший оратор и организатор. Это, возможно, и стало основанием для избрания его в июле 1914 г. председателем колонии. См.: První časopis čsl. odboje za hranicemi... // Naše revoluce. 1933. Roč. IX. Sv. 1. S. 65 – 71 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 17.

делегата для ведения переговоров с «французскими друзьями» чешского народа – известным французским спортсменом и архитектором, старостой VI округа Парижа Жозефом Санбёфом, сенатором Луи Мартеном, историком-славистом, профессором Сорбонны Эрнестом Дени. Эти люди должны были дать чехам совет, как нужно действовать в сложившейся ситуации.

Что же касается определения политической тактики чехов, проживающих во Франции, то на собрании возобладало мнение о том, чтобы предложить французам свою помощь в обороне Третьей республики, вступив в качестве добровольцев во французскую армию.[267] Вскоре пришел ответ и от «французских друзей» – они согласились с решением, принятым 29 июля 1914 года, и рекомендовали чехам «из Франции не уезжать и ждать развития событий».[268]

Дальнейшие действия руководства чешской колонии в Париже были обусловлены следующими событиями. 1 августа во Франции была объявлена всеобщая мобилизация. В этот же день правительство республики выпустило постановление, согласно которому всем находящимся на территории страны подданным Германской и Австро-Венгерской монархий предписывалось уехать из Франции вплоть до установленного срока. Те из них, кто оставался, должны были 3 августа явиться в парижскую полицейскую префектуру, чтобы узнать дату их отправки в концентрационные лагеря, расположенные в Центральной и Южной Франции. В этот же день из австрийского посольства чешским колонистам, подданным монархии Габсбургов, были присланы повестки, призывающие их прибыть к своим полкам в Австрии.[269] 2 августа 1914 г. вышел декрет о положении иностранцев на территории республики.[270] Согласно данному постановлению, все иностранные подданные, находившиеся на момент начала мобилизации на территории страны, должны были незамедлительно явиться в полицейские комиссариаты или же муниципальные органы по месту своего жительства. Иностранцы, являвшиеся подданными Германской и Австро-

[267] Ibidem.
[268] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 86 – 87.
[269] *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 18.
[270] Rapport au président de la République Française. Paris, le 2 août 1914 // Journal Officiel de la République Française: Lois et décrets. 1914. Quarante-sixième année. № 210. P. 7085.

Венгерской монархий, должны были покинуть в течение суток северо-восточную и юго-восточную часть Франции (так называемую «зону военных действий А» – 30 км. параллельные границам страны), а также Париж, и отправиться в места временного проживания, расположенные в западных департаментах. Тем из них, кто проживал за пределами указанных регионов, предоставлялся выбор: они могли выехать из Франции, или же остаться в месте своего жительства, получив на это разрешение от французских властей. Передвигаться по территории страны такие люди могли, имея при себе специальный документ, подтверждающий их личность. Подданные стран-союзниц Франции и нейтральных государств могли оставаться на местах своего жительства, получив на это от французского правительства специальное разрешение.[271]

В сложившейся ситуации перед руководством чешской колонии встала задача убедить французское правительство в том, что чехи являются союзным по отношению к Третьей республике народом и тем самым добиться разрешения на временное пребывание в Париже. Стремление чехов легализовать свое пребывание во Франции обуславливалось и причинами материального характера: многие из них, занимавшиеся до начала войны предпринимательской деятельностью, опасались конфискации своего имущества, будучи подданными враждебного Франции государства.[272]

Вечером этого же дня в Пале-Рояль произошло второе общее собрание чешской колонии в Париже. На нем Йозеф Гофман-Краткий прочитал перед собравшимися **«Декларацию парижских чехов» (Prohlášení pařížských Čechů)**. В ней было заявлено о том, что, «по образцу своих предшественников в 1870 г.»,[273] чехи заявляют о своем намерении добровольно вступить в ряды французской армии с целью сражаться за Францию и свободу своего народа. Гофман-Краткий и один из членов собрания, Гануш Новак, взяли на себя

[271] Ibidem ; *Namont J.-Ph.* Op. cit. P. 51.
[272] Ibidem ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 88 – 89.
[273] В годы франко-германской войны 1870 – 1871 гг. часть проживающих в Париже чехов вступила в качестве волонтеров в ряды «Легиона друзей Франции». Наиболее известными среди них были председатель первой организации парижских чехов, «Чешско-Моравской беседы» (основана в 1862 г.), Ян Шульц, Мила, Чермак, Бенеш, Юст, Краль, Машек, Заиц, Юнгвирт, Бранза. См.: *Levée M.* Les précurseurs de l'indépendance tchéque et slovaque à Paris. Paris, 1936. P. 29.

обязательство вести переговоры с французским правительством. Было принято решение, что члены колонии не подчинятся приказу вернуться в Австрию и присоединиться к своим полкам.[274]

На следующий день после собрания Гофман-Краткий и Новак вместе с Жозефом Санбёфом направились в полицейскую префектуру, где вручили префекту Генниону прошение парижских чехов, которое затем было переправлено на рассмотрение в Военное министерство. Главный акцент в нем был сделан на преданность правительству Франции и ее народу как братскому и союзному по отношению к чехам.[275]

Вместе с прошением префекту был передан и особый документ, фактически анкета для полицейского комиссариата, в которой каждый подписант заявлял, что «хочет верно служить Франции».[276]

3 августа 1914 г., в день объявления Германией войны Франции, в сапожной мастерской чеха Заградки, в доме № 9 на улице Буффоль, где со 2 августа стало располагаться руководство колонии, начала свою деятельность **«Канцелярия по вербовке чешских добровольцев»** ***(Naborová kancelář českých dobrovolníků)***. Именно здесь были поставлены на учет первые чешские добровольцы. Ими стали те из парижских чехов, кто подписал заявление о добровольном поступлении на службу Франции, одновременно обязуясь бороться вместе с ней за независимость чешского народа.[277] В этот же день чехам было выдано разрешение на временное проживание во французской столице. Помимо чехов такой же статус был дан эльзасцам и полякам.

5 августа 1914 г. в Пале-Рояль было созвано третье общее собрание чешских колонистов в Париже. Помимо парижских чехов, членов «Сокола» и «Ровности», на нем присутствовали некоторые из «французских друзей» чехов – депутат французского парламента и староста города Байонны Жан Гара и историк Эрнест Дени. В своей речи Дени призвал чехов к борьбе за свободу своей родины и

---

[274] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 90 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 18.
[275] Žádost pařížských Čechů // Цит. по: *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 92 – 93.
[276] Ibid. S. 94.
[277] Ibid. S. 95.

привел в качестве примера героев гуситского движения.[278] Съезд направил троих делегатов в Министерство внутренних дел с прошением, в котором было обозначено желание чехов, чтобы на правительственном уровне их признали в качестве друзей Франции.[279]

9 августа 1914 г. в Пале-Рояль состоялось четвертое собрание представителей чешской колонии в Париже. На нем было принято решение о создании ***Комитета парижской колонии чехов (Výbor české kolonie pařížské)*** – органа, состоящего из 18-ти членов. Председателем Комитета был избран Йозеф Гофман-Краткий, его заместителями – Гануш Новак и Рудольф Кепл. В комитет вошли также по одному представителю от обществ «Сокол» и «Ровност» (от «Сокола» - его председатель Йозеф Пультр, от «Ровности» - член этого общества Й. Бенеш); почетными председателями стали Эрнест Дени, председатель парижского городского совета Адриен Митуар, Жозеф Санбёф и Жан Гара. Был учрежден также исполнительный комитет, в который вошли известный чешский художник Франтишек Купка и ресторатор Свобода.[280] Позднее, в связи с отъездом большинства членов Комитета чешской колонии добровольцами на фронт, остро встал вопрос о назначении на их места других функционеров. Председатель пополнил руководящие органы чешской колонии новыми членами и принял решение реорганизовать Комитет. В результате он был разбит на две секции – политический подкомитет и подкомитет взаимопомощи. В функции первого из них вошло ведение пропаганды чешского вопроса во Франции с последующей организацией в Париже центра национально-освободительного движения. Главой комитета стал сам председатель колонии. Второй подкомитет, руководителем которого был назначен Йозеф Чапек, должен был заниматься вопросами, связанными с социальной поддержкой бедных или потерявших работу членов колонии. В частности, одной из основных функций было оказание финансовой помощи семьям добровольцев, ушедших на фронт. Одновременно были обозначены и цели, которые ставило перед собой руководство парижских чехов:

---

[278] *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 19.
[279] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 100 ; *Vančura J.* Arnošt Denis. Praha, 1923. S. 215 – 216.
[280] *Vojtěch V.* Op. cit. S. 19.

1) добиться от французского правительства официального признания чешского народа союзником Франции;

2) проводить пропаганду чешского вопроса среди представителей французского общества.[281]

Очевидно, что важнейшим для парижских чехов по-прежнему оставался вопрос об их признании союзным Французской Республике народом. Поскольку под принятие французским правительством в сентябре 1914 г. постановления о подданных вражеских государств нередко подпадали и чехи, 22 сентября 1914 г. Йозеф Гофман-Краткий отправил в Бордо, где в тот момент находилось французское правительство, телеграмму на имя президента Франции Раймона Пуанкаре.[282] Кроме того, они напрямую обратились к военному министру, а также послу Российской империи во Франции А. П. Извольскому.

В телеграмме Пуанкаре Гофман-Краткий и его соратники подчеркивали преданность чешского народа Франции: «Чехи – давние друзья Франции – они всегда любили эту благородную и великодушную страну. Они сражались за нее в 1870 г. Почти все годные к военной службе сражаются теперь под трехцветным знаменем против общего врага. Более чем когда-либо, Франция является теперь их второй родиной». Председатель чешской колонии просил официально признать чехов союзным Франции народом.[283]

В свою очередь военный министр мог оказать содействие в получении разрешения чехам остаться в стране на время войны. [284] Интересна также и телеграмма Комитета чешской колонии в Париже Извольскому, в которой Гофман-Краткий со своими коллегами заявляли о том, что парижские чехи так же, как и чехи в России, преданны делу союзников и проливают свою кровь за

[281] *Мошечков П. В.* Национальное движение… С. 124 – 125 ; *Brouček S.* K druhému břehu... S. 109 – 110.
[282] Telegrafická prosba o prohlašení českého národa za národ spojenecký. Překlad textu, otištěného v I. čísle pařížského časopisu «Nazdar» ze dne 3. října 1914 // Цит. по: *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 172 – 173.
[283] Ibidem.
[284] Telegram ministru války. Překlad textu, otištěného v I. čísle pařížského časopisu «Nazdar» ze dne 3. října 1914 // Цит. по: Ibid. S. 173.

интересы Франции и России. От имени всей чешской колонии в Париже Гофман-Краткий просил российского посла взять французских чехов под свое покровительство. Такой шаг способствовал бы их признанию союзниками Третьей республики.[285] Таким образом, парижские чехи апеллировали не только к французскому правительству, но и к Российской империи как покровительнице всех славянских народов.

Обращение парижских чехов в высшие инстанции не прошло даром: 25 сентября 1914 года руководство колонии получило письмо, в котором генеральный секретарь канцелярии по гражданским делам при президенте Феликс Декори от имени Раймона Пуанкаре сообщал, что прошение Гофмана-Краткого передано на рассмотрение министра внутренних дел.[286] Вскоре оттуда пришел утвердительный ответ. В письме из Министерства внутренних дел от 2 октября 1914 года отмечалось, что «иностранцам чешского происхождения, в национальности которых нет сомнения, придерживающимся русофильских и франкофильских взглядов гарантируется такое же обращение, как и к представителям дружественных народов».[287] За день до этого министр иностранных дел Французской Республики направил всем префектам во Франции и в Алжире специальный декрет, в котором рекомендовал им благосклонно относиться к этой группе лиц.[288]

3 октября 1914 года произошло еще одно важное в истории парижской колонии событие – парижские чехи получили в полицейской префектуре столицы новые документы, позволяющие им временное пребывание во Франции. Одновременно полученные членами колонии до войны разрешения на жительство объявлялись недействительными.[289] Принятие французским правительством данного постановления способствовало повышению статуса Комитета чешской колонии в Париже. Отныне только он мог представлять интересы чешского

[285] Telegram ruskému velvyslanci Izvolskému. Překlad textu, otištěného v I. čísle pařížského časopisu «Nazdar» ze dne 3. října 1914 // Цит. по: Ibidem.
[286] Panu předsedovi Českého politického výboru a redaktoru časopisu Nazdar v Paříži. Překlad opisu z archiva Památníku osvobození v Praze // Цит. по: Ibid. S. 174.
[287] Ministerstvo vnitra – Hoffmanu-Kratkému. 2. října 1914 // Цит. по: Ibid. S. 180.
[288] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchècoslovaque. P. 63.
[289] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 180.

народа на территории Французской Республики и ее колоний. В результате на Комитет были возложены задачи, «которые приличествуют консульствам»: с этого момента руководство чешской колонии имело право решать все вопросы, касающиеся положения чехов во Франции. Так, французские правительственные учреждения не могли заниматься выдачей документов, подтверждающих принадлежность к чешскому народу. Копии таких свидетельств подлежали строгому учету в Комитете.

Обладателям данного документа гарантировалась свобода выбора профессии, охрана со стороны государственных органов Третьей республики, свобода проживания во Франции. Чехи, попавшие наряду с другими подданными Австро-Венгрии в концентрационные лагеря, получив подтверждение своей национальности, тут же отпускались на свободу.[290] Таким образом, в начале октября 1914 г. произошли существенные изменения в положении чехов: их статус в стране легитимизировался. Более того, они становились обладателями особых льгот, так же, как и подданные стран-союзниц Франции в войне.

Льготы были закреплены тремя постановлениями Министерства внутренних дел (от 8 октября, 11 октября и 15 октября 1914 года соответственно). Данные распоряжения были направлены во все префектуры республики. Эти документы появились как нельзя вовремя. Декретом французского Министерства юстиции от 13 октября 1914 года была объявлена конфискация имущества подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших на территории страны. Исключение составляли эльзасцы, лотарингцы, поляки и чехи. Таким образом, их имущество было сохранено.[291]

Из других льгот, предоставленных французским правительством чехам в период руководства колонией Гофманом-Кратким, можно предоставление отсрочки платы за жилье, исходя из ее размеров и количества жителей муниципалитетов. Отдельные правила отсрочки были созданы для Парижа.[292]

---

[290] Ibid.
[291] Ibid. S. 181.
[292] Ibid. S. 182 ; Décret relatif au loyers des Polonais et des Tchèques autorisés à resider en France. Du 16 Octobre 1914 // Bulletin des lois de la République Française. 1914. № 133. P. 2868 ; Décret relatif à la prorogation des délais en matière de

Одновременно руководство колонией и, в первую очередь, политический комитет, занималось организацией пропаганды чешского вопроса. 3 октября 1914 г. в Париже вышел первый номер чешской газеты, выпускавшейся на французском языке. Издание получило название «Французско-чешская газета Наздар».[293] Оно должно было выходить два раза в месяц и выпускалось типографией Дангона.[294] Основателем и редактором этого органа печати был Йозеф Гофман-Краткий, а его целью стало распространение информации о чехах среди широких кругов французской общественности. Ответственным редактором был назначен Йозеф Юст, гражданин Франции, дамский портной по профессии. В газете печатались статьи о текущих событиях и истории чешского народа (в частности, там была напечатана статья Дени «Воскресение Чехии»), публиковались обращения парижских чехов к французскому правительству. Так, в первом номере были опубликованы уже цитировавшиеся выше телеграммы Комитета чешской колонии в Париже президенту Пуанкаре, военному министру и Извольскому; обращение к префектам и старостам общин, в которых находились эвакуированные австрийцы, к французской печати и иные важные документы, касающиеся чешского вопроса во Франции.[295]

Помимо газеты «Наздар» материалы, посвященные его пропаганде, посылались и в парижские газеты и журналы. Одним из печатных органов, публиковавших подобные материалы, стала ежедневная газета *«Le Temps»*. Так, в номере от 11 августа 1914 года вышла статья байоннского старосты Жана Гара «Воззвание к славянам Австро-Венгрии».[296] К ней, написанной в форме письма в редакцию, депутат французского парламента прикрепил текст самого воззвания чешской колонии в Париже.

Причиной написания Гара данного материала стали слухи о намерении правительства Австро-Венгрии направить в распоряжение командования

---

loyers. Du 27 Octobre 1914 // Ibid. P. 2928 – 2931 ; Décret relatif à la prorogation des délais en matière de loyers. Du 17 Decembre 1914 // Ibid. P. 3202 – 3205.

[293] Франц. – Journal Franco-Tchèque Nazdar.

[294] První časopis čsl. odboje za hranicemi... S. 65 – 71.

[295] Ibid. S. 66.

[296] Appel aux slaves d'Autriche-Hongrie // Le Temps. 1914. Cinquante-quatrième année. №. 19395. P. 3 ; Contre la France // Ibid. №. 19412. P. 2.

расположенных на границе с Францией германских армий свои части, в которые входили славянские полки.[297] 12 августа, «Le Temps» опубликовала антиавстрийский памфлет под названием «Преданный» Франц-Иосиф»,[298] в котором австрийский император был представлен монархом, на протяжении всего своего царствования неоднократно изменявшим своим «истинным» союзникам – Российской империи, оказавшей ему помощь в подавлении восстания в Венгрии в 1848 г., а также славянским подданным монархии Габсбургов, безгранично верным своему императору. Последние три абзаца памфлета посвящены чешской проблеме. Чехи представлены как народ, верный династии Габсбургов, при этом покорно сносящий тот гнет, который осуществляет над ним правительство Австро-Венгерской монархии.[299] В свою очередь автор видел во Французской Республике защитницу интересов славян, страдающих под германским игом.[300]

Статья байоннского городского старосты Жана Гара стала своеобразным ответом на них. В своем письме в редакцию «Le Temps» он писал о том, что парижские чехи не остались безразличны к положению своего народа и уже начали национально-освободительную борьбу.[301] Мэр Байонны акцентировал внимание читателей на том, что «двусмысленное поведение Австрии мешало чешскому комитету до настоящего момента заявить о себе и раскрыть свои намерения». «Он не желал, - писал депутат французского парламента, - создавать какие-либо неприятности французскому правительству». Теперь же, когда позиция Австро-Венгерской монархии стала ясной, и дипломатические отношения между ней и Францией разорваны, Комитет чешской колонии мог действовать открыто.[302]

---

[297] L’aggression autrichienne // Ibid. №. 19393. P. 1.
[298] Le « loyal » François-Joseph // Ibid. №. 19394. P. 1.
[299] Ibid.
[300] Ibid. В конце своего очерка французский журналист адресовал чехам следующие вопросы: «Хотят ли чехи сражаться на стороне теоретиков насилия, которые их укрощают? Что об этом думают лидеры чешского народа, все те люди, с которыми имеют связи наши политики и главы наших муниципалитетов? Стало быть, ничего не значили все эти обмены визитами, эти спортивные праздники, эти банкеты, эти *Соколы* (выделено – ***П.М.***)? И если эти лидеры молчат из осторожности, нельзя ли найти способ дать знать славянским войскам (при помощи прокламаций на их языке или при помощи какого-либо иного средства), что их собираются вовлечь в преступление и что тем самым побуждают к совершению национального самоубийства»? См.: Ibid.
[301] Appel aux slaves d’Autriche-Hongrie // Ibid. №. 19395. P. 3.
[302] Ibid.

В статье Жана Гара говорилось и об озабоченности парижских чехов происходящими на родине событиями. Он предложил редактору «Le Temps» опубликовать в его газете текст воззвания, адресованного славянским солдатам армии Австро-Венгрии. Данная акция смогла бы объяснить им «почему и против кого они собираются воевать».[303]

Особую важность приобрел и вопрос, связанный с материальной поддержкой семей чешских добровольцев, ушедших на фронт, а также малоимущих и безработных членов колонии. В этой сфере активную работу развил подкомитет взаимопомощи. 14 сентября он определил размеры помощи нуждающимся. Так, женам добровольцев и их детям, а также семьям с безработными родителями должно было выплачиваться еженедельно по 7 франков; безработным семьям без детей и женам добровольцев, не имевших детей — по 5 франков; по 3,5 франка — холостым мужчинам и незамужним женщинам, не имеющим работы.[304] Средства для данных субсидий чехи получали при поддержке своих «французских друзей». В частности, Эрнест Дени, будучи одним из почетных членов Комитета, добился выплаты Индокитайским промышленным банком суммы в 3000 франков.[305] В этом же месяце при посредничестве члена бюро парижского муниципалитета Гайе, французский Национальный комитет взаимопомощи передал парижским чехам 2000 франков.[306]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что период руководства чешской колонией в Париже Йозефом Гофманом-Кратким (29 июля – 10 октября 1914 г.) имел важное значение для развития национально-освободительного движения чешского народа в годы Первой мировой войны. Был сделан первый практический шаг в направлении признания парижских чехов союзниками Французской Республики. Кроме того, были заложены основные направления деятельности чешской диаспоры в Париже в годы Великой войны.

---

[303] Ibid.
[304] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 174 — 176.
[305] *Chrobák T.* Ernest Denis – sa vie et son temps // *Chrobák T., Olšáková D.* Ernest Denis. Praha, 2003. S. 128.
[306] Ibid. S. 171.

1.2. Новые лидеры во главе новых организаций «французских» чехов (октябрь 1914 – октябрь 1915 г.)

Почти сразу же после разделения на две структуры Комитета чешской колонии в нем возникли разногласия. Первый звонок прозвучал на собрании комитета взаимопомощи, состоявшемся 11 сентября 1914 года. На нем с критикой сотрудников политического подкомитета выступил член «Ровности» Антонин Веселы, ранее приобщенный Йозефом Гофманом-Кратким совместно с тремя другими чешскими социалистами (Гадачеком, Графом и Глоссом) к деятельности в руководстве колонией. Он обвинил его руководство в росте авторитарности, сообщив, что, председатель колонии Йозеф Гофман-Краткий совместно с Ганушем Новаком и другим своим заместителем, художником Алоизом Билеком, провели совещание от имени всей чешской колонии, не приняв во внимание мнения рядовых чехов. Антонин Веселы ходатайствовал о привлечении его и Гадачека к работе подкомитета взаимопомощи. Эта просьба была удовлетворена, а вскоре Веселы получил должность его секретаря. Благодаря этим событиям, произошло разделение парижских чехов на два противоборствующих лагеря – один был создан вокруг политического подкомитета и его председателя Йозефа Гофмана-Краткого, другой – вокруг подкомитета взаимопомощи.[307]

Следующий конфликт, участниками которого стали ведущие деятели чешской колонии в Париже, произошел по вопросу об использовании суммы в 2000 франков. Ее подкомитет взаимопомощи намеревался направить на поддержку испытывающих бедственное положение членов семей добровольцев, ушедших в армию. Члены же политического подкомитета придерживались мнения своего лидера Гофмана-Краткого. Тот считал необходимым передать половину этих денег на издание пропагандистского журнала «Наздар».[308] Представители подкомитета взаимопомощи высказались резко против предоставления Гофману-Краткому такого подарка. Свой отказ комитет

[307] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 165.
[308] Ibid. S. 170.

аргументировал нежеланием признавать журнал за орган, представляющий всю чешскую колонию.[309]

Недоверие членов руководства колонии к Гофману-Краткому все более возрастало. Его обвиняли в превращении возглавляемой им структуры в закрытый кружок, членами которого были только его приверженцы и единомышленники. Постепенно политический подкомитет стал превращаться в объединение «интеллектуальной элиты» колонии, не желавшей сотрудничать с ее «рядовыми» членами. Обвиняли председателя и в том, что он тратил финансовые средства, принадлежавшие чешской колонии в Париже, на свое усмотрение.[310]

Перестали доверять Гофману-Краткому и чешские добровольцы, служившие в роте «Наздар». Еще 9 сентября 1914 г. они направили из Байонны в парижский Комитет т.н. «Провозглашение чешских добровольцев».[311] В нем первые чешские легионеры высказали пожелание, чтобы в составе парижского Комитета была создана особая секция, которая бы представляла их интересы. Членами данного отделения, согласно пожеланиям легионеров, должны были стать Антонин Веселы, Франтишек Купка, Свобода и Граф. Провозглашение подписали 228 добровольцев. Посколку в составе Комитета чешской колонии уже присутствовали Веселы, Свобода и Граф, то речь шла о назначении Купки.[312] Появление «Провозглашения чешских добровольцев» и требование создания в рамках Комитета органа, представляющего их интересы, свидетельствовало о дальнейшем обострении межличностных отношений у лидеров чешской колонии, что, как правило, характерно для эмигрантской среды.

Очередные разногласия среди парижских чехов начались вскоре после приобретения ими легитимного статуса во Французской Республике. На собрании подкомитета взаимопомощи, состоявшемся 9 октября 1914 г., выступил его секретарь А. Веселы. В своей речи он указал на необходимость совместной

---

[309] Ibid. S. 171.
[310] *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 26 – 27.
[311] Prohlašení českých dobrovolníku. Překlad textu, opsáného v protokole schůze podpůrného výboru ze dne 19. září 1914 a uloženého v archivu Památníku osvobození v Praze // Цит. по: *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 171 – 172.
[312] Ibid. S. 172.

работы двух подкомитетов и преодоления недоверия и разногласий, существующих между ними. Он обвинил Гофмана-Краткого в его стремлении работать, не согласовывая свои действия с остальными представителями чешской колонии. Председатель чешской колонии в Париже был обвинен и в том, что систематически не предоставлял руководству колонии отчета о своей деятельности. Веселы и его единомышленники предложили отстранить Гофмана-Краткого с его поста.[313]

10 октября 1914 г. продолжилось заседание собрания подкомитета взаимопомощи. Предложение Антонина Веселы было принято большинством голосов. Сразу после окончания собрания все 8 его членов направились к Гофману-Краткому и высказали ему свои претензии. В результате Йозеф Гофман-Краткий, Гануш Новак и Алоиз Билек сняли с себя свои полномочия. Подкомитет взаимопомощи взял на себя обязательство созвать общее собрание членов чешской колонии в Париже и провести новые выборы в Комитет чешской колонии.[314]

Собрание состоялось 14 октября 1914 г. На нем присутствовало около 100 человек, в том числе и некоторые из чешских добровольцев, поступивших на службу во французскую армию и находившихся в данный момент в парижских казармах. Председателем Комитета был избран бывший староста «Сокола» в Париже и руководитель подкомитета взаимопомощи Йозеф Чапек. Его заместителями стали Р. Клепал и Франтишек Свобода. Секретарями были назначены А. Веселы, Р. Кепл и В. Цркал. Должность казначея получил Франтишек Якл. Рядовыми членами стали Граф, Глосс, Миковец, Франтишек Явурек, Машин, Мила, Сыровы, Пуркгарт, Билек и Чижек, в контрольную комиссию были избраны Чермак и Карел (занимали эту должность еще во время работы в подкомитете взаимопомощи). При создании нового Комитета были также учтены интересы первых чешских добровольцев-легионеров. Из четырех человек, названных в провозглашении солдат роты «Наздар», присутствовали

[313] Ibid. S. 183.
[314] Ibidem.

лишь трое – Антонин Веселы, Свобода и Граф, поскольку четвертый представитель, художник Франтишек Купка, отправился в качестве добровольца на фронт. Всего Комитет насчитывал 19 членов.[315]

В результате подключения к деятельности Комитета представителей первых чешских легионеров было принято решение о его переименовании. По предложению А. Веселы было принято новое название данной организации – ***«Комитет чешской колонии и чешских добровольцев в Париже» (Výbor České kolonie a českých dobrovolníků v Paříži)***. На собрании было отмечено, что только данный орган отныне и впредь будет уполномочен представлять чешский народ и его интересы во Франции.[316]

На следующий день, 15 октября 1914 г., состоялось первое собрание нового руководства колонии. На нем Эрнест Дени, Жан Гара и Жозеф Санбёф вновь были признаны в качестве его почетных представителей. Из других «французских друзей» чехов ими стали префект парижского муниципалитета Адриан Митуар и префект Лоран. 16 октября был принят новый устав колонии, в котором были сформулированы задачи, стоящие перед чешской колонией в Париже. Ими стали:

1) объединение деятельности всех чехов, живущих в Париже и во Франции, для обеспечения защиты их «материальных и политических интересов в согласии с интересами французов»;

2) сохранение и развитие дружественных отношений между французским и чешским народами;

3) создание во Франции условий «для дипломатического решения чешского вопроса»;

4) проведение пропаганды чешского и словацкого вопросов среди представителей французской общественности и французской политической элиты;

---

[315] Ibid. S. 184.
[316] Ibidem ; *Мошечков П. В.* Национальное движение… С. 126.

5) установление взаимных контактов «с остальными славянскими народами, дружественными Франции»;

6) организация вооруженной борьбы чехов и словаков, проживающих во Франции. В этом контексте уже на данном этапе новый Комитет заявил о необходимости создания одного или нескольких военных корпусов, состоящих из чешских и словацких добровольцев, которые сражались бы во время войны «бок о бок с французами»;

7) оказание поддержки раненым добровольцам, а также членам их семей.[317]

Следуя основным положениям своего устава, «Комитет чешской колонии и чешских добровольцев в Париже» стал налаживать контакты с представителями чешских и словацких колоний в других странах. Так, во второй половине октября 1914 г. были установлены связи с американскими чехами. Среди них оказались общества «Чешская национальная ассоциация» в Чикаго, «Чешский комитет вспомоществования» в Нью-Йорке, а также чешская колония в Балтиморе. Американские чехи отправили в Париж определенную сумму денег для поддержки соотечественников. В качестве представителя парижских чехов в Америку был направлен член Комитета Чижек. Незадолго до его отъезда Ф. Явурек предложил, чтобы американские чехи образовали по образцу своих соотечественников в России и во Франции легион из добровольцев, который затем мог бы сражаться на французском фронте. Поскольку США объявили в начале войны о своем нейтралитете, было предложено сформировать данный легион на территории Канады. Это предложение парижские чехи адресовали своим соотечественникам, проживающим в США. Набросок письма был подготовлен секретарем Кеплом.[318] Укрепились и отношения чехов со своими

[317] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 185 – 186 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 28.
[318] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 188.

соотечественниками, проживающими в Англии: во Францию прибыли добровольцы из Лондона, готовые служить в рядах французской армии.[319]

В это же время парижские чехи сделали первые попытки установить контакты с Т. Г. Масариком. В сентябре-октябре 1914 г. Масарик совершил две поездки в Нидерланды. Во время своего второго путешествия он наладил контакты с Эрнестом Дени. В своей переписке с ним Масарик советовался по поводу организации за границей борьбы за независимость чешского и словацкого народов. Дени, обратившись в свою очередь к Комитету чешской колонии в Париже, посоветовал его членам начать переписку с основателем партии реалистов. Тот должен был дать им необходимые рекомендации о том, как следует начать движение сопротивления. 31 октября 1914 г. в Нидерланды профессору была направлена телеграмма, в которой он был приглашен участвовать в работе парижской колонии чехов.[320]

Руководство чешской колонии стало интересоваться и словацким вопросом. На заседании Комитета, состоявшемся 7 ноября 1914 г., Антонин Веселы высказался за целесообразность защиты интересов словаков, проживающих во Франции. Для этого им предстояло организовать собственное представительство. В конце 1914 г. были также установлены связи парижских чехов с деятелями чешского национально-освободительного движения в Швейцарии, прежде всего, с Л. Сыхравой.[321]

Одновременно шла работа Комитета по устройству жизни чехов в самой Франции. Целями его деятельности оставались, как и прежде, предоставление льгот; укрепление положения чешского народа как союзника Французской Республики в войне; пропаганда чешского вопроса во Франции.

Если говорить о льготах, предоставленных французским правительством чехам на момент руководства чешской колонией в Париже Йозефом Чапеком, то необходимо отметить, что их список значительно расширился. Письмом из Военного министерства от 27 ноября 1914 г. чехам было разрешено поступать в

[319] Ibid. S. 189.
[320] Ibid.
[321] Ibid. S. 193.

качестве рабочих в мастерские вспомогательных частей французской армии, на судостроительные верфи, а также фабрики и заводы, занимающиеся производством военной продукции и обслуживающие армию. В марте 1915 г. руководство колонии предложило Военному министерству Франции позволить чешским женщинам служить в госпиталях в качестве сестер милосердия. В апреле данное постановление было утверждено военным министром.[322] В результате среди французских чехов значительно снизилось число безработных.[323]

Другой льготой стало введение по инициативе совета директоров французской железнодорожной компании «Эст» скидки на оплату проезда для руководителей и сотрудников Комитета чешской колонии в Париже. Благодаря нововведению стала возможной поездка делегации из 5 его членов во главе с Йозефом Чапеком на фронт к роте «Наздар».[324]

Не прекращалась и пропаганда чешского вопроса во Франции. Продолжалось активное сотрудничество парижских чехов с антинемецкими и антиавстрийскими организациями, созданными в начале войны в столице Французской Республики.[325] Кроме того, Комитет колонии регулярно предоставлял во французские газеты сведения о деятельности чехов в Париже. Составлялись и послания к правительствам и монархам стран, союзных Франции. Были отправлены телеграммы, адресованные Николаю II, бельгийскому королю Альберту I[326] и королю Великобритании Георгу V.[327]

---

[322] Среди чешских женщин, служивших в составе Французского Красного креста в качестве сестер милосердия, наиболее известной является дочь председателя колонии Йозефа Чапека, Марселина, умершая 26 мая 1915 года от тифа в военном госпитале в коммуне Шалон-сюр-Марн (совр. название - Шалон-ан-Шампань). См.: *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 74 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 29.

[323] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 192.

[324] Ibid.

[325] В газете «Наздар», выпускавшейся Йозефом Гофманом-Кратким, в рубрике «Франция и экономический реванш» (La France et la Revanche économique) была опубликована заметка «Борьба с немецким хозяйством и немецкими изделиями. Антинемецкая федерация», в которой сообщалось об объединении деятельности всех антинемецких организаций во Франции, ставивших перед собой цель «бороться против вторжения и развития германизма во всех его формах». Работу по объединению деятельности данных организаций возглавили два общества - «Национальная антигерманская лига» (La Ligue nationale antigermanique) и «Антиавстрийско-немецкая лига» (La Ligue anti-austro-germanique). В заметке содержалось обращение к другим антигерманским организациям, в котором деятели обозначенных выше обществ приглашали их представителей присоединиться к своей деятельности, направленной на сокрушение германского милитаризма посредством создания Антинемецкой федерации. Тот факт, что данное объявление было опубликовано в газете Гофмана-Краткого, свидетельствует о том, что принять участие в деятельности данных организаций приглашались и парижские чехи. См.: La chasse aux maisons et produits boches. Une Fédération antiboche // Journal Franco-Tchèque Nazdar. 1915. Deuxième année. № 5 et № 6.

[326] La fête du roi Albert // Le Temps. 1914. Cinquante-quatrième année. № 19490. P. 4.

Появление нового Комитета не привело к устранению разногласий среди французских чехов. Своеобразным противовесом его деятельности стала организованная Йозефом Гофманом-Кратким и его единомышленниками ***«Французско-чешская лига» (La Ligue Franco-Tchèque).*** Поводом для ее создания послужил инцидент, связанный с именем чешского еврея Артура Голдшейдера, желавшего получить сертификат о принадлежности к чешскому народу. Голдшейдер представил Комитету колонии необходимые документы на чешском языке, в результате чего его просьба была удовлетворена. Однако после отстранения Гофмана-Краткого с поста новый Комитет признал этот документ недействительным. В ответ Гофман-Краткий организовал в декабре 1914 г. в газетах *«Libre Parole»* и *«Paris-Midi»* кампанию против Комитета. Газеты отмечали, что Комитет превратился в своеобразную контору, занимающуюся натурализацией немцев и австрийцев. Комитет был вынужден отказаться от своего решения, но этого оказалось недостаточно, чтобы полностью исчерпать возникший конфликт. 9 декабря 1914 г. Гофман-Краткий объявил об основании ***«Французско-чешского комитета»***. 10 января 1915 г. состоялось его первое собрание. В нем приняли участие около 150 человек, среди которых были и «французские друзья» чехов во главе с Санбёфом. На нем и было принято решение об организации оппозиционной по отношению к Комитету чешской колонии в Париже «Французско-чешской лиги».[328]

Манифест о создании «Французско-чешской лиги» был опубликован в рождественском выпуске газеты «Наздар».[329] В нем были определены цели, которые преследовала в своей деятельности новая структура. Главным для нее стало возрождение Чешского королевства: «Она (Лига – ***П.М.***) действует при помощи любых средств с целью воссоздать древнее Чешское королевство, сформировать Государство чешское, независимое и включающее в себя не только Богемию, Моравию и Австрийскую и Немецкую Силезию, но также Словакию и северную часть Нижней Австрии, пограничные земли, которые также населены

[327] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 193.
[328] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 74.
[329] № 3 и № 4 газеты «Наздар» вышли в одном выпуске от 24 декабря 1914 г.

чехами».[330] Дружественные связи между французским и чешским народами должны были распространяться на область политики, науки, искусства, экономики, торговли и промышленности.[331]

Руководство Лиги, как, впрочем, и Комитет чешской колонии в Париже, заседало в Пале-Рояль. Председателем ее комитета был избран Жозеф Санбёф. Вице-председателями были назначены университетский профессор Гастон Бонье, художник и писатель Фредерик Регами, Йозеф Гофман-Краткий – в качестве редактора газеты «Наздар», ставшей официальным печатным органом Лиги; писатель Ян Грмела, Жан Гара. Первым (генеральным) секретарем стал инженер Сильвестр Кренка, вторым – художник Людвиг Штримпл; казначеем был назначен чертежник Франтишек Мюллер. Комитет пополнили рядовые члены: художник Алоиз Билек, Зденек Эберл, Эммануэль Пуркгарт, поэт и журналист Ганар, управляющий «Гранд Отеля» Карел Выдра, ювелир Винцент Шлехта, французский публицист и поэт Жан де Марьян, дамский портной Франтишек Воборник, историк и журналист Карел Савера, скорняк Ян Стрнад, портной Антонин Халупецкий.[332] В Лигу вошли также многочисленные представители французской интеллигенции и чиновники, интересовавшиеся чешским вопросом. В первую очередь это были бывшие или действительные члены городского муниципалитета (Шотам, Шерью, Доссе), бывший префект парижской полиции Лепен. Среди «французских друзей» чехов, заседавших в обществе, был и известный скульптор Огюст Роден. Сотрудничал с обществом и профессор Эрнест Дени.[333]

Борьба между «Французско-чешской лигой» и Комитетом велась вплоть до февраля 1915 г., когда выяснилось, что Лига является достаточно слабой организацией, неспособной к тому, чтобы взять в свои руки руководство национально-освободительным движением чехов и словаков. Лигу поддержала лишь 1/3 колонистов; кроме того, ее финансовое обеспечение оставалось весьма

---

[330] La Ligue Franco-Tchèque // Journal Franco-Tchèque Na Zdar. 1914. Deuxième année. № 3 et № 4.
[331] Ibid.
[332] Ibid.
[333] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 74.

скудным. В этих обстоятельствах председатель Лиги Жозеф Санбёф предпринял попытку привести враждующие стороны к согласию.

Негативно отнеслись к данному расколу в руководстве колонии и чешские добровольцы, сожалевшие о том, что в данный момент не находятся в Париже и не могут навести в колонии порядок. В январе 1915 г. чехи, служившие в рядах Иностранного легиона, образовали новый комитет чешских добровольцев, состоящий из 8 человек, отказавшийся поддержать линию Йозефа Гофмана-Краткого.

На состоявшемся 21 февраля 1915 г. генеральном собрании всех членов чешской колонии Йозеф Чапек призвал прекратить ссоры. В свою очередь генеральный секретарь «Французско-чешской лиги» Сильвестр Кренка признал необходимость сотрудничества двух чешских обществ в Париже. В результате новых выборов в состав Комитета был включен секретарь «Французско-чешской лиги» Кепл, а также студент-филолог Ян Скалицкий, член Французско-Славянской ассоциации, занимавший пост секретаря до апреля 1918 г.[334]

Эти преобразования смягчили обострившуюся ситуацию. В результате деятельность Лиги стала контролироваться со стороны Комитета чешской колонии в Париже. К 20 мая 1915 г. из нее были исключены оппозиционные по отношению к Комитету члены – Гофман-Краткий, Грмела и Эберл.[335]

Однако подчинение «Французско-чешской лиги» Комитету чешской колонии в Париже еще не означало окончания борьбы. В декабре 1914 – январе 1915 г. было сформировано еще одно общество, претендующее на то, чтобы встать во главе чешско-словацкого национального движения за рубежом – ***«Национальный совет чешско-славянских колоний» (Národní rada česko-slovanských kolonií).***

Вдохновителем его создания стал представитель чешской колонии в Москве Сватоплук Коничек-Горский. Заручившись поддержкой правительства Российской империи, он отправился в Европу с целью организации за границей славянского революционного движения. Побывав в Румынии, Болгарии, Сербии,

[334] Ibid. P. 68.
[335] Ibid. P. 69.

Италии и Швейцарии, в первой половине декабря 1914 г. Коничек-Горский приехал во Францию. 9 декабря 1914 г. он принял участие во внеочередном собрании Комитета. В своей речи представитель московских чехов рассказал о национальном движении в России и об организации в рядах Русской императорской армии Чешской дружины. Он отметил, что целью борьбы «русских» чехов является «полная независимость чешско-словацкого государства». Заграничные чехи, согласно его мнению, должны были подготавливать «почву чешкой независимости до тех пор, пока сам народ не сможет (…) вступить в борьбу».[336]

Во время другого выступления Коничек-Горский призвал парижскую колонию чехов встать во главе чешской акции в Западной Европе и Америке, объединив их под своим руководством. Тем самым, согласно его мнению, можно было организовать мощное и централизованное движение чехов за границей.[337]

13 декабря в Париже был учрежден ***«Заграничный чешско-словацкий союз» (Zahraniční svaz československý)***. В его рамках образован временный комитет, состоящий из девяти членов. Его председателем стал Франтишек Явурек, заместителями председателя – сам Коничек-Горский и Клепал, секретарями – Кепл и Цркал, казначеем – А. Веселы. Кроме того, в него вошли Й. Чапек, Ф. Якл и Ф. Машин.[338] На следующий день в ходе заседания подготовительного комитета было принято новое название будущей организации – ***«Национальный совет чешско-словацких обществ» (Národní rada obcí československých)***.[339] Приблизительно 17 января она получила свое окончательное название.[340]

На заседаниях руководства «Национального совета» было принято решение об издании собственного печатного органа, направленного на пропаганду чешского вопроса. Им должна была стать газета «L'Indépendence Tchèque»,

---

[336] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 195 ; *Pichlík K.* Zahraniční odboj... S. 75 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 30.
[337] Ibid. S. 195 – 196.
[338] Письмо заместителя председателя «Национального совета чешско-славянских колоний» Р. Клепала и секретаря В. Цркала представителям чешских и словацких зарубежных организаций. 13 января 1915 г. // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. Л. 6 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 30.
[339] Ibidem.
[340] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 196.

выпуск первого номера которой был назначен на 1 января 1915 г. Ее предстояло издавать на чешском, французском и английском языках.[341] На пост редактора был назначен Кепл, находившийся в контактах с Т. Г. Масариком и Л. Сыхравой. Особенно он рассчитывал на помощь Сыхравы, который мог вести рубрику, посвященную новостям из Чешских земель, а также заказывать статьи представителям чешской политической элиты. Кроме того, по договоренности с Масариком, сотрудничать с новым изданием чешской колонии в Париже согласился и Э. Дени.[342]

28 декабря подготовительный комитет выпустил воззвание к зарубежным чехам.[343] Его основной задачей стал созыв на 14 января 1915 г. в Париже съезда представителей зарубежных чешских и словацких колоний. Кроме того, 19 января комитет планировал встречу представителей других славянских народов, с которыми следовало вести переговоры о сотрудничестве и совместных действиях против Центральных держав. Однако из-за нехватки времени на подготовку этих акций было принято решение перенести даты заседаний: чешского съезда – на 28 января, а общеславянского – на 4 февраля 1915 г.[344] К тому моменту был составлен и приблизительный список делегатов. Парижскую колонию на съезде должны были представлять Ф. Явурек, Й. Чапек, Р. Клепал, Р. Кепл, Й. Сыровы, Ф. Машин, А. Веселы и В. Цркал; лондонскую – Форман, Йозеф Сыкора, Франтишек Копецкий, Ф. Станислав и Поур; московскую – С. Коничек-Горский; женевскую – Й. Хохолоушек; американских чехов (колония в Чикаго) – Эрнест Дени и А. Г. Мелихар.[345]

Наладив, как ему казалось, работу своих соотечественников в Париже, Коничек-Горский продолжил свою пропагандистскую кампанию, отправившись в

---

[341] Informations diverses. Les volontaires tchèques // Le Temps. 1914. Cinquante-quatrième année. № 19520. P. 3 ; Zápisník Českého podpůrného svazu (jenž byl založen 9. září 1914 a koncem téhož roku změnen v «Londynský český výbor a legie pro službu v britské armadě» (London Bohemian (Czech) Committee and Legion for British service)) // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 59. Л. 21об. ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 195 – 196 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... // Naše revoluce. 1926. Roč. IV. Sv. 1. S. 31.

[342] Ibidem ; Dopis Sychravy Tvrzickému. V Ženevě dne 5. ledna 1915 // Naše revoluce. 1933. Roč. IX. Sv. 2. S. 173 – 174.

[343] Provolání ke všem Čechům v zahraničí. V Pařiži, 17. prosince 1914 // Цит. по: Boháč J. Op. cit. S. 196 – 197.

[344] Письмо заместителя председателя… // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. Л. 6.

[345] Там же ; Zápisník Českého podpůrného svazu… // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 59. Л. 22об.; Л. 25об. – 26.

Лондон.[346] Здесь ему удалось добиться значимых результатов. 20 и 22 декабря он выступил перед представителями «Лондонского чешского комитета» с лекцией, посвященной деятельности чешских колоний в России. Его инициативы были одобрены единодушно. Был решен и вопрос об источниках финансирования созданной организации. Чешская колония в Лондоне отпустила для ее «начальных и неизбежных расходов» сумму в 200 франков; такой же взнос предстояло сделать «русским» и «французским» чехам. Кроме того, было высказано предложение вести сбор средств на содержание общества за счет ежемесячной уплаты членами лондонской колонии взноса в 6 пенни. Кроме того, «английские» чехи постановили выплатить на нужды выпуска «L'Indépendance Tchèque» 300 фунтов стерлингов.[347] Они передали С. Коничек-Горскому два пожелания – обеспечить возможность редактирования лондонской колонией поступавших в газету «английских» материалов; оставить действительными голоса «Лондонского чешского комитета» в случае невозможности выезда его делегатов на съезд.[348]

В январе 1915 г. этот деятель отправился в Швейцарию, где продолжил свою пропагандистскую деятельность. Здесь он принял участие в заседаниях 2-й конференции чешских колоний в Швейцарии, которая состоялась 17 января 1915 г. в Берне. Однако его русофильские взгляды не нашли понимания у участников съезда. Довольно скептически отнесся к деятельности Коничека-Горского и находившийся на тот момент в стране Т. Г. Масарик.[349]

Присутствие Коничека-Горского в Париже ознаменовало собой новый этап разногласий в рядах чешской колонии. Представитель «русских» чехов выступил против промасариковски ориентированного Кепла. Заручившись поддержкой ряда сторонников в колонии, он начал вести против него агитацию. Поводом стала поездка редактора «L'Indépendance Tchèque» в Женеву для переговоров с Масариком и Сыхравой, официально не санкционированная комитетом.[350] В адрес

---

[346] *Brouček S.* K druhému břehu... S. 115.
[347] Письмо А. Веселы «Чешскому комитету в Лондоне». 6 января 1915 г. // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 – 3 ; Zápisník Českého podpůrného svazu… // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 59. Л. 21об. – 22; 27 об.
[348] Там же. Л. 22об. – 23.
[349] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 64 – 65.
[350] Рудольф Кепл отправился из Парижа в Женеву после Рождества 1914 г. О его отъезде были оповещены лишь

Кепла посыпались обвинения в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, трусости и нежелании осуществлять руководство «революционным журналом». В результате последний был вынужден оставить должность редактора газеты. Его место занял Вилем Цркал.[351]

Первый номер «L'Indépendance Tchèque» вышел в Париже 15 января 1915 г. По своей политической ориентации он был пророссийским. Занимаясь редакторской деятельностью, Цркал полностью сосредоточился на публикации статей «французских друзей» чехов и новостей из колоний в России и Великобритании. О происходивших в Чешских землях событиях практически не упоминалось. Сам Коничек-Горский позиционировал себя духовным лидером парижских чехов. Однако его попытки диктовать свои взгляды «Комитету чешской колонии и добровольцев в Париже» стали причиной раскола в руководстве чешской диаспоры. Одни из них относились к московскому посланнику с симпатией, в то время как другими соотечественниками он был воспринят с крайним недоверием.[352]

Именно на фоне этой сложной и противоречивой обстановки 28 января 1915 г. в Пале-Рояль в ресторане «Вефур» было открыто первое заседание съезда заграничных чехов. Однако ожидаемых масштабов он так и не получил, поскольку на съезде присутствовали лишь представители чешских колоний во Франции, в России и в Великобритании. Не попали на съезд швейцарские и американские чехи, которым не удалось вовремя получить в своих странах разрешение на отъезд в Париж. По этой причине отсутствовали Л. Сыхрава и А. Г. Мелихар. В связи с этим, данные колонии вынуждены были назначить на съезд

Эрнест Дени, а также ряд его сподвижников из комитета. Кроме переговоров с Масариком и Сыхравой, он принял участие в 1-й конференции обществ «швейцарских» чехов, состоявшейся в Берне 3 января. См.: *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 32.

[351] **Цркал, Вилем (Вилуш) (1884 – 1946)** – предприниматель, член чешской колонии в Париже и деятель чешского национального движения во Франции (с 1914 по 1916 гг.) и в России (с 1916 по 1918 гг.) в годы Первой мировой войны. Имел коммерческое образование, два раза приезжал в Россию – в 1908 и 1910 гг. До войны работал в редакции газеты «Народни листы», в 1915 г. являлся главным редактором журнала *L'Indépendance Tchèque*. Был известен в качестве сторонника русофильской ориентации заграничного сопротивления и соратника Йозефа Дюриха. С 1919 г. Цркал являлся ведущим представителем чешской колонии во Франции. См.: [Письмо В. Цркала российскому послу в Париже А. П. Извольскому] // АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3349. Л. 101 ; *Штепанек В. К.* Данные о В. В. Церкале // АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 223. Л. 5 – 6 ; Crkal Vilém // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. S. 341.

[352] *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 32.

своих доверенных лиц. Так, интересы американских колоний представлял Эрнест Дени, одновременно осуществлявший функции почетного председателя. Заседания съезда вел председатель временного комитета «Национального совета чешско-славянских колоний» Франтишек Явурек.[353]

Съезд продолжался до 6 февраля 1915 г. Первым его шагом стало принятие статутов организации, разработанных временным комитетом. Целью работы «Национального совета» было провозглашено сосредоточение в его руках деятельности всех зарубежных чешских и словацких объединений, направленной на «достижение объединения и отделения народа чешско-славянского с целью защиты всех его интересов». На него возлагались следующие задачи – ведение за рубежом пропаганды чешского вопроса, подготовка благоприятной почвы для его решения, установление контактов «с остальными славянскими народами и их союзниками».[354]

Согласно статутам, «Национальный совет чешско-славянских колоний» должен был иметь в Париже собственную канцелярию. В ее рамках предполагалось сосредоточить всю пропагандистскую деятельность данной организации. Главной функцией данного института должен был стать выпуск газеты и иных необходимых формуляров и печатных изданий на четырех языках – чешском, английском, французском и русском.[355]

С самого начала участники съезда предприняли попытку придать существующим между зарубежными чешскими и словацкими колониями связям официальный характер. По предложению представителей лондонских чехов, делегаты съезда разделили все существовавшие в мире чешские и словацкие колонии на четыре группы:

1) ***западная или американская*** – в нее вошли чешские и словацкие колонии и общества в Соединенных Штатах Америки, Канаде, а также в странах Южной Америки;

---

[353] Ibidem ; *Brouček S.* K druhému břehu... S. 116.
[354] Stanovy «Národní rady obcí česko-slovenských» // РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 75. Л. 9.
[355] Там же.

2) ***северная или английская*** – к ней относились общества чехов и словаков, проживавших в Великобритании, странах Скандинавского полуострова и в Дании;

3) ***южная или французская*** – общества чехов во Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии и других «романских» странах;

4) ***восточная или русская*** – чешские и словацкие общества в России, странах Балканского полуострова и Азии.[356]

Поскольку чешские и словацкие колонии делились в структуре «Национального совета» по географическому признаку, первоначально было предложено, чтобы каждая из групп направляла в Париж своих делегатов. Им предстояло сформировать во французской столице особый комитет, задачей которого стало бы осуществление руководства его работой.[357] Однако этот вариант был отклонен из-за нецелесообразности постоянного пребывания делегатов в Париже. В результате участники съезда приняли решение избирать доверенных лиц для каждой группы (по 3 человека для каждого направления).[358]

Ведущие должности во вновь образованном Центральном комитете «Национального совета чешско-славянских колоний» оказались заняты представителями руководства чешской колонии в Париже. Почетным председателем основанного Коничеком-Горским общества был назначен Эрнест Дени. Его заместителями стали Сватоплук Коничек-Горский и Йозеф Чапек, секретарями общества – Клепал, Веселы и Сыровы. Франтишек Якл был назначен казначеем Совета. Он же стал ответственным редактором и издателем газеты «L'Indépendence Tchèque», редакционный комитет которой возглавил Цркал.[359]

Вскоре после съезда между парижскими сторонниками русофильской и промасариковской линий вспыхнул ожесточенный конфликт. Он усилился благодаря тому, что 1 марта 1915 г. в газете «L'Indépendence Tchèque» вышел

---

[356] Там же. Л. 9 – 10 ; Důvěrná zpráva o ustavující schúzi «Národní rady obcí česko-slovenských», konané v Paříži od 28. ledna do 5. února 1915 za přitomnosti delegatu Ameriky, Anglie, Francie a Ruska // Там же. Л. 12 – 13.

[357] Návrh stanov. Národní Rada Kolonií Česko-Slovanských (Conseil National des Colonies Tchéco-Slaves) // Там же. Л. 8.

[358] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 70.

[359] Důvěrná zpráva… // Там же. Л. 14 – 15 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 197 ; *Pichlík K.* Zahraniční odboj... S. 81.

манифест «Национального совета чешско-славянских колоний», автором которого был сам Сватоплук Коничек-Горский. Представитель московской колонии писал о необходимости перехода чешского и словацкого народов под покровительство российского императора. Однако распространения и поддержки среди членов колонии манифест не получил. Во многом этому способствовало то, что газета «L'Indépendence Tchèque» издавалась лишь небольшим тиражом и посылалась в качестве пропагандистского издания членам дипломатических миссий союзных Франции стран, во французские министерства, депутатам парламента Третьей республики, представителям парижского муниципалитета и редакторам газет и журналов, публиковавших статьи, посвященные чешскому и словацкому вопросам.[360]

Напрасной оказалась и поездка Сватоплука Коничека-Горского в середине марта 1915 г. в США. Здесь он активно защищал свои русофильские позиции, однако успеха не имел. К тому же деятельность Коничека-Горского не вызывала одобрения у французских властей. Не получила она поддержки и у большинства чешских добровольцев.

В июне 1915 г. «Национальный совет чешско-славянских колоний» намеревался провести в Париже кампанию по распространению плакатов, посвященных чешскому вопросу. Они были адресованы широким кругам французского общества. В этой связи Цркал предоставил в полицейскую префектуру обращение членов «Национального совета» «К французскому народу» *(A la nation française)*, в котором было выражено стремление членов общества к достижению независимости чешского народа. Однако префект парижской полиции отказался разрешить чехам проведение данной кампании, ссылаясь на то, что данный манифест может показаться преждевременным в Чешских землях, а также подвергнуть репрессиям находящихся в Австро-Венгрии чешских политиков.[361]

---

[360] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 70.
[361] Ibidem.

В мае 1915 г. «Национальный совет чешско-славянских колоний в Париже» попытался организовать во Франции так называемый «Славянский день». Его члены предполагали провести в Париже ряд конференций с участием французских «чехофилов», в первую очередь, депутата Луи Мартена с целью пропаганды чешского вопроса. Для пополнения средств организации было решено изготавливать чешские флаги и продавать их желающим. Одновременно, не согласовав свои действия с чешской колонией в Париже, «Национальный совет» разрабатывал очередной манифест. Его текст стал известен членам колонии в самый последний момент. Это стало результатом возникновения в Париже недоверия к линии Коничека-Горского.

Первым его высказало социалистическое общество «Ровност», затем к нему присоединились английские, швейцарские и американские чехи. А уже в начале июля 1915 г. в Париж прибыл представитель Т. Г. Масарика и лондонской колонии чехов Франтишек Копецкий, который от имени чешского профессора предложил сформировать в столице Французской Республики ***«Чешский национальный совет»***. Это означало окончательный провал пророссийской линии Сватоплука Коничека-Горского во Франции. Предприняв неудачную попытку издания новой пророссийски настроенной газеты «Чешская и словацкая независимость» *(L'Indépendence tchèque et slovaque)*, первый и последний номер которой вышел 5 августа 1915 г., Коничек-Горский уехал из Франции в Россию.[362]

С 14 октября 1915 г. в Париже начал свою деятельность ***Чешский заграничный комитет***, придерживавшийся линии Т. Г. Масарика.[363] Его задачей стало упорядочение работы уже существующих чешских и словацких обществ во Франции с целью организации централизованного чешско-словацкого национально-освободительного движения за рубежом.

Завершая данный раздел, можно отметить следующее. В рассматриваемый нами период в рамках чешской колонии в Париже действовало несколько обществ, целью которых была реорганизация национально-освободительной

---

[362] *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 72.
[363] *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий корпус). Т. 1. С. 13.

борьбы чешского, а затем и словацкого народов за границей: Комитет чешской колонии в Париже, «Французско-чешская лига» и «Национальный совет чешско-славянских колоний». Каждое из них стремилось действовать независимого друг от друга, придерживаясь пророссийской или западноевропейской ориентации. В конечном счете среди представителей чешской колонии в Париже возобладала линия Т.Г. Масарика, что привело к созданию осенью 1915 г. во Франции Чешского заграничного комитета. С его возникновением начался новый этап в истории чешского и словацкого национально-освободительного движения за рубежом. Следует признать, что деятельность его предшественников подготовила почву для появления Чешского заграничного комитета, а впоследствии и Чешско-Словацкого Национального Совета во главе с Т. Г. Масариком.[364]

Несмотря на внутреннюю борьбу среди членов чешской колонии в Париже, на данном этапе руководство колонии значительно продвинулось в достижении поставленных целей, направленных на укрепление положения чешских колонистов как союзника Франции. Активно велась пропаганда чешского вопроса, чехам были предоставлены дальнейшие льготы: возможность поступать в качестве рабочих на военные заводы, фабрики и мастерские, право служить в французских благотворительных организациях, существовавших во время войны, право скидок на проезд по железной дороге для членов чешской колонии в Париже во время их служебных поездок и др. Несомненно, что они укрепили легитимное проживание представителей чешского народа во Французской Республике.

1.3. Военная акция чешской колонии во Франции в начале Первой мировой войны

Как уже отмечалось выше, парижские чехи начали высказываться о своем желании вступить в армию Французской Республики в качестве добровольцев

[364] *Мошечков П. В.* Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии // Славянский альманах. 2018. № 1 – 2. С. 106 – 107.

еще задолго до начала Первой мировой войны. В 1904 году чешское спортивное общество «Сокол» в Париже открыло секцию по стрельбе. Во время Балканских войн 1912 — 1913 гг. Союз чешских обществ в Париже заявил о готовности членов «Сокола» и «Ровности» начать борьбу против Австро-Венгрии в том случае, если она вмешается в конфликт и ее войска будут действовать против Сербии. Он даже начал проводить так называемую «опытную мобилизацию». Данная акция рассматривалась парижскими чехами как своеобразный протест против аннексии монархией Габсбургов в 1908 году Боснии и Герцеговины. Однако австрийское правительство не вмешалось в конфликт, и «мобилизация», проводимая Союзом, была свернута.[365]

С началом Первой мировой войны одновременно с попытками урегулировать нахождение чехов в Париже в военное время начал рассматриваться вопрос о вступлении чехов добровольцами в ряды французской армии. Этот шаг рассматривался как важнейшее доказательство верности чешского народа Франции как своей союзнице. На собраниях представителей чешской диаспоры в Париже 29 июля 1914 года и 1 августа 1914 года значительная часть членов «Сокола» и «Ровности» приняла решение сражаться в начавшейся войне на стороне Третьей республики.[366]

5 августа 1914 г. стало известно о принятии Военным министерством постановления, касающегося набора добровольцев в ряды французской армии. Желающие воевать на стороне Франции могли вступить в армию Третьей республики, начиная с 20-го дня мобилизации (21 августа 1914 года).[367] Получив известие об этом, руководство чешской колонии в Париже организовало для своих соотечественников военные занятия. По образцу членов парижского сокольского общества чехи, принимавшие участие в этих сборах, были объединены в «четы» (*čety* – букв. «взводы»). Каждая из «чет» делилась на более мелкие группы — команды («дружства» - *družstvo*). Руководителями военной подготовки чешских добровольцев и их первыми наставниками стали глава

[365] *Мошечков П. В.* Рота «Наздар»… С. 592 ; *Namont J.-Ph.* Op. cit. P. 71.
[366] *Ivo.* Francouzšti starodružiníci... S. 104.
[367] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 100.

парижского «Сокола» Йозеф Пультр, заместитель председателя колонии Гануш Новак, Иван Штафл и инженер Вацлав Достал, бывший поручик артиллерии, офицер запаса австрийской армии.[368]

Кроме того, добровольцы учились обращаться со стрелковым оружием. Однако 18 августа губернатор Парижа, генерал Виктор-Констан Мишель запретил парижской колонии организовывать за свой счет военное обучение добровольцев.[369] В результате военные занятия чехов были прекращены.

Вскоре после объявления 12 августа Французской Республикой войны Австро-Венгрии в Париже стало известно новое постановление о принятии на службу во французскую армию добровольцев. Они могли записываться только в ряды вспомогательных воинских подразделений. Наконец, 19 августа 1914 года французским правительством было принято решение и по поводу иностранцев, желающих сражаться во время войны бок о бок с французскими солдатами. Поскольку предполагалось, что в ряды французской армии будет записано около 40 тысяч добровольцев иностранного происхождения, было принято решение о создании отдельной призывной комиссии. Добровольцы должны были отправляться в армию по национальному признаку и в алфавитном порядке. Иностранные подданные, желающие воевать на стороне Франции, могли поступать на службу только в полки Иностранного легиона.[370]

Мобилизация добровольцев иностранного происхождения в ряды французской армии была назначена на 21 — 22 августа 1914 г. и производилась в Доме Инвалидов. Запись чешских добровольцев состоялась 22 августа. Интересно, что утром этого дня на место призыва прибыло около 500 — 700 чешских волонтеров. Однако лишь около 350 из них были признаны годными к

---

[368] **Достал, Вацлав** (1888 — 1915) – один из ведущих деятелей Чешской колонии в Париже в начале Первой мировой войны. Родился в 1888 г. в Подебрадах. В 1906 – 1907 гг. проходил службу в артиллерии австро-венгерской армии. С 1911 г. проходил обучение в Свободной школе политических наук в Париже. Один из первых чешских добровольцев, которому было позволено вступить во французскую армию, сохранив свой офицерский чин. После окончания пулеметных курсов стал командиром пулеметного отряда батальона D 2-го маршевого полка Иностранного легиона. Погиб в сражении у Арраса 9 мая 1915 года. См.: *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 177 — 178 ; In memoriam Václava Dostala // Naše revoluce. 1928. Roč. V. Sv. 1 – 2. S. 111.

[369] *Гайкова Д.* «Эти люди идут на казнь»... С. 550 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 105 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 20 – 21.

[370] *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 110.

строевой службе.[371] Желание воевать за Францию и за независимость своего народа было у парижских чехов столь велико, что некоторые из добровольцев во время прохождения медицинской комиссии скрывали даже свой возраст. Наиболее показательном в этом отношении является пример Лумира Бржезовского, которому на момент начала войны было всего 16 лет. Первоначально сотрудники призывной комиссии отклонили его просьбу о вступлении добровольцем в армию, однако тому удалось «состарить себя перед другим врачом», который, в результате, ему поверил.[372]

На следующий день, 23 августа 1914 г., вместе с остальными добровольцами чехи явились на вокзал Иври, откуда их отправили в город Байонну на границе Франции с Испанией, где предполагалось производить обучение волонтеров военному делу. Первый транспорт с чешскими добровольцами прибыл в Байонну 24 августа (343 добровольца). Еще несколько чехов-добровольцев приехало 27 августа 1914 года.[373] 31 августа 1914 года был сформирован батальон «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона.[374] Его первая рота, полностью состоявшая из чешских солдат, получила название рота «Наздар» (Compagnie Nazdar).[375] В нее вошло около 250 добровольцев.[376]

---

[371] Ibid. S. 59 ; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská... S. 21.

[372] *Ivo.* Francouzšti starodružiníci... S. 104 ; *Mareš B.* Lumír Březovský... S. 42 – 43 ; *Ulrych E.* S Francii za svobodu světa. S. 11 ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques... P. 27.

[373] *Boháč J.* Op. cit. Kn. 1. S. 145; 143.

[374] Согласно постановлению, принятому правительством Французской Республики в 1884 году, Иностранный легион должен был состоять из двух полков. Каждый полк мог иметь в своем составе произвольное количество батальонов. До Первой мировой войны оба полка были расквартированы в Алжире — 1-й полк располагался в городе Сиди-Бель-Аббес, 2-й полк — в Саиде. С началом набора добровольцев, командованием Иностранного легиона и военным министерством было создано несколько военных лагерей, куда должны были направлять иностранцев, желающих служить в рядах французской армии. Так, командованию 1-го полка подчинялись лагеря добровольцев, расположенных в Лионе (там начал формироваться его батальон «А»), Авиньоне (батальон «В») и Байонне (батальон «С»). Командование 2-го полка осуществляло контроль над лагерями в Руане, Орлеане и Блуа. Для формирования командного состава батальонов из Алжира в европейские лагеря Иностранного легиона направлялись офицер в чине капитана или лейтенанта, прапорщик или фельдфебель, старший сержант, четыре младших сержанта, шестнадцать ефрейторов и два трубача. Указанные лица должны были также обучать добровольцев военному делу перед их отправкой фронт. Позже, когда стало ясно, какие масштабы примет начавшаяся война, во Францию для организации обучения добровольцев были направлены четыре роты под командованием майора Друэна и капитана Колле. См.: Ibid. 142 — 143.

[375] По правилам организации французской пехоты каждый батальон Иностранного легиона должен был состоять из четырех пехотных рот и одного пулеметного взвода. Каждая из рот отмечалась буквой батальона с добавлением соответствующего номера. Так, чешская рота «Наздар» в составе батальона «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона числилась как рота «С1». Рота «С2» была сформирована из польских и бельгийских добровольцев, «С3» — из швейцарских и люксембургских, а «С4» — из испанских и итальянских. Командиром батальона «С» Иностранного легиона был назначен майор Нуаре. См.: Ibid. S. 143 — 144; 150.

[376] В исторических источниках и работах, посвященных роте «Наздар» и первым чешским легионерам отсутствует

В состав роты вошли также чешские добровольцы, прибывшие из Лондона в конце октября — начале ноября. Незадолго до начала войны лондонские чехи приняли во время собрания в Гайд-парке свою резолюцию. В ней они осудили политику австро-венгерского правительства, охарактеризовав ее как «антиславянский союз с Германией». Меморандум чехов был направлен в Военное министерство.[377] 8 августа 1914 года туда был отправлен список, в котором были фамилии 105 чехов-добровольцев, желающих поступить на службу в армию Великобритании. Однако данное ходатайство было отклонено английским правительством, которое на тот момент еще не находилось в состоянии войны с Австро-Венгрией.[378]

В результате часть добровольцев решила покинуть Лондон и отправиться воевать в ряды французского Иностранного легиона. Поскольку у чехов, проживавших в Великобритании, не было достаточно денег на отправку своих соотечественников во Францию, чешская колония в Париже согласилась оказать им свою помощь. Представители парижских чехов, также не имея в своем распоряжении достаточно средств, обратились во французское консульство в Лондоне с просьбой, чтобы оно организовало транспортировку лондонских волонтеров в Париж на свои средства. Самих лондонских чехов, желавших сражаться на стороне Третьей республики, было немного. Так, Ярослав Богач отмечает, что 23 октября 1914 года в Пале-Рояль прибыло 29 добровольцев. Именно они затем отправились в Байонну, чтобы пополнить ряды роты «Наздар». Еще 8 лондонских чехов, желающих вступить добровольцами во французскую армию, приехали в Париж 1 ноября. Однако мобилизационная комиссия в Доме

точный подсчет добровольцев, входивших в ее состав. В частности, это было отмечено Рудольфом Роблом, автором монографии, посвященной знаменосцу роты Карелу Бездичку. Так, он приводит письмо Бездичека, в котором тот упоминает о том, что их рота насчитывает 280 солдат. В дневнике Яна Гофмана говорится о 350 добровольцах, а список чешских легионеров. В сборнике «Československá legie ve Francii» говорится, что на момент отправки батальона «С» на фронт рота состояла из 238 чехов. Ярослав Богач сообщает о 250 легионерах, той же цифры придерживаются в своей работе Карел Пихлик, Богумир Клипа и Йитка Заблоудилова. См.: *Boháč J.* Op. cit. Kn. 1. S. 149 ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 22 ; *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček: příspěvek k historii české roty Nazdar ve Francii, 1914 – 1915. Brno, 1935. S. 62 ; Zloženie roty Nazdar v roku 1914 // Československá legia vo Francúzsku. S. 43 – 44.

[377] *Polavský A.* Česká revoluce v Anglii. Příspěvek k dějinám našeho zahraničního odboje // Dokumenty náší národní revoluce. 1924. Roč. 2. Č. 5. S. 102.

[378] Ibidem.

Инвалидов признала годными к строевой службе лишь 6 из них. Они были направлены в парижские казармы Рёйи, где к тому моменту уже находилась часть чешских добровольцев.[379]

К зиме 1914 г. рота «Наздар» была организована следующим образом. Командиром роты был назначен капитан Иностранного легиона Мари Леон Жозеф Салле. Сама рота делилась на четыре взвода. Их командирами стали старший лейтенант Бурьен, старший лейтенант Шапуло, фельдфебель Гайяр и прапорщик Андреани. Взводы, в свою очередь, состояли из двух полувзводов, в каждый из которых входило по две команды, всего команд было 16. Таким образом, в составе каждого батальона было по четыре команды. В каждую команду входило от 14 до 17 добровольцев.[380]

В сентябре-октябре 1914 года в составе роты «Наздар» появились первые добровольцы, получившие младшие командные должности. Так, 14 сентября 1914 года добровольцы Йозеф Гильдебранд, Богуслав Свобода и Иван Штафл стали младшими сержантами, получив возможность руководить командами. Через три недели, 5 октября 1914 года, Свобода и Штафл были повышены в звании, став старшими сержантами. Звание младшего сержанта получили легионеры Рудольф Блацкий, Вацлав Колин, Йозеф Неханский, Отто Штейнбергер, Ян Кадавый, Арношт Карафиат, Фердинанд Клос, Вацлав Пилат, Рудольф Скопец и Йозеф Тамхына. Все они ранее проходили военную службу в австро-венгерской армии, где также занимали командные должности (сержанты или младшие офицерские чины). 9 октября из Парижа в Байонну прибыли Рудольф Аудрицкий[381] и Вацлав Достал — первые чешские добровольцы, принятые в ряды Иностранного легиона в офицерском звании.[382] Достал вскоре уехал совместно с некоторыми другими чешскими добровольцами в Бордо и Ним для прохождения курсов пулеметной

---

[379] *Boháč J.* Op. cit. Kn. 1. S. 188 — 189 ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 22.

[380] *Ivo.* Francouzšti starodružiníci... S. 184 ; Zloženie roty "Nazdar" v roku 1914 // Československá legia vo Francúzsku. S. 43 – 44.

[381] **Аудрицкий, Рудольф (Audritzký Rudolf) –** родился в 1888 году в Терезине, происходил из старинного чешского дворянского рода Удрцких из Удрча (Удритша). Барон, поручик австрийской кавалерии в отставке. В Париже жил с 1912 года, вступил наряду с Вацлавом Досталом во французскую армию в чине лейтенанта. См.: *Boháč J.* Op. cit. Kn. 1. S. 188 — 189. S. 154.

[382] Ibid. S. 154.

стрельбы.[383]

29 августа 1914 года чешским добровольцам было выдано оружие: винтовки Лебеля образца 1886 года, которые давно уже вышли из употребления во французской армии, а 1 и 2 сентября — форма и снаряжение французских пехотинцев.[384] В Байонне рота прошла двухмесячные учения, а затем, после торжественного вручения байоннским городским старостой Жаном Гара ротного знамени с изображением чешского льва, которое было вышито для роты «Наздар» руками байоннских дам, была отправлена 23 октября 1914 года на фронт в Шампань в составе батальона «С».[385]

После прибытия на фронт 5 ноября 2-ой маршевый полк Иностранного легиона (батальоны «А», «В» и «С») был зачислен в состав Марокканской дивизии.[386] Приблизительно в это же время в его состав был включен батальон D, пулеметным взводом которого командовал лейтенант Достал.[387] Согласно приказу командования Иностранного легиона, батальону «С» было поручено контролировать отрезок фронта протяженностью в несколько километров у деревни Майи, находившейся недалеко от города Реймса.[388]

6 ноября первый взвод роты «Наздар» был отправлен в окопы, а уже на следующий день вся рота была направлена на позиции в Лес Зуавов *(Bois de*

---

[383] Ibid. S. 158 – 159.
[384] Ibid. S. 147.
[385] *Henry Ch., De Mèans F.* L'armée Tchécoslovaque... P. 70 ; *Kudela J.* Československé vojsko ve Francii. S. 6.
[386] **Марокканская дивизия** - одно из крупнейших воинских подразделений во Франции в годы Первой мировой войны. Дивизия была сформирована 15 августа 1914 г. в Бордо из пехотных полков, входивших в состав колониальной Африканской армии Французской Республики (полки алжирских и тунисских стрелков, 8-й полк зуавов (элитных частей французской легкой пехоты, набиравшихся, преимущественно, из представителей племен Северной Африки). Затем к ней были присоединены пехотные полки Иностранного легиона. Данные боевые единицы считались лучшими пехотными полками французской армии. Именно в составе пехотных полков Иностранного легиона, сформированных из представителей различных народностей, сражались чешские и словацкие добровольцы. Подразделения Марокканской дивизии принимали участие в сражении на реке Маас (1914 г.), первой битве на Марне (1914 г.), битве у Арраса (Артуа) (май 1915 г.) и второй битве в Шампани (сентябрь 1915 г.); в июне-июле 1916 г. - в битве на Сомме. В кампании 1917 г. дивизия принимала участие в боях в Шампани (апрель 1917 г.) и во второй битве у Вердена (август 1917 г.). В кампании 1918 г. солдаты Марокканской дивизии сражались в битве на Эне (июнь 1918 г.), в июле 1918 г. приняли участие во второй битве на Марне. Командовали дивизией: в 1914 г. - генералы Юмбер и Блондла, в 1915 г. - генерал Коде, с августа 1916 по сентябрь 1917 гг. - генерал Дегут; с 1916 г. - генерал Доган (вплоть до конца Первой мировой войны). См.: Marocká divise // Československá legia vo Francúzsku. S. 45 ; *Šteidler F., Boháč J., Bednářík F.* Československé legie za světové války. S. 34.
[387] *Joffé S.* La phalangue Tchèque. P. 92.
[388] *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček. S. 86.

Zouaves), названный так по расположению в нем полка африканских стрелков.[389] В окопах в Шампани рота находилась до конца апреля 1915 года. Здесь произошли первые потери роты «Наздар»: 11 декабря был смертельно ранен семнадцатилетний Лумир Бржезовский, работавший в Париже официантом.[390] В марте 1915 г. погиб первый из добровольцев, приехавших во Францию из Лондона, девятнадцатилетний Франтишек Фриц.[391]

В апреле 1915 года Марокканская дивизия была снята с фронта и направлена в провинцию Артуа в Северной Франции, куда ее части прибыли 26 – 27 апреля.[392] Главнокомандующий французских войск генерал Ж. Жоффр и командующий группой армий «Север» генерал Фердинанд Фош, готовили здесь прорыв укрепленной линии немецких войск. Удар французской армии планировалось осуществить силами X-й армии генерала Виктора д'Урбала. Ей предстояло овладеть расположенными к юго-востоку от деревни Вими высотами 132 и 140. Основной удар по противнику во время осуществления прорыва должен был совершить 33-й корпус под командованием генерала Ф. Петена, укрупненный за счет вхождения в его состав Марокканской дивизии. Ей были выделены позиции на 1400-метровом отрезке линии фронта, простиравшемся между Бертонвальским лесом и шоссе Экуавр – Ла Таржетт. Целью атаки была определена высота 140, расположенная на расстоянии 8 километров от первой линии французских войск.[393]

9 мая 1915 г., после артиллерийской подготовки, в десять часов утра французские войска начали наступление. Части Марокканской дивизии были первыми брошены в атаку против укрепленных немецких позиций, т. н. «Белых укреплений» *(Ouvrages Blancs)*.[394] Чешские добровольцы во главе с командиром

---

[389] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 23 ; *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček. S. 86.
[390] *Mareš B.* Lumír Březovský... S. 80 – 81.
[391] Válečný deník Jendy Hofmana... S. 78.
[392] Les armées françaises... T. II. P. 697.
[393] *Kotík L.* Průlom v Artois dne 9. května 1915. S. 7 – 9 ; Les armées françaises... T. III. P. 11 – 12; 40.
[394] Укрепления немецкой армии были названы так из-за того, что при их создании на поверхность были извлечены нижние слои почвы с высоким содержанием мела. См.: *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček. S. 86.

батальона «C» майором Нуаре и капитаном Салле шли в бой в первых рядах.[395]

Сражение у Арраса можно назвать успешным лишь условно. Французской армии удалось занять высоту 140 и продвинуться на 4 км вглубь позиций противника, проломив его оборонительные укрепления. Однако этот успех был временным. Из-за мощной и решительной контратаки немецких войск французские военные подразделения были вынуждены отступить и ожидаемый прорыв так и не осуществился.[396] В этом сражении Марокканская дивизия понесла значительные потери. Говоря о батальоне «C», следует отметить, что в ходе сражения были убиты все офицеры, командовавшие им, а из 925 человек его личного состава осталось около 1/3 (не считая раненых).

Что же касается роты «Наздар», то необходимо отметить, что из 250 участвовавших в сражении добровольцев осталось лишь около 100 – 110 боеспособных солдат, погибло 42 человека. Среди погибших были и некоторые из ведущих деятелей чешской колонии в Париже. Так, в сражении у Арраса были убиты руководитель парижского «Сокола» Йозеф Пультр и один из его членов, знаменосец роты «Наздар» Карел Бездичек. Пали в бою председатель общества «Ровност» Йозеф Шибал и командир пулеметного взвода батальона «D» лейтенант Вацлав Достал.[397] Командир роты «Наздар» капитан Салле был ранен в бою, а сшитое байоннскими дамами знамя с изображением чешского льва было потеряно.[398] Тем самым закончилась история роты «Наздар» (роты «C1») как первого воинского подразделения, преимущественно состоявшего из чешских добровольцев. Оставшиеся в живых чешские легионеры вошли в состав двух батальонов, сформированных из остатков 2-го маршевого полка Иностранного легиона. После новой атаки у Арраса (16 июня 1915 г.), в которой части Марокканской дивизии вновь понесли огромные людские потери, батальон «C» был распущен, а его военнослужащие оказались разбросаны между различными

[395] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 23.
[396] *Foch F.* Mémoires... T. II. P. VI ; *Kotík L.* Op. cit. S. 16 – 17.
[397] *Henry Ch., De Méans F.* L'armée Tchécoslovaque. P. 71 ; *Pichlík K., Vávra V., Křížek J.* Červenobílá a rudá. S. 58 ; *Šteidler F., Boháč J., Bednářík F.* Československé legie za světové války. S. 35.
[398] *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček. S. 24.

частями, входившими в состав Иностранного легиона.[399]

Вторая битва в Артуа стала одним из крупных сражений Великой войны, в которых приняли участие солдаты чешского происхождения. Именно поэтому героическая атака роты «Наздар» на немецкие позиции стала активно использоваться колонией в пропаганде чешского вопроса во Франции. Павшие в сражении добровольцы стали впоследствии восприниматься как национальные герои, пожертвовавшие своей жизнью за чешское дело.[400]

Дальнейшая судьба чешских добровольцев в составе французской армии сложилась следующим образом. После роспуска батальона «С» больше всего военнослужащих чешского происхождения оказалось в 1-ой роте батальона «В» 2-го маршевого полка Иностранного легиона. В начале июля 1915 года в Марокканскую дивизию влились также чешские добровольцы, ранее служившие в 3-ем маршевом полку Иностранного легиона, который незадолго до этого был распущен. В результате был сформирован особый сводный полк, не обозначенный никаким порядковым номером, а первая рота его батальона «В» постепенно превратилась в боевую единицу, состоявшую преимущественно из чешских добровольцев. В сентябре-октябре 1915 г. Марокканская дивизия была вновь отправлена на фронт, в провинцию Шампань. Здесь чешская рота вошла в состав батальона «А». Ее командиром стал чешский доброволец Иван Штафл, получивший после сражения у Арраса звание младшего лейтенанта.[401]

В конце октября 1915 года Марокканская дивизия была отправлена в тыл. Здесь произошло первое знакомство чешских добровольцев, сражавшихся на Западном фронте, с представителями Российской императорской армии. Чешских легионеров посетил представитель российского командования в Союзном совете во Франции генерал Яков Григорьевич Жилинский.[402] Церемония состоялась 17 января 1916 г. По окончании смотра войск он наградил восемнадцать чехов,

---

[399] *Pichlík K., Vávra V., Křížek J.* Červenobílá a rudá. S. 58.

[400] См., например, следующие статьи и заметки в официальных печатных органах чешско-словацкого заграничного сопротивления: *Martin L.* La gloire de la Bohême // L'Indépendance Tchèque. 1915. № 10 – 11. P. 1 ; Našemu vojsku. V Paříži, v květnu 1916 // Československá samostatnost. Roč. I. Č. 17. S. 1.

[401] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914 – 1920). S. 48.

[402] РГВИА. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 ; Les Tchèques et la Russie // La Nation Tchèque. Première année. № 10. P. 304 ; Čeští dobrovolníci v armadách spojenců // Československá samostatnost. 1916. Roč. I. Č. 11. S. 1.

военнослужащих Иностранного легиона, крестами и медалями Святого Георгия.[403] Мероприятие завершилось грандиозным парадом, в котором приняли участие и чешские добровольцы.[404] Визит русского генерала во Францию был воспринят как «торжественное подтверждение солидарности чешского дела и дела союзников».[405]

В ответ на данную акцию генерала Жилинского чешские добровольцы Иностранного легиона отправили российскому императору Николаю II обращение.[406] В нем уже показательно то, что к Николаю II чехи-добровольцы обращались как к «царю-освободителю», а Россия была обозначена как страна, готовая взять под покровительство остальные славянские народы.

Составителями обращения к Николаю II были сенатор Луи Мартен, неизвестный чешский депутат и лейтенант Иван Штафл, который доставил его текст в Ставку во время приезда в Россию в составе миссии Й. Дюриха.[407] Послание датировалось 18 марта 1916 г. и было заверено командующим сводным полком Иностранного легиона подполковником Котом.[408]

Вскоре после этого события в апреле 1916 г. из состава Иностранного легиона выбыли лейтенанты Рудольф Аудрицкий и Иван Штафл, которые были отправлены в качестве переводчиков в Русский экспедиционный корпус, прибывший во Францию в качестве подкрепления для французской армии.[409] Затем, в июне 1916 года, Марокканская дивизия была перемещена с участка фронта на реке Уазе на линию фронта у реки Соммы. Там готовился прорыв немецких позиций, который планировалось совместно осуществить французскими и английскими войсками. Здесь солдаты чешского происхождения

---

[403] Из восемнадцати чешских легионеров получили георгиевские кресты взводные командиры Колин и Жибржид. Остальные шестнадцать добровольцев были награждены георгиевскими медалями. См.: Boháč J. Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 416 – 420.
[404] Ibid.
[405] Les Tchèques et la Russie // La Nation Tchèque. Première année. № 10. P. 304.
[406] № 196. Обращение чехов-волонтеров Иностранного легиона во Франции к Николаю II по поводу войны с Германией // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 299.
[407] Письмо директора Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н. А. Базили начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексеева. 5 августа 1916 г. // АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 93. Л. 84.
[408] № 196. Обращение чехов-волонтеров… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 300.
[409] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914 – 1920). S. 48.

вновь проявили героизм и самоотверженность. Были также существенные потери – 18 погибших и 28 раненых.[410] Таким образом, и чешскую роту в составе батальона «А» ожидала та же судьба, что и ранее роту «Наздар». Она перестала существовать как компактное чешское военное формирование в составе французской армии.[411]

Приведенные выше примеры показывают, что на начальном этапе Первой мировой войны чешские и словацкие солдаты, равно как и другие добровольцы славянского происхождения, поступившие на службу в ряды французской армии, не образовывали каких-либо самостоятельных формирований в её составе, а входили в более крупные военные подразделения Иностранного легиона. К тому же, численность добровольцев славянского происхождения в рядах французской армии была невелика. Во многом на это повлияло принятие в июне 1915 года так называемого закона Беранже.[412] Он лишал статуса военнослужащих Иностранного легиона лиц, принятых на военную службу с 1 августа 1914 г. и являющихся подданными держав, находящихся в состоянии войны с Францией и ее союзниками. Статьи 2-я и 4-я закона аннулировали постановления о принятии на службу во французскую армию всех иностранных подданных, которые противоречили бы данному закону. Таким образом, под действие данного законопроекта попали чешские и словацкие, а также польские добровольцы. В статье третьей было сделано исключение для жителей Эльзаса и Лотарингии: за ними сохранялось право поступать на французскую военную службу в годы войны.[413]

---

[410] Ibid. S. 49.

[411] Ibid. Ко второй половине 1916 г. чешские добровольцы оказались разбросаны по различным подразделениям Иностранного легиона, которые вели военные действия на территории Французской Республики и в ее колониях. В самой Франции сражалось около 130 чехов, 29 из которых служило военными переводчиками; около 150 чешских добровольцев воевали в Алжире и Марокко, один из них — на территории современного Вьетнама. 30 первых чешских легионеров в составе французского экспедиционного корпуса попали на Салоникский фронт. Известно, что во французской армии служило также несколько чешских летчиков. Это были добровольцы, записавшиеся на курсы летчиков в По, заручившись поддержкой Милана Растислава Штефаника, и с отличием окончившие их. Самым известным из них является легионер Ян Гофман, начавший службу в Иностранном легионе в составе роты «Наздар». Он погиб в воздушном сражении под Реймсом в марте 1917 года. См.: *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchécoslovaque. P. 59 ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 49 – 50.

[412] **Беранже, Анри** (1867 — 1952) – французский политик и писатель, с 1912 по 1945 гг. являлся сенатором Французской Республики.

[413] Senat – Séance du jeudi 3 juin // Journal officiel... 4 Juin 1915. P. 261.

Из протокола обсуждения вопроса о принятии данного закона во французском парламенте видно, что он был принят членами Сената почти единодушно. Не оказала серьезного влияния и речь Луи Мартена, предпринявшего попытку внести в его текст поправку, позволявшую оставить нетронутыми обязательства чехов, добровольно поступивших на службу в Иностранный легион. В своей речи Луи Мартен пытался обратить внимание членов Сената на то, что добровольцы славянского происхождения, сражаясь в рядах французской армии, готовы бескорыстно отдать свою жизнь не только за победу Французской Республики в войне, но и за свободу своей родины. Однако несмотря на то, что речь Мартена была встречена бурными аплодисментами, свидетельствовавшими о восхищении сенаторов героизмом и самоотверженностью чешских солдат, данный законопроект не был ими одобрен.[414]

Закон Беранже вызвал протест не только у чехов, сражавшихся в рядах французской армии. Их чаяния были поддержаны также симпатизирующими добровольцам французскими политиками, учеными, общественными деятелями. Вышедшие из-под их пера письма и ходатайства в органы французской прессы и частным лицам выражали восхищение самоотверженностью и мужеством солдат роты «Наздар», шедших в атаку вместе с подразделениями французской армии во время сражения у Арраса. Они призывали правительство и общественные круги Третьей республики обратить внимание на просьбы и надежды славян, принявших решение добровольно пролить свою кровь за Францию.

В этом контексте особенно показательно письмо бывшего командира роты «Наздар», капитана Салле, одному из подписчиков журнала. Оно было написано им в госпитале, куда он попал после сражения при Аррасе. Французский офицер выражал свою озабоченность тем, что ему не удается договориться с вышестоящим начальством об изменении его отношения к чехам, желающим

[414] Ibid. P. 262 – 263 ; Senát Francúzskej republiky – schôdza zo dňa 3. júna 1915 // Československá legia vo Francúzsku. S. 48 – 54.

вступить в ряды французской армии.[415] Отсюда следует, что не все французские политики и общественные деятели, тем более простые обыватели, положительно относились к идее вступления в ряды Иностранного легиона чешских и словацких добровольцев. Ведь многие из них были австрийскими гражданами и, следовательно, могли рассматриваться как подданные вражеского государства.

Интересна также и статья, опубликованная в № 14 La Nation Tchèque, в разделе «Факты и последние известия».[416] Ее автором являлся бывший президент Франко-Славянской ассоциации Жорж Бьенэме. Он адресовал правительству Франции предложение отделять добровольцев, искренне преданных делу союзников, от остальных подданных держав, находящихся в состоянии войны с Францией, которые, становясь военнослужащими французской армии, преследовали сугубо личные интересы. Для этого он считал необходимым привлечь к процессу набора добровольцев иностранного происхождения во французскую армию людей, хорошо разбирающихся в славянском вопросе. Обязательным условием для допуска этих специалистов к работе с добровольцами славянского происхождения была их лояльность французскому правительству. Согласно проекту Бьенэме, специалисты должны были прикрепляться к административным органам, которые были ответственны за мобилизацию — Префектуре полиции и военным комиссариатам. Такой шаг позволил бы предотвратить различные недоразумения и нарушения прав добровольцев иностранного происхождения.[417]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на первом этапе войны французское правительство и командование французской армии не проявляло какой-либо особой активности по созданию самостоятельных чешско-словацких воинских формирований. Если сравнивать роту «Наздар» как военное формирование в составе батальона «С», практически полностью состоящее из чехов, с созданной в то время в Российской империи Чешской дружиной, то можно выявить принципиальные различия между двумя этими боевыми

[415] Les Amities Tchèques // La Nation Tchèque. 1915. Première année. № 7. P. 114.
[416] Faites et informations // Ibid. № 14. P. 62 – 63.
[417] Ibid. P. 63.

единицами. Чешская дружина представляла из себя самостоятельное вооруженное формирование, положение которого в составе Русской императорской армии определялось постановлениями и приказами командования российской армии и правительства. Таким образом, уже с самого начала войны статус Чешской дружины как специализированной боевой единицы был закреплен на законодательном уровне. Что же касается роты «Наздар», то можно отметить, что она являлась всего лишь боевой единицей в составе одного из батальонов 2-го маршевого полка Иностранного легиона. Служившие в роте «Наздар» добровольцы выполняли те же функции, что и остальные солдаты Иностранного легиона — несли службу в окопах, а в свободное от защиты линии французского фронта время принимали участие в строительстве оборонительных укреплений и проведении саперных работ.[418] Солдаты же Чешской дружины с самого начала имели более привилегированное положение: известно, например об их специальном использовании в качестве разведчиков на фронте. Уже сам факт принятия российским Генеральным штабом решения о создании отдельной Чешской дружины говорит о привилегированности ее положения в составе русской армии в начале Первой мировой войны. Достаточно твердое положение дружины способствовало ее преобразованию в более крупные единицы за счет притока австро-венгерских военнопленных. Все эти условия сделали возможным создание в России отдельного Чешско-Словацкого корпуса, ставшего крупным и боеспособным военным формированием. Во Франции же не было возможности создать нечто подобное, поскольку чешские добровольцы сражались в рядах различных подразделений Иностранного легиона. Важную роль играл и тот факт, что на Западном фронте против французской армии сражались, главным образом, немецкие войска. Этот факт обусловил отсутствие во Франции большого количества военнопленных австро-венгерского происхождения, в отличие от Российской империи.[419] Немаловажную роль в этом сыграл и закон Беранже, запрещавший принимать в ряды Иностранного легиона подданных враждебных

[418] *Mareš B.* Lumír Březovský... S. 63 – 65.
[419] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914 – 1920). S. 24.

Французской Республике государств. Следовательно, по вполне объективным причинам, и речи не могло идти о создании каких-либо крупных воинских подразделений в составе французской армии, состоящих преимущественно из чехов-добровольцев.

Глава II. Успехи и неудачи на пути формирования чешско-словацких войсковых единиц в России и Франции в 1916 году[420]

2.1. Вокруг вопроса об отправке чешско-словацких добровольцев из России во Францию

Первые проекты подкрепления чешско-словацкой национально-освободительной акции вооруженными силами. 1916 г. ознаменовал собой новый период в истории чешско-словацкого национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны. Именно в это время начинается процесс концентрации усилий лидеров зарубежных чешских и словацких колоний по координации действий в заграничной акции. Особую активность в этом направлении во Франции проявили Томаш Гарриг Масарик, Эдуард Бенеш и присоединившийся к ним Штефаник. В феврале 1916 г. существовавший к тому моменту в Париже первый политический орган чешского сопротивления – основанный этими деятелями в октябре 1915 г. Чешский заграничный комитет – был переименован в Чешско-Словацкий национальный совет (ЧСНС).[421]

Руководство ЧСНС избрало своим местом пребывания столицу Франции не случайно. В своих мемуарах Эдуард Бенеш отмечал: «Париж был избран по простой причине: во Франции находился главный военный фронт, Париж был в значительной мере политическим, дипломатическим и военным центром всех союзных стран; и, соответственно, можно было ожидать, что война будет иметь решающее значение во Франции и для нас».[422] В первой половине 1916 года лидеры ЧСНС начинают проводить активную политику, направленную на расширение своего влияния среди представителей чешской и словацкой

---

[420] На основании главы подготовлены статьи: *Мошечков П. В.* Французский аспект миссий Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию (1916) // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2018. № 1. С. 18 – 31 ; *Его же.* Успехи и неудачи миссии Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в России: обсуждение вопроса об отправке военнопленных во Францию // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 2. С. 19 – 28.

[421] *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 15.

[422] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 116.

эмиграции в Европе, США и Канаде. Они стремились поставить под свой контроль все эмигрантские организации чехов и словаков.[423]

Одним из наиболее насущных вопросов, которые пытались решить лидеры ЧСНС, стала проблема формирования чешско-словацкой армии. О необходимости подкрепления чешского национально-освободительного движения собственными вооруженными силами Т. Г. Масарик начал говорить еще в начале Первой мировой войны. Тогда в кругах чешских и словацких общественных деятелей и политиков возникло убеждение в том, что русские войска вскоре займут территорию Чехии. В своих воспоминаниях первый президент Чехословацкой республики отмечал, что еще в 1914 г. он вел переговоры со своим коллегой депутатом А. Калиной о той роли, «какую могли бы взять на себя соколы[424] в данный момент, особенно же при ожидаемой оккупации».[425]

Калина организовал встречу Масарика с лидером чешского «Сокола» Йозефом Шейнером, с которым будущий президент Чехословакии обсуждал вопрос о возможности создания из представителей движения специальных отрядов для охраны общественного порядка. Масарику удалось договориться с Шейнером о том, что «соколы, в случае русской оккупации, пошли бы в народную милицию, а, смотря по обстоятельствам и необходимости, и в национальное войско».[426] Оба чешских политика понимали, что если русская армия и достигнет Чешских земель, то ей придется отступать, «в случае, если бы немцы наступали через Саксонию, а австрийцы с юга». Более того, Йозеф Шейнер, ездивший в Россию весной 1914 г., осознавал, что рассчитывать на помощь царского правительства было бесполезно тем более, что российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов сообщил ему, что «русская армия не готова к решительной войне».[427]

---

[423] *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 140.

[424] **Сокол (Чешское сокольское общество, чешск. –** *Česká oběc sokolská***)** – физкультурная организация, основанная в феврале 1862 г. представителями чешского национального возрождения Мирославом Тыршем и Йиржи Фюгнером. Основной своей целью данное общество провозглашало организацию физического воспитания своих членов, а также ведение спортивной, культурной и общественной деятельности.

[425] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 20.

[426] Там же.

[427] Там же. С. 21.

В феврале 1915 г. Масарик вновь вернулся к вопросу о необходимости организации войска как важного политического шага в развитии чешско-словацкого национально-освободительного движения. В мемуарах Э. Бенеша «Мировая война и наша революция» приводятся следующие слова Масарика: «Если мы создадим армию, тем самым мы добьемся нового правового положения по отношению к Австрии и союзникам; возможно, дальнейшим шагом было бы и официальное объявление войны Австро-Венгрии. Тем самым возникнет политическая ситуация, которая в момент переговоров о мире предоставит нам возможность добиться хотя бы минимума наших требований. В любом случае, если мы будем иметь солдат, ни союзники, ни Вена не смогут пройти мимо нас молча».[428] Таким образом, уже на данном этапе чешские политики понимали, что хорошо организованное войско могло бы существенно укрепить политические позиции заграничного национально-освободительного движения.

В связи с этим лидеры Чешско-Словацкого национального совета начали обращать свое внимание на австро-венгерских военнопленных чешского и словацкого происхождения, большинство из которых было сосредоточено в Российской империи. Именно в этот период возникла идея об отправке на Западный фронт части военнопленных чехов и словаков. Бенеш писал, что «с профессором Масариком (…) была достигнута договоренность о том, что Национальный совет будет очень внимательно заниматься вопросами, связанными с военнопленными в союзных странах вообще, особенно не упустит возможность отправить чешско-словацких военнопленных из России во Францию, и что начнет реализовывать этот план при первой возможности».[429] А в мае 1915 года Томаш Гарриг Масарик известил «Чешскую Маффию» о том, что организация самостоятельной чешско-словацкой армии в России является одной из важнейших составляющих программы, направленной на борьбу против Австро-Венгрии и достижение чехами и словаками независимости. Сообщая в Прагу об организации на территории Российской империи военного подразделения из австро-венгерских

[428] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 181.
[429] Ibid. S. 182.

военнопленных чешского и словацкого происхождения численностью около 20 000 человек, Масарик высказывал мысль об организации бегства Й. Шейнера из Австро-Венгрии за границу. В дальнейшем будущий президент Чехословацкой республики предполагал поручить лидеру сокольской организации работу по созданию чешско-словацких военных контингентов в России.[430]

Время для начала своей военной акции лидеры ЧСНС выбрали как раз подходящее. Следует отметить, что с самого начала войны во Франции остро чувствовался недостаток людских резервов, необходимых как на фронте, так и для работы в промышленности и сельском хозяйстве.[431] В ходе сражений 1914 – начала 1916 гг. французская армия понесла значительные потери, особенно в боях при Вердене. Истощение экономических и людских ресурсов во Франции привело к тому, что ее дипломатические и военные круги, стремились сохранить призывников 1916 и 1917 гг., которые могли бы быть использованы в решающих операциях против германских армий на Западном фронте. В связи с этим они начали искать необходимые людские резервы в странах-союзницах по Антанте, прежде всего, в Российской империи.[432] Так, уже в 1914 г. правительство Третьей республики просило российское правительство об освобождении из лагерей и отправке во Францию пленных уроженцев Эльзаса и Лотарингии.[433]

В начале декабря 1915 г., в связи с угрозой атаки германских войск на французском направлении, в официальных кругах Третьей республики возникла идея использовать на Западном фронте русских солдат. С целью ведения переговоров по данному вопросу в Россию была направлена специальная миссия

---

[430] Ibid. S. 178 – 179. Об этом писал в своих воспоминаниях и сам Т. Г. Масарик: «Я еще в Праге подумывал о том, чтобы д-р Шейнер, как глава соколов, бежал в Россию; у него был большой авторитет и им он мог воспользоваться для создания нашего войска. Из Швейцарии я усиленно и часто настаивал на этом». См.: *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 62.

[431] *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 42 ; *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 142. В коллективной монографии «История Франции» А. В. Антюхина-Московченко, сравнивая численность российских и французских вооруженных сил, приводит следующие данные: в Российскую императорскую армию во время Первой мировой войны «было призвано не менее 13 300 000 человек и не более 15 128 000 человек (по разным официальным источникам), тогда как во Франции – 8 317 000 человек». См.: История Франции. Т. 2. С. 584.

[432] *Клеванский А. Х.* Указ. соч. С. 42 ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 73 ; *Holotík L.* Štefánikovská legenda… S. 142.

[433] *Holotík L.* Štefánikovská legenda… S. 142. Следует также отметить, что в августе – сентябре 1916 г. на французский фронт было отправлено «несколько тысяч военнопленных эльзасцев и итальянцев». См.: *Данилов Ю. Н.* Русские отряды... С. 43.

под руководством сенатора Поля Думера.[434] Одной из задач, стоявших перед французским политиком, было добиться согласия царского правительства и Ставки отправить во Францию, в обмен на поставки вооружения, около 400 000 русских солдат.[435] Согласно проекту французских правительственных и военных кругов, предполагалось осуществлять транспортировку обозначенного количества людей по 40 000 в месяц.[436] Замыслы французского политика и его коллег активно поддерживал генерал Поль Мари По, герой франко-германской войны 1870 – 1871 гг., назначенный 4 декабря 1915 г. главой военной миссии Третьей республики при Ставке.[437]

Прибыв в Россию, Думер провел переговоры с императором Николаем II и начальником Штаба Верховного Главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, а также с военным министром Российской империи генералом А. А. Поливановым. Беседовал он по данному вопросу и с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым и начальником Генерального Штаба генералом М. А. Беляевым. Предложение французского политика было воспринято в военном ведомстве и в Ставке негативно. Российская сторона отклонила его проект об отправке 400 000 солдат во Францию.[438] Все же французскому политику удалось получить согласие генерала Алексеева на отправку на Западный фронт двух пехотных полков и двух запасных батальонов русской армии.[439]

В январе 1916 г. российское командование приступило к созданию особой пехотной бригады в составе двух полков и 6-ти ротного запасного батальона. Ее командующим был назначен генерал Н. А. Лохвицкий. Транспортировка личного состава сформированной пехотной бригады началась в феврале 1916 г. Первый русский отряд был погружен в эшелоны в Москве 3 февраля. Поскольку зимой транспортировка предназначавшихся для Западного фронта военных

---

[434] *Joffre J.* Mémoires du maréchal Joffre (1910 – 1917). T. 2. P. 177.
[435] *Данилов Ю. Н.* Русские отряды… С. 22.
[436] *Емец В. А.* Очерки внешней политики России… С. 206 ; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 117.
[437] *Joffre J.* Op. cit. P. 177.
[438] Ibidem.
[439] *Данилов Ю. Н.* Русские отряды… С. 24 ; *Павлов А. Ю.* Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие… С. 171 – 172.

подразделений через порт в Архангельске не представлялась возможной, то эшелоны с русскими солдатами было решено отправить через Дальний Восток. Ю. Н. Данилов отмечал, что «бригада, с согласия японского правительства, должна была следовать через Иркутск и Куанчендзы до Дайрена; далее же морем – до Марселя».[440] Весной 1916 г. она прибыла во Францию.

Одновременно правительством Третьей республики стал рассматриваться вопрос и об отправке на Запад 2-ой русской бригады, которая должна была служить подкреплением для французских и английских военных контингентов на Салоникском фронте. В начале мая 1916 г. для уточнения соответствующего соглашения об отправке подразделений русской армии во Францию, заключенного между генералом М. В. Алексеевым и П. Думером, в Россию были направлены Рене Вивиани, занимавший пост министра юстиции в правительственном кабинете Аристида Бриана, и заместитель государственного секретаря по боеприпасам и военному снаряжению Альбер Тома.[441] 11 мая 1916 г. им удалось заключить новый договор. Согласно его условиям, российская сторона помимо отправленной во Францию 1-ой бригады и предназначавшейся для отправки на Салоникский фронт 2-ой бригады обязалась предоставить в течение 1916 г. «еще пять бригад, численностью каждая около 10 т. (тысяч – *П. М.*) человек, ежемесячно по одной бригаде, по срокам к 15-му числу каждого месяца, начав отправку с августа месяца и кончая декабрем». Таким образом, в 1916 г. на французский фронт планировалось доставить около 1500 офицеров и 800 000 солдат. Французское правительство брало на себя все обязательства «по перевозке, вооружению и содержанию этих войск».[442] Однако переговоры не привели к ожидаемым результатам. Из требуемого количества солдат и офицеров российской

---

[440] *Антюхина-Московченко В. И.* Третья республика во Франции. 1870 – 1918. М., 1986. С. 426 – 427 ; История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 585.

[441] **Тома, Альбер (1878 – 1932)** – известный французский политик-социалист и государственный деятель, основатель и первый председатель Международной организации труда (1919). В годы Первой мировой войны по поручению французского правительства занимался организацией производства боеприпасов. В мае 1915 г. он был назначен на должность заместителя государственного секретаря по боеприпасам и военному снаряжению (Sous-secrétaire d'Etat chargé de l'Artillerie et de l'équipement militaire), а в декабре 1916 г. получил портфель министра вооружений в правительстве Третьей республики.

[442] *Данилов Ю. Н.* Русские отряды… С. 36 ; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 122 – 123.

армии к моменту начала активизации политики ЧСНС во Франции находилось лишь около 16 тысяч военнослужащих русской армии.[443]

В этих условиях лидеры ЧСНС, несмотря на трудности, сопряженные с отправкой, начали проводить в жизнь идею о том, что вместе с русскими военными формированиями во Францию могла бы быть переброшена часть военнопленных чешского и словацкого происхождения. Они возлагали надежду на то, что впоследствии из них на территории Третьей республики могла бы быть сформирована национальная чешско-словацкая армия. Этому решению также способствовали приходившие с Восточного фронта известия о поражениях русской армии. Руководству Чешско-Словацкого национального совета все в большей мере становилось ясно, что политический успех их национально-освободительной акции будет достигнут не в России, а на Западе, политическим центром которого к тому моменту стал Париж.[444] Важную роль в принятии руководством ЧСНС решения о необходимости переброски военнопленных во Францию играло и стремление подстраховаться на тот случай, если в России разразится какая-либо политическая катастрофа.[445]

Заинтересована была в отправке военнопленных на Западный фронт и французская сторона. Об этом, в частности, косвенно свидетельствует текст секретной телеграммы посла Российской империи в Париже А. П. Извольского в Министерство иностранных дел. Из нее следует, что данный вопрос был затронут представителями Французской республики в ходе третьего заседания состоявшейся в марте 1916 г. конференции политических и военных представителей стран Антанты. Извольский сообщал в МИД, что в ходе него возникли серьезные прения, связанные с нехваткой во Франции «рабочих рук». При этом французская сторона затронула вопрос о возможности использования труда военнопленных. Дипломатами Третьей республики было высказано предложение отправить их во Францию из союзных ей стран. «В частности, –

[443] *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 142 – 143. Согласно сведениям французского генерального штаба, к ноябрю 1916 г. во Францию и на Салоникский фронт удалось отправить 745 офицеров и 43 547 солдат. См.: *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 45.
[444] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 181 – 182.
[445] Ibid. S. 182.

сообщал А. П. Извольский в своей телеграмме, – французы настаивали на присылке сюда австро-венгерских военнопленных, вывезенных из Сербии в Италию, против чего возражали итальянские делегаты».[446]

Йозеф Дюрих. Первоначально миссия по набору военнопленных в России для создания в дальнейшем чешско-словацкого войска была поручена заместителю председателя ЧСНС, депутату австрийского рейхсрата от чешской аграрной партии Йозефу Дюриху. Дюрих рассматривался лидерами чешского национально-освободительного движения и французским правительством как весьма выгодная для этого кандидатура. Было известно, что он несколько раз приезжал в Россию еще до начала Первой мировой войны, был известным сторонником неославянского движения и принимал участие в заседаниях Клуба общественных деятелей. К тому же Дюрих был более известен, чем Т. Г. Масарик, в российских политических кругах, в первую очередь, в высшем обществе Санкт-Петербурга.[447]

Сам Дюрих готовился отправиться в Россию уже со времени своего отъезда за границу. В своих мемуарах он отмечал, что такая мысль возникла у него уже весной 1915 г. Причем с его планом были согласны такие ведущие чешские политики, как пророссийски настроенный лидер младочехов Карел Крамарж, председатель Чешской аграрной партии Антонин Швегла, прогрессист Пржемысл Шамал и староста чешского «Сокола», младочех Йозеф Шейнер.[448] Последний профинансировал поездку Йозефа Дюриха за границу, выдав ему 30 000 крон, которые, в свою очередь, были получены от известного старочешского политика Карела Маттуша и некоего А. Прокупека. Сообщить чешскому депутату о задачах, стоявших перед ним в ходе его миссии, должен был Карел Крамарж. Однако последний выполнил поручение своих коллег по-своему, проинструктировав чешского депутата в духе своих русофильских взглядов. Он призвал его вести политическую работу с целью добиться образования Славянской империи.[449]

---

[446] АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 61. Л. 158.
[447] *Фирсов Е. Ф.* Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. С. 68.
[448] *Dürich J.* V českých službách. S. 7 – 8.
[449] **Славянская империя –** разработанный К. Крамаржем накануне Великой войны проект организации славянской

Остальные свои действия Дюрих должен был предпринимать на собственное усмотрение.[450]

Заграничный паспорт сроком на три года Дюрих получил 8 февраля 1915 г. В мае 1915 г. он уже находился в Швейцарии.[451] Там депутат вступил в контакт с представителями чешской эмиграции – Львом Сыхравой и инженером Барачеком, которые обеспечили ему тайную связь с Прагой,[452] а также Т. Г. Масариком. При помощи сербского генерального консула он получил сербский паспорт, необходимый для поездки во Францию. Помимо этого, чешский депутат установил тесные контакты с российским журналистом В. П. Сватковским,[453] фактически являвшимся российским резидентом и занимавшимся сбором сведений о славянах для российского правительства.[454] Последний знал Йозефа Дюриха еще со времени своего пребывания в Вене и Праге. Сватковский дал Дюриху рекомендательное письмо на имя секретаря российского посольства в Берне Бибикова.[455] В свою очередь, Бибиков представил Дюриха российскому посланнику в Швейцарии В. Р. Бахерахту.[456] Чешский депутат обратился к нему для получения официального разрешения на приезд в Российскую империю. Бахерахт обещал передать его просьбу в Петроград.

В своей секретной телеграмме в российский МИД от 4 мая 1915 г. он сообщал министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову о том, что «тайный комитет чешских партий – младочехов, старочехов, реалистов,

---

федерации под эгидой Российской империи. Он предусматривал создание союза славянских стран – России, Польши, Болгарии, Сербии, Черногории и Чехии – верховная власть в котором принадлежала бы российскому императору, одновременно обозначавшемуся как император всех славян. См.: *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. С. 190 – 195.

[450] Ibid. S. 13.

[451] Ibid. S. 17.

[452] Ibidem.

[453] **Сватковский, Всеволод Петрович (1862 – 1920)** – российский резидент. До войны официально занимал должность представителя петроградского телеграфного агентства «Вестник» в столице Австро-Венгрии. В то же время, в российском посольстве в Вене он имел репутацию знатока славянского и балканского вопросов и с 1909 г. отправлял регулярные донесения на имя российского министра иностранных дел (сначала А. П. Извольского, а затем – С. Д. Сазонова). Имеются сведения о том, что он был потомком чешских переселенцев из Верховины (Vrchovina). См.: *Kubů E., Šouša J.* T. G. Masaryk a jeho c.k. protivníci. Československá zahraniční akce ženevského období v zápase s rakousko-uherskou diplomacií, zpravodajskými službami a propagandou (1915 – 1916). Praha, 2015. S. 53.

[454] *Серапионова Е. П.* Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 21.

[455] *Dürich J.* V českých službách. S. 17.

[456] Ibid. S. 18.

государственников и аграриев уполномочил видного члена последней партии Иосифа Дюриха ехать в Петроград в качестве официозного представителя чешского политического мира».[457] Бахерахт акцентировал внимание на желании Йозефа Дюриха «в Петрограде вступить в сношения исключительно с членами нашего правительства, а не с какими-либо организациями или отдельными лицами из проживающих в России чехов». Задачи, которые ставил перед собой чешский депутат, согласно сведениям Бахерахта, заключались в разъяснении царскому правительству «положения, в котором находится чешский народ, изложении ему желаний чехов и обсуждении с нашими государственными людьми вопроса об исполнимости и целесообразности этих желаний с русской точки зрения».[458]

Вскоре пришел официальный ответ из Петрограда: Сазонов считал приезд Дюриха в Россию преждевременным, но обещал пригласить его в Россию, когда наступит подходящий момент. Ему было предложено подготовить и предъявить российской стороне меморандум, посвященный чешскому вопросу.[459] Официальное письмо Й. Дюриха на имя министра иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонова было написано 29 мая 1915 г. и отправлено в Россию через посредничество посольства в Швейцарии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данном этапе российские правительственные круги были благосклонны к личности Дюриха.

В воспоминаниях Дюрих опубликовал «чисто политическую часть» своего письма Сазонову. В начале своего меморандума он подчеркивал, что его коллеги возложили на него задачу вести предварительные, ни к чему не обязывающие, переговоры. Их целью должно было стать получение информации не только о том, как будет решен чешско-словацкий вопрос, но и о положении чехов и словаков «как в Чехии, так и в России».[460]

---

[457] АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 408 ; *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия // Красный архив. Т. 2 (33). С. 22.
[458] Там же. С. 29.
[459] Там же. С. 22 ; *Dürich J.* V českých službách. S. 18.
[460] Ibid. S. 18 – 19.

Ответа из российского Министерства иностранных дел Дюриху пришлось ждать достаточно долго. Он связывал это с тем, что российская сторона хотела получить о нем более точную и подробную информацию. Именно поэтому он решил использовать имевшееся у него время для поездки во Францию. Для реализации этого плана он обратился к министру иностранных дел Третьей республики Т. Делькассе. В результате двух встреч с французским генеральным консулом в Женеве, Дюриху было предложено написать меморандум, посвященный чешскому и словацкому вопросам.[461] Через несколько месяцев он получил разрешение на приезд в Париж. Перед своим отъездом в столицу Французской Республики он подождал еще месяц, надеясь получить разрешение на въезд в Россию. Однако, так и не дождавшись приглашения из российского МИД, чешский депутат отправился во Францию.[462]

В Париж Йозеф Дюрих прибыл в начале февраля 1916 г. Здесь он встретился с Эдуардом Бенешем, а также посетил приехавшего на некоторое время в столицу Третьей республики Т. Г. Масарика. Как отмечал сам Дюрих, он предполагал выждать время до тех пор, пока ему не будет дано разрешение на въезд в Россию.

В момент его пребывания во Франции стало ясно, что договор об отправке русских военных подразделений на Западный фронт не может быть полностью исполнен «по техническим и политическим причинам». Об этом генерального секретаря ЧСНС Э. Бенеша поставили в известность при личной встрече командующий русскими частями во Франции генерал Н. А. Лохвицкий, а также российский военный атташе в Париже граф А. А. Игнатьев.[463]

В свою очередь, представители ЧСНС сообщили российским военным о своем намерении перевезти часть военнопленных из России во Францию. Примечательно, что оба российских представителя поддержали этот проект. Они

---

[461] Ibid. S. 20.

[462] Ibid. S. 25 ; Drobné zprávy // Československá samostatnost. 1916. Roč. I. Č. 13. S. 8.

[463] **Игнатьев, Алексей Алексеевич (1877 – 1954)** – российский и советский военный деятель, граф. В 1912 – 1917 гг. являлся военным атташе Российской империи во Франции, одновременно был представителем русской армии при французской Главной квартире. Алексей Алексеевич Игнатьев // Хронос [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/ignatev_aa.php (дата обращения: 22.10.2016.) ; Граф Игнатьев Алексей Алексеевич // Русская армия в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=839 (дата обращения: 22.10.2016.) ; *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. С. 345.

полагали, что чешско-словацкая армия «могла бы быть как-нибудь присоединена к русской армии во Франции». В результате между русскими и чешско-словацкими подразделениями было бы организовано теснейшее сотрудничество. Благодаря этому, считали российские военные представители, «повысилось бы российское влияние» в Третьей республике.[464]

В своих воспоминаниях Бенеш отмечает, что он решил воспользоваться заинтересованностью российских военных представителей в Париже в этом вопросе для развития военной акции Чешско-Словацкого национального Совета. Через посредничество Лохвицкого и Игнатьева он начал вести переговоры как с представителями посольства Российской империи в Париже, так и прямо с Петроградом, «опасаясь, что несогласие ведущих деятелей в России могло бы воспрепятствовать (…) плану». Следует подчеркнуть, что с французской стороны чешские политики не встретили никаких препятствий. После переговоров Бенеша и Штефаника с правительственными учреждениями Третьей республики стало ясно, что те окажут чехам широкую помощь в организации армии, при условии, что российская сторона даст на то свое согласие.[465]

Таким образом, именно весной 1916 г. стал актуальным вопрос о необходимости отправки Й. Дюриха в Российскую империю. 2 апреля 1916 г. Бенеш был проинформирован одним из представителей чешско-словацкого зарубежного сопротивления, М. Плесингер-Божиновым[466] о том, что Дюрих получил из Петрограда официальное приглашение.[467] В свою очередь, Бенеш сообщил ему о готовности российской стороны принять его.

---

[464] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 183.

[465] Ibid. S. 183 ; *Ferenčuhová B.* M. R. Štefánik a československé vojsko v Rusku... // Milan Rastislav Štefánik a československé zahraničné vojsko (légie). S. 20 – 21.

[466] **Плесингер-Божинов, Мирослав (1883 – 1963) –** представитель чешского национально-освободительного движения, журналист и дипломат. Получил техническое образование (инженер-строитель). В 1914 – 1915 г. участвовал в акции сопротивления у себя на родине, а с 1915 по 1918 гг. являлся представителем заграничного сопротивления в Швейцарии, в 1918 г. – во Франции. В 1920 – 1926 гг. находился на посту посла Чехословакии в Дании, в 1928 – 1934 гг. был послом в Швейцарии. См.: Plesinger-Božinov Miroslav // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. S. 349.

[467] E. Beneš T. G. Masarykovi. Paříž, 4. dubna 1916 // Ibid. № 46. S. 82.

12 апреля Дюрих получил официальное письмо от российского посла в Берне Бибикова. Дипломат сообщал о готовности царского правительства принять его.[468] А уже 13 апреля 1916 г. Бенеш писал в Лондон Масарику о том, что Дюрих был приглашен к российскому послу в Париже А. П. Извольскому «относительно паспорта».[469]

В этот же день Эдуард Бенеш встретился с Дюрихом и Сватковским, во время которой они обсудили «последовательность и направления работы в России».[470] В директивах, даваемых Дюриху, главный акцент был поставлен на организацию постоянного сотрудничества «с Парижем и Лондоном». Присутствующие утвердили проект отправки во Францию части военнопленных, из которых затем при содействии Лохвицкого, Игнатьева и чиновников российского посольства могли бы быть сформированы чешско-словацкие подразделения.[471] Чешский политик должен был добиваться «вооружения чешских военнопленных и отправки во Францию чешской военной экспедиции».[472] Ему предписывалось сообщить российской стороне о том, что «Франция берет на себя обязательство нести все расходы, связанные с вооружением и перевозкой».[473]

После беседы с Бенешем и Сватковским Дюрих начал подготовку своей миссии в Россию. Ему удалось установить контакты с крупнейшими французскими политическими деятелями и представителями Российской империи во Франции. Так, он посетил Аристида Бриана, сменившего Теофиля Делькассе на посту министра иностранных дел Третьей республики и одновременно являвшегося премьер-министром Франции, а также Н. А. Лохвицкого, А. А. Игнатьева, секретаря французского МИД Филиппа Бертело и советника российского посольства во Франции М. М. Севастопуло.[474] Однако уже во время

---

[468] Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 184.
[469] E. Beneš T. G. Masarykovi. Paříž, 13. dubna 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 52. S. 89.
[470] E. Beneš T. G. Masarykovi. Paříž, 13. dubna 1916 // Ibid. S. 88 – 89.
[471] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 184.
[472] *Dürich J.* V českých službách. S. 27.
[473] Ibidem.
[474] Ibidem.

этих визитов Дюрих допустил ряд «политических ошибок». Тем самым была поставлена под сомнение успешность его поездки в Россию.[475]

Во-первых, своей деятельностью в Париже он произвел негативное впечатление как на Бриана, так и на Бертело и политического директора МИД Третьей республики де Маржери.[476] Так, Дюрих начал вести переговоры с этими ведущими французскими государственными деятелями о том, чтобы «они заявили, что были бы рады, если бы сюда прибыли чешские солдаты-военнопленные».[477] Представляется, что прямая постановка данного пожелания правительством Третьей республики перед российскими властями, в равной степени заинтересованными в решении вопросов, связанных с послевоенной судьбой южных и западных славян, была бы невыгодна как для французских интересов, так и для чешского заграничного сопротивления. Отрицательное мнение относительно чешского депутата было и у представителей российской стороны в Париже.[478] Из воспоминаний Бенеша следует, что сам генерал Лохвицкий во время состоявшейся 16 июня 1916 г. беседы отговаривал генерального секретаря ЧСНС от отправки Дюриха в Россию, считая, что тот ничего не добьется.[479]

Во-вторых, Йозеф Дюрих «ввязался в невозможные переговоры с парижской колонией и, особенно, с некоторыми ее членами, которые его компрометировали и в глазах французского правительства». В частности, он выражал взгляды, зачастую совершенно противоположные проводимой ЧСНС политической линии.[480]

Дюрих действительно посетил в этот период собрания ряда чешских и чешско-французских обществ и был даже избран почетным членом общества

---

[475] E. Beneš T. G. Masarykovi. [Paříž], 29. února 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 34. S. 64 ; Poslanec Duerich u ministerského předsedy Brianda // Československá samostatnost. 1916. Roč. I. Č. 17. S. 5.
[476] *Janin M.* Úvahy o Dürichově misi. S. 154.
[477] E. Beneš T. G. Masarykovi. Paříž, 18. května 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 69. S. 109.
[478] E. Beneš T. G. Masarykovi. [Paříž], 12. června 1916 // Ibid. № 82. S. 125.
[479] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 185.
[480] Ibid. S. 185 – 186.

чешско-французских промышленников и торговцев *«Amicale tchèque»*.[481] При этом он пытался склонить на свою сторону не только руководство чешских обществ, но и отдельных лиц, пользующихся несомненным влиянием среди своих соотечественников, проживавших во Франции. Об этом свидетельствует протокол беседы между одним из крупнейших деятелей чешской колонии в Париже, предпринимателем Франтишеком Явуреком и генеральным секретарем ЧСНС Эдуардом Бенешем.[482] Из ответов Явурека, записанных Львом Сыхравой, следует, что во время своего пребывания в Версале чешский депутат часто беседовал с ним о своих планах в Российской империи, в том числе об образовании Чешского королевства под покровительством царя. Более того, он обещал Явуреку и некоторым другим членам колонии, оказывавшим ему финансовую поддержку, консульские должности.[483] Кроме Явурека, в Париже Дюрих установил связи еще с двумя состоятельными представителями чешской колонии в Париже – Веделесом и Клепалом.[484]

Бенеш и его коллеги не одобряли и выбор помощников. Одним из них был богатый предприниматель Эмиль Штерн, назначенный в помощники Дюриху французским министром торговли Этьеном Клементелом. Тот обратился к чешскому депутату с просьбой оказать помощь направленной в Российскую империю специальной миссии, в задачу которой входило вести переговоры по вопросам авиации.[485]

---

[481] Члены данного общества занимались благотворительной деятельностью, направленной на организацию материальной поддержки чешских добровольцев, воевавших в составе французской армии, и их семей. Его председателем был чешский предприниматель Отакар Српек, одновременно являвшийся членом ЧСНС. Следует отметить, что Српек был представителем той части парижских чехов, которая не признавала проводимую Т. Г. Масариком политическую линию. Организация Српека предложила чешскому депутату финансовую помощь, а также обещала ему поддержку его кандидатуры на должность председателя Комитета чешской колонии в Париже. Его кандидатура на пост председателя колонии была обозначена в специальном купоне для выборщиков руководства колонии, напечатанном на последней странице газеты «Bulletin mensuel de la Colonie Tchèque de France». См.: Élections // Bulletin mensuel de la Colonie Tchèque de France. Le 1er avril 1916. P. 7 – 8 ; *Dürich J.* V českých službách. S. 25 ; Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. S. 92; 106.

[482] Protokol, sepsáný s pánem Fr. Javůrkem (bytem 14, rue de la Paroisse Versailles) dne 12 dubna 1917 v bytě p. dr. E. Beneše 18 rue Bonaparte Paris o affairach pána Düricha za přitomnosti dra Ed. Beneše, dra Š. Osuského, dra L. Sychravy a p. L. Štrimpla. Archiv Akademie věd ČR. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Kart. V-305. Část X – 13.

[483] Ibid.

[484] *Janin M.* Úvahy o Dürichově misi. S. 146.

[485] *Dürich J.* V českých službách. S. 29 ; *Janin M.* Úvahy o Dürichově misi. S. 146.

Из мемуаров Дюриха следует, что Штерн с юных лет жил в Париже,[486] был достаточно известным человеком среди парижских чехов. Он оказывал широкую поддержку членам колонии, финансировал деятельность ее руководства. Прямого участия в общественной жизни «французских» чехов Штерн не принимал, ибо был свидетелем постоянных разногласий в руководстве колонии. В Российскую империю чешский промышленник отправлялся вместе с Дюрихом, имея при себе рекомендательное письмо от Аристида Бриана, адресованное послу Французской Республики Морису Палеологу. Таким образом, согласно воспоминаниям Дюриха, нахождение Эмиля Штерна на территории страны было санкционировано официальными французскими властями.[487]

Помимо Штерна Йозефу Дюриху предоставлялся еще один помощник. Им стал младший лейтенант Иностранного легиона Иван Штафл. Он был прикреплен к чешскому депутату в качестве особого лица, которое должно было помогать ему в осуществлении набора военнопленных. Для современных исследователей Иван Штафл является загадочной личностью, о происхождении и деятельности которой известно крайне мало. Так, имеются сведения о том, что Штафл был одним из членов чешской колонии в Париже. В источниках упоминается о том, что он сражался в рядах сербской армии во время Первой Балканской войны 1912 – 1913 гг.[488] Он был одним из «парижских» чехов, в августе 1914 г. вступивших добровольцами в ряды французского Иностранного легиона и вошедших в состав роты «Наздар». Штафл быстро продвигался по служебной лестнице: еще во время пребывания данного подразделения в Байонне был повышен в звании, став младшим, а через три недели – старшим сержантом. В рядах своей роты, вошедшей наряду с другими подразделениями 2-го маршевого полка Иностранного легиона в состав Марокканской дивизии, он принял участие в боях в Шампани, а затем во второй битве в Артуа, во время которой был ранен. Вскоре после данного сражения Иван Штафл получил звание младшего лейтенанта, а затем был назначен командиром 2 взвода чешских добровольцев,

[486] *Janin M.* Moje účast... S. 10.
[487] *Dürich J.* Op. cit. S. 29.
[488] РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 377. Л. 3.

сформированного в составе 1-й роты батальона «В» 1-го маршевого полка Иностранного легиона. Этот полк был создан в результате роспуска остальных подразделений легиона. В апреле 1916 г. Штафл вместе с другим деятелем чешской колонии в Париже, Рудольфом Аудрицким, был направлен французским командованием в качестве переводчика в русский экспедиционный корпус.[489] Именно в его штабе Штафл познакомился с пророссийски настроенным Йозефом Дюрихом.[490] Пользуясь поддержкой и непосредственной помощью со стороны этого офицера Иностранного легиона, Дюрих начал вести деятельность по привлечению к своей акции представителей чешской колонии в Париже.

Недоверие к Дюриху, опасение, что его деятельность могла «навредить чешскому делу», привело к тому, что Бенеш срочно вызвал в Париж Штефаника, который в это время находился в Италии при французской военной миссии. В своей телеграмме генеральный секретарь ЧСНС просил последнего срочно приехать в Париж и сделать все возможное, чтобы поставить ситуацию под контроль.

М. Р. Штефаник. Вернувшись из Италии в Париж 5 июня 1916 г.,[491] Штефаник сразу же начал готовиться к своему отъезду в Россию. Он попытался предпринять ряд мер, чтобы не допустить отправку Дюриха в Петроград. В результате между ними возникли серьезные разногласия, которые удалось на некоторое время устранить лишь благодаря вмешательству Бенеша. Генеральный секретарь ЧСНС сообщил своим коллегам о том, что в сложившихся обстоятельствах Дюрих не может быть отправлен в Российскую империю «от имени Национального совета». В результате депутат от аграрной партии был вынужден пойти на уступки: после весьма напряженной беседы со Штефаником он «признал свои ошибки» и обещал, что в дальнейшем будет придерживаться политической линии, проводимой ЧСНС, и постарается избежать в своей деятельности прежних промахов. В результате Дюрих «примирился со

[489] Донесение по линии французского военного ведомства – «Нота об инциденте Штафла» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 259. С. 505 – 507 ; *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. 1. S. 154 ; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914 – 1920). S. 48.
[490] Ibid. S. 74.
[491] РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 29. Л. 9 – 10.

Штефаником и, в конце концов, снова получил его согласие на поездку в Россию».[492]

Несмотря на обещание Дюриха вести свою работу в России в соответствии с проводимым ЧСНС курсом, Штефаник опасался, что он не сдержит своих обещаний и «будет работать против Парижа». В результате чего план отправки части военнопленных из Российской империи во Францию мог быть сорван. Именно поэтому этот деятель согласился на отъезд чешского депутата в Россию при условии, что сам отправится туда. Бенеш согласился с предложением своего словацкого коллеги, несмотря на критическое отношение к методам Штефаника «как в личных вещах, так и в вещах политических».[493]

Подготовка к отъезду М. Р. Штефаника в Российскую империю началась вскоре после его приезда в Париж**.** Уже с самого начала было ясно, что он, будучи гражданином Французской Республики, не может отправиться в эту миссию в качестве члена ЧСНС. Именно поэтому он должен был выехать в Россию в качестве военного представителя Третьей республики. Основной задачей словацкого представителя Национального совета стали изучение положения, в котором находились военнопленные чехи и словаки в России и выяснение способа организации их транспортировки на Западный фронт. Штефанику также предстояло вести с российским правительством переговоры о возможности осуществления этого плана. Более того, вся деятельность по созданию чешско-словацких военных подразделений должна была производиться с согласия правительства Третьей республики. Бенеш вспоминал: «Миссия должна была быть французская, о получении согласия должно было похлопотать французское правительство, а не Национальный совет».[494] Чешский политик отмечал в своих мемуарах, что данные замыслы имели свои положительные и отрицательные стороны, из которых самой опасной была возможная «ревность России к Франции из-за этой инициативы в чешско-словацких делах».[495] В своем письме Т. Г.

[492] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 186.
[493] Ibidem.
[494] Ibid. S. 187.
[495] Ibidem.

Масарику от 12 июня 1916 г.[496] Бенеш писал о необходимости проведения всей акции при непосредственной поддержке французского правительства.

Сам Штефаник позиционировал себя в качестве представителя французской стороны, который отстаивал бы не только позиции правительства Третьей республики по данному вопросу, но и точку зрения Чешско-Словацкого национального совета. Что же касается Йозефа Дюриха, то он должен был отправиться в Россию независимо от Штефаника. Предполагалось, что после решения поставленных перед ним в Российской империи задач, словацкий ученый мог бы вернуться обратно в Париж, в то время как Дюрих продолжил бы заниматься урегулированием вопроса в России.[497] В письме явно просматривается решение Штефаника и Бенеша ограничить «сферу деятельности» Дюриха.[498]

Готовясь реализовать свои замыслы, М. Р. Штефаник через посредничество Э. Бенеша обратился к находившемуся в то время в Лондоне Т. Г. Масарику. Он предложил направить Аристиду Бриану, а также послу Российской империи в Риме Гирсу и российскому послу в Лондоне Бенкендорфу ходатайство с просьбой поддержать его намерения.

Между тем Масарик отнесся к такому предложению достаточно сдержанно. Согласившись с отправкой Штефаника в Россию в принципе, он, тем не менее, не считал его действия целесообразными в данный момент. Тогда Масарик полностью оставлял предложенный Парижем план на усмотрение своих коллег по ЧСНС, полагая, что этот вариант не будет иметь практического значения для успеха чешско-словацкого движения. Поэтому он не обратился к Бриану, Гирсу и Бенкендорфу.[499]

К тому же, сам Т. Г. Масарик одобрил поездку Дюриха в Петроград, намереваясь отправиться туда вслед за ним. Об этом, в частности, свидетельствует письмо чешского профессора Э. Бенешу от 7 июня 1916 г.[500] В седьмом пункте

---

[496] E. Beneš T. G. Masarykovi. [Paříž], 12. června 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 82. S. 125 – 127.
[497] Ibid. S. 126.
[498] Ibid. S. 126 – 127.
[499] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 187.
[500] T. G. Masaryk E. Benešovi. Londýn, 7 června 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 77. S.

своего послания в Париж лидер ЧСНС писал следующее: «Пусть коллега Дюрих направляется в Россию. Вы должны его разыскать. Я ему писал. Пишу д-ру Вондраку, чтобы он устроил мои переговоры с российским правительством посредством здешнего или парижского посольства».[501] А в десятом пункте того же письма Масарик прямо подчеркивал, что вопрос о его поездке в Петроград будет решаться, когда станет известно о шагах, предпринятых чешским депутатом в России.[502] Позднее, в уже упомянутом выше письме от 18 июня 1916 г., Масарик сообщал, что начал вести переговоры с представителями Российской империи независимо от парижского центра: он написал письмо министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову, которое предполагал передать последнему через сербского слависта, профессора Белградского университета Александра Белича. Помимо письма, этот сербский ученый и общественный деятель должен был передать в российский МИД копию меморандума французскому правительству, врученного Т. Г. Масариком Аристиду Бриану во время аудиенции в феврале 1916 г.[503]

При всесторонней поддержке и содействии со стороны Эдуарда Бенеша Штефаник вступил в переговоры с французскими правительственными учреждениями. Теперь он попытался добиться от них своего командирования в Российскую империю. Ситуация была достаточно сложной, поскольку Дюрих уже имел на руках официальное приглашение от российского МИД. С его отъездом были согласны французские внешнеполитическое и военное ведомства.[504] В сложившейся обстановке следовало дать более точное обоснование необходимости миссии Штефаника в Россию и уточнить задачи по отправке

---

121 – 122.

[501] Ibid. S. 122.

[502] Ibidem.

[503] T. G. Masaryk E. Benešovi. [Londýn], 18. června 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 86. S. 130 ; Belič Alexandr // Ibid. S. 339.

[504] *Ferenčuhová B.* Štefánik diplomat – medzi Francúzskom a Talianskom (1914 – 1919) // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. S. 89. О том, что Йозеф Дюрих отправляется в Россию с целью ходатайствовать там об организации «чешского корпуса» из военнопленных чешского и словацкого происхождения, Т. Г. Масарик официально сообщил в своем письме С. Д. Сазонову из Лондона от 17 июня 1916 г. См.: *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия // Красный архив. Т. 2 (33). С. 29.

военнопленных во Францию.[505] Этому деятелю удалось настоять на том, чтобы Бенеш в качестве генерального секретаря ЧСНС провел все необходимые переговоры с российской и французской стороной.

23 июня 1916 г. Йозеф Дюрих вместе с Иваном Штафлом и Вилемом Цркалом выехали в Российскую империю.[506] В этот же день Милан Растислав Штефаник направился с визитом в посольство Российской империи, где беседовал с Извольским и М. М. Севастопуло по вопросу об отправке военнопленных чешского и словацкого происхождения во Францию. В результате переговоров Штефанику удалось добиться обещания российских дипломатов поддержать его акцию в России. Еще раньше до этого Э. Бенеш ходатайствовал у командования русских войск во Франции содействовать инициативе ЧСНС в транспортировке военнопленных на Западный фронт. Об этом он вел переговоры с генералом Лохвицким, а также с его офицерами Дорошевичем и Балбашевским. 25 июня состоялись переговоры Э. Бенеша и М. Р. Штефаника с советником посольства Российской империи в Париже М. М. Севастопуло.[507] На этот раз согласие было получено. Через несколько дней, 30 июня 1916 г., генеральному секретарю ЧСНС удалось добиться первой официальной аудиенции у политического директора французского Министерства иностранных дел де Маржери. Ему от лица ЧСНС было изложено официальное ходатайство с просьбой о помощи. Позиция руководства чешско-словацкого национально-освободительного движения была также озвучена Бенешем и в специальных меморандумах, поданных им во французское внешнеполитическое ведомство. Результат этих инициатив был положительным. Севастопуло и де Маржери выразили свое согласие с поездкой Штефаника.[508]

Визиты Штефаника и Бенеша во французское Министерство иностранных дел и российское посольство в Париже не остались без внимания в

---

[505] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 189.
[506] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři (1914 – 1920). S. 74 – 75.
[507] E. Beneš T. G. Masarykovi. [Paříž], 2. července 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. № 95. S. 140 – 141. Фотокопия данного письма обнаружена в фондах Российского государственного военного архива: РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 29. Л. 27 – 29.
[508] *Beneš E.* Světová válka... Díl 1. S. 188 – 189.

правительственных кругах Третьей республики. Одновременно с французскими дипломатами вопросом о переброске части чешско-словацких военнопленных на Западный фронт начали интересоваться Военное министерство и верховное командование французской армии, находившееся в то время в Шантильи.

4 июля 1916 г. французский премьер-министр и министр иностранных дел Аристид Бриан направил на имя военного министра Франции специальное письмо.[509] Он рекомендовал «для подкрепления акции господина Дюриха... отправить срочно в Россию со специальной миссией лейтенанта Штефаника». В своем письме Бриан охарактеризовал Штефаника как одну из «персон, наиболее способных привести данный план к положительному результату».[510] Из документа следует, что кандидатура Штефаника была утверждена Главнокомандующим французской армией генералом Жоффром. В письме также были описаны заслуги М. Р. Штефаника перед Францией. В частности, указывалось на достигнутые им успехи по пропаганде среди южных славян, воевавших в рядах австро-венгерской армии в Италии. Бриан предлагал своему коллеге и формулировку для обозначения деятельности Штефаника: «Миссия для использования чехов, находящихся за границей, особенно в России и в Соединенных Штатах».[511]

20 июля 1916 г. М. Р. Штефаник был вызван в штаб Главнокомандующего армией Третьей республики генерала Жоффра. Начальник штаба генерал Пелле сообщил ему о согласии французского командования отправить его в Россию. А уже 25 июля 1916 г. генералу Жоффру была направлена записка.[512] Данный документ можно условно разделить на две части.

В первой части отмечалось, что среди взятых русскими войсками в плен чехов и словаков присутствует большое количество тех, кто хочет «служить в армии против Центральных держав». Автор документа указывал на высокое значение чешско-словацких военных подразделений в проведении военных

[509] Dok. 12. Francúzsky predseda vlády, minister zahraničných vecí Briand žiada ministra vojny, aby Štefánika urýchlene vyslal do Ruska robiť nabor českých zajatcov pre francúzsku armádu // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 383 – 384.
[510] Ibid. S. 383.
[511] Ibid. S. 384.
[512] Dok. 13. Záznam pre velitel'a francúzskej armády, v ktorom sa hovorí o možnostiach využiť českých zajatcov pre Francúzsko, o Štefánikovom poslaní v Rusku a o jeho plánoch vytvoriť v strednej Európe nové štáty, ktoré by sa dostali pod bezprostredný vplyv Francúzska // Ibid. S. 385 – 386.

операций на Восточном фронте и на желание чехов записываться добровольцами. В частности, говорилось о 120 000 чешских волонтеров из числа военнопленных, якобы готовых вступить в ряды созданного в России чешско-словацкого военного формирования. Далее он, ссылаясь на Й. Дюриха, сообщал, что «значительное количество этих военнопленных соглашаются отправиться на французский фронт». Причем «50 000 могли бы быть отправлены тотчас же, сформировав организованные роты, прикомандированные к русским бригадам во Франции». Отправка чешских и словацких военнопленных на Западный фронт должна была проводиться под предлогом усиления эффективности русских бригад. Упоминалось и о согласии с данным планом представителя российского командования в Союзном Совете во Франции генерала Я. Г. Жилинского и командующего русским экспедиционным корпусом Н. А. Лохвицкого.[513]

Задачи, стоявшие перед Миланом Растиславом Штефаником и Йозефом Дюрихом, отличались коренным образом. Цель миссии последнего была обозначена следующим образом: «Высшее французское командование в сложившихся обстоятельствах учитывает возможность отправки чешских военнопленных во Францию как способ увеличить личный состав русских бригад. Именно с этой целью были командированы господин депутат Дюрих и лейтенант Стаффел (имеется в виду Иван Штафл – *П. М.*)».[514] Таким образом, Дюриху была поручена работа с военнопленными, находившимися в России. Задачи, стоявшие перед Штефаником, были более широкими: согласно формулировке, представленной в записке, он должен был осуществлять «вместе с господином Дюрихом миссию " по использованию чехов, находящихся за границей, особенно в России" ».[515]

Вторая часть записки уже конкретно посвящена организации миссии Штефаника в Россию. Интересно отметить, что он отправлялся в Петроград, имея собственный проект организации чешско-словацкого войска и будущего политического устройства Центральной и Юго-Восточной Европы.

---

[513] Ibid. S. 385.
[514] Ibidem.
[515] Ibid. S. 386.

Проект Штефаника заключался в следующих четырех пунктах. Во-первых, он считал необходимым отделить народы, входящие в состав Германии («немецкие народы» – les races allemandes) от народов, входящих в состав Венгрии («венгерские народы» – les races hongroises) и, тем самым, ослабить влияние, оказываемое Германией на последние. Во-вторых, предполагалось «окружить немецкие народы цепью независимых королевств, образованных разными народами и имеющих одинаковое значение, с целью отделить Германию от Балкан, где она хотела установить свою гегемонию, и от Турции, которую она хотела эксплуатировать». В третьем пункте проекта были перечислены эти государства: *королевство Польша*, которое должно было находиться под влиянием Российской империи; *Чешское Королевство Богемия* (Royaume Tchèque de Bohême), куда должны были войти Богемия, Силезия и территории, расположенные южнее Вены.

Таким образом, Штефаник предполагал установить общую границу будущего чешского государства с Сербией, что, согласно его мнению, изолировало бы немецкие народы от Венгрии. Штефаник особо отмечал, что королевство Богемия следует избавить от влияния со стороны Российской империи. В *королевство Сербия* должны были войти все югославянские народы, населявшие ранее Австрийскую империю, а *королевство Венгрия* должно было представлять собой территорию существовавшей на тот момент Венгрии, лишенной всех земель, уступленных Румынии и Сербии.

Четвертый пункт проекта М. Р. Штефаника предусматривал необходимость организации автономной чешско-словацкой армии. Согласно его мнению, это стало бы важным шагом в процессе создания Чешского королевства. Численность этой армии могла составить от 50 до 100 тысяч человек. Армия должна была сражаться не на Восточном, а на Западном фронте. Тем самым Штефаник предполагал продемонстрировать независимость Чешского Королевства Богемия от России.[516]

Учитывая широту представленного проекта, в записке предлагалось уточнить

[516] Ibid. S. 386 ; Паскаль П. Русский дневник… С. 116.

цель его миссии: а) «обеспечить отправку во Францию чешских военнопленных, которые сражались бы в русских формированиях» (что являлось предложением со стороны Высшего командования Франции); б) подготовить «организацию чешских частей, не зависимых от русских».[517]

Однако Главнокомандующий французской армией генерал Жоффр счел необходимым ограничить миссию Штефаника лишь вопросом о наборе чешских волонтеров, желающих воевать на Западном фронте. Это видно из секретного письма генерала премьер-министру Третьей республики Аристиду Бриану. Оно было отправлено на следующий день после подачи записки (26 июля 1916 г.).[518] Копия этого письма была послана военному министру. Жоффр, в принципе, соглашался с формулировкой миссии, порученной Штефанику. Но французского генерала насторожила политическая часть проекта о переустройстве Центральной Европы.

Жоффр писал Бриану, что тот, «не ограничиваясь чисто военной стороной данной проблемы, которую предстояло разработать господину Дюриху, (…) приступает к рассмотрению политических вопросов».[519] Главнокомандующий отмечал, что, «если лейтенант Штефаник, на которого французским правительством возложена официальная миссия, направит свою пропаганду в русле этих идей, он обязательно возбудит законную обиду русских властей и, несомненно, нанесет вред успеху миссии».[520] Поэтому Жоффр предложил ограничить стоявшую перед Штефаником задачу лишь набором чешских волонтеров с целью «увеличить число наших бойцов во Франции».

Вопрос о том, в рядах каких подразделений должны будут сражаться добровольцы – в русских военных частях во Франции, или же в «независимых войсковых единицах», – планировалось решить позднее, когда стало бы известно о точном количестве чешских и словацких добровольцев, готовых отправиться во Францию. Жоффр считал необходимым «строго ограничить порученную

[517] Dok. 13. Záznam pre velitel'a francúzskej armády… // Holotík L. Štefánikovská legenda… S. 386.
[518] Dok. 14. Hlavný veliteľ francúzskej armády žiada predsedu vlády Brianda, aby Štefánik robil v Rusku nábor českých zájatcov výhradne pre potreby francúzského frontu // Ibid. S. 387 – 388.
[519] Ibid. S. 387.
[520] Ibid. S. 388.

лейтенанту Штефанику миссию» и предлагал дать следующую трактовку стоящих перед ним задач. Штефаник направлялся в Российскую империю со специальной миссией, но не самостоятельно, а в подчинение французскому генералу Морису Жанену, с мая 1916 г. являвшемуся военным представителем Третьей республики при Ставке.[521] Под его руководством и в согласии с российскими властями Штефанику предстояло работать среди чешских и словацких военнопленных с целью набора среди них волонтеров, желающих служить во Франции либо в рядах русских воинских контингентов, либо в составе специальных воинских формирований. Жоффр полагал, что эти воинские единицы следовало организовать при достижении соответствующего согласия между русским и французским правительствами.[522]

Соображения Главнокомандующего французской армией были одобрены Брианом. В тот же день, 26 июля, Генеральным Штабом было издано секретное командировочное удостоверение за подписью генерала Пелле. В нем было обозначено, что «лейтенант резерва Второй авиационной эскадрильи Штефаник (Милан-Растислав) отправляется со специальной миссией в Россию». В документе повторяется формулировка целей миссии, предложенная Главнокомандующим французской армии.[523]

---

[521] Генерал Морис Жанен прибыл в Россию для того, чтобы заменить Поля Мари По на посту военного представителя Третьей республики при Верховном Главнокомандующем. Попытки предшественника Жанена вмешиваться в деятельность Ставки были негативно восприняты представителями российского верховного командования и, в первую очередь, начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым. Начавшаяся вскоре болезнь По привела к тому, что ведущую роль в Ставке Верховного Главнокомандующего стал играть французский военный агент де Лагиш. В сложившейся обстановке правительство Французской Республики приняло решение об отправке в Россию генерала Мориса Жанена. 14 (27) марта министра иностранных дел Российской империи Сазонова известили о том, что французское правительство решило реорганизовать свою военную миссию в России: согласно планам французской стороны, Жанен формально должен был занять пост помощника По при российской Ставке; что же касается военного агента де Лагиша, то его предполагалось оставить при особе Николая II в случае согласия последнего. Военным агентом Французской Республики при Ставке был назначен майор Лаверн. Для правительственных и военных кругов Франции Жанен казался подходящей кандидатурой для исполнения этой должности: он хорошо знал русский язык, был наблюдателем в годы русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и являлся автором монографии, посвященной этой войне. Президент Третьей республики Раймон Пуанкаре, говоря о задачах Жанена в Российской империи, советовал ему под руководством Поля Мари По «заняться (…) вопросом об отправке русских войск во Францию, а также вопросами поставок снаряжения – французов беспокоили забастовки на Путиловском заводе». После приезда Жанена Поль Мари По был отправлен в отпуск в Ессентуки, а затем в августе 1916 г. состоялся его последний визит в Ставку. После его отъезда на родину Жанен стал его преемником на посту военного представителя Третьей республики. См.: *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи... Т. 3. С. 169 – 170 ; *Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России… С. 34 – 35.

[522] Dok. 14. Hlavný veliteľ francúzskej armády… // *Holotík L.* Op. cit. S. 388.

[523] Dok. 15. Rozkaz, ktorým francúzský vojenský hlavný stan poveruje Štefánika robiť v Rusku nábor českých zajatcov pre

Параллельно с организацией поездки Дюриха и Штефаника в Петроград Т. Г. Масарик обдумывал процесс создания чешско-словацкого войска. Еще до отъезда М. Р. Штефаника он провел беседу с приехавшими к нему за консультацией в Лондон двумя деятелями чешско-словацкого национально-освободительного движения в России – представителем Правления Союза чешско-словацких обществ в России Зденеком Рейманом и делегатом от чешско-словацкой стрелковой бригады прапорщиком В. Ванеком.[524] О решениях, принятых Масариком и двумя «русскими» чехами повествует специально составленный протокол этой беседы.[525] Из него следует, что основными темами совещания стали вопрос о чешско-словацком войске, а также политические аспекты предпринимаемой лидерами Национального Совета антиавстрийской акции. Затронута была Т. Г. Масариком и проблема создания независимого чешско-словацкого государства.

Относительно организации чехами и словаками собственных вооруженных сил он настаивал на том, чтобы Правление Союза как можно энергичнее добивалось «создания чешского войска, которое в самом большом количестве участвовало бы в операциях против общего врага».[526] Условием его создания не могло быть достижение будущими чешско-словацкими войсковыми частями самостоятельного статуса. Вопрос о степени автономии этого войска в структуре Русской императорской армии также являлся второстепенным.

Высказывал Т. Г. Масарик свои соображения и относительно использования в будущем чешско-словацких войсковых единиц. Он особо подчеркивал необходимость создания полноценной армии, которая располагала бы «всеми видами оружия». Поскольку процесс ее создания был бы достаточно длительным, Масарик допускал использование «40 – 50 тысяч» чешско-словацких военнослужащих для нужд русской армии «вплоть до того времени, когда их

Francúzsko // Ibid. S. 389.

[524] № 96. T. G. Masaryk E. Benešovi. Londýn, 18. června 1916 // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1. S. 130.

[525] № 202. Протокол совещания в г. Лондоне проф. Т. Г. Масарика с З. Рейманом и прапорщиком В. Ванеком – представителями Правления Союза чешско-словацких обществ в России и чешско-словацкого отряда по декларативным вопросам // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 375 – 378.

[526] Там же. С. 375.

можно будет использовать как единую тактическую единицу на русском фронте или западном».[527] На данном этапе профессор особо подчеркивал приоритет участия этих частей в военных действиях на Восточном фронте, поскольку таким образом они могли вступить на территорию Чешских земель. Основную работу в деле формирования Масарик предполагал поручить именно проживавшим в России соотечественникам.[528]

В протоколе совещания лидера ЧСНС со З. Рейманом и В. Ванеком рассматривалась и техническая сторона организации чешско-словацкого войска. В частности, пропаганда среди австро-венгерских военнопленных, находящихся в России, должна была пользоваться активной поддержкой со стороны печатных органов колоний.

В случае отрицательного отношения к вопросу о создании крупных чешско-словацких войсковых единиц представителей российских внешнеполитического и военного ведомств Масарик предлагал рассмотреть и вариант союза с сербами.[529] Он предполагал, что в таком случае сербские солдаты и офицеры, возможно, были бы направлены на Балканы для участия в военных действиях на Салоникском фронте.[530]

Положения протокола были существенно дополнены и расширены в специальном «Добавлении» к нему.[531] Оно было принято через месяц, 6 августа 1916 г. Как это следует из преамбулы, его появление было вызвано, в первую очередь, изменением отношения французских правящих кругов к чешско-словацкому вопросу и, в частности, к проблеме создания чехами и словаками собственных вооруженных сил. В тексте отмечалось, что Бенешу и Штефанику удалось добиться согласия французского правительства на формирование

---

[527] Там же. С. 377.
[528] Там же. С. 378.
[529] Там же.
[530] Там же. С. 376 – 377.
[531] V Londýně dne 6. srpna 1916. Dodatek k protokolu o poradě prof. Masaryka se Zd. Rejmanem a praporčíkem V. Vaňkem ze dne 6. července 1916, poslaný Svazu Č. S. v Kijevě // *Beneš E.* Světová válka... Díl III. № 249. S. 580 – 587. Копия данного документа с карандашными пометками отложилась в деле 218 фонда «Особый политический отдел» Архива внешней политики Российской империи МИД РФ. См.: АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 18. Л. 13 – 15.

самостоятельной чешско-словацкой армии.[532] Как и сам протокол от 6 июля, «Добавление» должно было стать своеобразной инструкцией для Союза чешско-словацких обществ в России, сообразно указаниям которой следовало действовать представителям его управляющих органов. В нем по-новому трактовались техническая и стратегическая стороны создания войска. Так, проект формирования войсковых частей совместно с сербами отошел на второй план на фоне принципиального согласия и поддержки, оказываемой чехам и словакам в данном деле французской и российской сторонами.[533] По замыслам Масарика, частям самостоятельного чешско-словацкого войска предстояло сражаться как на русском, так и на французском фронтах. В новой директиве, направляемой в Правление Союза чешско-словацких обществ в России, четко указывалось, что информация о том, где и каким образом будут использованы чешско-словацкие солдаты и офицеры, должна быть получена от официальных кругов стран Антанты в скорейшем времени.[534]

«Добавление» затрагивало и вопрос о функциях двух посланников ЧСНС, возглавлявших миссию в Российскую империю – Й. Дюриха и М. Р. Штефаника. Сообщалось, что переговоры по вопросу об использовании военнопленных и организации военной стороны дела был назначен вести Милан Растислав Штефаник. Как только ему удалось бы устроить все дела, связанные с военнопленными чешского и словацкого происхождения, в пользу Национального Совета, предполагалось организовать широкомасштабную агитационную кампанию среди находившихся на территории Российской империи военнопленных. Осуществлять ее должен был Йозеф Дюрих вместе с офицерами Чешско-словацкой стрелковой бригады. К моменту начала проведения агитации ЧСНС обязывался выпустить специальное воззвание.[535]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что инициатива отправки части чешско-словацких военнопленных из России на Западный фронт для

[532] Ibid. S. 581.
[533] Ibid. S. 583.
[534] Ibid.
[535] Ibid. S. 584.

последующей организации на территории Французской Республики исходила от руководства ЧСНС и была поддержана французскими правящими кругами. Правительство Третьей республики, а также дипломатические и военные представители Российской империи в Париже согласились на поддержку этого проекта лишь после соответствующих обращений к ним Й. Дюриха, Э. Бенеша и М. Р. Штефаника. Решение командировать его в Россию было вызвано, в первую очередь, стремлением Йозефа Дюриха игнорировать политическую линию ЧСНС и вести переговоры самостоятельно.

2.2. Миссия Йозефа Дюриха и Милана Растислава Штефаника в Российскую империю в 1916 году

Как уже упоминалось выше, Йозеф Дюрих, Штерн и Штафл выехали в Российскую империю 23 июня 1916 г. Их путь лежал через Лондон, Ньюкасл, Берген, Христианию и Стокгольм. В шведском городе Хапаранде они пересекли границу Российской империи.[536] В Петроград представители ЧСНС прибыли 5 июля 1916 г.,[537] где пробыли полтора месяца.[538]

Дюрих и его коллеги сразу же приступили к активной деятельности. Состоялись различные интервью, встречи с видным деятелем Радикальной партии чешского государственного права В. К. Штепанеком, с которым Дюрих наладил связи еще во время пребывания в Швейцарии, членом чешской колонии в Москве Сватоплуком Коничек-Горским, редактором газеты «Чехословак» Богданом Павлу. Одновременно были установлены контакты с руководителем Особого политического отдела МИД М. Г. Приклонским, а затем – и С. Д. Сазоновым. Российский министр иностранных дел проявил интерес к чешскому вопросу и предложил обсудить его детали более подробно. Однако новая встреча Дюриха с Сазоновым не состоялась, поскольку последний был отправлен в отставку. На

[536] *Dürich J.* V českých službách. S. 30.
[537] *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenšti legionáři (1914 – 1920). S. 79.
[538] *Janin M.* Úvahy o Dürichově misi. S. 145.

посту министра иностранных дел его сменил Б. В. Штюрмер. Новый министр заявил чешскому депутату, что чехи могут рассчитывать на поддержку России.[539] Он способствовал организации аудиенции Дюриха у императора Николая II.

О содержании беседы Йозефа Дюриха с российским императором и с генералом М. В. Алексеевым в день аудиенции можно судить из письма директора дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Базили А. А. Нератову.[540] Она состоялась 4 августа 1916 г**.** Во время нее чешский депутат ходатайствовал об отправке из России во Францию около 150 000 военнопленных «для образования на французском фронте особых чешских отрядов».[541] В Могилеве же состоялось несколько встреч заместителя председателя ЧСНС и его помощников с начальником французской военной миссии в России генералом Морисом Жаненом, во время которых ему было сообщено о ходатайстве Национального совета.[542]

Параллельно с Йозефом Дюрихом проблему отправки чешско-словацких военнопленных во Францию пытались решить и представители Третьей республики в России. Об этом свидетельствует отношение товарища министра иностранных дел В. А. Арцимовича управляющему делами Совета министров И. Н. Лодыженскому.[543] В нем отмечалось, что французское посольство в Петрограде обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой о передаче правительству Третьей республики как можно большего количества военнопленных славянского происхождения. Их труд предполагалось использовать «на заводах, работающих на оборону в пользу как французских, так и союзнических армий».[544]

---

[539] *Dürich J.* V českých službách. S. 34.
[540] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 323. Оп. 617. Д. 93. Л. 87 – 88об.
[541] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 93. Л. 87.
[542] *Janin M.* Moje účast… S. 9–13.
[543] Копия отношения товарища министра иностранных дел В. А. Арцимовича управляющему делами Совета министров И. Н. Лодыженскому о внесении на рассмотрение Совета министров вопроса о передаче Франции военнопленных для использования в оборонной промышленности // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 217. С. 416–417 ; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1540. Л. 3 – 4.
[544] Копия отношения товарища министра иностранных дел В. А. Арцимовича... // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 217. С. 416.

Российская сторона отнеслась к этим предложениям со всей серьезностью. Руководство российского МИД восприняло ходатайство французских дипломатов как неотложный вопрос общегосударственного значения, могущий серьезно затронуть интересы России. Арцимович отмечал, что подобная мера привела бы к сокращению количества славян-военнопленных, занятых в качестве рабочих «производством предметов обороны и снабжения армии, а также распределенных на сельскохозяйственных работах». В свою очередь, это могло вызвать кризис в военной промышленности. Необходимо было как можно скорее обдумать и возможные последствия отказа российских дипломатов удовлетворить проект французской стороны.[545]

Столь неотложный вопрос было решено вынести на рассмотрение Совета министров. К его заседанию, намеченному на 5 августа 1916 г., чиновниками Особого политического отдела МИД была подготовлена специальная докладная записка.[546] В ней отчетливо просматривается стремление исключить возникновение такой ситуации, при которой влияние правления Союза чешско-словацких обществ в России, руководящего органа чешско-словацкого движения на территории империи, на решение данного вопроса стало бы преобладающим. Настороженность дипломатов вызывал и тот факт, что руководители Союза поддерживали контакты с Т. Г. Масариком, взгляды которого в Западной Европе характеризовались как крайне враждебные по отношению к России. Для выхода из сложившейся ситуации Особый политический отдел предложил собственный проект решения вопроса о чешско-словацком войске. Он предполагал поставить деятельность правления Союза чешско-словацких обществ в России по организации армии под неусыпный контроль со стороны МИД и штаба Киевского военного округа, а Йозефа Дюриха признать «единственным чешским представителем» в России.[547]

7 августа 1916 г. управляющий делами Совета министров направил в МИД служебное письмо. В нем были обозначены решения, принятые в ходе заседания 5

[545] Там же.
[546] АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 215. Л. 85 – 88об.
[547] Там же.

августа 1916 г. После обсуждения вопроса о передаче французскому правительству военнопленных было признано невозможным удовлетворить его просьбу «ввиду наблюдаемого повсеместно в империи острого недостатка рабочих рук». Вопрос о порядке освобождения военнопленных славян предполагалось обсудить во время ближайшего заседания Особого совещания под предводительством председателя Совета министров по объединению всех мероприятий, касающихся снабжений армии и флота и организации тыла.[548]

Высказала свое соображение по поводу отправки военнопленных славянского происхождения во Францию и Ставка Верховного Главнокомандующего. Точка зрения генерала М. В. Алексеева была двойственной. Он считал невозможным позволить Йозефу Дюриху как представителю ЧСНС самостоятельно действовать в России наряду с Правлением Союза чешско-словацких обществ. Наштаверх полагал, что вопросом о военнопленных должна заниматься только одна организация. В то же время М. В. Алексеев делал следующую оговорку: «Если бы, однако, признано было полезным использовать часть наших чешских пленных на французском фронте и сформировать для этой цели несколько чешских полков, то это, конечно, надлежало бы сделать не в виде услуги, оказываемой чешскими организациями Франции, а в виде услуги, оказываемой Россией, располагающей этими пленными». В таком случае, считал наштаверх, практической частью решения этого вопроса должно было заняться Главное управление Генерального Штаба.[549]

Таким образом, попытка Йозефа Дюриха добиться согласия на отправку военнопленных во Францию не имела успеха. Правительство, защищая интересы Российской империи в данном вопросе, отклонило ходатайство чешского депутата и французских дипломатических представителей.

Неудачам Дюриха в России во многом способствовало и крайне негативное отношение представителей Ставки к сопровождавшим его лицам, Штерну и Штафлу. Достаточно подробные воспоминания о деятельности помощников

[548] Там же. Л. 94 – 94об. ; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1540. Л. 1 – 1об.
[549] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 93. Л. 87 – 88об.

чешского депутата оставил генерал Морис Жанен. Из его мемуаров следует, что Штерн был уже давно известен в Ставке, членам императорской фамилии и самому императору Николаю II. Он пользовался у них репутацией авантюриста.[550] Что же касается Ивана Штафла, то он характеризовался в донесениях из французской военной миссии как человек с дурными манерами и безнравственным поведением, постоянно выставляющий себя напоказ. Более того, младший лейтенант Иностранного легиона постоянно говорил о себе как о военном атташе посла Королевства Богемии, считая себя равным по статусу «главам военных миссий в России».[551]

На фоне действий, предпринимаемых этими людьми, у представителей как российской, так и французской стороны начала вызывать недоумение и сама фигура Йозефа Дюриха. Он все в большей степени воспринимался ими как слабохарактерная личность, человек, плохо разбирающийся в окружающих его людях, позволяющий им открыто манипулировать собой для достижения собственных интересов.

Ситуацию попытался исправить М. Р. Штефаник, прибывший в Россию 5 августа 1916 г. Сразу же после своего приезда в Петроград он начал переговоры с Дюрихом, Штафлом и Штерном об организации совместной деятельности, но получил отказ.[552] В результате ему пришлось действовать независимо от своего чешского коллеги. 25 августа 1916 г. он прибыл в Ставку, где состоялась его первая встреча с генералом Жаненом. Разговор обоих военных длился несколько часов.[553] Они договорились о том, что лейтенант станет своеобразным «связным» (agent de liaison) между начальником французской военной миссии и чешско-словацкими обществами. Именно в такой должности Штефаник должен был выехать в Киев.

---

[550] *Janin M.* Úvahy o Dürichově misi. S. 146 – 147.
[551] РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.
[552] Dok. 18. Zpráva francúzskej vojenskej misie v Rusku o vzniku a ciel'och Štefánikovho poslania v Rusku, v ktorej sa zdôrazňuje, že pre t'ažkosti spojené s problémom náboru vyslala francúzska vláda do Ruska urýchlene Štefánika // *Holotík L.* Štefánikovská legenda… S. 394.
[553] *Janin M.* Moje účast... S. 15 ; *Idem.* Pád carismu... S. 49.

На следующий день, 26 августа 1916 г., он посетил вместе с Жаненом М. В. Алексеева. В ходе беседы наштаверх сообщил собеседникам свои соображения относительно создания специальной комиссии, призванной заниматься формированием чешско-словацких войсковых частей. На совещании было принято решение о том, что на следующий день Штефаник отправится в Киев для устранения возникших между чехами и словаками разногласий. Была достигнута договоренность, что сформированные в будущем чешско-словацкие части будут разделены между Западным и Восточным фронтами.[554]

О пребывании Штефаника в Ставке Верховного главнокомандующего, можно узнать и из письма Н. А. Базили А. А. Нератову.[555] Документ является красноречивым свидетельством того, что Штефаник, изучив положение дел в России, занял более осторожную позицию. Его трактовка вопроса об отправке военнопленных из России во Францию отличалась от ходатайства Йозефа Дюриха расплывчатостью формулировки. «С соизволения, но не по поручению Французского Правительства, – писал Базили, – Штефаник высказал здесь пожелание о посылке чешских пленных на французский фронт в той форме, какую наше правительство сочтет возможной».[556] Дипломатические уловки М. Р. Штефаника сделали свое дело. Ему удалось обаять наштаверха и директора дипломатической канцелярии.[557]

Казалось бы, успех был достигнут. Получив в Ставке поддержку, 27 августа 1916 г. Штефаник отправился в Киев. Здесь он посетил собрание представителей чешских и словацких обществ. Вместе с ними он предпринял попытку объединить деятельность их членов и выработать программу совместной акции.

Результатом переговоров стала так называемая «Запись о принципах чешско-словацкой акции». Этот договор, заключенный между представителями Чешско-Словацкого национального совета (Й. Дюрихом и М. Р. Штефаником), Союза

---

[554] *Janin M.* Moje účast... S. 14 – 17.
[555] Письмо директора Дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем (Ставке) Н. А. Базили товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову о переговорах с членом Чешско-Словацкого Национального Совета (ЧСНС) М. Р. Штефаником // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 225. С. 427 – 429.
[556] Там же. С. 427.
[557] *Baerlein H.* The March of the Seventy Thousand. P. 49.

чешско-словацких обществ в России (В. Вондраком и Я. Вольфом), а также прибывшим в Россию делегатом Словацкой Лиги в Америке Густавом Кошиком, известен в историографии под названием «Киевское соглашение». Согласно его тексту, Дюрих был провозглашен представителем чехов и словаков в России. Однако его полномочия были существенно ограничены. В своей деятельности ему предстояло опираться «на круг сотрудников-специалистов», избранных по соглашению с ним Национальным советом.[558] Заключенный в Киеве между Й. Дюрихом и М. Р. Штефаником договор имел важные последствия и для чешско-словацкой акции в России. По мнению современного отечественного историка-богемиста Е. Ф. Фирсова, «Киевское соглашение» поставило словацкий вопрос в России в русло проводимой ЧСНС политической линии, направленной на объединение двух народов в рамках одного государства.[559] Более того, «Запись» стала первым официальным документом, провозгласившим чешско-словацкое национальное движение в Российской империи составной частью заграничной акции, проводимой Т. Г. Масариком и его коллегами за рубежом.

1 сентября 1916 г. во второй половине дня Штефаник вернулся в Могилев. Он был доволен результатами своей поездки. Наконец удалось достичь компромисса между представителями различных чешских и словацких обществ в России, объединив их под почетным председательством Й. Дюриха. Однако М. Жанен раскритиковал текст подписанного в Киеве документа. Он обратил внимание Штефаника на то, что, «в то время как услуги, оказанные Россией, в нем признаны в выражениях, которые могли бы показаться беспристрастному историку достаточно выразительными, Франция стоит наравне с Англией и Италией». Генерал отметил, что «многовековые связи, которые связывают ее с Чехией, обойдены молчанием, так же, как и бескорыстная поддержка, которую оказываем почти мы одни (т.е. французская сторона – *П. М.*)». Таким образом, М. Жанену представлялось необходимым особо указать на роль Франции. В ответ на его

---

[558] «Запись о принципах чешско-словацкой акции», подписанная представителем ЧСНСовета, Союза чешско-словацких обществ в России и Словацкой лиги в Америке, с признанием полномочий за Национальным советом // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 230. С. 438–439.

[559] *Фирсов Е. Ф.* Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колонии в России в 1915 – 1917 гг.: Масарик или Дюрих // Версаль и новая Восточная Европа. С. 129.

упрек М. Р. Штефаник заметил, что подобная формулировка объяснялась беспокойством российских правительственных и военных учреждений, вызванным количеством военнопленных, предназначенных для отправки во Францию.[560]

После приезда из Киева Штефаник и Жанен продолжили свой курс, направленный на сотрудничество со Ставкой. 2 сентября Штефаник вместе с начальником французской военной миссии вновь встретился с наштаверхом. Морис Жанен вспоминал, что генерал Алексеев сообщил своим посетителям о твердом намерении «поддержать скорейшее создание чешско-словацких частей». С большим воодушевлением он высказался и относительно отправки чехов и словаков во Францию. Речь шла о том, «каким образом распределить части, как только они будут сформированы, на фронт французский и русский», причем, коснувшись данного вопроса, он добавил, что «необходимо будет создать значительные единицы, так, чтобы чешский народ был достойным образом представлен».[561] Начальник Штаба Верховного главнокомандующего затронул и вопрос о создании специальной комиссии, которая оказывала бы помощь российским военным в деле создания чешско-словацких частей. В ее состав он предполагал включить М. Р. Штефаника, который одновременно должен был занимать в ней должность представителя французской миссии.[562]

В своих воспоминаниях Жанен отмечал, что они были довольны результатами своих переговоров.[563] И для такой оценки имелись серьезные основания. Штефанику удалось несколько ослабить противоречия между различными обществами чехов и словаков, проживавших в России. Их объединение было на руку и генералу Алексееву, видевшему основным условием успешного формирования частей из чешско-словацких добровольцев достижение согласия между представителями чешских и словацких организаций.

---

[560] *Janin M.* Moje účast… S. 20.
[561] Ibidem.
[562] Ibid. S. 21 – 22.
[563] Ibid. S. 22.

Штефаник пробыл в Могилеве еще несколько дней.[564] 7 сентября он покинул Ставку. Вернувшись в Петроград, он вскоре понял, что положение дел вновь начало складываться не в его пользу. Теперь в борьбу за влияние на Йозефа Дюриха активно включился российский МИД. Наибольшую активность проявлял Особый политический отдел, директор которого, М. Г. Приклонский, крайне отрицательно относился к усилению влияния линии ЧСНС на чехов и словаков в России. Для ослабления влияния политической линии Т. Г. Масарика его сотрудниками была начата работа по созданию альтернативного Парижу центра национально-освободительного движения – Чешско-Словацкого народного совета в России. К концу 1916 г. во внешнеполитическом ведомстве был подготовлен его устав, согласно которому Дюрих назначался председателем этой организации. Предполагалось поставить под полный контроль со стороны российских дипломатов и военных и процесс организации чешско-словацких подразделений.[565]

По словам генерала Мориса Жанена, последней каплей стало сообщение о заявленном Приклонским желании российского правительства сотрудничать в чешско-словацких делах исключительно с Дюрихом. В сложившейся обстановке Штефаник решил уехать на некоторое время из России, предоставив Дюриху полную свободу действий, а затем, дождавшись подходящего момента, вернуться обратно и вновь включиться в работу по созданию национальной армии. К моменту его возвращения, предполагал он, дело должно было сдвинуться с мертвой точки.[566]

Именно поэтому Штефаник попросил Жанена дать ему назначение во французскую военную миссию в Румынию.[567] И тот пошел ему навстречу. Особым приказом от 30 сентября 1916 г. Штефаник был переведен во временное распоряжение генерала Анри Матиаса Бертело, начальника французской военной

---

[564] Ibid. S. 24.
[565] *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России… С. 210 – 211 ; *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 22 – 23 ; *Ее же.* Милан Растислав Штефаник… // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. С. 100.
[566] *Janin M.* Moje účast… S. 28.
[567] Ibid. S. 30.

миссии в Румынии. «С административной точки зрения» он продолжал зависеть от военной миссии Третьей республики в России.[568] Во второй половине октября 1916 г. он отправился в путь.[569]

Оценивая миссию М. Р. Штефаника в России, в первую очередь, необходимо отметить, что она имела как неудачные, так и успешные стороны. Главной неудачей стало отклонение российским правительством ходатайства об отправке во Францию военнопленных чешского и словацкого происхождения. Это решение можно оценить как несомненную победу дипломатии Российской империи.

Тем не менее, результаты, достигнутые им по другим вопросам, кажутся более успешными. Во-первых, ему удалось вызвать симпатию у императора Николая II, получить поддержку у ведущих представителей руководства Ставки – начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева и директора Дипломатической канцелярии Н. А. Базили. Во-вторых, словацкий ученый и политик получил пусть и неформальное согласие на будущую отправку на Западный фронт части чешско-словацких формирований после окончания процесса их создания в России. Достигнутые Штефаником договоренности стали впоследствии одним из оснований для дальнейшего продвижения вопроса о передаче уже сформированного отдельного Чешско-Словацкого корпуса в ведение французской армии в конце 1917 – начале 1918 гг., во время пребывания в России Т. Г. Масарика.

М. Р. Штефаник в Румынии. Как уже было отмечено выше, получив 13 октября 1916 г. соответствующий приказ от главы французской военной миссии в России, М. Р. Штефаник выехал в Румынию. Его лежал через Кишинев и Яссы. 20 октября 1916 г. он прибыл в Бухарест, а 30 октября явился для доклада к начальнику французской военной миссии в Румынии генералу Анри Матиасу Бертело.[570] Как и в Российской империи, основной целью его пребывания стал набор добровольцев из числа военнопленных, готовых служить в рядах армии

[568] Dok. 21. Generál Janin, náčelník francúzskej vojenskej misie v Rusku, preraďuje Štefánika k francúzskej vojenskej misii v Rumunsku // *Holotík L.* Štefánikovská legenda… S. 399.
[569] *Janin M.* Moje účast… S. 30.
[570] *Kopecký P.* Vojenská misia generála M. R. Štefánika v Rumunsku vo svetle rumunských vojenských archívnych dokumentov // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. S. 164.

Третьей республики. Акция М. Р. Штефаника была санкционирована королем Фердинандом I [571] и румынским Генеральным штабом. Посланнику ЧСНС и французского правительства предстояло провести набор среди военнопленных чехов, словаков и эльзас-лотарингцев, находившихся в румынских лагерях, для последующей их отправки во Францию. По всем вопросам, связанным со стоящей перед ним задачей, Штефаник должен был обращаться к представителю Генерального штаба румынской армии, полковнику Миронеско, который, как гласил текст приказа, уже получил все необходимые инструкции относительно решения данной проблемы.[572]

Деятельность Штефаника по набору военнопленных для французской армии проводилась при непосредственной поддержке со стороны генерала Бертело. Так, одним из наиболее известных исследователям документов периода пребывания Штефаника в Румынии, освещающих позицию начальника французской военной миссии, является его записка от 7 декабря 1916 г. Она была адресована румынскому королю Фердинанду I. В ней А. М. Бертело сообщал монарху о необходимости «безотлагательно принять решение об эвакуации военнопленных чешской национальности, равно как и военнопленных эльзас-лотарингского происхождения во Францию».[573] Начальник французской военной миссии ходатайствовал, чтобы военные власти страны приступили к отделению чешских и эльзас-лотарингских военнопленных из массы. Здесь же содержалось и предложение использовать для осуществления данной работы Штефаника.[574]

В этот же день Бертело получил письмо от начальника французской военной миссии в Российской империи. Генерал Жанен просил своего коллегу довести до

---

[571] Об одобрении деятельности Штефаника румынским королем Фердинандом I свидетельствует телеграмма французского посла в Румынии Сен-Олера в Париж от 19 ноября 1916 г. В ней сообщалось, что монарх позволил М. Р. Штефанику организовать набор добровольцев из числа военнопленных для Иностранного легиона. В его донесении было также отмечено, что военнопленные могут быть использованы как на Западном фронте, так и на театре военных действий в Африке. См.: *Holotík L.* Štefánikovská legenda… S. 176.

[572] Dok. 23. Služobný rozkaz, ktorý poveruje Štefánika náborom zajatcov v Rumunsku // Ibid. S. 401.

[573] *Kopecký P.* Op. cit. // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. S. 164.

[574] Ему предстояло получить все необходимые полномочия в данной области – «как для самого отделения, так и для формирования кадров, которые образовывали бы полицию над военнопленными», а также возможность давать своему начальству по линии французской военной миссии «любые другие полезные советы». После отделения от представителей других национальностей их предполагалось направить в определенное место, найденное и предложенное М. Р. Штефаником. Необходимые полномочия предоставлялись словацкому представителю при ЧСНС специальным приказом. См.: Ibidem.

его сведения информацию, касающуюся всех данных о находящихся в румынских лагерях военнопленных чехах и словаках, а также ходатайствовал о том, чтобы изучение этого вопроса было поручено его словацкому подчиненному.[575]

Ходатайство генерала Бертело, направленное румынскому королю, было одобрено. Уже на следующий день, 8 декабря 1916 г., румынский Генеральный штаб получил соответствующий приказ, частью которого стала циркулярная телеграмма № 2317, изданная начальником отдела регистрации военнопленных румынского Военного министерства полковником Табацовици. Она предписывала начальникам лагерей военнопленных, расположенных в Бырладе, Шипоте, Добровце, Текуче, Галаце и Местекане, принять во внимание полномочия Штефаника. Еще одна телеграмма, позволявшая ему вести деятельность по выделению из числа военнопленных Центральных держав чехов, словаков и эльзас-лотарингцев, была отправлена 10 декабря из Фокшан начальником военных коммуникаций (генералом Поповици). Она была адресована полковнику Миронеско и принята в румынском Военном министерстве 11 декабря 1916 г.[576]

В это время возникла необходимость предоставить Милану Растиславу Штефанику воинский чин, соответствующий статусу возложенной на него миссии. В конце 1916 г. он был повышен в звании, получив чин капитана французской армии.[577] Однако его было явно недостаточно для того, чтобы подчеркнуть его авторитет в Румынии. Именно поэтому генерал Бертело принял решение о предоставлении ему чина майора.[578] Об этом свидетельствует приказ № 9 по линии французской военной миссии за подписью ее начальника.[579] Текст приказа постановлял, что, согласно решению генерала А. М. Бертело, Штефаник получал повышение с соответствующими привилегиями. Далее отмечалось, что

---

[575] *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 176.

[576] *Kopecký P.* Op. cit. // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. S. 165.

[577] *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 176. В своих воспоминаниях генерал Морис Жанен отмечал, что приказ о повышении Штефаника по службе и предоставлении ему звания капитана был прислан из Франции как раз тогда, когда словацкий представитель при ЧСНС уже находился в Румынии. Решение генерала Бертело предоставить Штефанику более высокий чин, по словам Жанена, было вызвано принятым в военной миссии в Румынии правилом, согласно которому из соображений престижа ее членам давался более высокий чин, чем они имели на самом деле. См.: *Janin M.* Moje účast… S. 30.

[578] Франц. – chef de batallion.

[579] Dok. 22. Rozkaz generála Berthelota, náčelníka francúzskej vojenskej misie v Rumunsku, ktorým sa Štefánik povyšuje dočasne na majora // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 400.

данное решение было принято для того, чтобы «создать благоприятные условия» для завершения исполнения капитаном Штефаником стоящих перед ним в России задач. Распоряжение французской военной миссии не предоставляло М. Р. Штефанику никаких званий для его дальнейшего продвижения по службе.[580]

Французские представители в Румынии уже на этом этапе начали рассматривать проекты относительно переброски находящихся там пленных чехов и словаков через территорию Российской империи. В частности, этой проблеме была посвящена записка от 11 декабря 1916 г., посвященная проблеме «использования австрийских пленных чешской национальности, находящихся в распоряжении румын».[581] По предоставленным Штефаником сведениям, около 2 000 военнопленных чехов, словаков и эльзас-лотарингцев желали служить в какой-либо из армий стран Антанты.[582] Далее было отмечено, что румынский король Фердинанд I «не желает зачислять их в свою армию, поскольку они принесли клятву верности Германии и Австрии, но был бы согласен отправить их во Францию для Иностранного легиона», в частях которого они могли бы проходить службу как на Западном фронте, так и быть отправленными в Африку.[583]

---

[580] Ibidem.

[581] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 800. Karton 6 ; Správa o použití rakúských zajatcov českej národnosti v rukách Rumunov 11. decembra 1916 // *Braud E., Guelton F., Kšiňan M.* Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch... S. 58 – 59.

[582] Впервые сведения о наличии около 2000 военнопленных, согласных сражаться на стороне Антанты, были представлены в телеграмме французского посла в Румынии Сен-Олера. См.: VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 798. Karton 6 ; Telegram vel'vyslanca Francúzska v Rumunsku ministrovi zahraničných vecí, Bukurešť, 19. novembra 1916 // *Braud E., Guelton F., Kšiňan M.* Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch... S. 58.

[583] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 800. Karton 6. Записка от 11 декабря 1916 г. представляет интерес для исследователя и потому, что по ней можно проследить действия представителей французской стороны по вопросу об отправке военнопленных во Францию в конце ноября – начале декабря 1916 г. Так, в ней сообщалось, что 30 ноября генерал Бертело предоставил отчет о том, что в Румынии уже был подготовлен предназначенный для отправки на Западный фронт контингент чешско-словацких военнопленных, насчитывающий 1500 человек. 2 декабря главнокомандующий французской армией Ф. Фош направил генералам А. М. Бертело и М. Жанену телеграмму, в которой приказывал начальникам военных миссий в Румынии и в России предоставить на рассмотрение временно исполняющего должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего российской императорской армии генерала В. И. Ромейко-Гурко вопрос о транспортировке набранного количества военнопленных через территорию Российской империи. См.: Ibidem. 7 декабря 1916 г., генерал Жанен сообщил о принципиальном согласии генерала Гурко на транспортировку набранных Штефаником в Румынии пленных через Россию. Он же запросил у генерала Бертело все необходимые сведения, которые позволили бы прийти к определенному решению. В его телеграмме сообщалось, что генерал В. И. Гурко предполагал подвергнуть более точному рассмотрению вопросы, связанные с отправкой военнопленных чехов и словаков из Румынии через Российскую империю (дату отъезда, численность личного состава, предоставление транспортов, условия перевозки и т.п.). См.: Dok. 26. Francúzska vojenská misia v Rusku žiada francúzsku vojenskú misiu v Rumunsku, aby sa Štefánik zaoberal zajateckou otázkou a podával o nej zpravy // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 404 ; Telegrám generála Janina

Документы по линии военного и внешнеполитического ведомств Третьей республики показывают, что уже в конце 1916 г. витал вопрос о пути, по которому должны были проследовать эшелоны с военнопленными чешского и словацкого происхождения. Так, телеграмма французского посла в Бухаресте в МИД Третьей республики сообщала о необходимости заключения соглашения с российской стороной об отправке пленных во Владивосток. Меры по их транспортировке из Румынии в обозначенный послом пункт должен был принять генерал Бертело.[584] В записке от 11 декабря 1916 г. содержалась уже иная формулировка: генералу Жанену поручалось «узнать, нет ли возможности осуществить эту перевозку через Колу, а не через Владивосток».[585] Таким образом, два основных пути, по которым французская сторона планировала в дальнейшем осуществлять транспортировку частей корпуса на Западный фронт, впервые были рассмотрены французским военным ведомством уже в конце 1916 г.

Результаты поездки М. Р. Штефаника в Румынию, несомненно, являются более успешными, чем его деятельность в Российской империи в августе – октябре 1916 г. Здесь ему удалось получить в свое распоряжение около 1500 военнопленных чехов и словаков, причем исследователи указывают на преобладание среди них австро-венгерских подданных словацкой национальности.[586] Его миссия способствовала значительному улучшению условий жизни военнопленных в лагерях на территории королевства.[587] Штефаник

---

ministrovi vojny a francúzskému hlavnému velitel'stvu 7. decembra 1916 // *Braud E., Guelton F., Kšiňan M.* Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch... S. 58.

[584] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 798. Karton 6. В своей телеграмме от 30 ноября 1916 г. генерал Бертело предлагал осуществить транспортировку пленных чехов и словаков во Францию через Владивосток и Египет. Их предполагалось использовать частично в качестве рабочей силы на заводах, частично в армии. См.: VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 799. Karton 6.

[585] Dok. 24. Záznam o českých zajatcoch v Rumunsku, v ktorom sa hovorí o Štefánikovom nábore zajatcov pre cudzineckú légiu // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 402.

[586] По данным, предоставленным словацким исследователем Петером Копецким, М. Р. Штефанику удалось набрать в Румынии 1800 чехов и словаков. См.: *Kopecký P.* Op. cit. // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. S. 165. Интересно, что в книге «Мое участие в чешско-словацкой борьбе за свободу» генерал М. Жанен приводит несколько иные данные: согласно отчету, данному М. Р. Штефаником в день своего возвращения в Россию начальнику французской военной миссии, ему удалось найти в лагерях военнопленных в Румынии около 800 чехов и словаков. Остальную же часть составили эльзас-лотарингцы (около 70 – 80 человек) и сербы (600 человек). См.: *Janin M.* Moje účast... S. 30.

[587] Генерал М. Жанен вспоминал, что по прибытии в Румынию Штефаник ужаснулся при виде тех условий, в которых содержались военнопленные. Их содержание было организовано румынскими властями крайне плохо; к тому же, они страдали, «умирая от голода и бедности», и подвергались жестокому обращению со стороны начальников лагерей. См.: Ibid. S. 33.

добился того, чтобы на пленных чехов и словаков был распространен особый режим содержания польских военнопленных. Ответственность за дальнейшую судьбу чехов и словаков, находящихся в Румынии и готовых отправиться во Францию, брал на себя Чешско-Словацкий национальный совет.[588]

Из-за стремительного наступления немецких войск, заменивших на Румынском фронте австро-венгерские части, подготовленных к отправке на Западный фронт военнопленных в конце декабря переправили из Добруджи в новое место сосредоточения в городе Бырладе, а затем – в Яссы. В своей телеграмме во французское Министерство иностранных дел от 13 января 1917 г. генерал Бертело сообщал, что «стараниями Штефаника», все набранные для отправки на Западный фронт военнопленные уже сосредоточены в Яссах и готовы отправиться в путь. На тот момент оставалось определить российский порт как пункт отправки, а также решить вопросы, связанные с оплатой транспортировки чехов и словаков через Россию.[589]

2.3. Возвращение М. Р. Штефаника в Россию. Переговоры с В. И. Ромейко-Гурко

Выполнив задачи, стоявшие перед ним в Румынии, 9 января 1917 г. Штефаник вернулся в Российскую империю.[590]

К моменту его возвращения внутренняя ситуация в России продолжала накаляться. Ухудшилось и положение на Румынском фронте: Валахия была занята неприятельскими войсками, которые после ряда неудачных сражений вышли к реке Серет. Российское командование было вынуждено посылать в этом

[588] Согласно данному документу, чешские и словацкие военнопленные также, как и поляки, могли избирать из своей среды специальных уполномоченных для установления контактов с местными административными органами, отправлять и получать корреспонденцию и посылки. Более того, военнопленным разрешалось иметь собственных поваров, пользоваться правом на медицинское обеспечение, получать газеты и журналы на родном языке, беспрепятственно принимать участие в богослужениях. Инвалиды, больные, офицеры или представители интеллигенции могли получать отдельное жилье. Было разрешено посещение пленных поляков, чехов и словаков их близкими родственниками. См.: *Kopecký P.* Op. cit. // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. S. 165.

[589] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 801. Karton 6.

[590] *Janin M.* Moje účast… S. 32 – 33.

направлении значительные по численности контингенты. В самом Бухаресте наблюдалось разногласие между представителями российской и французской военных миссий. Представители первой пользовались большим доверием со стороны короля Фердинанда I и правительства страны. Конфликт между военными двух стран-союзниц был вызван и тем, что правительство Третьей республики и командование французской армии часто «ходатайствовали у русских в пользу румын». Это вызвало серьезное беспокойство у российских военных и дипломатов. Одним из них был временно исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего Русской императорской армии, генерал Василий Иосифович Ромейко-Гурко. Собственную политическую линию продолжала вести и французская сторона. Так, генерал Жанен отмечал в своих мемуарах, что 8 января 1917 г. из Генерального штаба французской армии ему была направлена телеграмма, в которой содержался протест против плана генерала Гурко об эвакуации за Днестр истощенной в боях румынской армии для дальнейшего ее переформирования.[591]

В столь непростой ситуации, сложившейся на Румынском фронте, необходимо было позаботиться о судьбе набранных М. Р. Штефаником чехов и словаков, которые на тот момент находились уже на территории Молдавии.[592] 11 января 1917 г. начальник французской военной миссии нанес визит дежурному генералу при Штабе Верховного главнокомандующего П. К. Кондзеровскому. Во время беседы генерал Жанен подробно изложил ситуацию, связанную с положением чешских и словацких военнопленных. Кондзеровский обещал разместить их «в хороших условиях» в Кишиневе, а также обещал, что до тех пор, пока Жанену из Франции «не будут переведены» запрашиваемые им средства на содержание военнопленных, их обеспечение будет осуществляться за счет российских военных учреждений.[593] 16 января М. Жанен получил сообщение о прибытии набранных в Румынии пленных чехов и словаков в Кишинев. В своих мемуарах он отмечал, что их эвакуация из Румынии производилась в большой

[591] Ibidem.
[592] Ibid. S. 33.
[593] Ibidem.

спешке, с целью поскорее избавиться от них. В результате необходимые для их размещения в Кишиневе меры не были приняты. Для того, чтобы урегулировать этот вопрос, он был вынужден вновь обратиться к Кондзеровскому.

Командовать транспортом прибывших в Россию военнопленных был назначен молодой лейтенант авиации, граф де Ларенти-Толозан, на тот момент направлявшийся в отпуск во Францию. Вступив в должность, он пожертвовал 4 000 франков на нужды поставленных под его руководство пленных чехов и словаков.[594] Таким образом, вопрос о судьбе пленных чехов и словаков, направлявшихся из Румынии во Францию, на данном этапе был решен.

Параллельно с вопросами, связанными с транспортировкой военнопленных, начальнику французской военной миссии в России и его словацкому подчиненному предстояло решить еще одну серьезную проблему. Речь шла о самом процессе организации чешско-словацкого войска. Работа по созданию чешско-словацкой стрелковой бригады шла крайне медленными темпами. Так, ее формирование на основе дислоцированного в Ивани Чешско-Словацкого стрелкового полка было завершено лишь 20 августа 1916 г.[595] Это было связано с тем, что, в связи с установлением на Восточном фронте позиционного характера военных действий, к осени 1916 г. практически сошла на нет необходимость использования в действующей армии чешско-словацких добровольцев в качестве команд разведчиков.[596] Процесс придания формируемым на территории Российской империи чешским частям нового статуса путем превращения их в отдельную боевую единицу в составе Русской императорской армии также наталкивался на серьезные препятствия. Основным из них было то обстоятельство, что после завершения сельскохозяйственных работ их предполагалось передать «на заводы и в другие предприятия», что создавало

---

[594] Ibid. S. 34 – 35.

[595] *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 22 ; Рапорт генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии А. А. Посохова начальнику штаба 3-й армии А. К. Байову о развертывании Чешско-Словацкой стрелковой бригады в дивизию // Там же. № 240. С. 459 – 461.

[596] Там же. С. 459.

значительные затруднения для пополнения численного состава чешско-словацких подразделений.[597]

Играло свою роль и стремление военного и внешнеполитического ведомств, а также Министерства внутренних дел Российской империи подчинить своему влиянию движение российских чехов и словаков, изолировав его от влияния линии Масарика. В этой ситуации Штефанику и М. Жанену необходимо было действовать как можно скорее. Перед ними стояли две очевидные задачи: 1) ускорить процесс формирования чешско-словацких частей, что, возможно, в дальнейшем позволило бы добиться согласия на отправку некоторого числа добровольцев во Францию; 2) нейтрализовать угрозу создания в России мощного центра национально-освободительного движения, альтернативного Лондону и Парижу.

Первым их шагом стало установление тесных связей с генералом В. И. Гурко. 15 января Жанен представил ему М. Р. Штефаника.[598] Основной целью встречи, как сообщалось в преамбуле к ее протоколу, составленному Штефаником, было проведение переговоров относительно «перевозки волонтеров из числа чешских пленных, которых он смог собрать в Румынии, для того, чтобы использовать их во Франции для нужд войны». Собеседниками также обсуждалась позиция Российской империи по чешскому вопросу в целом. Обговорили Штефаник и Гурко и возможность использования труда славян в Америке.[599]

Значительное место в разговоре Штефаника с В. И. Ромейко-Гурко занял вопрос о послевоенном устройстве государственной жизни славян Центральной Европы. Согласно точке зрения генерала, необходимо было создание «великой Польши» с национальной династией во главе государства, равно как и освобождение от австро-венгерского влияния чешского и словацкого народов. Для

---

[597] Рапорт генерала для поручений при главном начальнике Киевского военного округа Я. В. Червинки дежурному генералу при Верховном главнокомандующем П. К. Кондзеровскому о формировании чешско-словацких войсковых частей // Там же. № 257. С. 500.

[598] *Gurko B.* War and Revolution in Russia. P. 279 ; Dok. 30. Zápis M. R. Štefánika o jeho rozhovore s náčelníkom generálneho štábu ruskej armády generálom Gurkom, v ktorom informuje francúzsku vládu o rusko-francúzskych rozporoch ohľadne Rumunska, o mocenských plánoch cárskeho Ruska na Balkánskom polostrove a o rozhovoroch, ktoré mal s generálom Gurkom o československej otázke // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 409 – 417 ; VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 712. Karton 5.

[599] Dok. 30. Zápis M. R. Štefánika… // *Holotík L.* Op. cit. S. 409.

создания государства им предстояло объединиться. Говоря о будущем государственном строе самостоятельного чешского государства, Штефаник подчеркнул, что «республиканская форма должна оставаться идеалом свободного гражданина». Однако для его реализации требовалась готовность чешского и словацкого народов. Важную роль в процессе провозглашения чехами и словаками республики должна была играть и степень объединенности между ними. Учитывая текущее состояние дел, Штефаник в достаточно уклончивой и дипломатичной форме сообщил генералу Гурко, что наиболее удобной формой правления в будущем чешско-словацком государстве будет конституционная монархия. Данный государственный строй, согласно его точке зрения, как нельзя лучше подходил бы «чувствам и менталитету чехо-словаков». Что же касается монарха, которому предстояло бы управлять оборудованным после окончания военных действий Чешско-Словацким королевством, то в этом отношении выбор династии необходимо было сделать союзникам.[600]

На вопрос Гурко, к какой из династий склоняются чаяния чехов и словаков, Штефаник ответил, что симпатии его соотечественников на данный момент пока не могут быть точными, «принимая во внимание испытываемый гнет и военное положение» в монархии Габсбургов. При этом он указал на то обстоятельство, что симпатиями у чехов и словаков, как славянских народов, будет пользоваться лишь представитель славянской династии. В том случае, если союзники «пожаловали бы династию не славянскую», ни в коем случае нельзя было бы допустить, чтобы избранный на чешский престол кандидат был немецкого происхождения. Со своей стороны, генерал Гурко пытался доказать ему несостоятельность кандидатур из сербской, савойской, английской и датской династий. По его мнению, достойного кандидата на чешский престол могли дать чехам две страны – Россия и Франция.[601]

---

[600] Ibid. S. 416.

[601] Последние слова, произнесенные генералом Гурко, явно насторожили Штефаника, особенно тогда, когда тот прямо заявил, что единственным кандидатом на чешский престол остается член российской царской династии. Возражения о том, что чехи и словаки, поначалу сдававшиеся в плен частям русской армии с энтузиазмом, теперь «сильно охладели в своем русофильстве», поскольку находятся в лагерях в «худшем положении», не произвели нужного впечатления. Нельзя было забывать и о том, что ряд высокопоставленных чиновников российского МИД

Согласно мнению Штефаника, если бы правительством Российской империи были бы уже предприняты конкретные шаги, а обещания, данные императором Николаем II и великим князем Николаем Николаевичем, возымели бы результат на практике, в настоящее время на территории России можно было бы «ожидать почти такое же количество чешских солдат или рабочих».[602]

Из записки Штефаника о беседе 15 января 1917 г. видно, что Гурко, «пораженный правильностью последней констатации», сразу же поручил ему создать специальную комиссию, которая занялась бы отбором из числа военнопленных чехов и словаков, находящихся в России, добровольцев, готовых служить в качестве солдат в армии или рабочих на заводах.[603]

Одновременно М. Р. Штефаник затронул вопрос и об образовании на территории России чешско-словацкой армии и ее частичной транспортировке на Западный фронт. Он отметил, что генерал Алексеев, в принципе, одобрил предложение ЧСНС и французской стороны. Теперь же, считал Штефаник, для проведения этих замыслов в жизнь наступил самый подходящий момент. Румынское правительство только что освободило находящихся в его распоряжении пленных чехов и словаков. Требовал решения процесс их транспортировки во Францию. Штефаник считал целесообразным добавить к уже находящемуся на территории России транспорту «хотя бы несколько тысяч человек, чтобы создать внушительную войсковую единицу». Этот шаг был выгоден не только для французской стороны и чешско-словацкому заграничному движению, но и Российской империи. Доказывая свою точку зрения, Штефаник сформулировал четыре довода: 1) Россия оказала бы чехам и словакам незаменимую помощь тем, что они были бы «достойно представлены» и на Западном фронте; 2) российская сторона признала бы международный характер чешского вопроса; 3) соглашение России с Францией об отправке контингентов

высказывал намерения, не соответствовавшие официальным лозунгам правительством. Речь шла о таких нюансах, как разделение чехов и словаков; необходимость принятия ими православного вероисповедания; возможность достижения компромисса с венграми; недоверие, которое проявляет царское правительство по отношению к проживающим в империи чехам и словакам. Все это привело к тому, что в течение двух лет войны так и не была решена судьба почти 300 тысяч чехов и словаков, находящихся в России в качестве пленных. См.: Ibidem.

[602] Ibidem.

[603] Ibid. S. 417.

стало бы «доказательством дружеских отношений» между обеими сторонами; 4) эта акция способствовала бы оживлению чешско-словацкого движения в России.

В. И. Гурко поначалу предложил предоставить для отправки во Францию 1000 военнопленных, однако затем, уступив дальнейшим просьбам Штефаника, повысил предполагаемое количество предназначенных для транспортировки военнопленных до размеров бригады. Более того, он уверил представителя ЧСНС в том, что отныне тот может рассчитывать на его личную поддержку.[604]

Что же касается намерения Штефаника отправиться с миссией в Новый Свет для набора там чешских и словацких рабочих, то и в этом случае генерал Гурко проявил живой интерес. Предложение об отправке чехов и словаков в качестве необходимой рабочей силы во Францию не встретило возражений и расценивалось как акция, правомерная и «с международной точки зрения». Кроме того, она могла бы быть исключительно полезной ввиду сложностей, связанных с отправкой из России 50 000 рабочих, требуемых правительством Третьей республики.[605]

Таким образом, первый шаг Штефаника, направленный на достижение стоящих перед ним целей, был успешным. Ему удалось заручиться поддержкой одного из ведущих представителей Ставки, что было немаловажно для организации противостояния линии, проводимой МИД, МВД и Военным министерством, которая была направлена на организацию пророссийского центра заграничного сопротивления. Последний представлял бы собой серьезный противовес по отношению к парижскому Национальному совету.

На следующий день, 16 января 1917 г., М. Р. Штефаник с согласия генерала Жанена отправился в Киев для того, чтобы встретиться там с направляющимся в Россию для участия в межсоюзнической конференции генералом Бертело. Он должен был обрисовать перед ним истинную ситуацию в Румынии и сообщить о позиции российской стороны. В свою очередь, в Могилеве были сделаны новые шаги для ускорения процесса формирования чешско-словацких частей в России.

---

[604] Ibidem.
[605] Ibidem.

Генерал Гурко издал специальный приказ, предписывавший Штефанику создать «из нескольких лиц чешской национальности» комитет, задачей которого стала бы организация набора добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков, предназначенных как для организации из них чешско-словацких частей, так и для работы на оборону в качестве рабочих.[606] Во время визита к начальнику французской военной миссии он пообещал постараться сдвинуть с мертвой точки вопрос о наборе добровольцев и организации войска. Генерал Гурко допускал, что во Францию будет отправлена чешско-словацкая бригада. Как и в разговоре со Штефаником, он одобрил идею о получении необходимых для Франции рабочих из Америки.[607]

Через три дня, 19 января 1917 г., в Могилев возвратился Штефаник. 26 января М. Жанен получил составленный В. И. Ромейко-Гурко приказ. В свою очередь, начальник французской военной миссии в России составил и передал Штефанику специальную записку. В ней он выразил надежду на то, что на этот раз его деятельность не столкнется с серьезными затруднениями, как это произошло в августе 1916 г., а чехам и словакам в России все-таки удастся сплотиться и успешно достичь намеченной ранее цели.[608] 27 января начальник французской военной миссии в России в сопровождении М. Р. Штефаника выехал в Петроград.[609]

Генерал Гурко сдержал данное М. Р. Штефанику обещание всячески содействовать его работе по достижению стоявших перед ним в России целей. Во время разговора с Н. А. Базили, состоявшегося 8 (21) января 1917 г., он сообщил директору Дипломатической канцелярии при Ставке о своем намерении затронуть на Петроградской конференции вопрос о военнопленных. Возможно, данное решение возникло у него после беседы с М. Р. Штефаником.[610] Затронут был и чешский вопрос. Высказывая свою точку зрения, В. И. Гурко основывался на позиции, занятой по данной проблеме словацким представителем при ЧСНС. Он

[606] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 564. Karton 4 ; *Janin M.* Moje účast… S. 36.
[607] Ibid. S. 35.
[608] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 572. Karton 4 ; *Janin M.* Moje účast… S. 36.
[609] Ibid. S. 35.
[610] АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 678. Л. 20об.

сообщил Базили, что «придает большое значение более определенному разрешению вопроса о создании нового Чешского государства». Он призвал своего собеседника точнее определиться с государственным строем послевоенной Чехии. Генерал высказался в пользу создания монархии, считая, что республиканская форма правления позволит «отдельным политическим партиям», находящимся под влиянием враждебных России государств, «забрав в руки политическую власть в стране», вывести Чехию из сферы российского влияния. Свой вариант решения чешского и словацкого вопросов Гурко считал наиболее благоприятным, поскольку, по его словам, ни Франция, ни сами чехи не стремились «создать из Чешских земель государство с обязательно республиканским правлением». Гурко полагал, что на Петроградской конференции «чехам следовало бы дать более определенные обещания относительно создания в будущем нового государства из Чешских земель».[611]

2.4. Петроградская конференция (февраль 1917 г.) – чешский вопрос как международный

Вполне вероятно, что поддержка, которую генерал Гурко обещал М. Р. Штефанику во время состоявшейся 13 января 1917 г. беседы, способствовала внесению чешского вопроса в повестку дня международной союзнической конференции, официально заседавшей в Петрограде с 19 января по 8 февраля (1 – 21 февраля) 1917 г. Как известно, западные союзники России, Великобритания и Франция, возлагали на данное политическое событие большие надежды. Стремительно нарастающий кризис в правительственных кругах Российской империи, а также все более усугубляющаяся внутриполитическая обстановка внутри страны, не могли не вызывать беспокойства у их дипломатических представителей в Петрограде. Поэтому основной задачей стало недопущение краха царского режима и сохранение России в рядах стран Антанты.

[611] Там же. Л. 21 – 21об.

Отправляющиеся на конференцию делегации ставили перед собой задачи, соответствующие этим целям. Так, британские представители предполагали оценить на месте внутреннее положение России, перспективы развития политической ситуации в империи с целью выработки соответствующего политического курса по отношению к ней. Делегацию Великобритании на Петроградской конференции возглавили министр без портфеля лорд Альфред Милнер, финансовый представитель лорд Ревелсток и генерал Генри Вильсон.[612]

Руководителем французской делегации был назначен уже приезжавший в Российскую империю в 1915 г. Поль Думер, а военным представителем при нем – генерал Ноэль де Кастельно.[613] В заседаниях конференции приняла участие и итальянская делегация, имевшая своей целью добиться активизации военных усилий Российской империи в связи с готовящимся наступлением Австро-Венгрии на Италию. Ее возглавил министр без портфеля В. Шалойя.[614]

Перед французскими делегатами стояла и еще одна проблема. Осенью 1916 г. в Париже стало известно о неустойчивой внутриполитической обстановке в Австро-Венгрии, а также о возможности обращения правительства монархии Габсбургов к странам Антанты с просьбой о заключении перемирия. В этой обстановке актуальным стал и чешский вопрос. Представляется, что он должен был занять существенное место в программе готовящейся конференции. Об этом, в частности, свидетельствует записка от 11 января 1916 г., озаглавленная «Список вопросов политического характера, могущих составить предмет обмена мнений на предстоящей союзной конференции».[615] Вопрос о содействии стран Антанты «образованию чешских частей» был отображен в четвертом ее параграфе. Он упоминался среди других первостепенных для внешней политики союзников вопросов, таких как выяснение действий дипломатов стран Антанты в Греции, значение Салоникского фронта, вопрос об отведении в тыл истощенной сербской

---

[612] *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны: взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 336 ; *Павлов А. Ю.* Россия на межсоюзнических конференциях в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 30.
[613] Там же. С. 339 – 340.
[614] Там же. С. 440.
[615] АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 678. Л. 31 – 32.

армии «для отдыха и укомплектования» с последующим ее укреплением за счет пополнения ее рядов пленными австро-венгерскими военнослужащими югославянского происхождения.[616] К сожалению, пока неизвестно, было ли внесение данного вопроса в программу конференции исключительно инициативой российской стороны и имели ли дипломатические и военные представители союзников на конференции и, прежде всего, французы, какие-либо инструкции от своих правительств на данный счет.

Заседание, на котором происходило обсуждение вопроса о помощи чехам и словакам со стороны союзников в деле создания ими собственного войска, состоялось 22 января (4 февраля) 1917 г. Примечательно, что он рассматривался в рамках обсуждения проблем, связанных с Балканским полуостровом и Салоникским фронтом. Согласно отложившемуся в фондах АВП РИ протоколу, в этом заседании приняли участие министр колоний Поль Думер, посол Франции Морис Палеолог, лорд Милнер, лорд Ревелсток, английский посол сэр Джордж Бьюкенен, итальянский делегат сенатор В. Шалойя в сопровождении посла Итальянского королевства в Петрограде маркиза Карлотти ди Рипарбелла. Российскую сторону представляли министр иностранных дел Н. Н. Покровский, министр финансов П. Л. Барк, временно исполняющий должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерал В. И. Ромейко-Гурко, назначенный на должность российского посла в Лондоне С. Д. Сазонов и товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов.[617]

Обсуждение вопроса о формировании чешско-словацких частей началось сразу же после рассмотрения проблем, связанных с положением сербской армии и привлечения для службы в ней пленных югославян. Из протокола видно, что российский министр иностранных дел сформулировал его как «вопрос, касающийся формирования корпуса чешских войск на различных фронтах».[618] Далее Покровский процитировал присутствовавшим делегатам телеграмму 190 офицеров-военнопленных австро-венгерской армии чешского и словацкого

[616] Там же. Л. 31 – 31об.
[617] АВП РИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 628. Л. 10.
[618] Там же. Л. 23.

происхождения, сообщавших о своей готовности служить Российской империи. Затем он в качестве председателя заседания обратился к его участникам с вопросом относительно их мнения по поводу пропаганды, которую следовало бы провести среди пленных чехов и словаков для организации среди них набора добровольцев для будущей армии.

Первым высказался генерал В. И. Гурко. Он объяснил собравшимся, что «российское командование позволило уполномоченным чешской национальности посещать концентрационные лагеря, железные дороги и заводы, где работают их соотечественники, и взывать к их национальным чувствам». Генерал отметил, что организация подобной пропаганды значительным образом способствовала образованию на территории Российской империи крупного по численности контингента чешско-словацких войск, состоящего из 8 батальонов. Далее он сообщил, что поддержка интенсивного развития политического движения чехов и словаков должна быть интересна всем странам Антанты. Гурко подчеркнул, что «с этой целью следовало бы создать благоприятные условия для создания чешской войсковой единицы на французском фронте».[619] Он предложил и план, согласно которому во Франции могло бы быть достигнуто создание чешско-словацких частей: уже существующий там небольшой контингент (скорее всего, В. И. Ромейко-Гурко имел в виду чехов, служивших в частях Иностранного легиона – *П. М.*) предполагалось увеличить лишь в том случае, если бы правительство Итальянского королевства выразило свое согласие с переброской во Францию содержащихся в итальянских лагерях тех пленных чехов и словаков, которые «изъявили бы желание сражаться с наследственными врагами их нации», а также если среди проживающих в Америке чешских и словацких эмигрантов была бы проведена эффективная пропагандистская кампания.[620]

Вслед за Гурко свою точку зрения высказал французский делегат Поль Думер. Он выразил согласие с мнением генерала об обращении к пленным чехам и словакам с призывом сражаться на стороне Антанты. Однако, отметил министр

[619] Там же.
[620] Там же.

колоний Третьей республики, «этот вопрос составляет часть… более общего и уже исследованного вопроса о необходимости использования всех добровольцев», которые бы нашлись среди пленных Центральных держав. Согласно точке зрения Думера, союзникам в своей политике по отношению к чехам и словакам следовало бы «избегать всякой двусмысленности». Речь шла о разграничении двух важных аспектов: имелось в виду приглашение представителей этих славянских народов принять участие в военных действиях на стороне Антанты; с другой стороны, речь шла об организации в Центральной Европе после окончания войны самостоятельного чешско-словацкого государства. Из текста документа следует, что глава французской делегации предложил следующее решение: содействие, оказанное со стороны союзников чехам в деле создания ими национальных военных контингентов, не должно было быть никоим образом связано с проблемой обретения чехами и словаками самостоятельности. По мнению Думера, в ходе проведения пропаганды среди военнопленных им не следовало говорить о том, что своей службой в рядах армий стран Антанты они «откроют политическое будущее для своей страны». Равно не следовало давать на этот счет какие-либо определенные обещания. Более того, вступление нескольких сотен военнопленных в ряды чешско-словацких войск никоим образом не могло стать гарантией участия руководителей чешско-словацкого национально-освободительного движения в будущей мирной конференции. Что же касается вопроса об образовании чешско-словацкого государства и участия чехов и словаков в мирных переговорах, то он рассматривался бы лишь в том случае, если в Чешских землях началось бы значительное по масштабам революционное движение. Думер сообщил присутствовавшим на заседании, что к решению вопроса нельзя приступать, «пока не пробил решающий час».[621]

После выступления французского министра колоний глава российского внешнеполитического ведомства подвел итоги состоявшейся дискуссии, заявив, что в настоящий момент данный вопрос может быть лишен лишь с военной точки зрения, а именно предоставлением возможности набора добровольцев из числа

[621] Там же. Л. 24.

пленных чехов и словаков, и создания из них национального войска, «не предполагая политических результатов».[622]

О том, что обсуждение чешско-словацкого вопроса свелось на Петроградской конференции лишь к военному аспекту, свидетельствуют и окончательные решения, принятые ее участниками. Интересно, что в них нет ни одного конкретного упоминания о судьбе чехов и словаков или же формируемых из добровольцев этих национальностей воинских подразделений. Скорее всего, данный вопрос принял новую формулировку в ходе определения итогов конференции, став частью проблемы пленных так называемых «угнетенных народностей». Так, в перечне, отражающем решения Петроградской конференции, под номером 3 значилось: «Принимая во внимание, что среди пленных, захваченных у противника, значительное количество, которое принадлежит к различным угнетенным народностям, сочувствует делу Союзников и было бы готово защищать его, конференция принимает решение применить добровольцев, которые могли бы быть призваны проявить себя с этой стороны».[623] Интересно, что, согласно одному из пожеланий участников заседаний конференции по вопросу о положении сербской армии, ее ряды предполагалось пополнить за счет пленных Центральных держав славянского происхождения.[624]

Подводя итоги, следует отметить, что Петроградская конференция стала первым собранием представителей стран Антанты, на котором был затронут чешский вопрос. На данном этапе французская сторона высказалась против того, чтобы давать чешскому и словацкому народам какую-либо поддержку планов на создание после войны самостоятельного государства. Представляется, что в рассматриваемый период формирование чешско-словацких войсковых единиц определялось союзниками лишь как мера сугубо практического значения, которая могла бы способствовать приливу новых людских резервов в их армии.

---

[622] Там же.
[623] Там же. Л. 64 – 65.
[624] Там же. Л. 66. Автором идеи набора в части сербской армии не только югославян, но вообще военнопленных славянского происхождения, был Поль Думер. См.: Там же. Л. 19.

2.5. М. Жанен и М. Р. Штефаник в борьбе против Й. Дюриха

В то время, как участники межсоюзнической конференции обсуждали вопрос об организации чешско-словацких войсковых частей, начальник французской военной миссии генерал М. Жанен и М. Р. Штефаник готовились к поездке в столицу Российской империи. Их выезд из Могилева состоялся 27 января. Штефаник ставил перед собой задачу воспользоваться конференцией для того, чтобы начать переговоры по чешскому вопросу с представителями дипломатических кругов. Кроме того, он намеревался продолжить борьбу с враждебным отношением к линии Масарика и интригами российского МИД. Между ним и Жаненом изначально существовала договоренность о том, что он будет постоянно информировать миссию обо всем, что ему удастся узнать во время переговоров.[625]

Занимаясь решением вопросов, связанных с предоставлением российской стороной в распоряжение Франции военнопленных чешского и словацкого происхождения, М. Жанен продолжал контактировать с генералом Гурко. 29 января тот сообщил Жанену, что его попытки получить в свое распоряжение военнопленных не имела успеха из-за противодействия МИД. На фоне этих обстоятельств готовящаяся поездка М. Р. Штефаника в США с целью проведения агитации среди проживающих там чехов и словаков все более и более казалась В. И. Гурко выгодным предприятием.[626] Уже на следующий день, 30 января, генерал М. Жанен, стремясь заручиться его поддержкой в работе по нейтрализации Чешско-Словацкого народного совета во главе с Й. Дюрихом, передал ему записку, в которой представлял созданный по инициативе руководства Особого политического отдела МИД орган как «чешский комитет, преданный германско-австрофильским идеям».[627]

---

[625] *Janin M.* Moje účast… S. 37.
[626] Ibid. S. 38.
[627] Ibidem.

31 января 1917 г. Штефаник и Жанен обсудили вопрос о принятии мер против Дюриха. Они решили обратиться по этому поводу к директору Дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Базили. В этот же день из Кишинева пришли известия об эпидемии среди добровольцев, находящихся в готовящемся к отправке во Францию транспорте. А на следующий день, 1 февраля 1917 г., к начальнику французской военной миссии прибыл лейтенант авиации де Ларенти-Толозан. Он доложил, что, несмотря на принятые по распоряжению дежурного генерала при Ставке П. К. Кондзеровского меры по улучшению положения военнопленных чехов и словаков в Кишиневе, оно по-прежнему оставалось неудовлетворительным.[628]

8 февраля 1917 г. М. Р. Штефаник передал генералу Жанену документы, содержавшие информацию, характеризующую позицию МИД Российской империи по чешско-словацкому вопросу. Среди них была и копия записки М. Г. Приклонского от 10 января 1917 г., в которой директор Особого политического отдела сообщал о живой заинтересованности Великобритании и Франции «в славянском вопросе вообще и в чешско-словацком вопросе в особенности». Согласно его точке зрения, это вызывало у проживающих на территории Австро-Венгрии славян враждебное отношение к России. Возмущенный генерал Жанен отправился к Н. Н. Покровскому, который заявил, что подписи, стоящие на документахт по созданию Народного совета, Дюриха «ни к чему не обязывают». Результатом беседы стала договоренность о том, что начальник французской военной миссии не будет сообщать генералу Гурко о намерении Министерства иностранных дел поддерживать Й. Дюриха.[629]

10 февраля 1917 г., согласно дневниковым записям М. Жанена, состоялась его очередная встреча со Штефаником. Последний был крайне возмущен обвинениями Дюриха, направленными в его адрес. Депутат заподозрил его в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. Жанен предложил, чтобы приехавший в Петроград офицер французской службы майор Буксеншуц нанес визит Н. А.

[628] Ibid. S. 39.
[629] Ibid. S. 40.

Базили. Последний, проинформировав директора Дипломатической канцелярии о размолвке Штефаника с Дюрихом, должен был вмешаться в конфликт, возникший между двумя представителями руководства Национального совета.[630]

Уже на следующий день, 11 февраля 1917 г., Штефаник передал Жанену документы, раскрывающие суть ссоры, произошедшей между ним и Дюрихом. Ими стали три письма М. Р. Штефаника – начальнику французской военной миссии, министру иностранных дел и самому депутату от аграрной партии.[631]

Относительно письма Штефаника Покровскому Жанен предположил, что его отправка в российский МИД вряд ли приведет к каким-либо определенным результатам, учитывая настроения, господствующие среди части служащих внешнеполитического ведомства. Он предложил, чтобы все переговоры с российскими дипломатами по данному вопросу вело французское посольство, поскольку сам начальник французской военной миссии мог оказать Штефанику содействие лишь в переговорах с военными учреждениями и Ставкой. С этим вариантом согласился и Н. А. Базили.[632]

На следующий день, 12 февраля, по просьбе М. Р. Штефаника генерал Жанен отправил во французское Военное министерство от его имени телеграмму, адресованную генеральному секретарю ЧСНС Э. Бенешу.[633] В ней сообщалось, что «честь и национальный интерес» вынудили Штефаника пойти на окончательный разрыв с Дюрихом.[634]

19 февраля 1917 г. Штефаник сообщил Жанену о дальнейших шагах, предпринятых им в Петрограде. Он также заручился поддержкой итальянского посла. В то же самое время французский посол М. Палеолог отказался встать на его сторону.[635] И вновь начальник французской военной миссии был вынужден

---

[630] Ibid. S. 40 – 41.
[631] V Petrohradě, 10. února 1917. Major Štefánik panu Generálu Janinovi v Petrohradě // Janin M. Moje účast… Č. 1. S. 41 ; Opis dopisu Dürichovi oznamující setkání, při němž došlo k srážce // Ibid. Č. 2. S. 41 – 42 ; List panu Pokrovskému, Ministru zahraničních věcí // Ibid. Č. 3. S. 42 – 43.
[632] Ibid. S. 43.
[633] Копия телеграммы из г. Петрограда – руководителя французской военной миссии в России при Ставке верховного главнокомандующего М. Жанена в г. Париж – Э. Бенешу с обоснованием причин, по которым следует отозвать из России Й. Дюриха // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 326. С. 627 – 628.
[634] Там же. С. 627.
[635] *Janin M.* Moje účast… S. 44.

взять продвижение дела на себя. Он представил Штефаника генералу де Кастельно. Во время беседы тот попытался понять суть чешско-словацкой акции, был информирован о шагах, которые предпринимают представители заграничного национально-освободительного движения для достижения своих целей.[636]

20 февраля 1917 г. Жанен получил из Парижа информацию об окружении Дюриха. Речь шла, в первую очередь, о якобы финансировавшем поездку предпринимателе Штерне. Участники миссии Й. Дюриха «не должны были заниматься политикой, как если бы политика не была бы их главным средством действия для того, чтобы они достигли добровольного вступления в войско».

В то же время представители французской стороны выразили свое доверие к М. Р. Штефанику. На это указывает письмо М. Жанена Н. А. Базили от 21 февраля 1917 г. В нем как раз сообщалось о позиции, занятой Парижем. «Я не знаю, какие решения будут приняты у нас в результате исключения господина Дюриха из Национального совета Чешских земель (одно из часто встречающихся в официальных документах названий ЧСНС – *П. М.*), однако приведенное выше мнение показывает, что *a priori* будет принята точка зрения майора Штефаника», – писал генерал.[637] В этом же письме речь шла о необходимости соблюдать по отношению к Штерну осторожность. Французский генерал-майор отмечал, что уже известил об этом генерала М. В. Алексеева, который, в свою очередь, подтвердил, что банкир находится под надзором полиции.[638]

25 февраля 1917 г., после окончания межсоюзнической конференции, М. Жанен вернулся в Могилев. Через неделю, 2 марта вслед за ним в Ставку вернулся М. Р. Штефаник. Он понимал, что предпринятые им в столице Российской империи меры не способствовали улучшению условий по формированию чешско-словацких частей. Так, он отметил, что в вышедшем только что положении о наборе военнопленных по-прежнему был упомянут Народный совет под председательством Й. Дюриха.[639] Однако имелись и положительные изменения.

---

[636] Ibidem.
[637] Ibid. S. 45.
[638] Ibidem.
[639] Ibid. S. 47.

Штефаник выражал надежду на поддержку проводимой им политической линии рядом российских государственных и военных деятелей. Так, он предположил, что, возможно, соответствующий запрос по чешско-словацкому вопросу подаст в Государственной Думе лидер кадетской партии П. Н. Милюков. К тому же, против участия Народного совета Дюриха в организации кампании по набору добровольцев в ряды чешско-словацких частей выступило около 100 тысяч военнопленных.[640] Штефаник вновь жаловался своему начальнику на отсутствие необходимой поддержки в его деле со стороны французского посольства, в то время как итальянское и английское дипломатические представительства оказали ему вполне радушный прием. Что же касается французского посла, то тот негативно отнесся к его деятельности, сказав, что «Франция всегда дает безошибочные свидетельства, но нельзя никоим образом воспринимать их слишком серьезно».[641]

2 марта в Ставку вернулся и генерал М. В. Алексеев. На следующий день начальник французской военной миссии в России отправил в Париж телеграмму, в которой сообщил, что одобряет мысль о необходимости приезда в Россию лидера ЧСНС Т. Г. Масарика, прибытие которого приветствовалось бы в сложившейся политической обстановке и со стороны российского правительства.[642]

6 марта 1917 г. Штефаник вновь встретился с генералом Алексеевым и изложил ему свое видение основных проблем чешско-словацкого движения в России. Генерал Алексеев, согласно воспоминаниям М. Жанена, был неприятно удивлен деятельностью внешнеполитического ведомства на данном направлении и пообещал «исправить ошибки, которые были совершены министерством». Он высказал намерение создать для осуществления контроля за окружением Дюриха и «сомнительными людьми», вошедшими в состав Народного совета, специальную комиссию. Наштаверх заверил Штефаника, что тот может

---

[640] Ibid. S. 48.
[641] Ibidem.
[642] Ibidem. После прихода к власти 2 (15) марта 1917 г. Временного правительства, 17 марта состоялся визит М. Р. Штефаника к новому министру иностранных дел П. Н. Милюкову. В качестве уполномоченного ЧСНС Штефаник ходатайствовал о признании данного органа единственной инстанцией, представляющей политические интересы чехов и словаков в России, и упразднении возглавляемого Дюрихом Народного совета. См.: *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 42 ; *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 184.

отправляться в Америку для претворения в жизнь своих замыслов, а также пообещал, что к моменту его возвращения в Россию уже будет сформирована чешско-словацкая армия.

22 февраля (7 марта) 1917 г. Штефаник выехал из Петрограда в Мурманск, откуда отправился в Великобританию и Францию, снабженный приказом, разрешающим ему вести пропаганду среди проживающих в США чехов и словаков. В его миссию входила и организация набора добровольцев из их числа в национальную армию. Перед своим отъездом Штефаник назначил уполномоченным ЧСНС в России Богумила Чермака, одного из представителей петроградской колонии чехов и словаков, бывшего председателя Союза чешско-словацких обществ в России. В Петрограде ему также удалось создать временную канцелярию Национального совета.[643]

В этот же день Штаб Верховного главнокомандующего приступил к разработке проекта комиссии, предложенного генералом М. В. Алексеевым.[644] Этот орган должен был стать своеобразным посредником между ЧСНС и Министерством иностранных дел. Согласно точке зрения М. В. Алексеева, комиссия должна была исполнять следующие функции:

1) Осуществлять контроль за деятельностью возглавляемого Й. Дюрихом Чешско-Словацкого народного совета таким образом, чтобы он «исполнял свои обязанности в духе национальных требований и в соответствии с указаниями, преподанными Ставкой»; при этом нейтрализовать активность самого депутата от аграрной партии, объявив о смещении его с поста заместителя председателя парижского Национального совета. Тем самым проживающие в России чехи и словаки, а также их военнопленные соотечественники стали бы больше доверять создаваемой по инициативе Ставки Комиссии;

2) в состав комиссии должны были войти находившийся в распоряжении генерала Червинки офицер-военнопленный Ф. Блага, В. Гурбан, Ю. Клецанда,

---

[643] Копия обращения руководства ЧСНСовета… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 335. С. 657 ; *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 42.

[644] *Попов А.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914 – 1917 гг. // Красный архив. 1929. Т. 3 (34). С. 34.

офицер в сербском отряде Ф. Писецкий, В. Халупа, член Чешского национального совета в Праге Я. Шпачек, офицер-военнопленный Я. Янчек;[645]

3) провозглашалась непосредственная зависимость вновь образуемой комиссии от наштаверха; ее члены, согласно проекту, обязывались держать генерала М. В. Алексеева «в курсе всех вопросов, касающихся чешской армии и достигнутых результатов»; более того, они не имели никакого права «принимать какие бы то ни были коллективные меры без уведомления о том начальника Штаба Верховного главнокомандующего»;

4) члены Комиссии контроля и пропаганды получали право присутствовать на всех заседаниях возглавляемого Йозефом Дюрихом Чешско-Словацкого народного совета, «принимать к сведению все принятые им постановления и мероприятия» и «получать уведомления о всех сведениях, коими будет располагать Комитет, относительно вопросов военного характера, касающихся чехо-словаков».[646]

К тексту разработанного в Ставке проекта имелась приписка от 23 февраля (8 марта) 1917 г. самого генерала Алексеева. Из нее следует, что, в первую очередь, наштаверх считал необходимым утвердить новый проект формирования войска. Что же касается политической составляющей вопроса о чешско-словацком движении в России, то здесь он допускал существование Народного совета, состоящего из чехов и словаков, и образованной «исключительно из русских» исполнительной комиссии, функции председателя которой осуществлял бы генерал Червинка. По мнению генерала Алексеева, в равной степени было бы желательно иметь представителей российской стороны в Совете.[647]

Таким образом, можно сделать вывод, что к моменту победы в России Февральской революции в чешско-словацком движении заметно укрепилась линия ЧСНС. При этом, оценивая проект Ставки, следует согласиться с А. Поповым, что он являлся своеобразным компромиссом между политическим курсом парижского Национального совета и политикой, проводимой сотрудниками МИД, МВД, и

[645] Там же. С. 34 – 35.
[646] Там же. С. 34.
[647] Там же. С. 35.

Военного министерства. Однако его появление стало началом постепенно развивающегося процесса, направленного на ликвидацию Чешско-Словацкого народного совета, окончательное упразднение которого состоялось в апреле 1917 г.[648]

Представляется, что в деятельности, направленной на нейтрализацию проводимой Й. Дюрихом работы, немаловажную роль сыграл начальник французской военной миссии генерал Морис Жанен. В борьбе, происходившей между Штефаником и Дюрихом, он занял сторону своего подчиненного. Именно во многом благодаря его поддержке и содействию стали возможны контакты майора французской службы с ведущими представителями политических и военных кругов Российской империи, в первую очередь, министром иностранных дел Н. Н. Покровским, начальником Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеевым и замещавшим его генералом В. И. Ромейко-Гурко. Посредничество начальника французской военной миссии в России стало одним из ведущих факторов, способствовавших успешным для ЧСНС результатам, которых достиг Штефаник в ходе противостояния со своим бывшим коллегой по Национальному совету. Главным из них был постепенный отказ российских государственных деятелей от исключительно «русофильской» приверженности в решении чешско-словацкого вопроса. Эти изменения открыли перспективу для переговоров ЧСНС с российским истеблишментом.

[648] Там же. С. 34 – 36.

Глава III. Военная акция Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) во Франции и в России в 1917 году

3.1. Переговоры ЧСНС с правительством Третьей республики о создании войска

Деятельность ЧСНС среди военнопленных соотечественников во Франции в 1916 г. Возможность начать активные действия по созданию воинских подразделений на территории Французской Республики появилась у руководства ЧСНС уже в сентябре 1916 г. Основную работу на данном направлении вел генеральный секретарь данной организации и один из ближайших соратников Т. Г. Масарика – Эдуард Бенеш.

Первым этапом в формировании чешско-словацких войсковых единиц во Франции стала интенсивная пропаганда среди военнопленных соотечественников, находившихся на территории страны. Следует отметить, что к осени 1916 г. в лагерях Третьей республики находилось около 4 000 зарегистрированных ЧСНС пленных чехов и словаков. Это были военнослужащие австро-венгерской армии, захваченные в плен частями сербской армии в ходе состоявшихся в октябре – ноябре 1916 г. боевых действий с ведущими наступление на Сербию армиями Центральных держав под общим командованием генерала Августа фон Макензена.[649] Сложность для организации систематической пропаганды среди пленных заключалась в том, что они оказались разбросаны по разным лагерям на территории всей Французской Республики.[650] Негативную роль играло и то обстоятельство, что во Франции, как и в других государствах Антанты, в которых находились военнопленные чехи и словаки, представителям ЧСНС приходилось

[649] *Вишняков Я. В.* «Сербская Голгофа»... С. 52. Первоначально число военнопленных чешского и словацкого происхождения составляло около 25 000. Вместе с сербской армией они отступали из Албании. Затем, при помощи итальянских властей, они были переправлены на остров Асинара. Из-за плохих условий содержания и болезней (тифа и дизентерии) среди пленных был высокий уровень смертности, в результате чего к месту назначения добралось лишь около 11 000 человек. К тому моменту, как Национальный совет и сербское правительство добились разрешения на отправку пленных чехов и словаков во Францию, их в живых осталось около 4 000. См.: *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 200 – 201.

[650] Ibid. S. 204.

сталкиваться с негативным отношением со стороны правительственных учреждений, военных и дипломатических кругов к чешско-словацкому вопросу и проводимой Национальным советом акции.[651]

Относительно небольшое количество военнопленных, которыми мог располагать Чешско-Словацкий национальный совет во Франции, определило и характер действий его руководства на данном направлении. Они были тщательно продуманы. ЧСНС был вынужден действовать с большой осторожностью, а принимаемые им меры имели поступательный характер. Основной целью Э. Бенеша и его парижских коллег было добиться успеха в правительственных и военных кругах Третьей республики. Провал акции ЧСНС во Франции мог бы серьезно навредить ее ходу в других странах и, в первую очередь, в Италии,[652] где к тому моменту уже было сосредоточено значительное число чехов и словаков, захваченных в плен итальянской армией.

Деятельность Национального совета среди австро-венгерских военнопленных чешского и словацкого происходила во Франции происходила в несколько этапов. Вначале ЧСНС добивался от военных властей разрешения на отправку в лагеря, где содержались пленные, пропагандистской литературы. Помимо этого, он обеспечивал своим соотечественникам материальную поддержку, посылая им необходимые в быту вещи – белье, письменные принадлежности, бумагу и т.п. Перечислялись военнопленным и денежные субсидии.[653] Следующим этапом в привлечении военнопленных к деятельности ЧСНС была подготовка ходатайств о выделении чехов и словаков из военнопленных иных народностей. Предполагалось, что, после осуществления данной меры, надзор за чехами и словаками должен был производиться со стороны специально назначаемых для этого офицеров чешского и словацкого происхождения. На завершающей стадии руководство Национального совета добивалось разрешения вести пропаганду среди своих соотечественников о

[651] Ibid. S. 202 – 203.
[652] Ibid. S. 205.
[653] Ibid. S. 204 – 205.

вступлении в ряды чешско-словацкого войска.[654]

В процессе установления контактов с прибывшими во Францию военнопленными чешского и словацкого происхождения принимали участие и ведомства Третьей республики. Так, уже с весны 1916 г. в руководство Национального совета в Париже стали поступать запросы от властей Третьей республики с просьбой о толковании для них писем военнопленных. Они были необходимы французским правительственным учреждениям «для оценки моральной, социальной, политической и военной ситуации в Австро-Венгрии». Обращения властей Третьей республики передавались в ЧСНС через профессора Сорбонны, Луи Эйзенмана, одного из «французских друзей» чехов.[655]

С 19 сентября 1916 г. ЧСНС начал реализацию уже непосредственно политической стороны своего плана по организации чешско-словацкого войска во Франции. В этот день Бенеш обратился к сербскому посланнику в Париже Миленко Весничу с просьбой о получении согласия от сербской стороны на передачу находящихся во Франции военнопленных австро-венгерской армии чешского и словацкого происхождения под юрисдикцию Национального совета. Данное ходатайство генерального секретаря ЧСНС представляется важным шагом в реализации процесса по созданию войска, ибо в правовом отношении 4 000 переброшенных во Францию чехов и словаков все еще принадлежали Сербии. В тот же день Бенеш направил сербскому посланнику еще одно ходатайство. Он просил, чтобы сербское правительство оказало поддержку ЧСНС и в деле организации из числа чешских и словацких военнопленных самостоятельной национальной армии. В свою очередь, Веснич обещал генеральному секретарю ЧСНС поддержку в переговорах по данному вопросу.[656] Обратился Э. Бенеш за помощью и к представителю сербского правительства в Генеральном штабе французской армии генералу Рашичу.[657]

Вел Чешско-Словацкий национальный совет переговоры и с французскими

---

[654] Ibid. S. 204.
[655] Ibid.
[656] Ibid. S. 205.
[657] Ibid. S. 209.

политическими кругами. Как правило, на первом этапе они велись в парижских великосветских салонах. Еще весной 1916 г., благодаря поддержке Милана Растислава Штефаника, Э. Бенеш был введен в салон Клер Боа де Жувенель. Общество, собиравшееся у нее, в годы войны являлось центром интеллектуальных и политических связей французского высшего света с иностранцами. Его частыми гостями были и представители правительственных кругов Франции, влиятельные чиновники внешнеполитического и военного ведомств. Здесь генеральному секретарю ЧСНС удалось познакомиться с ведущими французскими политиками – секретарем Министерства иностранных дел Филиппом Бертело; депутатами французского парламента Луи Мартеном, Пикаром, Лемери и рядом других лиц.[658] Здесь же происходили встречи Бенеша с некоторыми послами стран Антанты, военными, журналистами.[659] Помимо салона Клер Боа де Жувенель Эдуард Бенеш при помощи и посредничестве ряда политиков и журналистов (Этьен Фурноль, Пьер де Керель), а также представителей научных кругов Парижа был введен и в другие салоны столицы Французской Республики, например, в социалистический кружок, собиравшийся в салоне мадам Менар-Дориан, салон баронессы Лаказ.[660]

Вступление Бенеша в круги французского высшего света имело несомненную значимость для реализации задуманных планов. Генеральный секретарь ЧСНС вошел в прямые контакты с руководством Третьей республики и начал продвигать вопрос о формировании войсковых частей уже непосредственно среди политической элиты Франции. Особенно пригодились Э. Бенешу связи с депутатом Пикаром, близким знакомым премьер-министра Бриана. 2 сентября 1916 г. представитель ЧСНС и французский политик договорились, что тот озвучит в правительстве вопрос о чешско-словацких военнопленных. Параллельно было направлено ходатайство и военным властям. 6 сентября 1916 г. Бенеш направил во французское Военное министерство письмо на имя генерала Валентена, в котором призывал военные власти Третьей республики обратить

[658] Ibid.
[659] Ibid. S. 205.
[660] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 206.

внимание на положение военнопленных чехов и словаков во Франции.[661]

Основной темой письма стало описание тяжелых условий их жизни в концентрационных лагерях. Положение военнопленных подробно раскрывалось в приложенной к нему записке под заголовком *«Национальный совет чешских земель, будущая чешская армия и установление национальности чешских военнопленных»*.[662] Примечательным является тот факт, что уже в самом ее начале говорилось о готовности чехов и словаков оказать Франции и ее союзникам услугу, сражаясь на их стороне.[663] Для реализации этих планов на практике было необходимо коренное изменение отношения французских властей к военнопленным.

За вводной частью записки следовало описание жизни прибывших во Францию чехов и словаков в лагерях военнопленных. Бенеш считал необходимым обеспечить пленным чехам и словакам, находящимся на территории республики, более благоприятный режим содержания. Далее в трех отдельных пунктах были изложены негативные стороны жизни военнопленных в лагерях: нехватка пищи, тяжелые условия труда и суровая дисциплина, предполагающая наказание тех, кто жаловался на неподобающее содержание.[664] Из них генеральный секретарь ЧСНС выводил основные пожелания чехов и словаков во Франции: отделение от немецких и венгерских военнопленных; разрешение на снабжение их пропагандистской литературой; предоставление им возможности контактировать с ЧСНС; право на благоприятный режим содержания наравне с эльзас-лотарингскими и польскими пленными.[665]

Ходатайство Э. Бенеша, направленное французским властям, увенчалось успехом. Согласно его воспоминаниям, Военное министерство сразу же начало рассмотрение обозначенных в письме проблем. Уже 21 сентября во все

[661] Dok. 1. V Paříži dne 6. září 1916. Dr. Beneš generálu Valentinovi ve francouzském ministerstvu války podává zpravu o nepříznivém postavení českých valečných zajatců, obsaženou v přiloženem dossier, a žádost o intervenci v jejich prospěch, v níž se uvádějí hlavní požadavky československé a v níž se zdůrazňuje důležitost věci se zřetelem k plánu vytvořiti českou armádu, která by bojovala po boku spojenců // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 147 – 149.
[662] Ibid. S. 148 – 149.
[663] Ibid. S. 148.
[664] Ibid. S. 148 – 149.
[665] Ibid. S. 147.

французские концентрационные лагеря по телеграфу было разослано распоряжение об изолировании пленных чехов и словаков от представителей иных народностей Австро-Венгрии и предоставлении им более благоприятного содержания.[666] Однако вопрос о военнопленных этим постановлением решен не был. Наоборот, оно вызвало серьезные затруднения в ходе его обсуждения представителями командования французской армии, различные бюрократические проволочки в ряде лагерей. Возникло много проблем и вокруг процесса реализации данных постановлений на практике.[667]

Стремясь решить возникшие на данном направлении проблемы, генеральный секретарь ЧСНС решил заручиться поддержкой французского внешнеполитического ведомства. После предварительных переговоров с близкими к Национальному совету чиновниками МИД Третьей республики, обещавшими поддержку со своей стороны, 24 сентября 1916 г. Бенеш направил письмо Аристиду Бриану. В нем содержалась просьба обратить внимание на чаяния чешских и словацких военнопленных, находящихся во французских лагерях.[668]

Письмо французскому премьер-министру и министру иностранных дел означало, что переговоры относительно условий содержания военнопленных чехов и словаков в лагерях переходили на официальный уровень. Генеральный секретарь ЧСНС получил официальное приглашение от внешнеполитического ведомства Третьей республики «вступить в прямой контакт с центральным учреждением по делам военнопленных в Париже» для рассмотрения пожеланий чешско-словацкой стороны.[669] 18 октября 1916 г. Бенеш договорился с главой этого ведомства, Жоржем Каэном, о применении на практике особого

---

[666] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 206.; Dok. 4. V Paříži dne 10 října 1917. Ministerstvo války oznamuje vojenským generálním guvernérům měst Paříže a Lyonu, velícím generálům krajů a velitelům krajových táborů váleč. zajatců, že instrukce z 21. září 1916, jež ukládá, aby byl zajištěn režim zvláštních výhod valečným zajatcům rakousko-uherským národnosti československé, a aby byli podle možnosti odděleni od zajatců německých a rakouských, nebyla z různých příčin přesně vykonána. Proto se připojuje stručný přehled hlavních ustanovení, jichž se má šetřiti a jež se týkají stravování, žoldu a příspěvků, oddělení od ostatních zajatců, ohledného zacházení a styku s Československou Národní radou v Paříži // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 152.

[667] Ibid.

[668] Dok. 2. V Paříži dne 24. září 1916. Dr. Beneš ministerskému předsedovi a ministru zahraničních věci Briandovi podává zprávu o nepříznivém postavení českých válečných zajatců ve Francii, spolu se žádosti o zakročení, aby jim byl poskytnut režim zvláštních výhod, zejména proto, že je možno vytvořiti z českých zajatců vojsko, které by bojovalo po boku spojenců // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 149 – 150.

[669] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 206.

благоприятствующего режима для военнопленных. В ходе встречи были решены и остальные вопросы, связанные с налаживанием контактов ЧСНС с военнопленными, отправкой им специально издаваемых Национальным советом формуляров, организацией пропаганды вступления в чешско-словацкую армию. Добился Э. Бенеш и согласия французов на частичную концентрацию военнопленных чешского и словацкого происхождения исключительно в специально предназначенных для этого лагерях. Затем проект, связанный с решением судьбы военнопленных чехов и словаков, был направлен на рассмотрение верховному командованию французской армии в Шантильи.[670]

14 ноября 1916 г. Бенеш отправил в Шантильи письмо одному из представителей верховного командования французской армии, полковнику Биллоту, которому было поручено заниматься решением вопроса о чешско-словацких военнопленных.[671]

Это послание интересно тем, что, помимо текущих мероприятий, связанных с решением вопроса о военнопленных, Бенеш предоставил французским военным план дальнейших действий руководства заграничного сопротивления по созданию самостоятельного чешско-словацкого войска. Так, он сообщал представителю французского Генерального штаба о наличии значительного количества пленных чехов и словаков в Италии, даже назвав их приблизительное количество – около 10 000 человек.

Успех военной акции Эдуард Бенеш в значительной степени связывал с прибытием их соотечественников из Российской империи. Он считал необходимым предоставить возможность вести работу среди военнопленных политическим представителям Национального совета и, таким образом, наладить контакты с военнопленными. В завершающей части своего письма Бенеш просил полковника Биллота о поддержке ходатайств об организации благоприятного

---

[670] Ibid.

[671] Dok. 3. V Paříži dne 14. listopadu 1916. Dr. Beneš plukovníku Billotovi ve velkém hlavním stanu francouzském v Chantilly podává zprávu o svých dosavadních krocích v otázce českých zajatců ve Francii spolu se zádosti, aby zakročil v jejích prospěch nyní, kdy zavedení výhodnějšího režimu pro ně bylo předloženo vrchnímu velitelství k dobrému zdání, a spolu s upozorněním na možnost, vybudovati ze zajatců vynikající vojsko, jež by bojovalo po boku a ve prospěch spojenců // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 150 – 152.

режима содержания для пленных чехов и словаков.[672]

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, непосредственно связанное с переговорами с французским Генеральным штабом. На данном этапе значительную поддержку Бенешу и его коллегам оказывало само военное ведомство. Активную роль в решении вопроса об улучшении положения пленных чехов и словаков во Франции играли его информационный отдел и организационное отделение при Генеральном штабе. Из сотрудников данных ведомств можно выделить, в первую очередь, профессора Л. Эйзенмана и начальника организационного отделения – подполковника Кро – лиц, положительно отнесшихся к возможности создания чешско-словацкого войска и поэтому оказывавших своим «чешским друзьям» поддержку и помощь.[673]

Однако в действительности решение данного вопроса продвигалось медленно. Это было во многом связано как с неосведомленностью французов в чешском вопросе, так и с непониманием проводимой ЧСНС акции среди самих военнопленных. Тормозили работу и различные бюрократические проволочки.[674]

О сложности ситуации свидетельствует отношение помощника военного министра по делам военного правосудия и пенсий[675] Пьера Масса от 10 октября 1917 г., направленное генерал-губернаторам Парижа и Лиона, администрациям лагерей военнопленных и начальникам военных округов.[676] В нем сообщалось, что распоряжение военного ведомства от 21 сентября 1916 г., предусматривавшее отделение военнопленных чешско-словацкого происхождения от немцев и австрийцев и предоставление им более благоприятного режима, в точности исполнено не было. Данный приказ призывал военные власти на местах более внимательно относиться к проблеме пленных чехов и словаков. В документе особо оговаривалось, что термин «чех» ни в коем случае не должен пониматься «в узком смысле этого слова»: льготы и послабления должны предоставляться не

[672] Ibid. S. 152.
[673] *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 208.
[674] Ibid.
[675] Чешск. – Státní podtajemník pro vojenskou spravedlnost a pense; франц. – Sous-secrétaire d'Etat chargé du contentieux et de la justice militaire et des pensions.
[676] Dok. 4. V Paříži dne 10 října 1917. Ministerstvo války oznamuje… // Naše revoluce. 1929. Roč. 6. Č. 1 – 2. S. 152 – 154.

только военнопленным чехам, но и словакам, которые, согласно постановлению, «образуют с чехами единый народ».[677] Подчеркивалось, что «для успешного претворения в жизнь наблюдаемых политических тенденций необходимо следить за тем, чтобы чешские, как и югославянские военнопленные, которые положительно относятся к Союзникам (сербам, румынам, итальянцам), пользовались особым режимом, который был им предоставлен».[678]

Рассматриваемый документ содержал и краткое описание тех мер, которые предполагалось принять по отношению к пленным чехам и словакам. Первым пунктом, обозначенным в постановлении, были решения, касающиеся предоставления им особого питания. Также речь шла об особых денежных выплатах. Они включали в себя как фиксированную сумму, предназначавшуюся «для каждого солдата без различия» – 0,05 франков, так и различные дополнительные выплаты. Последние, в свою очередь, подразделялись на обязательные (0,4 франка), добавочные (0,8 франков) и особые (предоставлялись военнопленным, использовавшимся на работах в ночное время, а также в воскресные дни и были установлены циркуляром от 11 февраля 1917 г.).[679]

Заключительная часть постановления касалась отделения военнопленных чешского, словацкого и югославянского происхождения от остальных пленных Центральных держав. Для успешного осуществления предписанных мер по предотвращению «дезорганизационной работы» администрациям лагерей военнопленных следовало действовать в определенном порядке. В тех местах, где содержались пленные австро-венгерской армии, было необходимо собрать чехов, словаков и югославян в отдельную группу, исключив «венгров и австрийцев немецкой национальности». Более того, провозглашалось, что «в смешанных лагерях немцев, австрийцев и венгров должны находиться только венгры и австрийцы немецкой народности».[680]

---

[677] Ibid. S. 152.
[678] Ibid. S. 152 – 153.
[679] Ibid.
[680] Подобного результата, считал Масс, можно было бы достичь при помощи обмена австро-венгерскими военнопленными между разными лагерями. Данная процедура должна была производиться последовательно, принимая во внимание «профессию военнопленных, которые должны быть перемещены». В том случае, если

Касалось постановление Военного министерства Третьей республики и иных вопросов, связанных с улучшением положения пленных чехов, словаков и югославян. Подчеркивалась необходимость предупредить офицеров, служащих в лагерях военнопленных, о том, чтобы они относились к пленным этих национальностей «с определенными оговорками». В частности, сообщить военнослужащим французской армии, осуществляющим их охрану, «что многие из них являются дезертирами, которые не хотели сражаться против своих славянских братьев».[681] Предполагалось проинформировать представителей администрации лагерей военнопленных о ходе национально-освободительного движения в Чешских землях, о преследованиях, которые проводит правительство монархии Габсбургов. Особый акцент предписывалось делать на освещении случаев сдачи в плен русской армии целых чешско-словацких полков.[682]

Согласно тексту постановления, пленным чехам и словакам разрешалось отправлять взносы Чешско-Словацкому национальному совету, вести переписку со своими соотечественниками, находящимися в других лагерях, без ограничений, получать газеты, издаваемые «на чешском языке и отправляемые Национальным советом». Для отличия чехов и словаков от военнопленных иных народностей им должны были выдаваться специальные отличительные знаки в виде серебряного льва на красном эмалевом фоне. Оговаривалось и посещение чешских и словацких пленных представителями ЧСНС (в постановлении стояли имена Эдуарда Бенеша, Льва Сыхравы, Антонина Кудрнача и В. Трчки), которым ведомство заместителя государственного секретаря по военной юстиции и пенсиям предоставляло для этого особые документы.[683]

Таким образом, представляется, что во второй половине 1917 г. наметились первые достижения в процессе развития акции ЧСНС в отношении военнопленных чехов и словаков во Франции. Ему удалось добиться обеспечения

военнопленные в той или иной области Франции не соглашались с отправкой в другой лагерь, местным военным властям предстояло отправить на имя Масса соответствующий рапорт с изложением причин подобного отказа. В таком случае глава отдела мог бы обеспечить помощь в данном вопросе со стороны других военных округов. См.: Ibid. S. 154.

[681] Ibid.

[682] Ibid.

[683] Ibid.

им особого режима содержания, а также получить разрешение на ведение среди них национальной пропаганды. Этот успех на территории Французской Республики позволил лидерам заграничного сопротивления расширить рамки своей акции.

Они продолжали поиск людских резервов за границей. О том, каковы были ожидания руководства Чешско-Словацкого национального совета к концу 1917 – началу 1918 г. можно судить из текста записки, поданной в конце декабря 1917 г. в уже сформированный к тому времени Морисом Жаненом штаб Чешско-Словацкой армии.[684] Данный документ представлял собой оценку тех сил, которыми мог располагать Национальный совет для организации собственного войска. Первый его параграф, озаглавленный «Имеющиеся в наличии вооруженные силы», сообщал о том, что на тот момент руководство заграничного сопротивления имело в своем распоряжении 2200 добровольцев, из которых 126 имели офицерское звание или же были претендентами на его получение. 450 человек были добровольцами из США. Общее количество солдат и офицеров, прибывших из России и Румынии, составляло 1750 человек.[685]

Записка содержала и информацию относительно иных источников, на которые Национальный совет мог положиться в скором будущем в процессе формирования собственных вооруженных сил. Из документа следует, что, в первую очередь, ЧСНС предполагал вывезти из США 4000 «американских» чехов и словаков, к тому моменту зарегистрированных в качестве добровольцев основанным Штефаником Чешско-Словацким комитетом. Основной расчет делался на то, что при наличии благоприятной ситуации с необходимым для их перевозки транспортом они могли бы прибыть на территорию Французской Республики уже через два месяца. Кроме того, в расчет принимались 15 000 военнопленных чехов и словаков, находящихся на тот момент в Италии. Их приезд во Францию был возможен лишь при наличии соответствующих договоров между французской и итальянской сторонами. Среди источников, откуда

[684] *Janin M.* Moje účast... S. 68 – 69.
[685] Ibid. S. 68.

Национальный совет мог черпать необходимые людские резервы для формирования армии, упоминались также военнопленные, прибывшие из Сербии (около 1500 человек); чехи и словаки, вступившие в качестве добровольцев в ряды английской или канадской армии (1000 человек); чехи, проживавшие во Франции, и военнослужащие Иностранного легиона чешского происхождения (500 человек), а также воевавшие на Салоникском фронте в составе сербской армии 400 чехов и словаков. Таким образом, отмечалось в записке, лидеры заграничного сопротивления предполагали набрать в ряды своего войска 23 000 чешско-словацких добровольцев.[686]

Следует отметить, что количество солдат и офицеров, которыми располагали лидеры ЧСНС на территории Французской Республики, было гораздо меньше, чем первоначально запланированная цифра. Представляется, что относительно небольшое количество добровольцев во Франции продолжало оставаться одной из причин интереса к находящемуся в России Чешско-Словацкому корпусу, являвшемуся гораздо большей по численности единицей. Именно поэтому перемещение из России во Францию столь значительного по численности подразделения, как Чешско-Словацкий корпус, продолжало оставаться одной из самых насущных для ЧСНС целей.

С сентября 1917 г. местом сосредоточения прибывающих из всех уголков мира чешских и словацких добровольцев был назначен город Коньяк. В административном плане прибывающие волонтеры попадали под юрисдикцию сборного пункта 33-го пехотного полка. Примечательно, что в лагере они подчинялись приказам собственных офицеров или же выпускников офицерских школ чешского и словацкого происхождения. Высшее руководство над добровольцами осуществляла специально прикрепленная к лагерю в Коньяке группа французских офицеров из местных кадров.[687]

Декрет Р. Пуанкаре о провозглашении Чешско-Словацкой армии во Франции. Начало процесса ее организации. Ведущиеся ЧСНС параллельно с

[686] Ibid. S. 69.
[687] *Janin M.* Moje účast… S. 69.

кампанией по набору добровольцев переговоры с французским правительством увенчались успехом. Ключевой датой в истории образования чешско-словацких войсковых единиц во Франции стало 16 декабря 1917 г. В этот день премьер-министр и военный министр Франции Жорж Клемансо и министр иностранных дел Стефан Пишон направили президенту Французской Республики, Раймону Пуанкаре, особое сообщение, содержавшее ходатайство о подписании разработанного военным и внешнеполитическим ведомствами специального декрета о провозглашении автономной чешско-словацкой армии.[688] В нем указывалось, что чехи и словаки имеют полное право на создание собственной национальной армии, принимая во внимание их желание сражаться на стороне Антанты.

В этот же день был издан декрет об организации автономной Чешско-Словацкой армии, устанавливавший основные принципы, по которым должно было производиться ее формирование.[689] Согласно данному постановлению, официально чешско-словацкое заграничное сопротивление могло иметь на территории Французской Республики собственные военные подразделения. Подписанный Р. Пуанкаре декрет рассматривал вопрос об организации автономной Чешско-Словацкой армии как совместный проект французской стороны и ЧСНС. Национальный совет осуществлял над армией политическое руководство, в то время как «с военной точки зрения» она бы подчинялась французскому верховному командованию. Французское правительство обязывалось обеспечить сам процесс организации данной армии и ее «дальнейшее функционирование». На чешско-словацкую армию распространялись все уставы и постановления, действовавшие на тот момент во французской армии, касающиеся «организации, дисциплины, управления и военной юстиции». Особое место в декрете занимала его пятая статья, определявшая две основные категории пополнения рядов чешско-словацкого войска. Оно должно было формироваться из

[688] Raport vlády francouzské // Diplomatické dokumenty o Československém státu. S. 3 – 5 ; Rapport au président de la République Française. Paris, le 16. décembre 1917 // Journal officiel de la République Française. Lois et décrets. 1917. Quarante-neuvième année. № 344. P. 10379.
[689] Ibidem.

чехов и словаков: а) служащих на тот момент в рядах французской армии; б) чехов и словаков, несущих службу в иных местах; тех из них, кто дал добровольное обязательство служить в организуемых Национальным советом частях вплоть до конца войны. Процесс претворения декрета в жизнь возлагался на ведомства Клемансо и Пишона. Особо отмечалось, что его осуществление на практике будет производиться путем издания дальнейших постановлений соответствующих министерств. Важным было и то обстоятельство, что, согласно своей седьмой статье, декрет получал силу закона и подлежал включению в сборник государственных актов.[690] Образцом для его создания стали постановления о формировании на территории Французской Республики польских войсковых частей.[691]

Создание автономного чешско-словацкого войска началось сразу же после публикации декрета. Организационную работу возглавил генерал Морис Жанен, бывший начальник военной миссии в Российской империи. Приказом французского Генерального штаба от 18 декабря 1917 г. он был назначен главой чешско-французской комиссии по организации чешско-словацкого войска.[692]

Параллельно Национальный совет вел переговоры с французской стороной о назначении Жанена верховным главнокомандующим чешско-словацких войск. Согласно замыслам парижского руководства заграничного сопротивления, наличие единого командования всеми имеющимися на тот момент чешско-словацкими подразделениями призвано было продемонстрировать единство чешско-словацкого народа. Однако из-за бюрократических проволочек в Военном министерстве издание соответствующего приказа затянулось на два месяца. И лишь 28 февраля 1918 г. французский генерал-майор официально вступил в должность главнокомандующего всех чешско-словацких вооруженных сил за границей.[693]

Первым шагом Мориса Жанена на посту начальника комиссии по

---

[690] Ibidem.
[691] *Janin M.* Moje účast… S. 66 – 67.
[692] Ibid. S. 66.
[693] Ibid. S. 67.

формированию чешско-словацкого войска стало создание штаба. Его первыми служащими стали французские офицеры: майор Пейрен, капитан де Роан-Шабо, лейтенант де Морньер и младший лейтенант де Ларенти-Толозан. Позднее на службу в штаб поступили капитан Эмело и старший лейтенант чешско-словацких войск Фабиан, занявший должность офицера для поручений при Жанене.[694]

Следует отметить, что, начав работу по созданию чешско-словацких частей во Франции, М. Жанен и сотрудники его штаба сразу же столкнулись с рядом серьезных затруднений. Первым из них стал предложенный военным ведомством план реформирования всех используемых на Западном фронте национальных формирований. Он возник, как отмечал Жанен, из-за ряда оплошностей, возникших на фронте. Его суть заключалась в том, чтобы данные войсковые единицы были «преобразованы… в войска по типу французского Иностранного легиона», командовать которыми предстояло офицерам французской армии. Подобная реформа, по мнению чиновников Военного министерства, могла бы значительно упростить организацию данных частей, а также командование ими. Данный проект нашел поддержку и у верховного главнокомандующего французской армии генерала Фоша.[695]

Подобная мера могла серьезно навредить формирующемуся чешско-словацкому войску, имевшему собственное командование. Для того, чтобы решить возникшую проблему, Морис Жанен совместно с Миланом Растиславом Штефаником направился в Компьен. В ходе беседы с генералом Филиппом Петеном, на тот момент являвшимся начальником Генерального штаба французской армии, они направили все свои силы на то, чтобы доказать необходимость предоставления автономии чешско-словацким войсковым единицам. Переговоры ознаменовались успехом. Петен согласился с этим вариантом, сделав оговорку, что все военные учения в данных частях должны производиться согласно правилам, установленным во французской армии.[696]

Помимо проблем чисто «внешнего» характера, связанных с отношением

[694] Ibid. S. 68.
[695] Ibid. S. 69.
[696] Ibid. S. 70.

французских военных кругов к процессу создания чехами и словаками своей национальной армии, существовали и иные затруднения, ставившие значительные препятствия на пути ее формирования. На первых порах ЧСНС и возглавляемый им штаб чешско-словацких вооруженных сил считали необходимым создать из числа имеющихся в их распоряжении добровольцев пехотную дивизию, «которая бы достойно несла народное знамя до тех пор, пока не прибудут дальнейшие силы».[697] Путем слияния различных войсковых частей, расположенных в Коньяке, предполагалось создать первый полк. По мере его пополнения добровольцами на его основе предстояло сформировать второй полк. Создать третий полк планировалось за счет переведения в него военнослужащих из двух образованных ранее полков, так, чтобы численный состав во всех трех полках оставался одинаковым. Основные надежды на рост рядов армии вновь возлагались на чешско-словацкие войсковые единицы, действовавшие в России: ведь в случае их скорого прибытия во Францию ЧСНС мог бы постепенно сформировать «как минимум две дивизии» и, таким образом, создать целый корпус.[698] Организовать специализированные подразделения (артиллерию, кавалерию, авиацию и технические службы) у парижского руководства на тот момент не было возможности. Жанен вспоминал, что для решения этой проблемы предполагалось выделить из числа добровольцев по нескольку представителей для каждого из подобных родов войск, а также прибегнуть к помощи «соответствующих французских частей».[699] Насущными вопросами для Жанена и его подчиненных стали обеспечение автономной чешско-словацкой армии офицерскими кадрами, а также процесс обучения добровольцев.

«Генеральная инструкция по созданию автономной Чешско-Словацкой армии». Для упорядочения работы по формированию чешско-словацкого войска французский Генеральный штаб и ЧСНС совместно разработали так называемую *«Генеральную инструкцию по созданию автономной Чешско-Словацкой армии»,*

[697] Ibidem.
[698] Ibidem.
[699] Ibidem.

подписанную Жоржем Клемансо и Эдуардом Бенешем 7 февраля 1918 г.[700] В ней подробно рассматривались принципы ее внутренней организации. Помимо правового статуса чешско-словацкого войска во Франции в ней оговаривались и вопросы, связанные с командованием. Командующим чешско-словацкого войска являлся генерал, назначенный на эту должность французским правительством по согласованию с Чешско-Словацким национальным советом». При этом в тексте инструкции можно увидеть некую двойственность, ибо следующий абзац статьи, ссылаясь на текст 2-й статьи декрета, гласил, что «учитывая настоящее общее положение чешско-словацкого вопроса… командующим чешско-словацкого войска принципиально будет назначен офицер чешско-словацкого происхождения, представитель Национального Совета».[701] Представляется, что здесь нашла отражение описываемая в мемуарах Жанена идея преемственности руководящих постов в чешско-словацкой армии: французский генерал, назначенный на должность ее главнокомандующего, со временем должен был отстраниться, передать свой пост чешско-словацкому коллеге. Кроме того, возможностью назначения главнокомандующим национальной армией чеха или словака данный раздел инструкции еще раз подчеркивал преимущество ее политического значения. Все остальные должности в войске должны были заниматься чехами и словаками. В случае нехватки офицеров, врачей и военных специалистов к войску прикреплялись французские военные.[702]

Главнокомандующему чешско-словацким войском инструкция предоставляла широкие полномочия. Во-первых, ему предстояло решать вопросы, связанные с формированием войска, его управлением, обеспечивать обучение кадров, организовывать строевую подготовку, руководить вверенными ему частями в ходе боевых действий. Во-вторых, он представлял чешско-словацкое войско «перед военным министром и высшим французским командованием по всем касающимся

---

[700] Подлинное название документа – «Instruction générale sur la constitution d'une Armée Tchécoslovaque Autonome». См.: Paříž, 7 února 1918. Instrukce francouzského ministerstva války a Národní rady o utvoření autonomní československé armády // Archiv Akademie věd ČR. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Kart. V – 302.
[701] Ibidem.
[702] Ibidem.

его вопросам. При командующем создавался его Генеральный штаб.[703] Командование в чешско-словацкой армии должно было осуществляться на чешском языке. Официальные документы, касающиеся войска и подлежащие подписи главнокомандующего, должны были составляться на двух языках – чешском и французском. Все остальные документы, относящиеся к текущему делопроизводству, предписывалось составлять «только на одном языке».[704]

Вопросам организации и комплектования будущего войска были посвящены отдельные параграфы «Генеральной инструкции». Вступление добровольцев в ряды создаваемого ЧСНС войска должно было осуществляться за счет их перевода из частей французской армии или же посредством принятия добровольной присяги. Она производилась в присутствии представителя Национального совета.[705] Согласно инструкции, чешско-словацкое войско должно было состоять из пехотных и иных войсковых единиц, организованных «в соответствии с образцом состава подобных подразделений военного времени во французской армии».[706]

В рассматриваемом документе значительное место уделялось определению положения в рядах чешско-словацкой армии ее офицерского состава и рядовых военнослужащих. Согласно ему, офицерский корпус вновь образованной армии должен был формироваться из:

1) чешских и словацких добровольцев, которые на момент начала деятельности ЧСНС по созданию своей автономной армии уже проходили службу в качестве иностранцев в рядах французской армии. При этом они должны были иметь офицерское звание, или исполнять «обязанности, подобные, или отвечающие званию офицера». Была предусмотрена возможность привлечь чехов и словаков, не являющихся французскими офицерами, но демонстрирующих определенные способности, необходимые для получения соответствующих званий;

---

[703] Ibidem.
[704] Ibidem.
[705] Ibidem.
[706] Ibidem.

2) тех чехов и словаков, которые на тот момент проживали «на территории Франции или нейтральной территории»;
3) рядового состава чешско-словацкой армии;
4) офицеров, являющихся представителями вооруженных сил иных стран Антанты;[707]
5) офицеров из числа военнопленных чехов и словаков, находящихся на территории Французской Республики и союзных ей стран.[708]

Для каждой из обозначенных в инструкции категорий были предусмотрены свои условия вступления в ряды офицерского состава чешско-словацкой армии. Так, офицеров, ранее служивших в рядах Чешско-Словацкой стрелковой бригады в России, предполагалось переводить в национальное войско с сохранением всех тех чинов, которые они получили во время службы в подразделениях данной войсковой единицы, при условии «предварительного удостоверения их звания и способностей генералом, командующим чешско-словацким войском». Та же самая оговорка относилась и к офицерам из числа военнопленных, которые должны были поступать на службу в чешско-словацкое войско в звании младшего лейтенанта.[709] Уже служившие в рядах французской армии офицеры чешского или словацкого происхождения и прикреплявшиеся к чешско-словацким частям французские специалисты переводились в ряды чешско-словацкой армии со всеми званиями и чинами, полученными на французской военной службе. Что же касается офицеров, являющихся представителями иных союзных армий, то их предполагалось включать в ряды войска «в своем звании и чине, которых они достигли в своей армии, с условием проведения отдельных мер, которые являлись бы необходимыми с учетом организации продвижения вперед в некоторых из этих армий».[710] Направленные в чешско-словацкие части французские военные параллельно продолжали считаться служащими в армии Третьей республики.[711]

В тексте инструкции был представлен и порядок назначения на должности,

[707] Ibidem.
[708] Ibidem.
[709] Ibidem.
[710] Ibidem.
[711] Ibidem.

повышения в звании военнослужащих чешско-словацкой армии и их продвижения по служебной лестнице. Все офицерские и иные звания, существовавшие в войске, имели временный срок действия.[712] Вопросы, связанные с назначением на должности и увольнением с них, равно как и повышением в звании военнослужащих сосредотачивались в руках главнокомандующего армией. При этом все передвижения по службе должны были производиться по правилам, установленным «действующими постановлениями во французской армии». В то время, когда части чешско-словацкого войска находились бы на линии фронта, право назначения на должности и предоставления званий передавалось офицеру, осуществляющему непосредственное командование ими. После того, как служба офицера чешского или словацкого происхождения в чешско-словацком войске заканчивалась, он мог перейти на службу во французскую армию как иностранный подданный. При этом допускался его перевод «в звании, наиболее приближенном к тому, которым они обладали в чешско-словацких формированиях, и в чине, полученном в этих формированиях».[713]

Продвижения по службе солдат чешско-словацкого войска также регулировалось правилами, принятыми для армии Третьей республики на время ведения войны. Завершив свою службу в чешско-словацком войске, добровольцы, получившие сержантские звания, могли, как, впрочем, и офицеры, поступить на службу во французскую армию в звании, «равном тому, которым они обладали в Чешско-Словацкой армии» и в чине, который они получили, находясь на службе в этом войске.[714]

Последующие параграфы касались управления будущей чешско-словацкой армии, воинской дисциплины в ней, а также использования ее во время войны. Из них видна весомая роль «французского» фактора в деле ее создания. Французское правительство обязалось временно оказывать ЧСНС прямую финансовую помощь в деле создания собственной армии. Так, оно покрывало все расходы, связанные с деятельностью войсковых канцелярий, работой Генерального штаба

[712] Франц. – à titre temporaire (сокращ. – à t.t.).
[713] Ibidem.
[714] Ibidem.

главнокомандующего чешско-словацкой армии, а также предоставляло необходимые денежные средства для создания частей. Расходы по организации чешско-словацкого войска должны были учитываться французской стороной отдельно. Решение о прекращении финансирования войска предполагалось принять после окончания войны и заключения мирного договора. Французские военные власти организовывали и обучение необходимых для войска кадров. Офицеры и сержанты для повышения своей квалификации могли направляться во французские учебные центры для прохождения соответствующих курсов с последующей сдачей экзаменов. Для организации обучения курсантов чешского и словацкого происхождения в училищах Третьей республики «по возможности» предполагалось создать особые отделения.[715]

Правила французских военных уставов распространялись и на форму легионеров. Их мундиры, вооружение и снаряжение были такими же, как и во французской армии. Головным убором чешско-словацкого легионера на поле боя должна была стать принятая во Франции в 1915 г. «каска Адриана» с отличительным знаком; в остальное же время – берет из сукна «темно-синего цвета, также с отличительным знаком». Предполагалось также снабдить военнослужащих вновь созданной армии гимнастерками альпийского типа и пехотными шинелями.[716]

Особое место в тексте «Генеральной инструкции» занимал ее последний раздел, посвященный использованию войска на линии фронта. Из него следует, что в данном отношении оно было полностью автономным. Во-первых, высшее командование французской армии могло использовать его лишь «как самостоятельную единицу». Во-вторых, запрещалось посещение подразделений чешско-словацкой армии без соизволения на то ее главнокомандующего. Исключение распространялось лишь на представителей Чешско-Словацкого национального совета, которым, впрочем, предстояло уведомлять о своем приезде в ту или иную часть «в соответствии с обстоятельствами» военного министра

[715] Ibidem.
[716] Ibidem.

Третьей республики или командующего чешско-словацким войском генерала. В-третьих, французская сторона обязывалась сохранять «соответствующую часть» созданной ЧСНС армии «без изменений», учитывая то обстоятельство, «что чешско-словацкое войско должно быть политической и национальной опорой при переговорах о заключении мира». В-четвертых, во время участия чешско-словацких войсковых единиц в боевых действиях на фронте, во французский Генеральный штаб от них в качестве представителя должен был быть направлен военнослужащий в офицерском звании. Все установленные инструкцией правила могли быть изменены по взаимному соглашению Военного министерства и Чешско-Словацкого национального совета».[717]

Завершая данный раздел, интересно будет провести сравнение процессов организации чешско-словацких частей в России и во Франции. К тому моменту, когда парижский центр чешско-словацкого национально-освободительного движения начал проведение пропагандистской кампании среди военнопленных, в Российской империи данный процесс уже шел полным ходом. В начале войны здесь уже был разработан особый комплекс мер по содержанию военнопленных славян, предусматривавший более широкие льготы, в число которых входили отпуск в пределах пункта своего пребывания, получение работы соответственно своей специальности.[718] А уже весной 1916 г. правительственными учреждениями Российской империи было принято решение о предоставлении пленным славянам новой льготы – освобождение их под честное слово и под поручительство национальных организаций с правом последующего перехода в российское подданство.[719] Принимая во внимание это обстоятельство, можно сделать вывод о том, что к моменту начала во Франции процесса предоставления пленным чешского и словацкого происхождения определенных льгот, а затем и создания собственной национальной армии, как у российских государственных учреждений, так и у представителей чешско-словацкого движения в России уже имелся определенный опыт работы на данном направлении. Примечательно, что

[717] Ibidem.
[718] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 120. Л. 4 – 5.
[719] АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 215. Л. 56 – 57об.

именно на достигнутые российской стороной успехи ссылался в своих меморандумах в Генеральный штаб французской армии[720] и премьер-министру и министру иностранных дел Третьей республики Аристиду Бриану[721] генеральный секретарь ЧСНС Э. Бенеш. А упоминавшееся выше совещание Т. Г. Масарика с представителями «российских чехов» – З. Рейманом и прапорщиком В. Ванеком прямо указывает на то, что лидер чешского заграничного сопротивления признавал ведущую роль Правления Союза чешско-словацких обществ в России в деле организации чехами и словаками собственной национальной армии.[722]

Подобный вывод можно сделать и относительно самого процесса создания чешско-словацкой армии во Франции. Сравнение российских и французских документов, посвященных данной проблеме, позволяет отметить то обстоятельство, что проводившаяся военным ведомством Третьей республики и высшим командованием французской армии работа по созданию первых двух чешско-словацких полков в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении чешских и словацких организаций в России. В частности, его можно обнаружить в столь важном аспекте, как преемственность кадров. Так, в отношении исполняющего должность начальника ГУГШ генерала М. А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу о формировании частей, а затем и в тексте инструкции, назначение российских и французских офицеров в качестве командного состава чешской армии рассматривалась лишь как временная мера. Согласно этому документу, предусматривалась последующая их замена военнослужащими чешского и словацкого происхождения в соответствующем звании.[723] Представляется, что обозначенные выше аспекты могут служить доказательством того, что немаловажную роль в процессе организации чешско-словацких частей во Франции играл опыт, накопленный российской стороной на данном направлении.

[720] VÚA – VHA. F. ČSNR. Inv. č. 3677. Karton 23.
[721] Ibid. Inv. č. 4045. Karton 28.
[722] Протокол совещания в г. Лондоне проф. Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 202. С. 375 – 378.
[723] Отношение исполняющего должность начальника ГУГШ М. А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу о формировании особых чешских войсковых частей из чехов-добровольцев // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 7. С. 59 – 60.

При этом дальнейшая военная и политическая судьба этих формирований сложилась по-разному.

3.2. Т. Г. Масарик в России в 1917 г.: политические и военные аспекты освободительной акции[724]

Т. Г. Масарик и «свободная Россия». Большие надежды и правда революционной действительности. Революционные события 1917 г. в Петрограде стали одним из важнейших факторов, повлиявших на национальное движение проживавших в России чехов и словаков и их военнопленных соотечественников.[725] Следует отметить, что его основные руководители восприняли Февральскую революцию с воодушевлением. Немаловажным являлся и тот факт, что как члены существующих в России чешско-словацких обществ, так и военнопленные и добровольцы в национальных частях, тесно соприкасаясь с российской внутриполитической обстановкой, не могли не получать информации о происходивших в столице страны событиях. До них доходили слухи о якобы готовящемся рядом высокопоставленных особ и чиновников царского правительства заключении сепаратного мирного договора с Центральными державами; о том, что «автократическое, реакционное правительство гонит Россию стремглав к пропасти полной деморализации народа и внутреннего разлада в государстве».[726] Довольно скупыми и неясными казались и мнения, выражавшиеся представителями российской элиты о решении чешского и словацкого вопросов. Неустойчивость положения в чешско-словацком национально-освободительном движении сохранялась и из-за внутренней борьбы, происходившей между представителями Союза чешско-словацких обществ в России и членами его Правления.[727] Немаловажным обстоятельством было и

[724] На основании раздела подготовлена публикация: *Мошечков П. В.* Чешские и словацкие добровольцы на пути из России во Францию (май – ноябрь 1917 г.) // Клио. 2018. № 6 (138). С. 113 – 122.
[725] *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 60.
[726] Za svobodu... Kn. 1. S. 677.
[727] *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России… С. 260 – 261.

крайне медленное претворение в жизнь проекта формирования чешско-словацких частей.[728]

Приход к власти 2 (15) марта 1917 г. Временного правительства был оживленно воспринят не только представителями существовавших в России чешских и словацких колоний, но и добровольцами на фронте. О больших надеждах, которые чехи и словаки возлагали на изменение государственного строя в России, ярко свидетельствует приветственная телеграмма председателя Правления Союза чешско-словацких обществ в России, Вацлава Вондрака, председателю Временного правительства князю Г. Е. Львову, отправленная 3 (16) марта 1917 г., на следующий день после создания нового правительства России. Она характеризовала его как силу, осуществившую «величайший в истории человечества подвиг переустройства государства». Вошедшие в правительство министры характеризовались как спасители своей родины, вырвавшие у «немцев, заклятых врагов славянства, последнюю надежду на победу».[729]

Телеграмма примечательна и тем, что в ней Вондрак ходатайствовал о признании чехов и словаков дружественным и союзным России народом, предоставив им «право и возможность самоорганизаций». Кроме того, он просил «исполнить давнее ходатайство Союза чешско-словацких обществ о разрешении освобождать верных чехов и словаков из плена», размещать их на заводах, производящих вооружение, принимать добровольцев на фронт. Телеграмма подтверждала и несогласие Правления Союза с политикой царского правительства в чешско-словацком вопросе, приведшей к образованию Чешско-Словацкого народного совета под председательством Йозефа Дюриха. Все документы и положения, провозглашавшие создание данного органа, были признаны недействительными, равно как и проводившаяся чешским депутатом от аграрной партии линия (сам Дюрих к тому моменту был уже де-факто смещен с поста заместителя председателя ЧСНС и исключен из данной организации). В конце

[728] Za svobodu... Kn. 1. S. 677.

[729] Телеграмма председателя Правления Союза чешско-словацких обществ в России В. Вондрака председателю Совета министров Временного правительства Г. Е. Львову с приветствием новой власти и просьбой удовлетворить прежние ходатайства Союза // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 333. С. 646.

телеграммы сообщалось о том, что проживающие на территории Российского государства чехи и словаки признают своим «единственным вождем» профессора Т. Г. Масарика.[730]

Вслед за Вондраком поздравительные адреса и телеграммы, адресованные Временному правительству, направили входящие в состав Союза чешские и словацкие общества и организации – «Чешско-словацкое общество в Петрограде», «Чешско-словацкое общество в Москве», «Чешско-словацкая Беседа» (Варшава), чешско-словацкое общество «Ян Амос Коменский» (Киев).[731] В период с 15 (25) марта по 21 марта (3 апреля) 1917 г. газеты «Чехословак» и «Чехослован» опубликовали «Воззвание чешско-словацкого войска в России», составленное сражавшимися в рядах русской армии военнослужащими Чешско-Словацкой стрелковой бригады.[732] В нем Т. Г. Масарик признавался «временным диктатором самостоятельного чешско-словацкого государства», а руководимый им и его коллегами Чешско-Словацкий национальный совет – «временным правительством», которому они присягали на верность. Приветственные обращения в адрес министра иностранных дел П. Н. Милюкова, военного министра А. И. Гучкова и председателя Государственной Думы М. В. Родзянко поступали и от военнопленных чехов и словаков, в первую очередь, их руководящего органа – Корпуса сотрудников из военнопленных.[733] В организуемых на территории страны по случаю победы революции манифестациях принимали участие как делегации от чешско-словацких обществ, так и целые организации.[734]

Февральская революция 1917 г. получила отклик не только у чехов и словаков, проживавших в Российской империи, но и у представителей национального движения в Западной Европе. Одним из первых приветствовал произошедшие события руководитель Чешско-Словацкого национального совета в Париже Т. Г. Масарик. 5 (18 марта) 1917 г. он отправил телеграмму на имя

[730] Там же.
[731] Za svobodu… Kn. 1. S. 680.
[732] Prohlášení česko-slovenského vojska v Rusku // Čechoslovák. 1917. Roč. 3. Č. 86. S. 1.
[733] Чешск. – Sbor zajateckých spolupracovníků.
[734] Za svobodu… Kn. 1. S. 681 – 682.

председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, в которой, как и его коллеги в России, характеризовал революцию как событие, представляющее собой важный шаг в истории славянских народов.[735]

Другая телеграмма, отправленная профессором в этот же день, была адресована новому министру иностранных дел П. Н. Милюкову, с которым руководитель чешско-словацкого заграничного движения был лично знаком еще со времени своего пребывания в США. В ней славянская программа, обозначенная уже в телеграмме Масарика Родзянко, была раскрыта более подробно. Из текста телеграммы следует, что ведущую роль в деле освобождения славянства «от ига немецкого, венгерского и турецкого» должна была сыграть именно Россия. Далее он предлагал свое видение государственного устройства славян в послевоенной Европе. Польша должна быть объединена и находиться в тесном союзе с Россией; сербов и хорватов предстояло объединить со словенцами. Что же касается освобождения и объединения чехов и словаков, то это предстояло реализовать «возрожденной России». При этом основная линия рассуждений Т. Г. Масарика оставалась проантантовской, ориентированной как на Россию, так и на Великобританию и Францию.[736]

Изменение обстановки требовало конкретных шагов, направленных на корректировку проводившейся Союзом чешско-словацких обществ в России политической линии. 23 апреля (6 мая) 1917 г. в Киеве начал свою работу Третий съезд Союза, получивший в межвоенной чешской историографии название «революционного». Характеристика, данная историками съезду, вполне оправдывает себя, ибо он ознаменовал собой серьезные изменения в политической деятельности пребывающих в России функционеров чешско-словацких общественных организаций, военнослужащих чешско-словацких частей и военнопленных. Теперь, помимо представителей чешских и словацких колоний, в деятельности съезда приняли активное участие как раз представители

[735] Telegram M. V. Rodziankovi // Masaryk T. G. Válka a revoluce. Díl II. S. 62.
[736] Telegram P. N. Miljukovovi // Ibid. S. 60 – 61.

добровольцев и военнопленных, получившие соответствующие политические права.[737]

Решения съезда, длившегося с 23 апреля (6 мая) по 1 (14) мая, имели весомое влияние на политическую жизнь «российских» чехов и словаков. Резолюцией от 24 апреля (7 мая) 1917 г. парижский центр был признан высшим органом заграничного национального движения и единственным выразителем политических чаяний чешского и словацкого народов. 25 апреля (8 мая) было принято решение об основании Отделения ЧСНС для России, а также разграничении полномочий между ним и Союзом чешско-словацких обществ. В компетенции ОЧСНС были переданы все дела, связанные с политическим, дипломатическим, военным и финансовым аспектами. Союз чешско-словацких обществ в России оставлял за собой право решать все внутренние вопросы, связанные исключительно с положением осевших на территории России чехов и словаков.[738]

Наконец, в последний день заседания 3-го съезда было принято еще одно решение, немаловажное как для «российской» ветви национального движения за границей, так и для заграничного сопротивления в целом. 1 (14) мая 1917 г. Съезд утвердил «Организационный устав воинской комиссии Отделения для России Чешско-Словацкого национального совета».[739] Основной целью деятельности создаваемого при новом руководящем национальным сопротивлением в России органе стало «содействие при создании и строительстве чешско-словацкого войска в российской армии по проекту, утвержденному компетентными военными органами», равно как и «решение всех военных вопросов, которые были поставлены военными органами и правительством ОЧСНС».[740] З. С. Ненашева считает, что авторы устава фактически заявили о создании на территории страны подчиненной Чешско-Словацкому национальному совету независимой военной

[737] Za svobodu… Kn. 1. S. 719.
[738] *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России… С. 238 ; *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 24 ; Za svobodu… Kn. 1. S. 719 – 720.
[739] Организационный устав военной комиссии Отделения для России ЧСНСовета // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 352. С. 687 – 688.
[740] Там же. С. 687.

структуры. Более того, с этого момента все национальное движение чехов и словаков в России перешло под руководство парижского центра заграничного сопротивления.[741] Таким образом, к моменту окончания Третьего съезда Союза чешско-словацких обществ в России уже были созданы все условия для планировавшгося еще с 1915 г. приезда лидера чешско-словацкого национально-освободительного движения.

Успехи на фронте как катализатор договоренностей о формировании чешско-словацких частей для России и Франции. Руководитель Чешско-Словацкого национального совета прибыл в Петроград в ночь с 15 на 16 мая. Основной целью поездки стало добиться у нового правительства разрешения на создание из пленных чехов и словаков национальной армии тем более, что министром иностранных дел в России стал знакомый ему еще по периоду преподавательской деятельности в США лидер кадетской партии П. Н. Милюков.[742]

Изначально Масарик не планировал надолго задерживаться в России, полагая пробыть там в течение нескольких недель. После завершения всех необходимых приготовлений в Лондоне он встретился с вернувшимся с Петроградской межсоюзнической конференции британским представителем лордом А. Милнером, а также с М. Р. Штефаником. С ними профессор обсудил ситуацию, сложившуюся в России. Особенно полезны ему были сведения о ходе формирования чешско-словацких частей и о господствовавших в российских военных кругах прогнозах о возможном возобновлении наступления русской армии на Восточном фронте. Они были изложены его словацким коллегой. После встречи с прибывшим в Лондон генеральным секретарем ЧСНС Э. Бенешем, во время которой были рассмотрены дальнейшие действия руководства заграничного сопротивления, 22 апреля (5 мая) 1917 г. Т. Г. Масарик выехал в Швецию. Перед своим прибытием в российскую столицу он на некоторое время задержался в

---

[741] *Ведерников М. В.* Указ. соч. С. 237 – 238 ; *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 24.
[742] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 148.

Стокгольме, где состоялась его встреча с редактором «Чехословака» Богданом Павлу.[743]

В России, так же, как и во Франции и Великобритании, чешский профессор вел активную пропагандистскую деятельность. Она была направлена на распространение среди политиков и интеллектуалов идеи о необходимости ниспровержения монархии Габсбургов. Помимо Петрограда, он посетил Москву и Киев, где проводил публичные лекции, сотрудничал с ведущими органами периодической печати, писал статьи. Одновременно чешский профессор установил контакты с членами Временного правительства – заменившим П. Н. Милюкова на посту министра иностранных дел М. И. Терещенко, премьер-министром Г. Е. Львовым.[744] Общался он и с крупнейшими представителями ведущих политических партий, а также университетских и академических кругов, с которыми ранее встречался лично или состоял в переписке. Среди них были философы Е. Н. Трубецкой и П. Б. Струве, писатель М. Горький, публицисты А. В. Амфитеатров и В. В. Водовозов, филолог А. А. Шахматов, историк Н. И. Кареев.[745] Более того, во время своего пребывания в России лидер ЧСНС интересовался планами национально-освободительного движения иных славянских народов, в первую очередь, южных славян и поляков.[746]

При этом следует отметить, что, помимо российских и славянских деятелей, Т. Г. Масарик поддерживал тесные связи с дипломатическими и военными представителями стран Антанты. Среди персон, с которыми он поддерживал контакты, находясь в Петрограде, можно назвать посла Великобритании сэра Джорджа Бьюкенена, итальянского королевского посла маркиза Андреа Карлотти ди Рипарбелла. В круге его собеседников оказались сербский посол М. И. Спалайкович, а также румынский посол К. Диаманди. Велись консультации с прибывшими в Россию после Февральской революции со специальными миссиями лидером лейбористской партии А. Гендерсоном, бельгийским

---

[743] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 149 ; *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920. Т. 1. С. 24 ; Za svobodu… Kn. 1. S. 739.
[744] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. С. 150.
[745] Там же. С. 150 – 151 ; *Фирсов Е. Ф.* Т. Г. Масарик и борьба за независимость чехов и словаков. С. 185.
[746] *Масарик Т. Г.* Указ. соч. С. 154.

социалистом Э. Вандервельде.[747] Много прежних знакомых чешского профессора было и среди членов американской миссии, возглавляемой сенатором Элиу Рутом.[748]

Однако наибольшие надежды Т. Г. Масарик возлагал именно на французские военные миссии в Петрограде, Киеве и Яссах. Он установил контакты с их начальниками, генералами М. Жаненом (затем А. А. Нисселем), Ж. Табуи и А. М. Бертело. Кроме того, чешский профессор упоминал и о своих переговорах с военным представителем при Ставке майором Буксеншуцем и майором Лавернем.[749]

Между тем наибольшую помощь Масарик мог получить от пребывавшего на тот момент в России известного французского социалиста Альбера Тома, на тот момент занимавшего пост министра вооружений Третьей республики. Тома был отправлен французским правительством в Петроград с особой миссией. Ее основной задачей, как и миссий представителей иных социалистических партий, стало убеждение своих российских единомышленников в необходимости продолжения ведения войны на стороне Антанты.[750] Помимо этого, Тома во время своего второго приезда в Россию должен был заниматься поиском рабочих рук для французских заводов и необходимых людских резервов для понесшей серьезные потери армии Третьей республики.[751]

Тома прибыл в Россию 9 (22) апреля 1917 г.[752] Еще перед приездом чешского профессора он направил российским правительственным учреждениям ходатайство, в котором предложил перевезти в течение лета 1917 г. 30 000 чешских и словацких добровольцев.[753] Подобная акция была рассмотрена в записке как имеющая непосредственную выгоду для обеих стран-союзниц. Отправка во Францию чехов и словаков в качестве рабочих предоставила бы значительные средства для военной промышленности Третьей республики.

---

[747] Там же. С. 150 – 151.
[748] Там же.
[749] Там же. С. 150.
[750] *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas... P. 86.
[751] *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 185 ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques... P. 23.
[752] *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas… P. 92.
[753] АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 224. Л. 244 – 245об.

Благодаря им стало бы возможным усиление производства военных материалов и боеприпасов, в поставках которых нуждалась Россия.[754] Все возражения относительно невозможности претворения данной акции в жизнь, высказанные в 1916 г. государственными учреждениями Российской империи, Альбер Тома рассматривал как несостоятельные.[755]

Из анализируемой записки следует, что Тома рассматривал два источника для набора обозначенного в записке количества чешских и словацких добровольцев. Во-первых, одним из них могли стать формируемые на территории Российской империи чешско-словацкие части, причем согласие на выделение из их числа военнослужащих для Третьей республики должен был дать Национальный совет.[756] В случае невозможности проведения в жизнь данного проекта, необходимое количество чехов и словаков можно было бы найти среди военнопленных, которые «еще не прибыли к своему месту назначения и работы». Тома предлагал незамедлительно распределить их «между министерствами земледелия, торговли, промышленности и путей сообщения». Что же касается предпочтений французской стороны, то она была готова воспользоваться пленными чехами и словаками, находившимися в распоряжении последних трех ведомств.[757]

Стремясь придать данному плану больший политический вес, Масарик заручился обещаниями поддержать ходатайство представителя Третьей республики со стороны американского посланника и бельгийского министра без портфеля Э. Вандервельде.[758]

---

[754] Там же. Л. 244 – 244об.

[755] В ходе переговоров особое внимание А. Тома уделил утверждению о том, что Россия «нуждается в сельскохозяйственных работниках для возделывания хлеба, который должен быть передан Франции». Указывая на его несостоятельность, министр вооружений заявил, что Третья республика заинтересована в отправке зерна из России лишь в качестве груза, с которым отправляются в обратный путь во Францию суда, зафрахтованные для перевозки в Россию боеприпасов и военных материалов. Тома отметил, что правительство Франции могло бы заключить договор о транспортировке хлеба с Канадой или Австралией. В связи с этим сокращение производства зерна в России, согласно предложению Тома, позволило бы освободить от работы на производстве значительное количество военнопленных, необходимых для французских фабрик и заводов. См.: Там же. Л. 244об.

[756] Примечательно, что в записке чешско-словацкие воинские формирования в России были обозначены как Чешский корпус (франц. – Corps d’armée tchèque). См.: Там же. Л. 245 – 245об.

[757] Там же. Л. 245.

[758] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 5.

Российская сторона согласилась удовлетворить ходатайство французского министра. Предложение Тома не встретило никаких возражений со стороны Временного правительства и Генерального штаба. Оно было охарактеризовано как имеющее под собой серьезные основания и продиктованное исключительно «военной необходимостью».[759] Тем самым, военное ведомство фактически дало согласие на его претворение в жизнь. При этом решающее слово в урегулировании данной проблемы должно было оставаться за Отделением ЧСНС для России. Его руководству предписывалось как можно скорее уведомить российскую сторону, «насколько передача чешских формирований и чешских рабочих Франции приемлема с точки зрения чешско-словацких народных интересов».[760]

Данный вопрос подвергся обсуждению в ходе состоявшегося 15 (28) мая 1917 г. 2-го заседания президиума ОЧСНС. Председательствовавший на нем Т. Г. Масарик выразил намерение взять на себя заботу по подготовке ответа для российских военных учреждений. Он представил коллегам свой план дальнейших действий. Так, в первую очередь следовало договориться, в какой форме волонтеры примут участие в боевых действиях на Западном фронте. Профессор подчеркнул, что в том случае, если они отправятся в обмундировании российской армии, они будут «представлять нас и русских». Для этой цели во Франции предстояло заняться изготовлением соответствующей военной формы. Реализация акции должна была осуществляться на предоставленные правительством Третьей республики средства. С добровольцами предполагалось провести трехнедельные или четырехнедельные предварительные учения. Завершить обучение военному искусству можно было уже на территории Франции. Процессом формирования чешско-словацких частей для Западного фронта, помимо действовавшей при штабе Киевского военного округа комиссии во главе с генералом русской службы чехом Я. В. Червинкой,[761] должны были руководить специально назначенные для этих целей два офицера – французский и чешский. Отвечая на вопрос о том, могут

[759] № 354. Отношение ГУГШ председателю Отделения для России ЧСНСовета Б. Чермаку о поднятом министром вооружений Франции А. Тома вопросе передачи чешских воинских частей и рабочих Франции // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 693 – 694.
[760] Там же. С. 693.
[761] Червинка Ярослав Вячеславович // Там же. С. 962.

ли осуществляющие вербовку добровольцев эмиссары сообщать своим соотечественникам о переводе войска во Францию, Масарик отметил, что подобные заявления могут быть сделаны лишь после того, как по данной проблеме будет принято определенное решение. Вопрос о том, в каком количестве военнослужащие чешско-словацких частей отправятся из России в Западную Европу предстояло решить Временному правительству. Лидер ЧСНС предположил, что в России может остаться одно чешско-словацкое подразделение в масштабах корпуса, в то время как другой корпус или же несколько подобных корпусов могли бы быть сформированы на территории Франции.[762]

Следуя решениям 2-го заседания президиума ОЧСНС, 20 мая (2 июня) 1917 г. Т. Г. Масарик направил в Отдел эвакуационный и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба специальное письмо.[763] В нем было обосновано согласие на участие чешско-словацких частей в боевых действиях во Франции. Согласно его точке зрения, именно таким образом чехи и словаки смогли бы как нельзя лучше доказать свои симпатии по отношению к союзникам как народы, выразившие свой протест по отношению к захватнической политике, проводимой Германской и Австро-Венгерской империями. Была высказана уверенность, что набор добровольцев удастся организовать «в самом непродолжительном времени» и в значительных количествах. Все технические вопросы предстояло решить совместно с «подлежащими русскими и французскими властями».[764]

На принятие Т. Г. Масариком решения об отправке чешских и словацких добровольцев во Францию значительным образом повлияла и крайне негативная позиция по вопросу о формировании частей в России, занятая командующим Киевского военного округа полковником К. М. Оберучевым и военным и морским министром А. Ф. Керенским.[765] На первых порах они не проявили заинтересованности в вопросе организации чешско-словацких частей и

[762] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 5.
[763] Копия обращения председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика в ГУГШ об отправке чешско-словацких воинских формирований во Францию // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 357. С. 698 – 699.
[764] Там же. С. 698.
[765] *Baerlein H.* The March of the Seventy Thousand. P. 68 – 69.

дальнейшем расширении их личного состава. Более того, Керенский заявил председателю Правления Союза чешско-словацких обществ в России В. Вондраку о том, что не имеет никаких симпатий к «нерыцарскому поведению» его соотечественников. Ему было известно о том, что они предпочитали сдаться в плен врагу, нежели организовать революцию у себя на родине, или же отстаивать свои права согласно конституции. 21 мая (3 июня) 1917 г. он распорядился приостановить процесс формирования чешско-словацких частей.[766] Это решение военного и морского министра Временного правительства укрепило намерение председателя ЧСНС связать судьбу чешско-словацкого войска с предложениями французской стороны.[767] Тем не менее, Масарик, прекрасно понимая значимость организуемой на территории России армии, вновь предпринял попытку обратить внимание российской стороны на значимость чешско-словацкого войска. В записке на имя А. Ф. Керенского, совершавшего в то время объезд находящихся на линии фронта войсковых частей перед готовящимся наступлением, он ходатайствовал о разрешении возобновления формирования чешско-словацких частей для Восточного фронта, равно как и об отправке военнопленных во Францию. Масарик объяснил, что представители обоих народов своей добровольной сдачей в плен военным подразделениям союзников и высказываниями о необходимости добиться собственной независимости уже подняли своеобразную революцию против Германии и Австро-Венгрии. Всерьез опасаясь возможности начала Россией переговоров о сепаратном мире с Центральными державами, профессор обратил внимание своего адресата на то обстоятельство, что приостановление формирования чешско-словацких частей на территории страны послужит для врага «нравственным укреплением».

Для Масарика было важно указать на стратегическую важность организуемого российской стороной наступления. В случае его успешного проведения, полагал он, принявшие в нем участие чешско-словацкие части приступили бы к укреплению национального самоуправления на территории

[766] *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты … С. 84.
[767] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 6.

региона, что стало бы основой для создания в будущем самостоятельного чешско-словацкого государства.[768]

Результаты обращения председателя Чешско-Словацкого национального совета к А. Ф. Керенскому были достаточно скромными. Согласно приказу генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта Н. Н. Духонина от 13 (26) июня, чешско-словацкую стрелковую бригаду предписывалось довести «до штата 4-х полковой стрелковой дивизии» с предоставлением ей необходимых для этого артиллерии и инженерных средств, а также превращением имеющегося при ней 4-х ротного запасного батальона в 8-ротный. Проведение дальнейшего расширения чешско-словацких частей не предполагалось.[769]

Параллельно с Масариком переговоры о переброске чешских и словацких военнопленных на Западный фронт вели и представители французской военной миссии. 23 мая (5 июня) 1917 г. генерал-квартирмейстер при Ставке Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова генерал-майор И. Г. Романовский провел встречу с полковниками Лавернем и Тессье. Согласно общему решению, большую часть из заявленного А. Тома количества военнопленных, отправляемых во Францию, должны были составить чехи. К ним предполагалось добавить «несколько тысяч сербо-хорватов или словаков». Их следовало набрать из числа пленных, желающих сражаться на стороне армии Третьей республики или трудиться в качестве рабочих. Материальное положение пожелавших отправиться на Западный фронт добровольцев предстояло согласовать с Т. Г. Масариком «или его представителями».[770]

Тем временем ОЧСНС приступил к практическим шагам по реализации ходатайства французского министра вооружений. 31 мая (13 июня) 1917 г. Масарик заключил с французским министром вооружений соглашение об отправке во Францию чешских и словацких рабочих.[771] Договор предоставлял

---

[768] Письмо Масарика военному министру Керенскому // *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. С. 73 – 77.

[769] [Распоряжение генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта Н. Н. Духонина по вопросу развертывания чешско-словацких частей] // Там же. С. 67.

[770] Нота Альберта Тома // Там же. С. 77.

[771] V Petrohradě dne 13. června (31. května) 1917. Pracovní statut pro česko-slovenské dělníky – bývále válečné zajatce ruské – ve Francii, sjednaný mezi francouzským ministrem výzbroje Albertem Thomasem a předsedou Národní rady

чехам и словакам широкие права. Они получили возможность объединяться с целью ведения хозяйственной деятельности, организации публичной просветительской работы и развлечений, право свободно жить в городах, куда их направляли трудиться. Условия труда и заработной платы должны были быть такими же, как и у французских рабочих. Чехи и словаки могли пользоваться теми же правами и гарантиями, что и французы, в случае «болезней, телесных повреждений или преклонного возраста». Получали они и своеобразную защиту со стороны ЧСНС. В частности, при нем предполагалось организовать «Контрольное учреждение труда».[772]

Параллельно ОЧСНС начал разработку нового проекта военной акции в России, предусматривавшего формирование чешско-словацких войсковых единиц для Франции. Его составителями стали председатель военной комиссии В. Гоуска, ее референт А. Эйзенбергер и председатель комиссии по делам военнопленных В. Халупа. Текст проекта после нескольких редакций был одобрен 19 мая (12 июня) на 5-м заседании президиума Отделения Национального совета для России.[773] В нем впервые было заявлено о необходимости создания подобных добровольческих войсковых единиц на территории республики. Однако предварительно следовало добиться официального объявления начала процесса организации войска декретом президента страны.[774]

Поиск добровольцев для Западного фронта в России должен был производиться специально созданной при военной комиссии ОЧСНС «Комиссией по организации набора», состоящей из 5 членов. В случае необходимости ее состав предполагалось увеличить за счет прикрепления к ней французских офицеров. Работа велась на основании разрешения, данного ранее российским правительством, и дополнительных распоряжений Ставки.[775]

československé T. G. Masarykem // *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 3. № 260. S. 621 – 622.

[772] Чешск. – Dozorčí úřad práce.

[773] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 7.

[774] Návrh na vytvoření československého vojska ve Francii, vypracováný Národní radou československou // *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl III. № 95. S. 293.

[775] Проект создания чешско-словацкого войска из находящихся в России военнопленных чехов и словаков для Франции, выработанный Военной комиссией Отделения для России Чешско-Словацкого национального совета // VÚA – VHA. F. OČSNR. Čj. 471. Karton 3.

Были оговорены и основные принципы сотрудничества чешско-словацкой и французской сторон в организации кампании по набору волонтеров. Они нашли свое отражение в «Проекте правил для набора чешско-словацких пленных в России».[776] Контроль над вербовкой, снабжением и транспортировкой добровольцев предстояло осуществлять Отделению Национального совета для России. Его руководство должно было находиться в постоянной связи с французской военной миссией в Петрограде. Для этого она обязывалась прикрепить к данной организации своего представителя. Последнему предписывалось совместно с ОЧСНС решать все вопросы, касающиеся поиска и организации волонтеров, желающих служить в чешско-словацком войске во Франции. Назначенные ОЧСНС вести работу по их набору должностные лица получали право обращаться в случае необходимости к французским офицерам, уполномоченным начальником военной миссии Третьей республики решать вопросы, связанные с организацией чешско-словацкого войска. При отсутствии в военных округах чехов и словаков, готовых в качестве представителей Отделения Национального совета для России взять на себя обязанности по надзору за добровольцами, их функции могли быть поручены французским консулам.

Деятельности ОЧСНС по поиску желающих служить во Франции добровольцев должны были активно содействовать российские военные власти. Предназначенных для формирования чешско-словацких частей в России и отправки на Западный фронт военнопленных предписывалось направлять в разные лагеря. Отдельно была рассмотрена и проблема их довольствия. На них распространялись «льготные» условия содержания.[777]

Разработанный ОЧСНС проект был направлен на рассмотрение начальника французской военной миссии генерала А. А. Нисселя и получил его одобрение. С его текстом был ознакомлен и А. Тома. Принимая во внимание то обстоятельство, что вопрос об отправке из России солдат для службы на французском фронте не входил в компетенции последнего, все принятые решения подлежали

[776] Фр. – Projet de reglement pour le recrutement des prisonniers Tchéco-Slovaques en Russie.
[777] Projet náboru čs. zajátců v Rusku // VÚA – VHA. F. ČSNR. 16/4/6. Karton 45.

утверждению военным ведомством Третьей республики.[778] Официального ответа из Парижа представителям ОЧСНС пришлось ждать достаточно долго. Решение вопроса о будущей судьбе чешско-словацкого войска вновь затормозилось.[779]

Тем временем на Восточном фронте произошли события, оказавшие значительное влияние на дальнейшую судьбу чешско-словацких частей в России. Пришли известия об успешных действиях Чешско-Словацкой стрелковой бригады в сражении у Зборова (19 июня (2 июля) 1917 г.). В ходе наступления на позиции трех австро-венгерских частей – 86-го, 35-го Пльзеньского и 75-го Индржиховградского пехотных полков – ее военнослужащие заняли три линии окопов неприятеля, взяв в плен более 32 тысяч военнослужащих австро-венгерской армии. Потери бригады составили 1 000 человек ранеными, в бою погибло 150 добровольцев. Она зарекомендовала себя в глазах российского командования как одна из немногих надежных частей на фоне деморализованных подразделений российской армии. Героическое поведение ее солдат и офицеров стало серьезным поводом для изменения отношения российских военных властей и лично А. Ф. Керенского к проблеме организации чешско-словацких частей в России. Теперь они не имели никаких возражений против возобновления работы по расширению их личного состава и организации дальнейшего набора добровольцев.[780]

Это обстоятельство способствовало пересмотру Т. Г. Масариком занимаемых им ранее позиций. В деле организации чешско-словацкого войска он вновь начал отдавать приоритет России и приступил к активной деятельности в этом направлении. Главной его целью было скорейшее завершение процесса создания национальной армии. 23 июля (6 августа) 1917 г. вместе с секретарем ОЧСНС Ю. И. Клецандой и прапорщиком Р. Медеком он направился в Могилев. На рассмотрение начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А. А.

---

[778] Записка председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика в МИД «О формировании чешско-словацких войсковых частей для русского и французского фронтов» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 824.
[779] Memorandum o československé armádě pro Francii // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl II. S. 166.
[780] *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты… С. 94 ; *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 25 ; *Серапионова Е. П.* Битва у Зборова // Rossica: научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2012. С. 47 – 55 ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques… P. 39 – 40.

Брусилова было представлено три меморандума. Первый был посвящен проблеме транспортировки части добровольцев во Францию (с его помощью Масарик предполагал заручиться согласием Верховного главнокомандующего на поддержку данной экспедиции).[781] Второй – вопросам, связанным с положением чешско-словацких боевых единиц в России после революции. Он определял новые отношения между данными войсковыми единицами, Временным правительством, российским командованием и ЧСНС. Примечательно, что уже на данном этапе он должен был подчеркнуть принцип нейтралитета чешско-словацких войсковых частей по отношению к политической борьбе, происходившей внутри России; они могли быть использованы Временным правительством только на фронте против внешнего врага).[782]

В третьем меморандуме рассматривалась техническая сторона формирования и реорганизации Чешско-Словацкой стрелковой бригады.[783] Указывая на серьезные потери, понесенные ею в ходе июньского наступления, Масарик настаивал на необходимости преобразования бригады в дивизию и организации новых регулярных и запасных чешско-словацких подразделений. Он заявил и о необходимости начала формирования на основании инструкции, принятой Военным советом 24 марта 1917 г., еще одной дивизии, которая впоследствии могла бы быть преобразована в более крупное формирование – Чешско-Словацкий корпус.[784] Затрагивая вопрос об отправке чешских и словацких добровольцев во Францию, Масарик высказал мнение, что принятие подобного решения во многом зависело бы от новых событий и стратегической обстановки на Восточном фронте. Профессор настаивал на необходимости скорейшего завершения переговоров с российскими правительственными и военными

[781] Memorandum o československé armádě... // Masaryk T. G. Válka a revoluce. Díl 2. S. 166 – 168.
[782] Копия докладной записки председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика «О чешско-словацких воинских частях» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 363. С. 704 – 710 ; Memorandum o československých vojenských jednotkách // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2. S. 152 – 159.
[783] Memorandum o formování československého vojska // Ibid. S. 160 – 165.
[784] Ibid. S. 160 – 162.

учреждениями, которым, по его словам, чешско-словацкая сторона с самого начала «уступила инициативу в решении всех славянских вопросов».[785]

При этом следует отметить, что в своих записках А. А. Брусилову Т. Г. Масарик еще предполагал возможным использовать чешско-словацких добровольцев на российском фронте. В тексте записки подчеркивалось, что «было бы гораздо проще воспользоваться чешско-словацкими войсками на русском фронте», увеличив состав чешско-словацких частей до размеров корпуса, избежав таким образом траты времени на значительную транспортировку. Что касается французского плана, то он допускал возможность возникновения осложнений «при производстве набора для Франции». В этой связи Масарик обращал внимание на соответствующие проекты, представленные французскому правительству и ГУГШ.[786]

Поездка председателя ЧСНС в Ставку ознаменовалась серьезным успехом для чешско-словацкого национально-освободительного движения. Брусилов принял посетителей весьма любезно, выразив восхищение героическими действиями военнослужащих Чешско-Словацкой стрелковой бригады в сражении у Зборова. Он обещал Масарику поддержку со стороны высших военных учреждений в деле формирования, пополнения и снабжения чешско-словацких частей.[787]

После тщательного изучения представленных документов Верховный главнокомандующий русской армии выразил свое согласие с предложенным чешско-словацкой стороной проектом. Это событие оценивается рядом исследователей как один из важных этапов в истории чешско-словацкого заграничного сопротивления. Так, чешский историк Виктор Мирослав Фиц в монографии «Революционная война за независимость и российский вопрос» охарактеризовал согласие генерала Брусилова на помощь чехо-словакам в претворении в жизнь их политических чаяний и предпочтений как «главную победу» лидера Национального совета. Тем самым были реализованы основные

[785] Memorandum o československé armádě pro Francii // Ibid. S. 167.
[786] Там же. С. 709.
[787] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 69 ; Za svobodu... Kn. 2. S. 161 – 162.

тезисы программы, намеченной еще в протоколе состоявшейся в июле 1916 г. беседы с представителями «российских чехов» В. Ванеком и З. Рейманом, а затем и в августовском добавлении к нему.[788]

Развитие событий шло по благоприятному для чешско-словацкого национально-освободительного движения пути. С 30 июня 1917 г. приказом Временного правительства для австро-венгерских военнопленных чешского и словацкого происхождения был установлен льготный режим содержания. Началось претворение в жизнь мер по либерализации режима в лагерях, где они содержались. Заметно ускорился процесс создания чехами и словаками национальных организаций. И что было особенно важно, набирала темпы кампания по пропаганде вступления в чешско-словацкие войсковые части. Их личный состав продолжал расширяться, а сами подразделения совершенствовались не только в количественном, но и в техническом плане. Так, приказом генерала А. А. Брусилова было положено начало формированию в составе бригады артиллерийских частей.[789] 7 июля 1917 г. Ставка Верховного главнокомандующего уведомила Т. Г. Масарика о своем согласии на формирование второй чешско-словацкой дивизии.[790]

Активные действия командования русской армии на этом направлении привели к тому, что вопрос о перевозке чешских и словацких добровольцев во Францию по-прежнему оставался неразрешенным. Более того, в июле 1917 г. ОЧСНС принял решение отложить их переброску на неопределенный срок.[791]

Ведущую роль России в деле формирования в странах Антанты чешско-словацких формирований признали и руководители парижского центра заграничного сопротивления. В начале июля 1917 г. Э. Бенеш направил российскому военному атташе графу А. А. Игнатьеву ходатайство, в котором

---

[788] *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 70.

[789] Приказ № 570 Верховного главнокомандующего о сформировании отдельного чешско-словацкого легкого артиллерийского дивизиона и чешско-словацкого паркового артиллерийского дивизиона и включении их в состав Чешско-Словацкой стрелковой бригады // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 385. С. 746 – 747.

[790] Официальное уведомление ГУГШ, направленное председателю Отделения для России ЧСНСовета, о согласии Ставки Верховного главнокомандующего формировать вторую чешско-словацкую дивизию с пожеланиями организовать «прилив добровольцев в чешско-словацкий запасной полк» // Там же. № 389. С. 749.

[791] *Ненашева З. С.* Введение // Там же. С. 26.

просил оказать содействие в организации во Франции чешских войсковых единиц. В нем генеральный секретарь ЧСНС выразил опасение, что французская сторона, заинтересованная в использовании чешских и словацких добровольцев в боевых действиях на Западном фронте, могла ограничиться простым включением сформированных из них частей в ряды своей армии, не придавая им особого статуса. На принятие правительственными, военными и дипломатическими кругами такого решения могло в значительной степени повлиять расхождение в позициях, занимаемых ЧСНС и французской стороной по отношению к Австро-Венгрии.[792] В то время как Национальный совет выступал с лозунгами о необходимости «разбить» Австрию, некоторые представители официальных кругов Третьей республики еще надеялись сохранить монархию Габсбургов, возлагая надежду на изменение ее государственного строя в направлении федерализации.[793] Принимая во внимание значение чешского вопроса для России, граф Игнатьев в отправленном 8 июля в Петроград рапорте запросил точку зрения Временного правительства относительно возможности организации подобных частей во Франции. Он поддержал линию ЧСНС.[794]

Реакция российского внешнеполитического ведомства не заставила себя долго ждать. МИД дал согласие на привлечение чехов и словаков к военным действиям на французском фронте. При этом военному агенту рекомендовалось соблюдать достаточно осторожную позицию. Решающее слово в создании чешско-словацких частей на территории Франции должно было оставаться за правительством Третьей республики. Игнатьеву предписывалось уклоняться от какого-либо посредничества между чешско-словацкими организациями и французским военным ведомством. Однако в том случае, если запрос о порядке

---

[792] [Сообщение военного атташе во Франции А. А. Игнатьева в Ставку – 1-му генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем И. П. Романовскому о наборе волонтеров для организуемых чешских войск во Франции и с просьбой сообщить позицию русского правительства по этому вопросу] // *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. С. 78.

[793] *Vávra V.* Klamná cesta. S. 17.

[794] [Сообщение военного атташе во Франции А. А. Игнатьева…] // *Каржанский Н.* Указ. соч. С. 78. Мемуары А. А. Игнатьева показывают, что российский военный атташе в Париже оказывал Э. Бенешу помощь в деле освобождения от службы в рядах армии Третьей республики чешских волонтеров, необходимых для пополнения рядов организуемых во Франции чешско-словацких войсковых единиц. См.: *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. С. 543.

организации данных войсковых единиц в России сделали бы сами французские военные, ему следовало осуществлять функции своеобразного консультанта, предоставляя им «возможно более подробные сведения по этому делу».[795] Особо отмечалось, что даже если формируемые во Франции чешско-словацкие части не получили бы статуса самостоятельной боевой единицы, а стали составной частью французской армии, была бы достигнута одна из главных целей, заявленная руководителями заграничного сопротивления – оказание чешскими и словацкими добровольцами помощи союзным армиям.[796] Что же касается вопроса о национальном самоопределении чехов и словаков, то, согласно точке зрения А. А. Нератова, оно уже было выражено в самом процессе создания чешско-словацких частей в России.[797]

Переговоры об отправке чешско-словацких контингентов на французский фронт были возобновлены в конце августа 1917 г. Принципы, по которым должна была происходить отправка добровольцев из России в Западную Европу, были озвучены и на собрании представителей чешских и словацких обществ г. Москвы, состоявшемся 30 августа (12 сентября) 1917 г. Лидер ЧСНС подчеркнул, что, в первую очередь, следует рассмотреть вопрос о том, сможет ли ОЧСНС выслать в 1917 г. из России военнопленных и в каком количестве, принимая во внимание сезонность навигации в Архангельске. Процесс осуществления на практике отправки транспортов во Францию зависел и от сроков одобрения французским правительством проекта организации чешско-словацких частей. Из речи Масарика видно, что его беспокоило отсутствие позитивных новостей из Парижа. Тем самым значительно тормозился процесс набора добровольцев для Франции. Более того, руководитель заграничного сопротивления не знал, «будет ли он возможен в этом году по техническим, коммуникационным причинам и каким образом». В сложившейся ситуации Масарику казалось целесообразным сначала завершить процесс набора добровольцев для максимального развертывания чешско-

[795] [Письмо товарища министра иностранных дел А. А. Нератова военному министру А. Ф. Керенскому о позиции Временного правительства по вопросу формирования самостоятельных чешских войск во Франции] // *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. С. 79.
[796] Там же. С. 80.
[797] Там же.

словацких частей в России. Только после этого следовало приступить к набору для войсковых единиц во Франции.[798] Таким образом, речь шла о двух потоках, которые были бы разделены по времени. Думается, что здесь учитывался и психологический момент – явно превалировала бы численность желающих покинуть Россию.

Тем временем ситуация на Восточном фронте стремительно ухудшалась. 1 сентября 1917 г. части германской армии начали наступление на позиции российской армии в районе Икскюля. 3 сентября 1917 г. русские войска были вынуждены оставить Рижский плацдарм и Ригу, отступив к Венденским позициям.[799] В эти дни Т. Г. Масарик в сопровождении нового заместителя председателя ОЧСНС для России П. Максы и Ю. И. Клеканды совершил свой второй визит в Ставку. Состоявшаяся беседа с новым Верховным главнокомандующем, генералом Л. Г. Корниловым, имела принципиальное значение. Ведь целью приезда стало уточнение основных принципов организации и использования на театре военных действий чешско-словацких частей.[800] Результаты переговоров были зафиксированы в записке, поданной Масариком в Штаб Верховного главнокомандующего 6 сентября 1917 г.[801] Национальный совет ходатайствовал о назначении для «особого Чешско-Словацкого армейского корпуса» собственного командующего. Что же касается генерала Я. В. Червинки, то ему предполагалось предоставить должность командующего дивизии, сформировав при нем собственный штаб, и назначить «начальником всех чешско-словацких тыловых учреждений». Во всех отношениях он должен был подчиняться командующему Чешско-Словацкого корпуса. Прекращалась деятельность Комиссии по формированию чешско-словацких войсковых частей. Для поддержания связи между российскими высшими военными учреждениями появлялось два уполномоченных ОЧСНС – при Штабе Верховного главнокомандующего и при командующем корпуса. Им предоставлялось право

---

[798] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 66.
[799] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914 – 1918 гг. Т. 2 : Кампания 1916 – 1918 гг. М., 1938. С. 146 – 147.
[800] Za svobodu… Kn. 2. S. 372 – 373.
[801] Memorandum L. G. Kornilovovi // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2. S. 250 – 251.

доступа к телеграфу и иным средствам связи на правах военных. В частях чешско-словацкого войска в России допускалось использование двух командных языков – русского и чешского. Добровольцам и их семьям Масарик и его коллеги просили предоставить те же права, что и российским гражданам.[802]

11-я статья документа вновь содержала пункт, гласивший, что части корпуса могли участвовать в военных действиях лишь против внешних врагов России – Германии и Австро-Венгрии. При этом они ни при каких обстоятельствах не должны были вмешиваться во внутренние дела страны. Все эти условия, в принципе, были оговорены с Верховным главнокомандующим русской армии генералом А. А. Брусиловым уже во время июньской поездки председателя ЧСНС в Ставку. Обращает на себя внимание и другой факт. В ходатайство, поданное на рассмотрение Л. Г. Корнилову, начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генералу А. С. Лукомскому и дежурному генералу Г. И. Кортацци, было включено новое требование. В нем говорилось о целесообразности введения в чешско-словацких частях дисциплинарного устава французской армии.[803]

12 (25) сентября 1917 г. на заседании Президиума ОЧСНС Масарик сообщил своим коллегам, что проект набора добровольцев для армии Третьей республики был согласован французской стороной.[804] Он подтвердил прибытие в Россию для этих целей специальной миссии, состоящей из шести французских офицеров во главе с майором Арсеном Верже. Им предстояло проводить сам процесс набора пленных чехов и словаков, произвести их обучение, а также подготовить отправку транспортов с добровольцами во Францию.[805] Наконец, 16 (29) сентября 1917 г., французская сторона заявила ОЧСНС о своей готовности осуществить в конце месяца перевозку первого контингента, численностью в 1200 человек.[806] Все расходы на его реализацию, включая предоставление отбывающим из России

[802] Ibidem.
[803] Ibid. S. 251.
[804] Записка председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 432. С. 824.
[805] *Fic V. M.* Revolutionary War… ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques… P. 26 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 424 – 425.
[806] Записка председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 432. С. 824.

добровольцам соответствующего обмундирования, снаряжения, их транспортировку должна была взять на себя Франция.[807]

Приблизительно в это же время, 16 – 17 (29 – 30) сентября 1917 г., Т. Г. Масарик направил соответствующее обращение в Министерство иностранных дел.[808] МИД одобрил предпринятые чехами и словаками шаги. Уезжающие во Францию военнослужащие должны были сделать заявление о том, что отправляются участвовать в боевых действиях на Западном фронте «добровольно».[809]

17 (30) сентября профессор Масарик направил в Ставку отношение, адресованное исполняющему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину.[810] В нем был определен порядок составления первого контингента добровольцев, предназначенного для переброски во Францию. Для этих целей следовало выделить 1100 добровольцев из числа военнослужащих дислоцированного в г. Житомире запасного батальона Чешско-Словацкой стрелковой бригады (после проведения среди них специального опроса). Набор остальных 100 человек, т. н. «кандидатов на офицерские должности», был поручен начальнику еще функционирующей Комиссии по формированию чешско-словацких частей в России, генералу Я. Червинке. Им предписывалось присоединиться к отправляемому в Архангельск эшелону.[811] Предполагалось, что его транспортировке в порт будут способствовать российские учреждения. Уполномоченным «по французской экспедиции» был назначен капитан В. Халупа.[812] 18 сентября 1917 г. вместе с секретарем ОЧСНС

---

[807] [Доклад председателя Комиссии по формированию чешско-словацких войсковых частей Я. В. Червинки по вопросу об участии Франции в формировании и перевозке чешско-словацких войск на французский фронт] // *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. С. 72.

[808] Записка председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика в МИД… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 432. С. 824.

[809] Там же. С. 824 – 825.

[810] Отношение председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика и. д. начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину об отправке во Францию первой партии из 1200 чешских и словацких добровольцев // Там же. № 425. С. 795 – 796.

[811] Все 100 чехов и словаков, направлявшихся в Житомир, являлись бывшими офицерами австро-венгерской армии, сохранившими свои звания после захвата в плен. Однако для скорейшего прибытия во Францию им пришлось отказаться них. Именно поэтому в официальных документах они числились в качестве «кандидатов на офицерские должности». См.: *Husák O.* Jdi! S. 318.

[812] Отношение председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 425. С. 796.

Ю. И. Клецандой он был направлен в Ставку для соотвествующих переговоров с исполняющим должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духониным.[813]

К концу сентября 1917 г. российским военным ведомством были подготовлены соответствующие документы. 22 сентября (5 октября) 1917 г. начальник Отдела Эвакуационного и по заведыванию военнопленными ГУГШ генерал-майор А. И. Калишевский направил начальнику французской военной миссии в России, генералу А. А. Нисселю, телеграмму. В ней официально было подтверждено согласие Ставки и российского МИД с «французской» экспедицией чехов и словаков.[814] При этом были выдвинуты следующие условия:

1) Требовалось обязательное согласие отправиться во Францию военнослужащих чешско-словацких частей;

2) Подобная акция не должна была отразиться негативно на формировании чешско-словацких войсковых частей в России.[815]

Казалось бы, все необходимые приготовления для отправки первого контингента чехов и словаков из России во Францию были осуществлены. 24 сентября (7 октября) 1917 г., после исполнения генералом Яном Червинкой и начальством Киевского военного округа данных им директив, в 6 часов 47 минут вечера из Житомира отправился первый эшелон чешско-словацких добровольцев.[816] В составе первого эшелона числилось 9 офицеров: командир эшелона Отакар Гусак, Вашек Шидлик, Коуклик; 5 бывших военнослужащих Сербского добровольческого корпуса – Ингер, Власак, Копал, Беднарж, Воцу; еще один офицер, Мицко, ранее проходил службу в житомирском запасном батальоне.

---

[813] Телеграмма из г. Петрограда – Т. Г. Масарика в Ставку – и.д. начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину о направлении в Ставку секретаря Отделения для России ЧСНСовета Ю. Клеценды и уполномоченного по делам французской экспедиции штабс-капитана Халупы для решения вопроса об отправке во Францию первой партии из 1200 чешских и словацких добровольцев // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 797.

[814] [Отношение начальника Эвакуационного и по заведованию военнопленными отдела ГУГШ А. И. Калишевского главе французской военной миссии в г. Петрограде А. Нисселю по вопросу отправки во Францию чешско-словацких добровольческих формирований] // *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. С. 81 – 82.

[815] Там же. С. 82. В тот же день телеграмму с такими же инструкциями генерал Калишевский направил и Я. Червинке. См.: АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 254. Л. 12 – 13.

[816] *Fic V. M.* Revolutionary War... S. 74 ; *Husák O.* Jdi! S. 318.

Уполномоченный по «французской экспедиции» капитан В. Халупа и майор А. Верже транспорт не сопровождали. После встречи с Гусаком они выехали в Петроград для обеспечения всех необходимых приготовлений.[817] Передвижение транспорта заняло 8 дней. Его путь пролегал через Коростень, Калинкин, Жлобин, Могилев, Оршу, Витебск, Великие Луки, Бологое, Рыбинск, Ярославль и Вологду.[818] Дорога была сопряжена с рядом трудностей. Вскоре после отъезда эшелона заведующий Комиссией по формированию чешско-словацких войск генерал Я. Червинка получил из Отделения Национального совета для России телеграмму, в которой сообщалось об отсутствии у союзников в Архангельске необходимых морских судов для транспортировки чехов и словаков.[819] В этой связи отъезд добровольцев из России пришлось отложить. Его тормозило и то обстоятельство, что техническая сторона вопроса не была тщательно продумана как российскими, так и французскими военными представителями. Об этом свидетельствует и такой факт: выехавшие из Житомира добровольцы были исключены из состава своих полков и, таким образом, лишились права на содержание со стороны российских военных учреждений. Между тем, на тот момент чешско-словацкие части еще находились под юрисдикцией российского верховного командования. Ситуацию спасло лишь вмешательство Яна Червинки, приказавшего начальству 1-го чешско-словацкого стрелкового полка организовать снабжение продвигавшегося в Архангельск эшелона.[820]

В конечном счете первый транспорт с 1200 чешско-словацкими добровольцами, отправлявшийся во Францию на основании соглашений, достигнутых между Т. Г. Масариком и представителями Третьей республики, добрался до Архангельска 15 октября 1917 г. На следующий день, 16 октября 1917 г., солдаты и офицеры вступили на борт парохода *«Курск»*, который 12 ноября 1917 г. доставил их во французский порт Ле Гавр. Вместе с ними туда на небольшом корабле *«Стентор»*, двигавшемся в сопровождении *«Курска»,*

[817] Ibidem.
[818] Ibid. S. 319.
[819] *Červinka J.* Cestou nášeho odboje... S. 134.
[820] Ibid. S. 135.

прибыло еще 400 чехов и словаков – вторая партия добровольцев, набранных М. Р. Штефаником в Румынии и прибывших оттуда в конце лета 1917 г. Из-за нехватки морских судов они были вынуждены ожидать своего отъезда вплоть до октября 1917 г. [821] Еще один транспорт, состоявший из 500 добровольцев под командованием полковника Гибиша, выехал из Житомира 25 ноября. 4 декабря он оказался в Череповце. Из-за отсутствия необходимых морских судов волонтеры были вынуждены оставаться в этом городе вплоть до начала февраля 1918 г., когда их эшелон был направлен в Мурманск. Вскоре он вновь был задержан в городе Кола. Окончательный отъезд данного отряда из России состоялся 21 марта 1918 г. Во Францию добровольцы прибыли 31 марта 1918 г.[822]

Решение Т. Г. Масарика одновременно с чешско-словацкими подразделениями в России организовать подобные боевые единицы на территории других государств, входящих в Четверное Согласие, и, в первую очередь, во Франции, вызвало довольно неоднозначную реакцию среди ряда «русских» чехов и словаков. Известия о готовящемся наборе в предназначенные для Французской Республики части проникли в ряды проживающих в России колонистов раньше, чем было получено официальное уведомление из Парижа.[823] 24 августа 1917 г. в газете «Чехослован» (№ 24) была опубликована статья К. М. Ждярского «Вперед, во Францию!».[824] Затем пришли известия о том, что ряд членов «Чешского комитета в Москве», среди которых, возможно, был и Ф. Шнепп, разослали «без ведома центра» воззвание, в котором призывали своих соотечественников вступить в ряды французской армии. Т. Г. Масарик остро раскритиковал подобные инициативы в своем выступлении на собрании представителей чешско-словацких обществ в Москве. По его мнению, идея французского набора могла вызвать у

[821] Первый транспорт с 380 чешско-словацкими добровольцами из Румынии под командованием французского лейтенанта Вуэна выехал из Кишинева 7 июня 1917 г. Отряд был погружен на борт парохода *«Двинск»*, который 12 июля высадил добровольцев в порту Ла Рошель. См.: *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 74. На пароходе Курск, помимо 1200 чешско-словацких военнослужащих, находилось и 250 французских граждан. *Husák O.* Jdi! Kn. 1. S. 321 ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques... P. 43 – 44.

[822] *Babka A.* Za Polární kruh. Kus historie československého vojska za hranicemi. Praha, 1924. S. 3 – 5; 29 ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks… P. 151.

[823] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 67.

[824] Vzhůru, do Francie! // Čechoslovan. 1917. Roč. VII. Č. 24. S. 1 – 2.

«русских» чехов и словаков неверные впечатления, что ЧСНС стал выступать против создания войсковых частей для участия в войне на Восточном фронте.[825]

Крайнее недоумение в связи с отъездом добровольцев во Францию проявил занимающийся формированием чешско-словацких частей генерал Я. В. Червинка. В своей записке от 1 июля 1917 г. он настаивал на необходимости использования чешско-словацких формирований на Восточном фронте, а не на Западном. По мнению ее автора, это решение принесло бы союзникам и, в частности, России, больше пользы. Он не сомневался, что среди чешских и словацких добровольцев всегда нашлись бы желающие отправиться во Францию.[826] Уже позднее, в своих воспоминаниях, генерал-майор отмечал, что на тот момент проект перевозки «целого корпуса» на Западный фронт казался «до определенной меры сомнительным».[827] В другом месте этот представитель «русских» чехов отмечал, что он поддерживал тех чешских деятелей, которые «желали бы, чтобы мы, сразу же после Зборова, были на законной основе исключены из российской и переданы какой-либо иностранной армии». Также он подчеркивал, что, если бы проект отправки чешско-словацких войсковых частей во Францию через Сибирь был претворен в жизнь до Октябрьского переворота, они безо всяких затруднений могли бы добраться до Франции. Путь в сторону Владивостока был тогда полностью свободен.[828]

О наличии среди чешско-словацких добровольцев совершенно противоположных взглядов на отъезд во Францию можно судить и из воспоминаний Отакара Гусака. Так, в части своих мемуаров, посвященной пребыванию Масарика в России, этот представитель легионерского движения писал о состоявшихся между ними беседах, посвященных целесообразности переброски чешско-словацких контингентов на Западный фронт. Сам Гусак высказывался в пользу отправки во Францию всего формируемого на территории

---

[825] Ibidem.
[826] Копия записки председателя Комиссии по формированию чешско-словацких войсковых частей Я. В. Червинки в военную комиссию Отделения для России ЧСНСовета о ходе формирования 2-й Чешско-Словацкой пехотной дивизии // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 381. С. 727.
[827] *Červinka J.* Cestou nášeho odboje… S. 134.
[828] Ibid. S. 135.

России войска. Таким образом можно было избежать опасности участия корпуса в гражданской войне. Его оппонентом стал Й. Швец, упрекавший лейтенанта в том, что тот «всегда был инициатором и сторонником идеи отъезда из России на французское кладбище». В свою очередь, Швец опасался, что военные круги Третьей республики будут использовать добровольцев в качестве колониальных войск, далеко от родины. Гусак вспоминал, что последним аргументом, обосновывающим необходимость отправки военнослужащих чешско-словацких частей в распоряжение парижского центра, стало заявление о том, что он не хочет быть «жандармом» в России.[829]

Осознание того, что чешско-словацкие формирования являются чуть ли не единственными боеспособными войсковыми подразделениями в России, способствовало возникновению у «русских» чехов и словаков отдельных проектов по их использованию в интересах Антанты совместно с частями, составленными из представителей иных славянских народов. В частности, подобные планы были обозначены в записке поручика И. Храпала *«Проект организации новых полков для усиления боевой деятельности русской армии и перехода к активным действиям»*.[830] Она была направлена на рассмотрение в Отдел Эвакуационный и по заведыванию военнопленными Главного управления Генерального штаба в мае – начале июня 1917 г. Ее копии были препровождены в Ставку[831] и военному министру.[832] В сопроводительном письме этот офицер указывал на необходимость организации на территории России «особых отдельных армий чехо-славян», которые, согласно его мнению, обладая высокими моральными качествами,

---

[829] *Husák O.* Jdi! Kn. 1. S. 315.

[830] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 333. Л. 22 – 23об. О личности автора данной записки свидетельствует составленная им справка с краткой автобиографией, находящаяся среди сопроводительных документов. Из раздела справки «Образовательный ценз» следует, что автор проекта получил среднее образование, окончив «реальное училище, специальный педагогический институт и военное училище по I разряду». Известно, что Храпал имел звания штабс-капитана в отставке, зауряд-капитана ополчения. Приказом Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта он был определен на действительную службу в качестве помощника заведующего Кременчугского распределительного пункта, получив чин поручика (утвержден в данной дожности высочайшим приказом от 25 сентября 1915 г.). В мирное время он числился инспектором городского училища в чине коллежского ассесора; в армии проходил службу в саперном батальоне, пехотном полку; командовал ротой. Приказом № 608 по армиям Юго-Западного фронта от 13 апреля 1916 г. он был представлен к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени. 7 апреля 1917 г. он был «переведен в резерв чинов Этапно-транспортного отдела Управления начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта». См.: Там же. Л. 21.

[831] Там же. Л. 18.

[832] Там же. Л. 20об.

смогли бы поднять боевой дух и дисциплину в русской армии. Интересно, что Храпал возлагал надежду и на содействие реализации подобного проекта со стороны Т. Г. Масарика и посла Великобритании в Петрограде.[833]

В тексте самой записки отмечалось, что создание славянских войсковых единиц на территории России послужит не только укреплению морального духа русских солдат, но и возобновлению успешного наступления российской армии на Юго-Западном фронте. Данная акция, по мнению Храпала, позволила бы верховному командованию разработать новые военные операции.[834] Добровольцы, из которых предстояло составить подобные части, должны были набираться из «элемента исключительно русских православных униатов галичан, православных сербов, чехов, русинов и католиков, добровольно-идейно перешедших на сторону России».[835]

Реализация такого проекта представлялась поручику возможной, ибо, отмечал он, в России находилось к 1917 г. «более 300 тысяч» пленных славян. В качестве пунктов, в которых должно было происходить комплектование подобных частей, были обозначены Киев, Черкассы и Кременчуг. Новая армия должна была состоять из трех корпусов, во главе которых Храпал предлагал поставить православных военачальников (среди ряда наиболее подходящих кандидатур им были названы генералы Я. Червинка и В. Радко-Дмитриев, а также полковник Троянов).[836] Отрядам созданной таким образом славянской армии предстояло начать наступление по трем направлениям – в сторону Галиции и далее в Польшу (через Броды, Львов, Перемышль и Краков); в Чехию («Будаевиц, Ольсинец, Кутна Гора, Прага») и в Буковину (через Германштадт (Сибиу) в сторону Белграда).

Для достижения успеха, как и в проектах 1914 г., на территории врага предполагалось организовать партизанские отряды, которые должны были установить связь с частями наступающей армии и действовать наравне с ними,

---

[833] Там же. Л. 19.
[834] Там же. Л. 22.
[835] Там же.
[836] Там же.

создав, таким образом, «в тылу неприятеля новый театр войны». По мнению Храпала, война должна была закончиться «возрождением мира романских народов и славян под сенью ″Славяно-Российской державы″, хранительницы мира народов».[837] Чешско-словацкой армии, которая вошла бы в состав данных войск в качестве отдельной боевой единицы, назначалась ведущая роль в освобождении «угнетенных народов».[838]

Таким образом, из рассмотренных выше материалов можно сделать вывод о том, что в 1917 г. вопрос об отправке контингентов, состоящих из добровольцев чешского и словацкого происхождения, из России во Францию был воспринят представителями «русских» чехов и словаков неоднозначно. Среди них были сторонники этого плана, не видевшие смысла в их дальнейшем нахождении на территории России на фоне все более усугубляющейся деморализации русской армии и дальнейшего ухудшения внутриполитической обстановки в стране. Противоположной точки зрения придерживались оппоненты, считавшие необходимым использовать подразделения войска на Восточном фронте и, тем самым, оказать Временному правительству содействие в возрождении боеспособности российских воинских частей.

Что же касается самого Т. Г. Масарика, то следует отметить, что к началу осени 1917 г. он исходил из концепции о формировании чешско-словацких контингентов для двух фронтов – российского и французского. Об этом свидетельствует записка *«О формировании чешско-словацких войсковых частей для русского и французского фронтов»* от 25 сентября (8 октября) 1917 г.[839] Данный документ был адресован российскому Министерству иностранных дел и представлял собой отредактированный и расширенный вариант меморандума, составленного на основе материалов, представленных генералу Брусилову в Могилеве. Особо важными для раскрытия темы данного исследования являются ее 3-й и 4-й разделы. В третьей части говорится о политическом значении

---

[837] Там же. Л. 22об. – 23об.
[838] Там же. Л. 23об.
[839] Memorandum o výstavbě československých vojenských jednotek pro ruskou a francouzskou frontu // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2. S. 262 – 270.

создаваемых в России чешско-словацких войсковых единиц. В нем более четко прописана роль правительства Третьей республики в продвижении процесса решения чешско-словацкого вопроса. В частности, Масарик отметил, что правительство Франции уяснило для себя то политическое значение, которое представляет для него позиция, занятая в войне чешским и словацким народами.

Четвертый раздел записки посвящен анализу процесса формирования чешско-словацких контингентов для нужд Франции. Т. Г. Масарик на первый план выдвинул Францию в деле создания чешско-словацких войсковых подразделений. Фактически он поставил деятельность правительства Третьей республики в данном направлении на один уровень с Россией. Источником для пополнения рядов чешско-словацкого войска для Франции должны были стать солдаты и офицеры, проходившие службу в запасных подразделениях чешско-словацких дивизий. Набор в организуемые для России и для Франции части предстояло производить на общих основаниях. Доставлять чехов и словаков во Францию должны были отдельными группами. Каждая партия добровольцев, по мнению председателя ЧСНС, могла бы составлять 10 000 человек и больше.[840] Военнослужащих, желающих проходить службу на Западном фронте, Масарик предполагал направлять в специальные сборные пункты, расположенные в Московском военном округе. Впрочем, отмечал он, решение данного вопроса должно было оставаться исключительно в компетенции российских военных властей и начальника французской военной миссии генерала Нисселя.[841]

Таким образом, деятельность Т. Г. Масарика в России, по сути, ознаменовала собой лишь новый этап в планах отправки добровольцев во Францию, которые начали разрабатываться представителями ЧСНС еще в 1916 г. Становится очевидным, что заинтересованность и инициативу в решении проблем, связанных с отправкой первых транспортов из России во Францию, проявила именно

---

[840] В своем благодарственном письме в Ставку, адресованном дежурному генералу Г. И. Кортацци, Масарик называл иное количество военнослужащих чешско-словацких частей, которых следовало бы отправлять в каждом транспорте – около 6 – 8 тысяч человек. См.: Письмо председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика дежурному генералу Г. И. Кортацци с благодарностью за помощь в деле формирования Чешско-Словацкого корпуса // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 447. С. 840.

[841] Записка председателя ЧСНСовета Т. Г. Масарика… // Там же. С. 824.

чешско-словацкая сторона. В этом контексте следует отметить, что на принятие решения о формировании войсковых единиц для России и Франции влиял целый ряд факторов. Главным ориентиром в проводимой Масариком политической линии по-прежнему оставался лозунг о необходимости продолжать войну до победного конца и не допускать никаких компромиссов с Центральными державами. На его решение отправить транспорты с чешскими и словацкими добровольцами во Францию в значительной степени повлияла и нестабильная внутриполитическая обстановка в России после Февральской революции. Следует согласиться с З. С. Ненашевой, которая, указывая на огромные издержки отправки первого транспорта с чехами и словаками на борту во Францию, в целом расценивает эту акцию как «частичную победу дипломатического и организаторского таланта» Т. Г. Масарика.[842]

[842] *Ненашева З. С.* Чехи в России между двух революций… С. 96.

Глава IV. Между ноябрем 1917 г. и Брестским миром. Чешско-Словацкий корпус в стратегических и тактических замыслах союзников

Нестабильная ситуация на Восточном фронте и нарастание политического кризиса в России беспокоили не только президиум ОЧСНС. В ее урегулировании были заинтересованы правительства стран-союзниц России по Антанте, а также их представители в Киеве и Яссах, в стратегических планах которых возобновление военных действий на Восточном фронте играло весомую роль. Причины их пристального внимания к происходившим в России событиям имели чисто военно-стратегический характер. Первоочередным стремлением Великобритании и Франции стало не допустить усиления позиций Германской империи, которое могло быть достигнуто за счет вывоза зерна и нефти из южных провинций России в случае проникновения германских войск на Дон и Кавказ. Именно в связи с этими соображениями ведущие государственные деятели, политики и дипломаты западных держав Антанты приступили к разработке проектов оказания помощи контролирующим данные регионы «лояльным по отношению к союзникам элементам».[843]

Впервые о необходимости выработки общего политического курса, направленного на стабилизацию ситуации на Восточном фронте, было заявлено на межсоюзнической конференции в Париже, проводившейся с 29 ноября по 3 декабря 1917 г. Результаты состоявшейся между ее участниками дискуссии были зафиксированы в записке, составленной начальником французского Генерального штаба генералом Ф. Фошем. В ней говорилось о мерах, которые западные союзники России по Антанте могли бы предпринять для предотвращения сложившейся на Восточном фронте кризисной ситуации. Среди них основной составляющей должно было стать оказание поддержки всем остававшимся в России и Румынии силам, готовым продолжить сопротивление Центральным

[843] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 5. М., 1938. С. 87 – 88.

державам. Особую надежду Фош возлагал как раз на южный сектор фронта. В случае, если бы союзникам удалось организовать восстановление 15 дивизий румынской армии, то они стали бы ядром, вокруг которого могли сплотить остальные имеющиеся в регионе силы, готовые продолжать войну. Имелись в виду украинцы, казаки и небольшие отряды, сформированные из представителей народов Кавказа. Что касается Чешско-Словацкого корпуса, то он должен был оказать помощь союзникам. Проблемой, требовавшей серьезного решения, стало обеспечение снабжения готовых вести сопротивление войсковых единиц оружием и снаряжением. По мнению генерала, единственной железнодорожной линией, по которой могли бы осуществляться необходимые поставки, могла стать Транссибирская магистраль. Ее следовало использовать и с целью транспортировки в сторону театра военных действий контингентов союзников, направляемых в качестве подкрепления для возрожденных российских и румынских частей. В этой связи правительственные, военные и дипломатические круги стран Антанты должны были предпринять серьезные усилия для установления контроля над всей магистралью. На практике это предполагалось сделать, организовав продвижение военных контингентов стран Антанты из баз, основанных союзниками во Владивостоке, в сторону фронта. Даже в том случае, если бы поддержка российских и румынских частей оказалась невозможной, осуществление контроля над Транссибирской железной дорогой не позволило бы неприятелю проникнуть вглубь России.

В ходе конференции было также предложено осуществлять контроль за магистралью силами американских и японских контингентов. Только США и Япония, принимая во внимание их географическое положение, ресурсы, которыми они располагали, были единственными державами, могущими справиться с этой задачей. Что же касается представителей российской стороны, то их предстояло убедить в их же заинтересованности в сохранении нормальной работы железнодорожной линии для обеспечения транспортировки продовольствия из Сибири в Центральную Россию. Вся операция, по мнению французского генерала,

должна была производиться не столько военными, сколько полицейскими формированиями. Им предстояло также осуществлять охрану складов вдоль железнодорожной линии. Однако предложенный Фошем проект сразу же натолкнулся на сопротивление со стороны представителей США и Японии. Их протест был поддержан британским министром иностранных дел Артуром Джеймсом Бальфуром, ранее высказавшимся в пользу участия американских и японских сил в планах по установлению союзниками своего контроля над Транссибирской железной дорогой.[844]

Таким образом, решая вопрос об оказании России и Румынии помощи в восстановлении их воинских контингентов, заинтересованным сторонам – Франции и Великобритании – в конце 1917 – начале 1918 гг. пришлось рассчитывать на свои силы. Отказ американской и японской сторон принять участие в предложенном Ф. Фошем проекте значительно осложнял переброску через Владивосток. В сложившихся условиях французские и британские дипломаты и военные могли рассчитывать лишь на формирование на Восточном фронте необходимых войсковых единиц, поддерживая действовавшие в регионе различные политические силы, готовые взять на себя задачу их организации.[845]

Вопрос о стабилизации положения на Восточном фронте обсуждался и во время проведенного 22 – 23 декабря англо-французского совещания. Британскую сторону представляли А. Милнер и Р. Сесил, Францию – премьер-министр и военный министр Ж. Клемансо и ее новый министр иностранных дел С. Пишон.[846] Итогом этой неформальной встречи стало соглашение, в котором были намечены меры, которые предстояло реализовать на территории региона. Линию фронта предполагалось разделить на две сферы влияния. В них представители двух держав и должны были организовать сопротивление против неприятеля. Среди регионов, в которых предстояло проводить подобные действия, были обозначены Украина, Финляндия, Сибирь и Кавказ. Была признана и необходимость установления контактов с казачеством. Поскольку дипломатия

[844] *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 164.
[845] Ibidem.
[846] *Kennan G. F.* Soviet-American Relations, 1917 – 1920. Vol. I : Russia Leaves the War. Princenton, 1956. P. 178.

Великобритании была традиционно заинтересована в сохранении своих политических позиций и интересов в Малой Азии и стремилась обезопасить подходы к Ирану, сферой ее действий должны были стать Южная Россия, Кавказ и Закавказье. В круг ведения французских военных и дипломатических представителей в России должна была входить поддержка готовых к сопротивлению сил на территории Украины, Бессарабии и Крыма.[847] Согласно заключенной между сторонами 23 декабря 1917 г. секретной конвенции, все средства, предназначенные для осуществления на практике данной акции, должны были предоставляться из созданного союзниками общего фонда. Совместно должен был осуществляться и контроль за их расходами.[848]

После заключения данного соглашения, британская и французская стороны предприняли необходимые меры для установления контактов с основными политическими силами в регионах, готовых продолжить ведение войны. Из французских военных представителей в Киеве к тому моменту уже находились генерал Жорж Табуи и направленный в Россию для осуществления переброски военнопленных чешского и словацкого происхождения на Западный фронт майор А. Верже. Контакты с организаторами формирующейся на Дону Добровольческой армии, генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым и А. М. Калединым, предстояло установить через находящегося в Новочеркасске полковника Гюше.[849]

Среди всех политических и военных сил, действовавших к тому моменту на территории России, наиболее значительной де-факто являлся дислоцированный на территории Украины Чешско-Словацкий корпус. Его ценность заключалась, в первую очередь, в сохранении его частями дисциплины и единства в своих рядах. Это было достигнуто во многом благодаря объявленному Отделением Чешско-Словацкого национального совета для России принципу вооруженного нейтралитета. Именно поэтому в планах по восстановлению боеспособности российской армии, выдвинутых в конце 1917 – начале 1918 гг. военными представителями держав Антанты в регионе и, в первую очередь, французами,

[847] Ibid. P. 179.
[848] *Fic V. M.* Revolutionary War... P. 165 – 166.
[849] Ibid. P. 166.

чешско-словацкие части зачастую были представлены в качестве наиболее вероятной основы для создания на Восточном фронте новых войсковых единиц.[850]

4.1. План генерала Бертело по использованию корпуса на Румынском фронте

Одним из таких проектов стал вариант, предложенный начальником французской военной миссии в Яссах генералом Анри Матиасом Бертело. Он считал необходимым обратиться с ходатайством об освобождении Чешско-Словацкого корпуса из-под юрисдикции российского командования. Такого же подхода он придерживался в отношении остававшихся к тому моменту на территории страны сербских добровольческих частей. Действуя совместно с частями румынской армии, они, по мнению генерала, могли бы стабилизировать обстановку на Украине, образовав единый фронт. Их целью в таком случае стала бы защита подходов к Южной России, которая, по замыслам французского генерала, могла бы стать плацдармом для ведения военных действий против Центральных держав. Бертело полагал, что в данном регионе «можно вести войну… до бесконечности, отступая, в случае необходимости, вплоть до Кавказа».[851] Стремясь обеспечить своему проекту поддержку со стороны французского Военного министерства, Бертело направил Ж. Клемансо телеграмму, в которой сообщал о положении находившихся на территории России военнопленных сербов и чехов. Начальник французской военной миссии в Румынии подчеркивал, что сформированные из них воинские части находятся в достаточно опасном положении. Вполне вероятно, что А. М. Бертело подразумевал под этой формулировкой перспективу утраты ими дисциплины и боеспособности в связи с всеобщим разложением русской армии. Согласно его мнению, сербские и чешско-словацкие войсковые единицы представляли собой

---

[850] *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques... P. 48 – 49.

[851] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 183 – 184 ; *Tabouis G.* Comment je devins… // Праці українського наукового інституту… С. 149.

столь необходимые союзникам людские ресурсы, на содействие которых западные державы Антанты могли опереться в деле усиления или частичного восстановления Восточного фронта.[852]

Правительство Третьей республики высказало заинтересованность планом генерала Бертело и направило находившимся в Париже Э. Бенешу и М. Р. Штефанику, равно как и самому Т. Г. Масарику в Россию, предложение принять участие в его реализации. Руководители парижского центра сразу же выразили свое согласие. Окончательный вердикт должен был вынести председатель ЧСНС.[853]

Возможность реализации этого замысла несколько раз была затронута в ходе переговоров Т. Г. Масарика с представителями французской военной миссии в Петрограде и румынским послом К. Диаманди. Общался он и с самим генералом Бертело, который для этих целей специально приехал в российскую столицу. Будущий чешский президент выразил свое согласие с предложенным начальником французской военной миссии в Яссах проектом. Однако при этом он заявил о целесообразности собственной поездки в Румынию для оценки ситуации на Румынском фронте и боеспособности армии королевства. Масарик прекрасно понимал, что успех или неуспех подобного предприятия будет зависеть от политических тенденций в данном регионе, в первую очередь, возможности заключения румынской стороной сепаратного мира с Германией. Ему было необходимо оценить обстановку для определения возможных рисков и последствий участия чешских и словацких добровольцев в данной схеме.[854]

Пребывание Масарика в Румынии длилось с 20 по 27 октября 1917 г. В Яссах ему удалось встретиться с дипломатическими и военными представителями союзников. Среди них были сербский посол П. Маринкович, военный атташе Сербии в Румынии Гаджич, итальянский посол Фашиоти, а также посланник США в Румынии, чех Чарльз (Карел) Вопичка.[855] Обсуждал он проблему

---

[852] *Poincaré R.* Au service de la France... T. X : Victoire et armistice. 1918. Paris, 1933. P. 5.
[853] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 209 ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 183 – 184.
[854] Ibid. S. 184.
[855] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 210.

использования чешско-словацких частей и с представителями правительства страны, в частности, с членами Кабинета министров, депутатами парламента и военными, журналистами и представителями интеллектуальных кругов. Среди его собеседников были премьер-министр И. Брэтиану, министр иностранных дел Т. Ионеску, генералы А. Авереску и И. Григореску, а также новые лица в румынском правительстве – министры И. Г. Дука и Марцеску. Состоялась и его встреча с командующим частями русской армии на Румынском фронте генералом Д. Г. Щербачевым. Он со своей стороны также высказал заинтересованность в участии корпуса в военных действиях против Центральных держав. Для того, чтобы оценить боеспособность частей румынской армии, Масарик побывал и на линии фронта. Он пришел к выводу, что, прежде чем привлечь корпус к участию в военных действиях на этом участке, необходимо было бы обсудить политическую ситуацию и не менее важные вопросы о снабжении с российским правительством. Он высказал и намерение проконсультироваться с командующим Чешско-Словацкого корпуса генералом В. Н. Шокоровым.[856]

Для обсуждения возникших вопросов Масарик отправился в Киев. Получив согласие Шокорова, он выехал в Петроград для ведения переговоров с российскими правительственными кругами.[857] Однако упразднение в результате Октябрьского переворота прежних органов власти сделало невозможной реализацию предложенного генералом Бертело плана. После того, как 9 декабря 1917 г. Румыния начала переговоры о перемирии с Центральными державами, предложения начальника французской военной миссии в этой стране и вовсе потеряли всякий смысл.[858]

Вступление правительства королевства на путь к сепаратному миру с Центральными державами был не единственной причиной отказа Масарика от отправки корпуса на Румынский фронт. Проанализировав ситуацию, лидер ЧСНС указал на ряд соображений, по которым претворение данной акции в жизнь

---

[856] Директива Т. Г. Масарика Чешско-Словацкому корпусу «на период нынешнего кризиса» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 481. С. 878 – 879 ; *Fic V. M.* Op. cit. S. 184.
[857] Ibid. S. 184 – 185.
[858] Ibid. S. 185 ; *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 211.

представлялось крайне нежелательным. Среди них были: 1) неспособность румынской стороны взять на себя ответственность за организацию снабжения частей корпуса, поскольку «уже в 1916 г. у Румынии были затруднения с довольствием»; 2) деморализация русских войск под командованием генерала Щербачева; 3) предчувствие того, что в случае крупномасштабного немецко-австрийского наступления вся территория Румынии окажется оккупированной неприятелем. В этой связи возникал вопрос о том, смогут ли дислоцированные на Румынском фронте контингенты, в том числе и чешско-словацкие части, оказать неприятелю серьезное сопротивление.[859] Все эти нюансы порождали сомнения профессора в надежности данного фронта. «Румынская армия и наш корпус, - писал Масарик, - могли бы быть принуждены отступить на территорию России, если предположить, что официальная Россия до этого момента уже заключила бы мир». В таком случае, полагал он, корпус был бы вынужден разоружиться, а единственным путем выхода из этой ситуации стала бы транспортировка его военнослужащих во Францию.[860]

Проект генерала А. М. Бертело обсуждался и в Париже. Он был одной из основных тем для дискуссии, проводившейся в специально созданной во французском Министерстве иностранных дел комиссии по делам России, председателем которой был назначен депутат Анри Франклин-Буйон.[861] Глава внешнеполитического ведомства С. Пишон в распоряжении от 7 декабря 1917 г. определял ее основные функции: 1) «составить в кратчайший срок список французских деятелей, знающих русский язык, или обладающих особой осведомленностью относительно русского вопроса, для их оперативного использования в России»; 2) определить условия, в которых могли бы действовать

---

[859] Директива Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 481. С. 878 – 879 ; *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 210 – 211.

[860] Директива Т. Г. Масарика… // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 481. С. 879.

[861] *Janin M.* Moje účast… S. 65. В состав комиссии вошли люди, избранные среди лиц, чей опыт или научные интересы были связаны с Россией. Помимо председателя А. Франклина-Буйона ими стали генерал М. Жанен, занявший пост заместителя председателя, публицист Робер де Кэкс де Сен-Аймур (секретарь), де Селиньи (помощник секретаря), профессор Сорбонны Эрнест Дени, управляющий Школой восточных языков славист Поль Бойе, граф де Шевильи, сотрудники французского внешнеполитического ведомства Каммерер и Клемен-Симон, Шарль Саломон, руководители «парижского» центра чешско-словацкого заграничного сопротивления – Э. Бенеш и М. Р. Штефаник. См.: Dok. 38. Výnos francúzského ministra zahraničných vecí S. Pichona o ustanovení komisie pre ruské otázky // *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 431 – 432.

назначенные комиссией представители и подготовить для них соответствующие инструкции; 3) рассмотреть вопрос о выработке плана ведения пропаганды и действий на территории России. Он предусматривал бы возможность заручиться поддержкой со стороны существующих на ее территории боеспособных сил. В их качестве, согласно тексту приказа Пишона, должны были выступить как внутренние элементы, готовые продолжать борьбу с Центральными державами (например, казачество), так и представители чехов, украинцев, армян, латышей и других народов.[862]

Обсуждение ситуации в России и на Восточном фронте, поиск решения при ее обострении, равно как вопрос об использовании чешско-словацких частей занимали большую часть времени в ходе заседаний комиссии. М. Жанен вспоминал, что во время встреч у значительной части ее членов господствовали иллюзии относительно надежности украинского правительства и «выносливости Румынии» в том случае, если Россия после заключения сепаратного мира будет полностью выведена из войны. Большинство из коллег французского генерал-майора по комиссии поддерживало предложенный А. М. Бертело проект, полагая, что корпус вместе с румынскими частями смог бы составить хорошо организованный центр сопротивления.[863] Что же касается самого Жанена, то проект совместных действий частей корпуса с румынскими военными он рассматривал как несостоятельный и, более того, опасный для чехов и словаков. Как и Т. Г. Масарик, будущий главнокомандующий чешско-словацкими вооруженными силами указал на зависимость Румынии от поставок из России после 1916 г. Из этого соображения он делал вывод, что, в случае «капитуляции» России, вслед за ней через некоторое время из войны вышла бы Румыния. В таком случае чешско-словацкое войско, очевидно, вынуждено было бы отступить в Молдавию, где оказалось бы в крайне невыгодном положении. Согласно международному праву, противник не признал бы его в качестве стороны, ведущей войну. Впоследствии отказаться от мысли использовать корпус на

[862] Ibid. S. 431 – 432.
[863] *Janin M.* Moje účast... S. 66.

Румынском фронте вынуждены были и Штефаник и Бенеш несмотря на то, что подобная акция могла бы стать важным дипломатическим шагом в процессе привлечения внимания союзников к чешско-словацкому национально-освободительному движению.[864]

4.2. Проект сотрудничества с Украинской Народной Республикой

Другим возможным вариантом действий для корпуса после Октябрьского переворота, который рассматривало руководство ОЧСНС, стало выстраивание отношений с представителями основных правительственных органов образованной к тому моменту украинской автономии – Центральной Радой и Генеральным секретариатом.

После того, как в Киев пришли известия о произошедших в Петрограде событиях, перед находившимися на территории Украины представителями ОЧСНС и чешско-словацкими военными деятелями остро встала необходимость принять решение относительно дальнейшей судьбы чешско-словацких частей.

Первым, кто поднял вопрос о возможности сотрудничества чехов и словаков с правительством украинской автономии был заместитель председателя ОЧСНС для России П. Макса. В день захвата власти большевиками, 7 ноября 1917 г., он направил в Петроград Ю. И. Клецанде и находившемуся на тот момент в Москве Т. Г. Масарику письмо, в котором сообщил о происходивших в Киеве событиях.[865] Сотрудничество с украинскими националистами Макса рассматривал в качестве одного из возможных вариантов действий.[866] Заместитель председателя ОЧСНС сообщал о предпринятых им на данном направлении шагах. Он встретился с украинским писателем и политиком В. К. Винниченко, занимавшим пост

[864] В своих мемуарах генерал Жанен упоминал о том, что сотрудниками комиссии при Министерстве иностранных дел обсуждалась и поездка М. Р. Штефаника в Салоники, откуда ему предстояло долететь на аэроплане в Румынию и затем к чешско-словацким частям. Несмотря на то, что тот дал согласие, после долгих дискуссий от подобного плана было решено отказаться. См.: Ibidem.

[865] Сообщение из г. Киева – П. Максы в г. Москву – Т. Г. Масарику и г. Петроград – Ю. И. Клецанде о последних событиях и разных точках зрения на будущее использование чешско-словацких частей // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 474. С. 868 – 871.

[866] Там же. С. 868.

заместителя председателя Генерального секретариата. Винниченко заявил, что правительство поддерживает программу раздела Австро-Венгерской монархии, а в чехах и словаках видит своих союзников, которым оно готово оказать любую поддержку. Делегатам от ОЧСНС было заявлено, что новое украинское правительство сделает все возможное, чтобы удержать в своих руках контроль над Восточным фронтом.

Кроме того, Макса отмечал, что в связи с крайней заинтересованностью украинского правительства в чешско-словацких частях, Центральная Рада могла бы воспринять их отъезд во Францию как недоверие Национального совета к новой власти. Выражал он надежду и на то, что, используя протест против присоединения Галиции к Польше, правительство Украины сможет вооружить галичан и сформировать из них батальон. Такое развитие событий, по мнению Максы, могло бы стать выходом из сложившейся кризисной ситуации.[867]

27 октября (9 ноября) 1917 г. Т. Г. Масарик напомнил своим соотечественникам о необходимости сохранять всеобщее спокойствие. Им было издано воззвание, адресованное военнослужащим всех чешско-словацких частей,[868] в котором заявлялось о необходимости сохранять нейтралитет независимо от изменений во внутренней обстановке в России. Однако директивы лидера ЧСНС не была исполнена уже во время неудачного восстания 29 октября (11 ноября) – 1 ноября (14 ноября), организованного большевиками в Киеве. К обороне города командующий войсками Киевского военного округа генерал М. Ф. Квецинский решил привлечь, помимо ряда прочих войсковых единиц, и части Чешско-Словацкого корпуса. По договоренности с командиром его 1-й дивизии, полковником Н. П. Мамонтовым, заместитель комиссара Юго-Западного фронта Н. Григорьев привел 29 октября (11 ноября) в Киев 2-й Чешско-Словацкий стрелковый полк Йиржи из Подебрад, 1-ю батарею 1-й артиллерийской бригады и Ударный Корниловский полк, две роты которого полностью состояли из чешско-словацких добровольцев. На следующую ночь один из батальонов 2-го

[867] Там же. С. 869.
[868] Všem plukům československého armádního sboru // Československý vojak: věstník československého vojska. 1918. Roč. I. Č. 5.

стрелкового полка был выставлен в качестве охраны у здания штаба военного округа. Генерал Квецинский и пребывающий на тот момент в столице автономии бывший заместитель председателя ЧСНС Й. Дюрих обратились к военнослужащим корпуса с приветственными речами. Другие части полка оказались вовлечены в уличные бои. Де-факто использование командованием Киевского военного округа частей корпуса без согласия ОЧСНС и его участие в подавлении восстания стало прямым нарушением договоренности Масарика с российскими военными властями о невмешательстве чешских войсковых частей в борьбу между различными политическими силами в России.[869] Эти обстоятельства вынудили П. Максу вмешаться в ход событий и издать распоряжение о возвращении чешско-словацких частей на место их дислокации (окончательно они были выведены из Киева 31 октября (13 ноября). Затем Президиум ОЧСНС выпустил новое воззвание, в котором заявил о полном нейтралитете и о лояльной позиции представителей национально-освободительного движения и чешско-словацкого войска по отношению к украинскому правительству. Действия командования округа были подвергнуты осуждению.[870]

Вопрос о дальнейшей судьбе чешско-словацких частей вновь был поставлен в конце осени 1917 г. 7 (20) ноября 1917 г. Центральной Радой был утвержден III Универсал, провозгласивший образование Украинской Народной Республики, формально остававшейся частью России на федеративных основах. В сложившейся ситуации руководству ОЧСНС предстояло определить правовое положение чешско-словацкой армии по отношению к появившемуся государству. Все эти аспекты были подвергнуты детальному обсуждению во время второго пленарного заседания Отделения ЧСНС для России. Оно проходило в Киеве 30 ноября – 7 декабря (13 – 20 декабря) 1917 г. В ходе его заседаний Т. Г. Масариком 1 (14) декабря была произнесена речь, посвященная политической ситуации в

[869] *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks… P. 92 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 602 – 603.
[870] *Dürich J.* V českých službách. S. 76 – 78 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 603.

России и на Украине.[871] Для Масарика в сложившейся обстановке наиболее существенным оставался вопрос, сможет ли Россия продолжать вести войну с Центральными державами, заключит ли она с ними сепаратный мир, и каким образом будут действовать в сложившейся ситуации ее союзники.[872] Он проанализировал и положение корпуса в том случае, если бы сепаратный мир застиг его на территории УНР. В таких условиях необходимо было поставить чешско-словацкое войско под охрану Франции и ее союзников. Для этого предстояло вести переговоры с западными участниками Согласия о переброске корпуса во Францию, либо же на другой фронт (например, Салоникский или Турецкий).[873] Основной смысл инструкций, даваемых Т. Г. Масариком, заключался в необходимости действовать в столь сложной ситуации, согласуя свои шаги с союзниками. Их точка зрения на возможный сепаратный мир России с Центральными державами и должна была определять дальнейшие планы руководства ОЧСНС. Первостепенную роль в программе Масарика играло наблюдение за изменением политической обстановки, что подразумевало принятие тех или иных решений, сообразуясь с ее колебаниями.

Однако дальнейший ход событий складывался явно не в пользу чехов и словаков. В январе 1918 г. стало очевидным стремление правительства Украинской Народной Республики добиться окончательного отделения от России и начать переговоры с Центральными державами. Все более очевидной становилась зависимость правительственных кругов Украины от дипломатической и военной поддержки со стороны Германии и Австро-Венгрии. Иллюзорными оказались и расчеты на использование частей корпуса в реорганизации русской армии и возобновлении военных действий на Восточном фронте. Главной причиной была неспособность украинской стороны обеспечить снабжение корпуса. Более того, она могла потребовать разоружения и расформирования чешско-словацких войсковых единиц. Опасались члены Отделения ЧСНС для

---

[871] O naší politické situaci. Výtah z řeči prof. Masaryka na plenární schůzi OČNR 1. prosince 1917 v Kyjevě // Čechoslovák. 1917. Roč. 3. Č. 117. S. 1 – 2.
[872] Ibid. S. 1.
[873] Ibidem ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks... P. 138.

России и того, что подобное требование могло быть выдвинуто в качестве одного из условий для заключения сепаратного мира Украинской Народной Республики с Германской и Австро-Венгерской империями.[874] С целью уберечь чешско-словацкие части от возможных дипломатических интриг со стороны Вены и Берлина и определить дальнейшие политическую и законодательную основы для действий ОЧСНС на территории Украины, его руководство инициировало переговоры с правительством республики.[875]

Их результатом стало заключенное 2 (15) января 1918 г. между Т. Г. Масариком и главой внешнеполитического ведомства Украины А. В. Шульгиным соглашение. Оно касалось условий временного пребывания чешско-словацких войск на территории Украины.[876] Национальный совет в качестве верховного представителя заграничного сопротивления и чешского и словацкого народов признавал Украинскую Народную Республику, объявленную III-м Универсалом. В свою очередь, украинское государство признало ЧСНС верховным представителем чехов и словаков, находящихся за пределами своей родины. Равным образом были признаны в качестве легитимных и уполномоченные представители Национального совета при Ставке Верховного главнокомандующего Украинским фронтом[877] и Штабе чешско-словацкого войска, а также само Отделение Чешско-Словацкого национального совета для России.

Остальные три пункта договора определяли положение Чешско-Словацкого корпуса на территории Украины. В военном отношении его части находились под юрисдикцией украинских военных властей. В случае начала военных действий против Центральных держав, они должны были, по приказу верховного

---

[874] *Fic V.M.* Revolutionary War… P. 168.
[875] Ibidem.
[876] AÚTGM. MA. Rusko-legie. X-1a. Fol. 36. Karton 1 ; Соглашение между ЧСНСоветом и правительством УНР об условиях временного пребывания чешско-словацких войск на территории Украины // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 499. С. 895 – 896 ; Ujednání mezi ČSNR a vládou ULR // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl III. S. 18 – 19.
[877] **Украинский фронт** – фронт, созданный постановлением Генерального секретариата Украинской Народной Республики 6 декабря 1917 г. Под руководством его штаба предполагалось объединить украинизированные части Юго-Западного и Румынского фронтов. Их предстояло пополнить за счет расположенных на территории региона тыловых запасных формирований. Целью его образования была провозглашена защита украинской территории во время переговоров о сепаратном мире, проводимых украинской стороной с Центральными державами в Брест-Литовске. Командующим фронта был назначен генерал Д. Г. Щербачев. См.: Создание Украинского фронта // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. С. 940.

командования Украинской Народной Республики занять определенный для них участок на линии фронта. Со своей стороны, правительство обязалось организовать снабжение корпуса всем необходимым снаряжением и санитарными средствами. Получило реализацию предложение Т. Г. Масарика об объединении первой и второй дивизий корпуса в одном месте дислокации «для большей спайки и подготовки». Все прежние приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, касающиеся военно-технической стороны формирования чешско-словацкого войска в России и «назначения высшего командного состава (командира корпуса и инспектора)», должны были оставаться в силе. Их положения могли быть изменены лишь с согласия ЧСНС и его Отделения.

4-й пункт соглашения провозглашал возможность использования чешско-словацкого войска и «для поддержания общественного и административного порядка на территории Украинской Народной Республики». Однако данное решение могло быть принято лишь с согласия ЧСНС. При этом сохранялся в силе тезис о невмешательстве «во внутренние политические распри».

5-й пункт определял положение корпуса в случае выхода УНР из войны. При таком стечении обстоятельств чешско-словацкое войско освобождалось от принятых на себя обязательств по отношению к Украине. В свою очередь, украинское правительство было обязано обеспечить свободный уход воинских подразделений из пределов страны без оружия. В особом примечании к данному параграфу провозглашалось, что «Украинская Народная Республика принимает к сведению принятые ЧСНСоветом на себя обязательства по отношению к Французской Республике относительно перевода чешско-словацких добровольцев во Францию или в страны Согласия».[878]

Параллельно с определением правового положения корпуса и взаимных обязанностей между украинской и чешско-словацкой сторонами велись переговоры об использовании корпуса в военных действиях на территории

[878] AÚTGM. MA. Rusko-legie. X-1a. Fol. 36. Karton 1 ; Соглашение между ЧСНСоветом и правительством УНР об условиях временного пребывания чешско-словацких войск на территории Украины // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 499. С. 896.

Украины. В частности, в ходе них в ОЧСНС поступила просьба от украинского комиссара в Черкассах об отправке в этот город чешско-словацкого отряда для осуществления сторожевой службы. По его мнению, подобная акция могла бы оказать значительное моральное влияние «на остальное войско». После получения соответствующего согласия Генерального секретариата, было принято решение об отправке туда кадрового состава одного из батальонов 2-го запасного полка. Численность воинской команды, направляющейся в Черкассы, предполагалось пополнять за счет «добровольцев из окрестностей».[879]

Вскоре украинская сторона направила в ОЧСНС ходатайство о переводе в Киев одной из двух дивизий Чешско-Словацкого корпуса. На состоявшихся 3 – 4 января (16 – 17 января) 11-м и 12-м заседаниях президиума ОЧСНС подверглись обсуждению планы о более активном участии корпуса в военных действиях на территории Украины. Одним из таких замыслов стала идея о сосредоточении корпуса на правом берегу Днепра. Украинцы высказывались в пользу расквартирования 1-й Гуситской дивизии в Ровно, Житомире и Бердичеве. Французские военные и дипломатические представители подняли вопрос о необходимости ее сосредоточения на линии Житомир – Бердичев – Казатин. Военный комендант Киева требовал переброски всей 1-й чешско-словацкой дивизии в украинскую столицу. Что же касается Отделения Чешско-Словацкого национального совета для России, то оно по-прежнему настаивало на объединении обеих дивизий корпуса и размещении их на левом берегу Днепра, на направлении от Киева до Полтавы (при этом расположение чешско-словацких частей в самом Киеве не предполагалось). Предложение украинской стороны было расценено как не соответствующее целям, обозначенным ею ранее в вопросе об использовании войска.[880]

Однако представители украинских властей продолжали настаивать на своем. В конечном счете ОЧСНС согласился на отправку в Киев для охраны порохового склада двух рот расквартированного в Дарнице чешско-словацкого стрелкового

[879] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi… S. 20.
[880] Ibid. S. 20 – 21.

батальона. Учитывая, что при любом стечении обстоятельств корпус должен быть сосредоточен около Киева, Масарик в ответ на настоятельные требования украинцев, согласился направить в город один из его полков. При этом им были выдвинуты следующие условия. Военные учреждения УНР должны были официально заявить о том, что: 1) чешско-словацкий полк не будет вовлечен ими в противостояние между различными политическими группировками; 2) его обязанности будут определены украинскими военными с одобрения состоящего при полку комиссара ОЧСНС. Кроме того, украинская сторона должна была обеспечить расквартирование в городе еще одного чешско-словацкого стрелкового полка, как только в Киеве «для него найдутся помещения».[881]

Правительство Украинской Народной Республики, стремившееся укрепить свои политические позиции, фактически проигнорировало условия, выдвинутые председателем Национального совета. 7 (20) января 1918 г. был издан приказ, гласивший, что чешско-словацкие части находятся на службе у украинского правительства и вскоре прибудут в Киев для защиты города и подавления выступлений оппозиционных элементов. По сути, такая трактовка представляла собой прямо противоположное толкование достигнутого соглашения.[882]

Новое нарушение договоренностей ОЧСНС с правящими кругами республики заставило Масарика предпринять дальнейшие действия для сохранения чешско-словацкого войска. На состоявшемся 9 (22) января 1918 г. 17-м заседании президиума ОЧСНС было принято решение о публикации в газете «Ческословенски денник» протеста, направленного против ложной трактовки соглашения между Центральной Радой и чешско-словацкой стороной. Эту обязанность взял на себя сам Масарик. Было также решено направить верховному главнокомандующему Юго-Западного фронта телеграмму с ходатайством заменить Ровно на Казатин в формулировке о дислокации 1-й дивизии. В процессе

[881] Ibid. S. 20 – 23 ; Z našeho vojska // Československý denník. 1918. Č. 6. S. 3.
[882] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 171.

реализации данного плана следовало заручиться поддержкой французской стороны.[883]

Ориентация ОЧСНС на Францию становилась все более очевидной. На состоявшемся на следующий день 18-м заседании его президиума вновь были затронуты вопросы, связанные с организацией войска и его переходом под французское начало. Было сообщено о завершении разработки «графика организации… войска для французов» и плана мобилизации чешско-словацких добровольцев в ряды корпуса.[884]

11 (24) января на совместном заседании президиума и военной комиссии стало известно об удовлетворении ходатайства чешско-словацкой стороны. Окончательно было принято решение переместить дивизию на линию Житомир – Бердичев – Казатин, что полностью совпадало с высказанным ранее французским проектом.[885] Присутствовавший на заседании председатель ЧСНС заявил, что переход чешско-словацкого войска под покровительство представителей Третьей республики будет возможен уже в ближайшие дни. Однако, подчеркнул Масарик, при принятии подобного решения возник новый вопрос: каким образом, в лучшую или в худшую сторону, изменятся после его претворения в жизнь отношения между чешско-словацкой и украинской сторонами и положение ОЧСНС и Чешско-Словацкого корпуса на территории региона.[886]

Окончательный разрыв между украинскими властями и ОЧСНС произошел после того, как Центральная Рада утвердила 12 (25) января 1918 г. IV Универсал, провозгласивший независимость Украинской Народной Республики. Данный шаг рассматривался в нем как вынужденная мера против действий советского правительства. В его адрес были выдвинуты обвинения не только в развязывании конфликта с целью подчинить Украину своему влиянию, но и в затягивании мирных переговоров в Брест-Литовске. В связи с этим Центральная Рада заявляла о своем неприятии курса на продолжение войны. Первоочередной задачей ее

[883] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi… S. 21.
[884] Ibidem.
[885] Ibidem.
[886] Ibid. S. 21 – 22.

правительства было обозначено самостоятельное ведение переговоров о мире с Центральными державами и доведение их до конца, без оглядки на препятствия, чинимые на данном направлении со стороны «других частей бывшей Российской империи».[887] Новая позиция украинской стороны по отношению к войне и ее явная нацеленность на сепаратный мир делала недействительным договор, заключенный с ОЧСНС 2 (15) января.

Обсуждение положения корпуса после принятия IV Универсала состоялось 13 (26) января во время встречи Т. Г. Масарика и Ю. И. Клецанды с главой украинского Министерства иностранных дел А. Я. Шульгиным. Масарик заявил Шульгину, что чешско-словацкая армия была готова помочь Украине лишь в ведении войны против Центральных держав, о чем было заявлено в III Универсале. В конце своей беседы с А. Я. Шульгиным он пообещал, что полностью освобожденный от обязанностей по отношению к украинскому правительству Чешско-Словацкий корпус покинет территорию страны в наикратчайший срок. С украинских военных и государственных учреждений были сняты все обязательства по организации снабжения чешско-словацких частей. Им лишь оставалось обеспечить свободный отъезд добровольцев с территории Украины. В ответ глава украинского внешнеполитического ведомства пообещал содействовать тому, чтобы возникшее в результате принятия IV Универсала тяжелое положение корпуса и его выезд с территории Украины «были разрешены наиболее благоприятным образом и с наименьшими затруднениями».[888]

Вопрос о дальнейшей судьбе Чешско-Словацкого корпуса обсуждался и во время встречи глав военных миссий союзников в Киеве, состоявшейся на следующий день, 14 (27) января. В нем принял участие и Т. Г. Масарик. Они выразили согласие с намерением председателя Чешско-Словацкого национального совета издать на следующий день, опираясь на соответствующие договоры с французским и российским правиительствами, заявление о признании находящегося на территории бывшей Российской империи войска автономной

[887] IV. universál // Československý denník. 1918. Č. 10. S. 3.
[888] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 171 – 172 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 21 – 22.

частью Чешско-Словацкой армии во Франции. Телеграмму соответствующего содержания Т. Г. Масарик обязался направить в Румынию генералу Бертело.[889]

Обоснованность решения, принятого Т. Г. Масариком, показали последовавшие за собранием представителей военных миссий стран Антанты события. 15 (28) января 1917 г. между украинскими частями и подступившими к Киеву большевистскими войсками под командованием М. А. Муравьева начались бои за город. Руководство Отделения Национального совета для России сразу же заявило о невозможности отправки в Киев одного или двух чешско-словацких полков. Такое решение объяснялось неуверенностью ОЧСНС в том, что украинская сторона сможет предоставить казармы для размещения личного состава. Кроме того, не было никаких гарантий, что прибывшие в город части Чешско-Словацкого корпуса не окажутся втянутыми в «партийную борьбу». Было объявлено, что украинцы смогут рассчитывать на помощь чешско-словацких добровольцев лишь в том случае, если положение в городе стабилизируется и найдутся необходимые помещения для расквартирования военнослужащих чешско-словацких полков.[890] Не было удовлетворено и направленное с согласия председателя украинского Совета народных министров[891] В. А. Голубовича военным ведомством УНР ходатайство о взятии на себя частями Чешско-Словацкого корпуса охраны городской электростанции и водопроводных сооружений. ОЧСНС соглашалось на присутствие частей корпуса для этих целей лишь в том случае, если данная просьба исходила бы от городского совета украинской столицы. К тому же, одобрить присутствие на данных стратегических объектах чехов и словаков должны были комитеты этих двух предприятий, профсоюз, киевский совет рабочих депутатов и, наконец, военно-революционный комитет.

На состоявшемся 21 января (3 февраля) 25-м заседании президиума ОЧСНС П. Макса предложил новую формулировку условий использования корпуса.

---

[889] Ibid. S. 22.
[890] Ibidem.
[891] Совет народных министров был провозглашен в качестве украинского правительства IV-м универсалом и представлял собой реорганизованный Генеральный секретариат.

Городской совет должен был инициировать переговоры между украинцами и большевиками. Лишь их совместное решение могло провозгласить водопроводные сооружения и электростанцию нейтральными объектами, не включенными в сферу борьбы. Подтверждение достигнутых договоренностей должно было исходить все от тех же «демократических» и революционных организаций. Впоследствии переговоры между чешско-словацкой и украинской сторонами продолжились на предложенных П. Максой условиях, однако каких-либо значимых результатов обеим сторонам добиться не удалось.[892]

Таким образом, украинский проект, как, впрочем, и румынский, также оказался малопривлекательным для ОЧСНС. Стремление украинских правительственных структур к заключению сепаратного мира с Центральными державами фактически свело на нет планы Т. Г. Масарика по сотрудничеству с украинской стороной. При этом ключевым элементом деятельности председателя Чешско-Словацкого национального совета на территории Украины по-прежнему оставалось стремление сохранить целостность Чешско-Словацкого корпуса. Согласно его замыслам, он, прежде всего, был неотъемлемой частью борьбы за политическую свободу Чешских и Словацких земель. Все остальные проекты, которые он в разное время принимал в расчет, имели временный характер. Они предполагали различные варианты действий, которые следовало бы предпринять лишь в том случае, если ход событий пошел бы по приемлемому для него сценарию.

4.3. Концепция по объединению «угнетенных народностей»

Таким вариантом использования частей Чешско-Словацкого корпуса с целью возобновления военных действий на Восточном фронте стал проект «угнетенных народностей» монархии Габсбургов. Возможность его реализации была в значительной степени актуальна тем более, что в Киеве на момент пребывания Т.

[892] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi… S. 22 – 23.

Г. Масарика находились и представители малых народов Австро-Венгрии – поляков, румын, сербов, хорватов и словенцев. Как уже говорилось, еще в мае ему удалось установить контакты с их руководящими органами и ведущими представителями, ознакомиться с их программами. Основной целью данного плана, как, впрочем, и двух предыдущих, была стабилизация положения на Восточном фронте. Проект был принят на вооружение и представителями союзников, ведущих дипломатическую борьбу с Центральными державами за контроль над ситуацией на Украине.[893]

Инициаторами акции стали чешско-словацкая сторона и лично Т. Г. Масарик. Впервые мысль о необходимости привлечения «угнетенных» народов монархии Габсбургов к решению вопроса о стабилизации положения на Восточном фронте была озвучена во время его речи, произнесенной 20 октября (2 ноября) в зале купеческого собрания.[894] Среди присутствовавших были «представители киевской чешской колонии, комендант киевской крепости генерал-лейтенант Цицович, русские офицеры, служащие в чешских войсках, сербские офицеры и множество чешских солдат и военнопленных чехов-рабочих».[895] В своем выступлении Масарик кратко обозначил основные цели и задачи политики, проводимой представителями чешско-словацкого национально-освободительного движения за рубежом. Ключевым стержнем его рассуждений стало определение значения Чешских земель для мировой политики. По словам Масарика, «чехи одновременно являются и географически – преградой немецкому Drang nach Osten, и культурно – передовым постом славянства». К тому же, Чехия важна и в политическом плане, поскольку она является одной из «наиболее организованных ячеек в пределах Австрии».[896] Опираясь на тезис о самоопределении народов, говорил Масарик, можно было бы достичь разделения Австро-Венгрии и освобождения, а затем и объединения поляков, итальянцев, чехов и словаков,

[893] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 189.
[894] Řeč prof. Masaryka na slavnostní schůzi v kupeckém sále v Kijevě dne 20. října 1917 // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl II. S. 290 – 296.
[895] Лекция проф. Масарика // Киевлянин. 1917. № 247. С. 2.
[896] Там же ; Řeč prof. Masaryka... // *Masaryk T. G.* Op. cit. Díl II. S. 291.

румын и южных славян. Скорейшее достижение мира, по словам Масарика, было бы возможно лишь в случае распада монархии Габсбургов.[897]

Обратился Т. Г. Масарик и к представителям русского народа. На состоявшемся 21 октября (3 ноября) в Киеве заседании съезда казаков, протестовавших против проводившейся российским правительством пацифистской политики, лидер Чешско-Словацкого национального совета выступил с официальным обращением к собравшимся на нем делегатам. В нем он заявил о солидарности чешско-словацкого национально-освободительного движения с намерениями представителей данного сословия возродить российскую государственность. Вместе с тем он подтвердил и готовность частей корпуса вместе с казаками «драться за великую и единую Россию». Приветствие чешского профессора было встречено бурной овацией.[898]

В начале декабря 1917 г. председатель ЧСНС вновь обратился к данному вопросу. В это время представители польской и чешско-словацкой сторон организовали совместное собрание в помещении Чешско-словацкого кредитного учреждения в Киеве. Его основной целью стала демонстрация взаимной дружбы и культурно-политической общности двух народов. В произнесенной на нем речи, Масарик убеждал присутствующих в возможности спасения ситуации на Восточном фронте.[899]

Ключевой составляющей предложенного лидером чешско-словацкой заграничной акции рецепта было присутствие на территории бывшей Российской империи военных формирований, состоящих из представителей славянских народов. Оставалось лишь определить масштаб той помощи, которую они могли бы оказать в деле создания новой российской армии. Их участие должно было зависеть и от того, какая из существующих на тот момент в России политических группировок смогла бы осуществить процесс ее восстановления.[900]

---

[897] Ibidem.
[898] Казачий слет // Киевлянин. 1917. № 247. С. 2 ; Перевод обращения Т. Г. Масарика на чешский язык был опубликован в номере журнала «Ческословенски вояк» от 1 ноября 1917 г. в рубрике «Разные новости». См.: Prof. Masaryk kozákům // Československý voják. 1917. Roč. 1. Č. 4. S. 14.
[899] Projev na shůzi o česko-polské spolupráci // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2. S. 311 – 313.
[900] Ibid. S. 312.

Анализируя ситуацию на территории бывшей Российской империи, Масарик отметил, что именно ее «малым народам» предстоит объединить все свои ресурсы и войсковые единицы для того, чтобы составить своеобразное ядро для возрождения армии. При этом он подчеркивал, что главным ее элементом должны стать вновь сформированные части. Основными аргументами в их пользу были людской потенциал, широкие возможности в организация снабжения. Ведущиеся ими боевые действия против армий Центральных держав следовало рассматривать как их собственную войну. Задачу побуждения русского народа к вступлению в ряды воссозданной армии следовало возложить на существующие на территории страны «патриотические и демократические» элементы. Добровольческим формированиям, состоящим из представителей «угнетенных народов» монархии Габсбургов, в новых боевых операциях на Восточном фронте отводилась вспомогательная роль.[901]

С позицией, высказанной Т. Г. Масариком, выразил свое согласие и присутствовавший на собрании представитель Польской Национально-демократической партии профессор Станислав Грабский. Он заявил, что надеется на возможность восстановления русской армии, которая, пусть даже и частично воссозданная, будет способствовать ведению военных действий на Восточном фронте.[902]

Участники встречи выразили согласие с предложенным лидером ЧСНС проектом. Они были готовы принять участие в его реализации. На собрании было принято решение о необходимости проведения в Киеве крупной публичной акции всех «угнетенных народностей». Ее целью должна была стать поддержка идеи взаимопомощи.

Для организации этой манифестации был образован специальный подготовительный комитет. В его состав вошли не только чехи, словаки и поляки, но и представители южнославянских народов и румын. При этом чешско-словацкая сторона настаивала на том, чтобы в акции приняли участие и

[901] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 191.
[902] Ibid. P. 192 ; *Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku // Slovanský přehled. 1927. Roč. XIX. Č. 7. S. 503 ; Za svobodu... Kn. 2. S. 640.

представители украинского народа, проживающие в Австро-Венгрии. Это должно было продемонстрировать стремление добиться протеста как можно большего числа представителей малых народов против Центральных держав. В то же время следовало оказать влияние на правящие круги Украинской Народной Республики. Они полагали, что те заинтересованы в решении вопроса о судьбе проживающих на территории монархии Габсбургов соотечественников. Их организации пользовались поддержкой со стороны украинского правительства.

Реакция поляков на предложение представителей чешско-словацкого заграничного сопротивления была достаточно сдержанной. Украинские представители на первом заседании комитета не присутствовали. К тому же, в ходе встреч его членов стали еще более очевидными украинско-польские противоречия. Окончательно расположить к себе украинцев удалось лишь после того, как была разработана резолюция, выгодная как украинским, так и польским политическим деятелям. В результате украинские представители присоединились к деятельности комитета лишь за день до манифестации.[903]

Сам митинг состоялся вечером 12 декабря 1917 г. Местом его проведения стала арена городского цирка. В манифестации приняло участие около 4000 человек, большинство из которых представляли находящиеся в Киеве военнопленные чешского и словацкого происхождения, а также солдаты, служившие в рядах Чешско-Словацкого корпуса. К моменту ее проведения был подготовлен особый, «нулевой», номер нового печатного органа чешско-словацкого заграничного сопротивления – газеты «Ческословенски деник». Его распространение началось среди участников митинга.[904]

Встреча представителей «угнетенных» народов была начата короткой речью главы киевских поляков Бартошевича. Она была произнесена на польском, украинском, русском и французском языках. В ней выражалась надежда, что данное мероприятие не только будет способствовать сближению между собой представителей различных малых народов, но и заложит основы для будущего

[903] Ibid. S. 641 ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks… P. 131.
[904] Za svobodu... Kn. 2. S. 640.

сотрудничества их независимых государств после окончания войны. Ход манифестации осуществлял комитет, главой которого был заместитель председателя ОЧСНС Прокоп Макса. В группу организаторов также вошли: от румын – Боцу и Поп, от поляков – Гурский и Павликовский, от украинцев – Низскосклон и Черник, от чехов и словаков – прапорщик Седмик, от южных славян – Котник и Боник.[905]

Т. Г. Масарик выступил на митинге в качестве ведущего докладчика. В своей речи, основная часть которой была произнесена на русском языке, он вновь изложил свои взгляды на политическую ситуацию в мире и Европе. Остановился он и на ходе военных действий. Объединение представителей «славянских и романских народов Австро-Венгрии и Пруссии» он охарактеризовал как акцию, проводимую с целью выражения их осознанного решения начать совместную демократическую работу. Основой для нее стало провозглашение русской революцией принципа самоопределения народов. Опираясь на него, проживающие на территории двух ведущих членов блока Центральных держав народы, по словам Масарика, приобрели полное право на достижение своего самостоятельного государственного развития.

Характеризуя политическую программу, которую предстояло проводить малым народам для реализации стоящих перед ними целей, Масарик подчеркнул два момента. С одной стороны, она имела враждебный характер, будучи направленной против «берлинского и венского царизма». С другой стороны, она содержала позитивные черты, поскольку тем самым славянские и романские народы Германской и Австро-Венгерской монархий принимали программу союзников, обещающих «реорганизовать Европу по демократическому и национальному принципам».[906] Ведущее положение в организуемой акции должны были занимать представители чешского народа. Т. Г. Масарик

[905] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 192 ; Za svobodu... Kn. 2. S. 642.
[906] Ibidem.

подчеркнул, что чехи имеют на то моральное право уже потому, что они в течение столетий боролись против немецкого гнета.[907]

Чрезвычайно важно, каким образом Т. Г. Масарик представил перед своими слушателями проблему возможного заключения Россией сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией. Сепаратный мир, предложенный дипломатическими и военными кругами этих стран, державам Антанты предстояло категорически отвергнуть, поскольку он стал бы всего лишь временным перемирием. Воспользовавшись им в качестве передышки, «прусско-австрийский» милитаризм начал бы еще более жесткие военные действия.[908]

Вслед за председателем Чешско-Словацкого национального совета выступили представитель румынской стороны редактор Боцу, представитель южных славян капитан Голиа, член Временной Рады галицийских, буковинских и венгерских украинцев Лизаневский. Затем последовали обращения к собравшимся представителей национальных добровольческих формирований – польских, югославянских и румынских; от Чешско-Словацкого корпуса выступил с речью Р. Медек.

Окончание митинга было ознаменовано принятием совместной резолюции. Она была разработана представителями присутствующих на встрече славянских народов и румын и отредактирована Бартошевичем. В ней говорилось о необходимости малых народов Центральной Европы вести совместную борьбу за достижение стоящих перед ними идеалов и целей. Главными из них должны были оставаться борьба «против немецко-венгерского ига», «освобождение и объединение порабощенных, на части разорванных народов».[909] Таким образом, данному проекту предстояло заложить основы для сотрудничества между малыми народами в борьбе против натиска Центральных держав.

Уже после завершения манифестации было решено приступить к практическим шагам. Первым из них стало превращение 13 декабря 1917 г. избранного комитета во главе с П. Максой в Совещательную комиссию народов,

[907] Ibid. S. 643.
[908] Ibid. S. 644.
[909] Ibid. S. 644 – 645.

угнетенных немецким и австро-венгерским империализмом.[910] Ее целью стала организация общих действий в политической, экономической, военной и культурной сферах. [911]

В Совещательную комиссию вошли представители четырех национальных организаций: Польский совет межпартийного объединения, Румынская вербовочная комиссия в Киеве, Чешско-Словацкий национальный совет и Центральный Югославянский комитет. Устав вновь образованной организации предполагал принятие в ее состав представителей иных народов. Их вступление должно было санкционироваться общим одобрением. Членом Совещательной комиссии мог стать «любой народ, ведущий борьбу за свое освобождение и объединение». К сотрудничеству приглашались представители народов (свободных и уже полностью освобожденных), симпатизирующих усилиям комитета».[912] Этот пункт устава Совещательной комиссии был разработан в надежде на вхождение в состав представителей украинского народа (в первую очередь, Временной верховной рады галицийских, буковинских и венгерских украинцев, делегаты которой не присутствовали на манифестации).

Надежда на участие украинской стороны в инициированном чехо-словаками проекте появилась после того, как незадолго до православного Рождества на одно из заседаний членов Совещательной комиссии прибыл украинский офицер. Он сообщил о готовящемся в Киеве государственном перевороте, в результате которого планировалось устранение прогермански настроенных членов правительства УНР. Ведущие позиции в нем должна была занять фракция во главе с генеральным секретарем (министром) по военным вопросам С. В. Петлюрой.[913] Сообщение о возможных изменениях политического курса Украины вызвало интерес как у членов ОЧСНС, так и у присутствовавших на заседании военных

[910] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 193 ; Za svobodu... Kn. 2. S. 646.
[911] Ibidem ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 193 ; *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 157 – 158.
[912] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 158 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 646.
[913] Za svobodu… Kn. 2. S. 809 ; В монографии «Профессор Масарик и чешско-словацкое войско в России» Йозеф Кудела вспоминал, что офицера-петлюровца привел на совещание один из польских деятелей, впоследствии заявивший о том, что вскоре к заседаниям Совещательной комиссии присоединится и сам С. В. Петлюра. См.: *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 158.

представителей западных держав Антанты. Однако надежды на то, что украинцы согласятся присоединиться к проекту «угнетенных» народов, оказались тщетными. Государственный переворот так и не состоялся, Петлюра был вынужден подать в отставку. Новым главой украинского военного ведомства был назначен Н. В. Порш.[914]

Существенное значение, по мнению членов комиссии, должна была иметь и помощь от представителей русского народа и, в первую очередь, от донских казаков. Руководство ОЧСНС было осведомлено о ведущейся с осени 1917 г. деятельности по формированию на Дону Добровольческой армии генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. М. Каледина. Ее основное предназначение виделось в организации новых российских вооруженных сил, готовых продолжить войну против Центральных держав, присоединившись к западным союзникам России по Антанте. Столкнувшись в ходе создания добровольческих подразделений с отсутствием необходимого количества вооружения, снаряжения и провианта, а также с нежеланием большинства казаков вступать в их ряды, все три военачальника были заинтересованы в помощи со стороны Чешско-Словацкого корпуса.[915]

Уже в декабре 1917 г. прибывшие на Украину посланники от Добровольческой армии обратились к некоторым служащим в корпусе русским офицерам с просьбой направить вверенные им части на Дон. Вскоре после этой акции М. В. Алексеев отправил к Т. Г. Масарику курьера с предложением военного сотрудничества между частями Добровольческой армии и Чешско-Словацкого корпуса. Для этого требовалось перевести на Дон либо все чешско-

---

[914] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 193 – 194 ; *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 158 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 809.

[915] Согласно отчету американского вице-консула Девитта Клинтона Пуля, прибывшего в Ростов-на-Дону 18 декабря 1917 г. для создания там консульства США, создается такая картина развития событий. К январю 1918 г. численный состав формируемых частей Добровольческой армии имел весьма скромные масштабы. Между генералом Алексеевым и начальником французской военной миссии в Новочеркасске полковником Гюше была достигнута договоренность о предоставлении ему правительством Третьей республики кредита на сумму 100 млн. рублей, предназначенного для осуществления организации войсковых частей. Помимо этого, М. В. Алексеев ходатайствовал о создании специальной финансовой комиссии для контроля за расходами выделенной суммы и Бюро для организации Добровольческой армии. Однако, несмотря на принятые меры, общее число военнослужащих в собранных Алексеевым, Корниловым и Калединым частях составило около 1500 – 2000 человек. См.: *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 237 – 238.

словацкое войско, либо несколько его подразделений. По мнению генерала, их присутствие на юге России способствовало бы стабилизации ситуации в регионе. Кроме того, они в значительной мере оказали бы благотворное влияние на процесс формирования на Дону войсковых частей. Алексеев сообщил председателю ЧСНС о том, что действует от лица всех патриотических сил юга России, а разрабатываемые им планы поддерживаются французской стороной.[916] Позднее поступили предложения об отправке войска на Дон и со стороны Чешского общества вспомоществования в Ростове-на-Дону,[917] а также Л. Г. Корнилова.[918]

Поскольку в это время главным для лидеров чешско-словацкого национального движения было участие Чешско-Словацкого корпуса в процессе реорганизации российской армии и возобновлении военных действий на Восточном фронте, Масарик занял осторожную позицию. О планах Алексеева лидер ЧСНС сразу же проинформировал французскую военную миссию в Киеве. После состоявшегося обмена мнениями, Масарик принял решение отправить на Дон со специальным посланием секретаря ОЧСНС Ю. И. Клецанду.

В первой половине января 1918 г. Клецанда получил ряд инструкций. На их основе рекомендовалось вести переговоры с создателями Добровольческой армии. Чешский лидер был согласен с действиями Алексеева в принципе, однако ставил под сомнение возможность непосредственного участия чешко-словацкого войска в России в подобном проекте. Во-первых, таким обстоятельством была отдаленность Донского региона от Украины и особенно от «австрийско-немецкого фронта». В этой связи Т. Г. Масарик выступил со встречным предложением. Корпус мог бы оставаться на своих прежних позициях, и служить своеобразным заслоном для прикрытия Дона и в изменившихся обстоятельствах стать авангардом. За время, пока подразделения корпуса начали бы ведение боевых операций против врага, у М. В. Алексеева и его сподвижников появилась бы возможность консолидировать части Добровольческой армии, снабдить ее необходимым оружием и снаряжением, провести обучение. Этот план был бы

[916] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 175.
[917] Чешск. – Český výpomocný spolek v Rostově na Donu.
[918] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 159 – 160.

более успешным в случае, если бы к чешско-словацким присоединились и польские войсковые единицы.

Что же касается перевода корпуса на юг России, то здесь Масарик сделал акцент на ряде очевидных трудностей (правовых, транспортных, и технических, связанных с недостаточным снабжением чешско-словацких подразделений оружием, обувью и обмундированием). Вместе с тем он предписывал Клеканде собрать информацию о возможности формирования на Дону чешско-словацкой дивизии, оценить значение данной войсковой единицы для России и ее союзников.[919]

Президиуму ОЧСНС необходимо было уяснить и политические взгляды М. В. Алексеева. Прежде всего, его отношение к созыву Учредительного собрания.[920] Это стремление имело значимый смысл для всей чешско-словацкой акции. В том случае, если бы организаторы Добровольческой армии постоянно с ним контактировали, действовали от его имени, то у чешско-словацкой стороны и союзников были бы легитимные основания для полноценного участия в процессе воссоздания российской армии, не вмешиваясь во внутренние дела России.[921]

Получив директивы от председателя ЧСНС, Ю. И. Клеканда направился в Ростов-на-Дону. Однако, прибыв в город, он не застал там М. В. Алексеева и не смог встретиться с ним лично. Тем не менее, информация была передана одному из офицеров штаба Добровольческой армии. Вполне вероятно, что последний, совместно с французским военным представителем, сообщил ее генералу.[922]

Таким образом, на рубеже 1917 – 1918 гг. у представителей Совещательной комиссии могла укрепиться надежда на то, что, в случае оказания помощи со стороны Украины и формируемых генералом Алексеевым военных подразделений, проект воссоздания российской армии мог бы оказаться вполне реализуемым. Ее членами уже были предприняты первые шаги для налаживания систематического, в том числе и военного, сотрудничества между малыми

[919] Ibid. S. 160.
[920] Ibidem ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 175 – 176.
[921] Ibid. P. 176 – 177.
[922] *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 160 ; *Fic V. M.* Revolutionary War for Independence and the Russian Question. P. 177.

народами Центральной Европы. Начала осуществляться подготовка к проведению совместного набора добровольцев чешской, словацкой, польской и румынской национальностей. Была достигнута договоренность о предоставлении чешско-словацким эмиссарам права проводить набор добровольцев среди польских военнопленных. В свою очередь, вербовщики польской национальности снабжались соответствующими чешско-словацкими удостоверениями. Данную меру пришлось принять потому, что российский Генеральный штаб не утвердил особого положения о формировании национального войска из военнопленных польской национальности. Что же касается сотрудничества с румынами в процессе набора добровольцев, то оно практиковалось уже достаточно длительное время.[923]

Взаимное сотрудничество между чешско-словацкой и польской сторонами продолжилось после того, как в Москве по настоянию секретаря Польского совета межпартийного объединения Лютославского была предпринята попытка создания Союза народов Центральной Европы как организации с более тесными связями. Польская сторона обратилась к руководству ОЧСНС с просьбой оказать помощь в проведении пропаганды среди своих соотечественников. Кроме того, был затронут и вопрос о статусе польских и чешско-словацких делегатов на будущей мирной конференции. Следовало подготовиться к тому, чтобы на ней один и тот же делегат от чешско-словацкой или польской сторон мог бы отстаивать интересы обоих народов. Это было важно, особенно в том случае, если бы по каким-либо причинам на ней был представитель лишь одного из них.[924]

Политика пришедших к власти в России и на Украине новых правительств, стремящихся к заключению с Германией и Австро-Венгрией сепаратного мира, показала членам Совещательной комиссии необходимость координации действий между различными национальными войсковыми частями, дислоцированными на территории Украины.

---

[923] *Kudela J.* Op. cit. S. 159.
[924] Ibidem.

Основным проектом для участников совещаний вновь оказался вышедший на первый план «румынский» вариант, поддержанный представителем Французской Республики на Украине генералом Жоржем Табуи.[925] 5 января 1918 г. он представил делегацию от комиссии генеральному секретарю (министру) иностранных дел УНР А. В. Шульгину. От чехов и словаков на встрече присутствовал журналист и редактор Б. Павлу. В ходе переговоров украинской стороне была предложена незамедлительная военная помощь с привлечением подразделений чешско-словацких, польских и румынских частей. Кроме того, Ж. Табуи от имени правительства Третьей республики пообещал предоставить крупный заем на сумму около 50 млн. рублей, организовать снабжение военным снаряжением и оказать дипломатическую поддержку.[926]

На момент начала переговоров генерала Табуи и членов Совещательной комиссии с А. В. Шульгиным в Париже произошли значимые изменения для реализации предложенного Т. Г. Масариком и С. Грабским проекта. Французское правительство полностью одобрило его и даже начало настаивать на скорейшем проведении в жизнь. Получив такую поддержку, Ж. Табуи стал рассматривать возможность отправки на западное крыло Румынского фронта чешско-словацких и польских частей. Более того, между представителями чешско-словацкого и польского национально-освободительных движений уже существовали определенные договоренности. В частности, частям корпуса был выделен участок фронта на линии Винница – Могилев-Подольский. Командовать объединенными чешско-словацко-польскими вооруженными силами был назначен французский генерал Лафон. В Киеве предполагалось образовать совместный чешско-польский штаб. 2 января 1918 г. ответственный за военную помощь Украине, полковник Ванье, предложил Военной комиссии при Отделении Чешско-Словацкого национального совета для России организовать и объединенный чешско-словацко-польско-украинский совет по снабжению. Французский офицер сообщил, что по данному вопросу им уже были проведены переговоры с правительством УНР.

[925] Za svobodu… Kn. 2. S. 646 – 647.
[926] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 194; 240 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 709.

Основной целью создания этой структуры была координация действий по обеспечению продовольствием и снаряжением. Также членам Совещательной комиссии предстояло создать общий орган по набору добровольцев. На него возлагалась организация широкомасштабного притока людских резервов в национальные войска. Все расходы, необходимые для проведения данной акции, должна была взять на себя французская сторона. В тот же день Ванье высказал свои соображения членам ОЧСНС и получил их одобрение.[927] Предложения, высказанные представителем французской стороны, в течение последующих дней подверглись обсуждению чешско-словацкой, польской и румынской сторонами.

Параллельно активную работу вела и французская сторона. 4 января 1918 г. французская военная миссия в Киеве запросила у Военной комиссии при ОЧСНС для России полный отчет о личном составе, организации и снаряжении Чешско-Словацкого корпуса. А 6 января ОЧСНС был проинформирован о назначении французами своего представителя при частях чешско-словацкого войска в России. Им должен был стать майор Арсен Верже. В его прямые обязанности входило информирование начальника миссии (генерала Ж. Табуи – П. М.) о материальном положении чешско-словацких частей, их нуждах. Он же готовил предложения, касающиеся организации и обучения добровольцев. С его назначением на данную должность выразил свое согласие и Т. Г. Масарик.[928] 28 декабря (10 января) 1918 г. начальник французской военной миссии в Румынии генерал А. М. Бертело проинформировал Ж. Табуи и Т. Г. Масарика о своем назначении уполномоченным за транспортировку чешско-словацких частей во Францию. Но главным было подтверждение готовности правительства Третьей республики принять на себя все расходы, связанные с финансированием чешско-словацких частей.[929]

Поддержка союзниками инициированного Т. Г. Масариком и его коллегами по ОЧСНС проекта по сближению «угнетенных народностей» стала кульминацией

---

[927] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 195.
[928] Francouzský attaché u našeho korpusu // Československý dennik. 1918. Č. 1. S. 5.
[929] Odchod vojska do Francie a jeho politický význam. Z memoranda prof. Masaryka // Československý denník. 1918. Č. 37. S. 2.

их стремлений возобновить военные действия на Восточном фронте. Однако после неудачных попыток французского и британского представителей на Украине, генерала Табуи и капитана Фицвильямса, привлечь правительство УНР на сторону Антанты, данный проект потерял всякую значимость. Одобрение Центральной Радой IV Универсала и признание Украины германской и австро-венгерской дипломатиями независимым государством стали последними событиями, обозначившими провал планов Масарика и прекращение деятельности по реорганизации русской армии.[930]

Последняя попытка возобновления военных действий на Восточном фронте представителями малых народов Центральной Европы, пусть даже без участия в ней украинской стороны, была предпринята в конце января 1918 г. Ее инициаторами вновь стали чешско-словацкая и польская стороны, переговоры между которыми продолжились и после начала боев в Киеве между большевистскими и украинскими частями. Проект был предложен командующим дислоцированного на Украине 3-го Польского армейского корпуса, генерал-лейтенантом Е. М. Михаэлис де Хеннингом. Следуя ему, поляки издали приказ, согласно которому их формирования предполагалось сосредоточить в районе Умани. Таким образом мог появиться своеобразный «мост» между Румынским фронтом и местом дислокации Чешско-Словацкого корпуса. Основную роль должен был играть 1-й Польский корпус генерала Юзефа Довбор-Мусницкого. Его предполагалось перебросить в регион из места дислокации в Белоруссии. Чешско-словацким подразделениям было предписано выйти навстречу продвигающимся на Украину польским частям и осуществить захват ключевых железнодорожных станций. Исполняя данную директиву, в начале февраля 1918 г. чешско-словацкие части были размещены на линии Житомир – Бердичев – Казатин с целью установления контроля над железнодорожными магистралями на подходах к Киеву. Однако рассчитывать на помощь со стороны поляков чехи и словаки не могли. В конце января – начале февраля 1918 г. части 1-го Польского корпуса вступили в столкновение с большевистскими частями, понеся серьезные

[930] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 195.

потери в личном составе. В мае 1918 г. его командующий был вынужден подписать с немецкими военными представителями протокол о постепенном разоружении и расформировании корпуса. Его демобилизация была проведена с 27 мая по 7 июня 1918 г.[931]

Не имел успеха и проект совместных действий Чешско-Словацкого корпуса с частями Добровольческой армии. Вероятность того, что генералам Алексееву, Корнилову и Каледину удастся собрать значительное количество добровольцев и организовать из них крупное боеспособное подразделение, была крайне слаба. Тем более, ОЧСНС к тому моменту так и не получил столь важных для Т. Г. Масарика и его коллег сведений о политической программе основателей Добровольческой армии и их отношении к Учредительному собранию.[932]

Последовавшие события показали, насколько точной была оценка возможностей генерала Алексеева по организации им на Дону армии, данная Т. Г. Масариком. В свою очередь, М. В. Алексеев продолжал делать ставку на помощь Чешско-Словацкого корпуса, к тому моменту уже провозглашенного частью автономной Чешско-Словацкой армии во Франции. По мнению Алексеева, появление частей корпуса на Дону способствовало бы стабилизации все более и более ухудшающейся обстановки в регионе. Об этом свидетельствует письмо М. В. Алексеева во французскую военную миссию, отправленное 27 января (9 февраля) 1918 г.[933] Ссылаясь на невозможность должного материального обеспечения отрядов Добровольческой армии и отсутствие людских резервов для их подкрепления, генерал Алексеев предлагал французской миссии направить одну из дивизий Чешско-Словацкого корпуса из Киева и Полтавы в район Екатеринослав – Александровск – Синельниково. В этом случае чешско-словацкие части оказали бы помощь подразделениям Добровольческой армии, создав угрозу

---

[931] *Волос М.* Польская военная организация в России и на Украине в 1917 – 1918 годах // Революционая Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 201 – 202 ; *Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku S. 505 ; *Idem.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 166 – 167 ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks… P. 265 – 268 ; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie Soviètique. Vol. 1. P. 246.

[932] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 178.

[933] Письмо генерала М. В. Алексеева главе французской военной миссии в Киеве с просьбой перебросить на Дон чехословацкий корпус // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. № 24. С. 43 – 45.

«тылу большевистских войск». Оставив в месте дислокации три чешско-словацких батальона, остальные части дивизии предполагалось направить на линию Никитовка – Дебальцево – Макеевка. Таким образом, полагал М. В. Алексеев, удалось бы предотвратить напор «в наиболее опасном направлении с запада». Затем, получив необходимое снабжение, отряды Добровольческой армии смогли бы успешно противостоять большевистским частям. Через генерала Табуи М. В. Алексеев предполагал направить в ОЧСНС ходатайство о рассмотрении предложенного им плана. В случае, если бы последний признал справедливость его соображений, он просил направить из украинской столицы на имя полковника Гюше телеграмму, в которой следовало обозначить время начала передислокации чешско-словацких войск в Донскую область.[934]

Письмо генерала Алексеева, адресованное начальнику французской военной миссии, было перехвачено в Новочеркасске большевистскими агентами вместе с везущим его курьером и, возможно, так и не дошло до адресата.[935] Таким образом, сотрудничество чешско-словацких войсковых единиц с частями Добровольческой армии не состоялось.

4.4. Между «белыми» и «красными»: контакты с советской стороной

Несмотря на то, что на момент Октябрьского переворота Масарик находился в Петрограде, он не установил официальных контактов с новым российским правительством. Объяснением его сдержанности может служить дислокация частей корпуса на территории Украины, на тот момент являвшейся автономией в пределах России. Однако более существенным было убеждение Масарика, считавшего, что пришедшие к власти большевики и левые эсеры не являются серьезной политической силой. Он полагал, что они не представляют интересы русского народа. Профессор был уверен, что только созванное Учредительное

[934] Там же. С. 44 – 45.
[935] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 179.

собрание окончательно решит вопрос о государственном будущем страны.[936] Однако, когда в результате возникшего между Центральной Радой и Советом народных комиссаров политического конфликта последний направил на Украину воинские части для установления своего контроля в регионе, руководству ОЧСНС пришлось считаться и с новой властью. 15 (28) января войсковые единицы под командованием бывшего подполковника русской императорской армии М. А. Муравьева начали осаду Киева.

Стремясь заручиться поддержкой для подавления начавшихся в Киеве волнений, а также организации обороны города, украинское правительство вновь начало делать ставку на возможность привлечения частей Чешско-Словацкого корпуса. Об этом оно адресовало лидеру ЧСНС прямой запрос. Однако он был отклонен на том основании, что украинцы «сражаются против собственного народа». Более того, Масарик вновь заявил о необходимости сохранения нейтралитета.

Для того, чтобы объяснить свою позицию украинской стороне и избежать таким образом каких-либо неправильных толкований занятой чехо-словаками позиции, 21 января (3 февраля) 1918 г. президиум ОЧСНС издал воззвание, адресованное горожанам Киева. Оно было направлено на предотвращение слухов об участии расквартированных за пределами города частей чешско-словацкого войска в боях между большевистскими и украинскими подразделениями. Эта информация была объявлена злостной провокацией.[937]

Начало военных действий в окрестностях Киева и в самом городе побудило руководство ОЧСНС пойти на срочное принятие мер по решению судьбы Чешско-Словацкого корпуса в пользу его фактического прикрепления к организуемой на территории Франции автономной чешско-словацкой армии. Первоначальный вариант текста данной резолюции был рассмотрен еще 15 (28) января 1918 г., в первый день осады Киева Муравьевым. Все вопросы, связанные с изменением структуры чешско-словацкого войска в России и определением его задач в ходе

[936] O naší politické situaci. Výtah z řeči prof. Masaryka na plenární schůzi OČNR 1. prosince 1917 v Kyjevě // Čechoslovák. 1917. Roč. 3. Č. 117. S. 1.
[937] Гражданам города Киева // Československý denník. 1918. Č. 15. S. 1.

ведения военных действий отныне предполагалось теснейшим образом согласовывать с союзниками.[938] Окончательный вариант воззвания был подписан Т. Г. Масариком, П. Максой, Р. Медеком, Ю. И. Клецандой и И. Марковичем во время состоявшегося 25 января (7 февраля) 1918 г. 29-го заседания Президиума ОЧСНС.[939]

26 января (8 февраля) пал Киев. Свержение власти Центральной Рады было воспринято чешско-словацкой стороной как шаг, ведущий к восстановлению прежнего статуса России и возобновлению ее участия в мировой войне. «Победа большевиков над украинской Центральной Радой, - отмечалось в традиционном обзоре последних новостей номера газеты «Ческословенски денник» от 28 января (10 февраля), - не означает конец автономии Украины (…), но означает конец сепаратного мира, означает сохранение единого русского фронта против Австро-Венгрии, словом, означает значительный ущерб для габсбургского государства».[940] В статье отмечалось, что Австро-Венгрия тем самым лишилась возможности вывозить с территории Украины столь необходимые для нее продовольственные ресурсы. Приветствовалось и установление в регионе контроля со стороны Петрограда и Украинского Народного секретариата. Мир, подписанный 27 января (9 февраля) 1918 г. в Брест-Литовске между делегацией правительства УНР и Центральными державами был охарактеризован как «сепаратный». При этом, переговоры советской делегации, согласно ее заявлениям, были направлены на достижение всеобщего демократического мира. Таким образом, можно сделать вывод, что в первые дни после захвата большевиками Киева у представителей Отделения Национального совета для России все еще оставалась надежда, пусть и крайне малая, на то, что новое правительство в Петрограде сможет организовать как политическое, так и военное сопротивление блоку Центральных держав.[941]

Тем временем ОЧСНС приступил к работе, направленной на достижение дальнейших договоренностей относительно положения Чешско-Словацкого

[938] Prohlášení čs. vojska v Rusku za součast autonomní čs. armády ve Francii // *Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl III. S. 20.
[939] Prohlašení // Československý dennik. 1918. Č. 15. S. 1.
[940] V Kyjevě 9. února // Československý denník. 1918. Č. 15. S. 2.
[941] Ibidem.

корпуса. С этой целью вечером 27 января (9 февраля) к Муравьеву был направлен Прокоп Макса. Он прибыл совместно с представителями французской военной миссии. Муравьев был хорошо информирован о положении чешско-словацкого войска, подвигах, совершенных его добровольцами. С похвалой отозвался он и о решении ОЧСНС занять нейтралитет по отношению к происходившей внутри России борьбе за власть и конфликтам между различными группировками и партиями. С целью продемонстрировать готовность большевиков к открытому диалогу с представителями Национального совета, Муравьев издал приказ, запрещающий задерживать, обыскивать и разоружать чешско-словацких солдат и офицеров. Также было обещано подтвердить достигнутые еще во время боев за Киев договоренности. Кроме того, главнокомандующий большевистскими частями пожелал лично встретиться с Т. Г. Масариком на запланированных переговорах с представителями стран Антанты.[942]

Они состоялись во второй половине дня, 28 января (10 февраля) 1918 г., в Киеве, в штабном поезде М. А. Муравьева. На встрече присутствовали: от французской стороны – генерал Ж. Табуи, от британской – капитан Фицвильямс, от сербской – полковник Б. Лонткиевич и консул Димитриевич. Чешско-Словацкий национальный совет был представлен Т. Г. Масариком и П. Максой. Большевиков представляли, помимо самого Муравьева и членов его штаба, народный секретарь по военным делам Ю. М. Коцюбинский и его сотрудники.[943]

Важной проблемой, затронутой на данном совещании, стало выяснение позиции союзных представителей по отношению к Центральной Раде. В ходе ее обсуждения лидер ЧСНС подчеркнул, что чехи и словаки признали заявленное в III Универсале государственное устройство Украинской Народной Республики. Что же касается IV Универсала, то чешско-словацкая сторона официально выразила протест правительству УНР в связи с его принятием. Муравьев одобрил позицию Масарика. Вместе с Коцюбинским он подтвердил свое согласие с

---

[942] Poslední boje o Kyjev // Československý denník. 1918. Č. 15. S. 4 ; U představitelů voj[s]ka lidových komisařů // Československý denník. 1918. Č. 17. S. 2 ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 199 – 200 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 24 ; *Idem.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 167.

[943] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 200. ; U představitelů voj[s]ka lidových komisařů... S. 2.

принципом вооруженного нейтралитета чешско-словацких частей. Они пообещали в ближайшее время издать приказ, предписывавший выделять корпусу необходимые для его содержания денежные средства, провизию, оружие и снаряжение. Единственное пожелание, которое Муравьев и Коцюбинский выразили со своей стороны, состояло в том, чтобы чешско-словацкие части обеспечили в местах их расквартирования общественный порядок и продолжали нести сторожевую службу «у объектов небоевого значения». Вопросы, связанные с предоставлением Чешско-Словацкому корпусу транспортов, предполагалось решать совместно с назначаемыми большевиками на Украине народными секретарями.[944]

Будучи по своей натуре авантюристом и крайне честолюбивым человеком, М. А. Муравьев предложил военным и дипломатическим представителям Антанты и Т. Г. Масарику собственный план организации сопротивления против возможного наступления армий Германии и Австро-Венгрии. Оно могло бы быть предпринято ими с целью поддержать восстановление на Украине власти Центральной Рады. Муравьев согласился с решением Т. Г. Масарика и его коллег о необходимости концентрации всего войска в одном месте дислокации. Это помогло бы достичь его большей мобильности. Одновременно он заявил о необходимости его последующей отправки на правое крыло Восточного фронта, или же в другое место, сообразно ситуации. Рассматривался вариант, согласно которому чешско-словацкие добровольцы, в случае начала на территории Австро-Венгрии антиправительственных выступлений, пересекли бы ее государственную границу и приняли участие в начавшейся там революции. Сам Муравьев считал наиболее желательной реализацию второго сценария. В таком случае было обещано предоставить «из фронтового района» все необходимое для успешного претворения в жизнь предложенного плана. Впрочем, окончательное его одобрение должен был принять Петроград.

В ответ на это предложение Т. Г. Масарик объяснил, что он в течение длительного времени рассматривал идею отправки чешско-словацких частей на

[944] Ibidem ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 25.

Румынский фронт, но был вынужден отказаться от этого проекта. Как в Румынии, так и на Украине, не существовало боеспособных сил, которые могли бы оказать серьезное сопротивление армиям Центральных держав. Единственным вариантом было направление чешско-словацких воинских контингентов на Западный фронт, во Францию.[945]

Сам Муравьев не имел на это никаких возражений. Однако более целесообразным, согласно его мнению, было бы сосредоточить части корпуса «в районе фронта в сильных группах». Не возражал он и против заявленного Т. Г. Масариком и его коллегами продолжения набора чешско-словацких добровольцев в части корпуса.[946] Кроме того, все дальнейшие проблемы, связанные с положением чешско-словацкого войска на Украине, ОЧСНС и представителям корпуса предстояло обсудить с военным ведомством Народного секретариата.[947]

Несмотря на одобрение М. А. Муравьевым занятой чешско-словацкой стороной позиции и высказанную им готовность возобновить военные действия против Центральных держав, Масарик продолжал относиться к большевикам крайне сдержанно.[948] Он был обеспокоен и угрозой потери единства среди участников заграничной акции.

Нельзя было оставить без внимания деятельность чешско-словацких социал-демократов. 1 (14) февраля в «Известиях» киевского Совета рабочих и солдатских депутатов был опубликован декрет о начале формирования чешско-словацкой красной гвардии. Затем пришли и известия об организуемых Ф. Кралем и капитаном Немечеком чешско-словацких подразделений в составе Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева.[949] Подобные инициативы несли в себе серьезный урон сплоченности рядов чешско-словацкой армии. К тому же было мало надежды на то, что большевики смогут оказать мощное

---

[945] *Fic V.M.* Revolutionary War… P. 200 – 201.
[946] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 24 – 25.
[947] Ibid. S. 25.
[948] Z řeči prof. Masaryka na informační schůzi OČSNR v Kyjevě dne 14. (1.) února 1918 // Československý denník. 1918. Č. 24. S. 2.
[949] Proti tvoření rudé gardy. Resoluce Československé socialně-demokratické organisace dělnické // Československý denník. 1918. Č. 22. S. 3 ; *Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 171 – 172.

сопротивление в случае возобновления наступления германских и австро-венгерских войск на Восточном фронте.[950]

Более того, стало известно, что представители правительства УНР и Центральной Рады, покинувшие Киев во время осады, окончательно признали необходимость военной помощи со стороны Германии и Австро-Венгрии. Они хотели бы получить в свое распоряжение находящихся на их территории военнопленных украинской национальности, а также подразделения, состоявшие из военнослужащих-украинцев.[951] В таком случае главнокомандующий советских войск на Украине рассчитывал на поддержку Чешско-Словацкого корпуса. О возможности его использования в боевых действиях Муравьев сообщил в Петроград телеграммой от 31 января (12 февраля) 1918 г., адресованной В. И. Ленину и В. А. Антонову-Овсеенко. В ней он напрямую просил у Совнаркома «разрешения сосредоточить весь Чехо-Словацкий корпус ближе к австрийской границе», намереваясь использовать его части «для загромождения пути австрийским и германским корпусам».[952]

Именно эти обстоятельства и заставили председателя ЧСНС начать новый этап переговоров о транспортировке чешско-словацких частей во Францию. 1(14) февраля он встретился с генералом Ж. Табуи и майором А. Верже. Во время разговора с французскими военными представителями Масарик настаивал на необходимости ускорить отъезд Чешско-Словацкого корпуса с территории России.[953] Кроме того, он просил их как можно активнее содействовать выполнению обещания о финансировании транспортировки войска и покрытии всех расходов, связанных с его содержанием. Он ссылался на принятые на себя правительством Третьей республики обязательства. Для этого предстояло заключить необходимые соглашения с российскими банками. Итоги совещания Масарика с Табуи и Верже оказались для чешско-словацкой стороны успешными. Французские военные представители выразили свое согласие с позицией Т. Г.

---

[950] Za svobodu... Kn. 2. S. 829.
[951] *Михутина И.* Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. С. 247 – 248.
[952] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о Гражданской войне. Т. 1. М., 1924. С. 159 – 160.
[953] *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks... P. 239 – 240.

Масарика и обсудили с ним форму, в которой должна была быть оказана помощь чехам и словакам: она предоставлялась им в виде государственного заема.[954]

На следующий день, 2 (15) февраля, состоялась встреча лидера ЧСНС и М. А. Муравьева. Тот согласился с передачей Франции всех забот по содержанию чешско-словацких частей и дальнейшей их переброске. Однако в этом случае следовало получить разрешение от Совета народных комиссаров. Муравьев обещал сообщить членам российского правительства о предложениях Масарика.[955]

Позиция командования большевистских войск была передана Масарику в письме, датированном 3 (16) февраля 1918 г. Муравьев сообщил, что советское правительство не имеет никаких возражений против отъезда чешско-словацких частей из России во Францию, равно как и их перехода на содержание держав Антанты.[956]

В это время Масарик занялся технической стороной переброски корпуса на Западный фронт. 4 (17) февраля он посетил 37-е заседание Президиума ОЧСНС. В его докладе решение об отъезде Чешско-Словацкого корпуса во Францию было представлено как окончательное и не поддающееся пересмотру. Затронута была на совещании и финансовая сторона его транспортировки. Основной причиной обращения Масарика к этой проблеме было то обстоятельство, что переговоры с французской стороной о снабжении корпуса еще не были завершены, а для организации переброски двух дивизий требовалось около полумиллиона рублей. Масарик предложил обеспечить их поступление за счет организации среди пребывающих в России чехов и словаков военного займа.

Кроме того, было принято решение обратиться за помощью к М. А. Муравьеву. Члены Президиума постановили направить к главнокомандующему советских войск на Украине П. Максу с ходатайством о предоставлении аванса в 3 млн рублей для покрытия нужд войска. Предполагалось воспользоваться и

---

[954] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 202.
[955] Ibid. P. 203.
[956] V Kyjevě dne 16. února 1918. Náčelník štábu vrchního velitele Muravjeva komisaři československých vojsk prof. Masarykovi: sděluje, že vrchní velitel Muravjev nemá námitek proti dopravě československého vojska do Francie a proti jeho vydržování jinymi vládami // *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl III. № 268. S. 632 – 633.

французским счетом, размещенным в одном из киевских банков. В этот же день Масариком была произведена приблизительная оценка затрат, необходимых для реализации транспортировки корпуса. В первую очередь, речь шла о российской части пути его продвижения в Западную Европу. Подготовленный Т. Г. Масариком отчет был направлен на рассмотрение генерала Ж. Табуи.[957]

Ответ комиссара правительства Третьей республики на Украине не заставил себя долго ждать. Он был получен уже на следующий день. В письме, переданном майором Верже, сообщалось о согласии Парижа на эту акцию. Все финансовые средства, необходимые для покрытия расходов, объявлялись для ОЧСНС доступными. При этом французская сторона настаивала на организации немедленного выезда корпуса из России. Его командованию рекомендовалось осуществлять переброску добровольцев через Владивосток. Что же касается «северного» пути, то он был невозможен, поскольку навигация в Архангельске была прекращена до мая, а мурманская железная дорога находилась в крайне плохом техническом состоянии. Отправка корпуса на Западный фронт «восточным» путем была воспринята как более надежное решение, ибо во Владивостоке было больше возможности получить необходимые морские суда. При этом и условия, в которых части корпуса ожидали бы их прибытия, представлялись более комфортными и благоприятными. Были сформулированы две основные причины переброски корпуса. Первая – политическая – неопределенность ситуации в России. Вторая – стратегическая – из-за невозможности сдерживания исключительно частями Чешско-Словацкого корпуса наступления на Восточном фронте воинских контингентов Центральных держав.[958]

Политический и военный кризис в России продолжали нарастать. 16 февраля председатель комиссии по перемирию между Советской Россией и Центральными державами генерал А. А. Самойло, а затем, 17 февраля, и сам начальник штаба Главнокомандующего германских войск на Восточном фронте генерал Макс

[957] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 204 – 205 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi… S. 26.
[958] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 205 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi… S. 28.

Гофман сообщили советскому правительству о намерении германского командования возобновить с 18 февраля военные действия. В назначенный день немецкие войска начали наступление на всех участках фронта. На северном направлении им удалось занять Двинск. На Украине они продвинулись к Луцку, где заблокировали возможность вывоза из города инженерного имущества и артиллерии. Оставшиеся на линии фронта части бывшей русской армии оказывали сопротивление противнику, однако их силы оказались в значительной степени малы по сравнению с войсковыми контингентами Германии и присоединившимися к ним австро-венгерскими дивизиями.[959]

По мере продвижения войск неприятеля вглубь региона представители Центральной Рады активно вели работу по организации собственных добровольческих частей. В этих условиях украинское советское правительство вновь решило прибегнуть к использованию частей Чешско-Словацкого корпуса. Оно потребовало немедленной военной помощи. Было заявлено, что в данный момент чехам и словакам предоставлялась возможность продемонстрировать свои убеждения на деле. Провозглашалось, что операции против немецких и австро-венгерских войск фактически означают возобновление российской стороной боевых действий на Восточном фронте. В таком случае, согласно всем прежним заявлениям Т. Г. Масарика, чехи и словаки были морально обязаны помочь большевикам в противостоянии врагу.[960]

В свою очередь руководство ОЧСНС понимало, что представители ЦИК Украины и Народного секретариата не имели достаточных ресурсов для серьезного отпора германским и австро-венгерским армиям. 19 февраля П. Макса, Ю. И. Клецанда и начальник штаба Чешско-Словацкого корпуса генерал М. К. Дитерихс в сопровождении народного секретаря труда Н. А. Скрыпника и заместителя народного секретаря по военным делам Ю. М. Коцюбинского направились в специальном поезде в Бердичев. Там располагался штаб действовавших на Украине вооруженных сил, организованных советской властью.

---

[959] *Михутина И.* Украинский Брестский мир… С. 251 ; *Niessel H. A.* Le triomphe des bolchéviks... P. 233 – 234; 251 ; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie Soviètique... P. 218 – 219 ; *Renouvin P.* La crise européene... P. 491 – 492.
[960] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 205 – 206.

Однако из-за дезорганизации железнодорожного сообщения до места назначения делегаты не добрались. Переговоры было решено провести в находящемся на пути к Бердичеву Фастове. Представителем от командования дислоцированных на территории региона советских частей был комиссар Павлов.[961]

Большевики заявили о своем намерении организовать из остававшихся на линии фронта частей бывшей русской армии военный контингент численностью в 150 000 человек. Это позволило бы при содействии со стороны Чешско-Словацкого корпуса занять «стратегическую» линию для отражения натиска контингентов Центральных держав. Она должна была протянуться от Южной Буковины через Каменец-Подольский, а затем – по дороге на Жмеринку и по направлению к Днепру.[962]

Представители чехов и словаков понимали утопичность планов большевиков. В этой сложной ситуации им удалось добиться согласия на то, чтобы дивизии их корпуса не принимали участие в военных действиях на правом берегу Днепра. Там они могли бы войти в соприкосновение с украинскими частями. Данный отрезок фронта должны были занять советские войсковые единицы. Частям Чешско-Словацкого корпуса предписывалось отойти за левый берег Днепра к Пирятину, в район железнодорожной линии Гребенка – Ичня. Оттуда они могли выступить к Киеву лишь в том случае, если бы выяснилось, что наступление вели немецкие, а не украинские части. Во многом этому способствовало убеждение в том, что немецкие войска в случае занятия Киева не будут продвигаться далее на восток региона.[963] Было принято решение, что Чешско-Словацкий корпус присоединится к боевым действиям тогда, когда украинскому советскому правительству удастся организовать оборону столицы.[964]

В исполнение заключенного между ОЧСНС и командованием советскими вооруженными силами соглашения Народный секретариат и штаб Юго-Западного фронта выпустили приказы, предписывавшие идти навстречу всем требованиям

---

[961] Ibid. P. 206.
[962] *Maxa P.* Náš odchod z Ukrajiny. Ze starých papíru redakčních // Československý denník. 1918. Č. 102. S. 1 – 2.
[963] Ibidem ; *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 207.
[964] *Maxa P.* Náš odchod z Ukrajiny. S. 2.

чешско-словацкой стороны. В первую очередь были претворены в жизнь сделанные ранее М. А. Муравьевым и представителями Народного секретариата обещания относительно предоставления необходимых финансовых средств. Так, П. Макса добился перевода с французского банковского счета в Киеве необходимой для нужд чешско-словацкого войска суммы в 300 000 рублей.[965] Еще 50 000 рублей из имеющихся в его распоряжении средств вместе с большим запасом обуви предоставил после переговоров в Фастове комиссар Павлов.

Договор ОЧСНС с представителями украинского советского правительства оказался достаточно выгодным шагом. Благодаря ему представители Национального совета и командования корпуса смогли выиграть время, отведя части войска с линии фронта в тыл, и сконцентрировать их для подготовки к транспортировке через территорию России во Владивосток.[966]

21 февраля 1918 г. Президиум ОЧСНС постановил издать приказ, предписывавший частям Чешско-Словацкого корпуса приступить к отходу из мест их прежней дислокации. В этот же день генерал А. Ниссель сообщил Масарику о наличии в Москве доступных финансовых средств для проведения переброски корпуса. Ответственным за их перечисление чешско-словацкой стороне был назначен французский консул, генерал Рампон. Последний сообщил Масарику о невозможности организации дальнейшей обороны Украины. Это и стало последним аргументом в пользу вывода частей корпуса из России.[967] В телеграмме, отправленной 25 февраля в Военное министерство Третьей республики, генерал Ниссель доложил об отсутствии перспективы отправить корпус во Францию через порты в европейской части России. Он призвал Масарика направить чешско-словацкое войско на Дальний Восток. В случае отсутствия морских судов во Владивостоке, предполагалось отправлять добровольцев через Дальний или Тяньцзинь. Кроме того, он заявил о своем

[965] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 207.
[966] Ibid. P. 207 – 208.
[967] Ibid. P. 208.

намерении начать вместе с французским послом переговоры о замене находящейся на территории Франции русской бригады чешскими частями.[968]

Начались последние приготовления к отъезду чешско-словацкого войска. Полученные от генерала Табуи 400 000 франков, равно как и выданные британской миссией на Украине 20 чеков на общую сумму в 4 000 фунтов стерлингов, 21 февраля были переданы Масариком казначею ОЧСНС для России Франтишеку Шипу.[969] На следующий день, 22 февраля, чешский профессор выехал из Киева в поезде, предоставленном М. А. Муравьевым представителям союзных миссий вместе с генералом Табуи, майором Верже, британским представителем капитаном Фицвильямсом и Ф. Шипом. Затем их пути разделились: члены военных миссий отправились в Вологду, а Масарик и Шип – в Москву, где им предстояло обсудить вопросы, связанные с финансированием транспортировки корпуса на Западный фронт с консулом Рампоном.[970]

Оставшимися в Киеве после отъезда Масарика членами ОЧСНС было принято решение об отводе чешско-словацкого войска за Днепр в ходе двух последних заседаний Президиума, состоявшихся 22 – 23 февраля 1918 г. В эти же дни была произведена эвакуация канцелярии ОЧСНС и редакции газеты «Ческословенски денник» в Пирятин. В Киеве продолжали действовать узкий состав Президиума и часть сотрудников канцелярии Комиссии по делам военнопленных. Среди них были заместитель председателя ОЧСНС и полномочный комиссар при Чешско-Словацком корпусе П. Макса, секретарь И. Маркович, референт военного отдела Эйзенбергер, представитель информационного комитета Й. Кудела. [971]

Тем временем Масарик уже был в Москве. На состоявшемся 27 февраля 1918 г. собрании членов ОЧСНС он произнес речь, в которой были затронуты многие стороны пребывания чешско-словацкого войска в России. Она была адресована как соотечественникам, осуществлявшим здесь от лица Национального совета

---

[968] VÚA – VHA. F. FL – GŠ. Inv. jedn. 80. Karton 5.
[969] *Fic V. M.* Revolutionary War… P. 209.
[970] Ibid. P. 209 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 28 ; *Vergé A.* Avec les Tchécoslovaques. P. 71 – 72.
[971] *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi... S. 29.

политическую работу, так и добровольцам. Главной оставалась судьба армии. Профессор сообщил, что транспортировка корпуса будет осуществляться по частям. Необходимо было продолжать и набор добровольцев в ряды войска. Новые сборные пункты могли появиться на Дону и в Сибири. Здесь следовало формировать вооруженные войсковые части, после чего они должны были отправляться в дальнейший путь.[972]

На следующий день, 28 февраля, Бенеш направил председателю ЧСНС две телеграммы, в которых было выражено согласие Парижа с отъездом корпуса из России. Парижский центр заграничного сопротивления и французское правительство полностью разделяли точку зрения Т. Г. Масарика. Генеральный секретарь ЧСНС просил своего коллегу сделать все необходимые приготовления для отведения частей корпуса из «зон германского влияния», а затем последующего их передвижения в восточном направлении. Из телеграммы следует, что действовавшее на территории России Отделение Национального совета должно было, «в случае необходимости», перевезти, по крайней мере, часть чешско-словацких добровольцев через Владивосток, «как это удалось сделать с сербской бригадой».[973] Сообщалось, что все находящиеся на территории

---

[972] *Herben J.* T. G. Masaryk. Díl II. S. 602 ; *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 30 ; *Idem.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. S. 167 – 168 ; Za svobodu… Kn. 2. S. 829.

[973] Вывоз частей Сербского добровольческого корпуса из России в Европу для последующей их переброски на Салоникский фронт был начат еще до Февральской революции и был произведен в несколько этапов. Первая партия его военнослужащих, состоявшая из 28 офицеров и 1157 нижних чинов, была вывезена через северный российский порт Романов в начале января 1917 г. Еще один транспорт, в состав которого вошли штаб корпуса и добровольцы 2-й дивизии, в конце августа 1917 г. был направлен в Архангельск, однако в связи с начавшимся выступлением генерала Корнилова его движение было приостановлено в Москве, Вологде и Ярославле, затем вновь возобновлено. После отплытия из Архангельска на трех российских кораблях сербские войсковые единицы 20 сентября (3 октября) 1917 г. прибыли в Великобританию, после чего были отправлены во Францию для переформирования. Зимой 1917 г. через Италию они были доставлены на Салоникский фронт. До конца января 1918 г. на Балканы была переправлена и еще одна группа военнослужащих добровольческого корпуса. В ее состав вошли подразделения 1-й дивизии – штаб и ее 1-я бригада (7 военных чиновников, 181 офицер и 4 968 солдат). В процитированной телеграмме Э. Бенеша был сделан намек на обстоятельства выезда из России последнего транспорта сербских добровольцев, в состав которого вошли 2-я бригада первой дивизии, полевой лазарет 1-й дивизии и учебный батальон корпуса. Их путь на Балканы оказался достаточно долгим. Выехав из прежнего места дислокации в молдавском селе Этулия 30 октября (12 ноября) 1917 г., эшелоны с добровольцами были направлены в сторону Архангельска, однако затем задержаны в Вологде и Ярославле из-за отсутствия в порту необходимых для их транспотировки морских судов. Отвечавшая за транпортировку частей французская военная миссия приняла решение перебросить корпус на Дальний Восток, в Порт-Артур. Разрешение советских властей на возобновление движения эшелонов было получено в начале 1918 г. Через Сибирь части Сербского добровольческого корпуса прибыли в Иркутск. К 22 января (4 февраля) они уже находились на границе Маньчжурии, где было произведено их разоружение. Затем добровольцы в японских вагонах были отправлены в порт Дайрен, откуда 25 февраля 1918 г. отплыли в Сингапур. См.: *Вишняков Я. В.* Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // *Вишняков Я. В., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. С. 59 – 60.

России французские военные представители были информированы Парижем о скором получении соответствующих инструкций. Военнопленным чешского и словацкого происхождения, еще не поступившим на службу в национальное войско, предписывалось «отступить» из германской зоны. В новых местах дислокации им предстояло ожидать дальнейших приказов.[974]

Решающим событием в судьбе находившихся на территории бывшей Российской империи чешско-словацких войск стал сепаратный мир, заключенный в Брест-Литовске между Советской Россией и Центральными державами. По сути, данная ситуация стала подтверждением правильности оценок, к которым пришел лидер чешско-словацкого национально-освободительного движения, анализируя политическую ситуацию в стране. В день его подписания Т. Г. Масарик, находившийся на тот момент в Москве и готовившийся к отъезду в США, составил для французской военной миссии в России «Докладную записку о чешско-словацком войске и военнопленных».[975] В ней, как и в речи от 27 февраля, вновь рассматривалось положение, сложившееся в России к началу марта 1918 г. В частности, в центре его внимания оказались отношения представителей чешско-словацкого национально-освободительного движения с царским и Временным правительствами, с Центральной Радой, Генеральным секретариатом Украинской Народной Республики украинскими советскими властями и большевистским правительством.[976]

Значительная часть была посвящена состоянию Чешско-Словацкого корпуса в России и его отправке во Францию. Для Масарика важнейшим оставался вопрос о нейтралитете корпуса в условиях нараставшего кризиса в России. Он был убежден, что покидающее территорию страны войско будет и дальше придерживаться принципа невмешательства.[977] Было обосновано и политическое значение перевода Чешско-Словацкого корпуса на Западный фронт. Их появление

---

[974] E. Beneš T. G. Masarykovi. [Paříž, 28. února 1918] // Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Díl I. 1914 – 1918. Praha, 2004. № 211. S. 252.
[975] 3. března, Moskva. – Pamětní záznam předsedy ČSNR T. G. Masaryka o československé zahraniční akci, vojenských jednotkách a valečných zajatcích // Vznik Československa. 1918. Dok. 13. S. 55 – 65 ; *Henry Ch. De Méans F.* L'Armée Tchécoslovaque. P. 119.
[976] Ibid. S. 55.
[977] Ibid. S. 59.

на полях сражений стало бы свидетельством политического развала Австро-Венгрии.[978]

При этом лидер ЧСНС еще допускал возможность использования чешско-словацкого войска в России. Из записки следует, что он не исключал вероятность выступления советского правительства «против врага, заставившего его принять столь унизительный и прямо-таки воровской мир». Председатель ЧСНС констатировал тот факт, что Чешско-Словацкий корпус представлял собой «единственную организованную вооруженную силу» на территории бывшей Российской империи. Исходя из этого тезиса, он допускал, что, в случае достижения договоренности с Петроградом, дипломаты и военные западных держав Антанты согласились бы оставить его на территории страны. В этом случае следовало заключить соответствующий договор, по-новому урегулировать все финансовые вопросы.[979]

Затрагивалась в документах и проблема формирования на территории России новых чешско-словацких частей. Ввиду недопустимости возвращения военнопленных в Австро-Венгрию, комиссиям ОЧСНС предписывалось начать работу по набору второго, а впоследствии, возможно, и третьего Чешско-Словацких корпусов. Для осуществления этих замыслов среди военнопленных следовало провести необходимую организационную работу. В том случае, если бы российское правительство высказалось бы против инициативы ЧСНС по формированию на своей территории новых войсковых подразделений, деятельность чешско-словацкой стороны свелась бы к формированию отрядов военнопленных для последующей их отправки во Францию.[980]

Таким образом, для Масарика главным стало оценить создавшуюся ситуацию и наметить дальнейшие действия. Несмотря на, казалось бы, окончательно принятое решение о переброске частей Чешско-Словацкого корпуса на Западный фронт, он не исключал возможность того, что пришедшее к власти в России советское правительство сможет воссоздать русскую армию.

---

[978] Ibid. S. 60 – 61.
[979] Ibid. S. 61 – 62.
[980] Ibid. S. 63.

В трансформации взглядов лидера ЧСНС на дальнейшую судьбу чешско-словацких военнопленных важную роль играла именно динамика изменений в политической ситуации в России. Наблюдая за ее развитием, прекрасно понимая необходимость оценки позиций противостоящих политических сил, этот опытный политик исходил, в первую очередь, из их способности организовать сопротивление войскам Центральных держав. В этом ракурсе главным было воскресить утраченную славу русской армии и тем самым способствовать новому открытию Восточного фронта.

Ориентация на помощь правительства Франции, ее дипломатических и военных представителей в России окончательно стала преобладать у Т. Г. Масарика и его коллег лишь в середине февраля 1918 г. Именно тогда стала полностью ясна позиция правительства Украинской Народной Республики, делегация которого пошла на заключение сепаратного мирного договора в Брест-Литовске.

Необходимо также отметить, что на данном этапе очевидно установление Т. Г. Масариком и его окружением тесных контактов с представителями Французской Республики в России. Был приниципиально решен вопрос об использовании Чешско-Словацкого корпуса в чисто военном ракурсе, о чем свидетельствуют планы, разрабатывавшиеся в рассматриваемый период генералами А. М. Бертело и Ж. Табуи. Более того, решение вопроса о дальнейшей судьбе корпуса и финансировании его переброски во Францию в рассматриваемый период принималось Масариком и Президиумом ОЧСНС для России в полном согласии с французской стороной.

Заключение

Предметом диссертационного исследования стало рассмотрение одной из наиболее важных проблем в истории чешско-словацкого заграничного сопротивления – изучение влияния «французского» фактора на процесс создания и деятельность на территории России чешско-словацких войсковых подразделений. Основной акцент был сделан на определении механизмов и степени влияния, оказываемого на данный процесс французскими правительственными, военными и дипломатическими кругами. Для более точного освещения данной проблематики значительное место было уделено процессам организации во Франции чешско-словацкого национально-освободительного движения. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Представители существовавшей в Париже чешской диаспоры сыграли значимую роль в организации чешско-словацкого заграничного сопротивления в годы Первой мировой войны. Оказавшись изолированными от политической жизни в Чешских землях, они были вынуждены действовать самостоятельно. Руководство Комитета чешской колонии в Париже стало первопроходцем в деле установления контактов с общественными деятелями, учеными и немногочисленными политиками, еще до войны интересовавшимися чешским вопросом – так называемыми «французскими друзьями» чехов. Благодаря их посредничеству ему удалось установить контакты с правительственными учреждениями Третьей республики.

Первыми председателями Комитета – Йозефом Гофманом-Кратким и Йозефом Чапеком – было положено начало активной деятельности по пропаганде чешского вопроса и в практическом плане – организации системы помощи нуждающимся соотечественникам. Чешские добровольцы участвовали и в военной акции: в августе 1914 г. в составе 2-го маршевого полка Иностранного легиона была создана первая войсковая единица, полностью состоявшая из них –

рота «Наздар». Действия «французских» чехов получили отклик у правительства Третьей республики. Однако он был неоднозначным. С одной стороны, французские государственные учреждения, предоставив чехам в октябре 1914 г. ряд льгот, легитимизировали их пребывание на территории страны. С другой стороны инициативы, предпринятые в 1914 – 1915 гг. парижской колонией по отправке добровольцев в Иностранный легион, не получили дальнейшего развития. Этому во многом способствовало восприятие официальными представителями Третьей республики чехов как подданных своего противника – Австро-Венгрии. На невозможность создания во Франции крупных чешско-словацких войсковых частей во многом влияло и отсутствие в стране пленных австро-венгерской армии чешского и словацкого происхождения.

Шаги, предпринятые «французскими» чехами, подготовили почву для организации в Париже Т. Г. Масариком, Й. Дюрихом, Э. Бенешем и М. Р. Штефаником основного центра чешско-словацкой акции за границей. Состоявшаяся в феврале 1916 г., при посредничестве М. Р. Штефаника встреча Т. Г. Масарика с председателем Совета министров и министром иностранных дел Третьей республики А. Брианом повлекла за собой признание французской стороной лозунгов чешского национального движения. Получив от этого государственного и политического деятеля обещание всесторонней поддержки, руководство Чешско-Словацкого национального совета значительно повысило свой статус на международной арене.

Укрепились позиции Масарика и среди политических деятелей иных славянских народов. Кроме того, заявление Бриана способствовало усилению веса национально-освободительного движения чехов и словаков в глазах дипломатических представителей Российской империи во Франции и, в первую очередь, российского посла в Париже А. П. Извольского.[981] Таким образом, первые контакты чешских и словацких политиков-эмигрантов с французской политической элитой стали важным шагом в организуемой ими за границей пропагандистской деятельности. Ее главным лозунгом в это время стала

[981] *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Т. 1. С. 106 – 108.

необходимость уничтожения Австро-Венгрии и создания на ее обломках независимого государства чехов и словаков.

2. Заинтересованность французской стороны процессом формирования чешско-словацких воинских частей в России начала отчетливо проявляться в 1916 г. Об этом непосредственно свидетельствуют переговоры между дипломатами Французской Республики и Российской империи. Основной причиной их проведения стали понесенные в ходе предыдущих кампаний армии Третьей республики серьезные людские потери. Они вынудили французское правительство уже в декабре 1915 г. обратиться к своим союзникам по Антанте и, в первую очередь, Российской империи, с ходатайством о предоставлении людских ресурсов, необходимых для работы на военных фабриках и заводах, а также для службы в армии. Данная ситуация оказалась выгодна и руководителям основанного в феврале 1916 г. Чешско-Словацкого национального совета. В июне 1916 г. они начали разработку плана переброски на Западный фронт вместе с подразделениями Русской императорской армии чешских и словацких военнопленных. Основная цель их усилий заключалась в стремлении организовать собственные национальные войсковые контингенты. Они обуславливались, в первую очередь, политическими соображениями. Имея в своем распоряжении чешско-словацкие формирования, сражающиеся на стороне армий держав Антанты, Национальный совет мог бы как нельзя лучше проявить себя в качестве их союзника. При этом основную деятельность по организации чешско-словацких частей Масарик летом 1916 г. предполагал поручить лидерам чешских и словацких обществ в России, которые уже имели определенный опыт в таком направлении. Что же касается отправки пленных чехов и словаков для работы на заводах, то она рассматривалась им в качестве второстепенной акции.

Первоначально набор военнопленных для Франции должен был осуществлять Й. Дюрих, занимавший на тот момент должность заместителя председателя ЧСНС. Попытки чешского депутата от аграрной партии к независимым действиям в Российской империи вынудили его коллег задуматься

об организации новой миссии. Она была поручена М. Р. Штефанику. На данном этапе представители французских правительственных и военных учреждений и, в первую очередь, Главнокомандующий армии Третьей республики генерал Ж. Жоффр и А. Бриан ставили перед посланниками ЧСНС исключительно задачу набора военнопленных. Политическую составляющую вопроса (в составе какой из армий – французской или русской – будут сражаться чешско-словацкие добровольцы) предстояло обсудить позднее.

Первый визит М. Р. Штефаника в Россию (август – октябрь 1916 г.) можно оценить двояко. С одной стороны, он имел несомненный успех. Французскому офицеру словацкого происхождения удалось вызвать симпатии у императора Николая II, а также заручиться поддержкой ведущих должностных лиц Штаба Верховного главнокомандующего – генерала М. В. Алексеева и директора дипломатической канцелярии Н. А. Базили. Представляется, что именно достигнутые им со Ставкой договоренности стали весомым основанием для активизации процесса формирования на территории России чешско-словацких частей для Западного и Восточного фронтов в 1917 – начале 1918 г. С другой стороны, были и неудачи. Так, ходатайство лидеров чешско-словацкой стороны об отправке своих военнопленных соотечественников из России во Францию было отклонено.

В октябре 1916 г. Штефаник выехал из России в Румынию, где ему предстояло заняться набором добровольцев. Во время его пребывания на территории королевства военные и дипломатические представители французской миссии приступили к разработке планов по транспортировке пленных. Был поставлен и вопрос о маршруте, по которому их предстояло переправить во Францию. В декабре 1916 г. были впервые обозначены два основных пути – через северные российские порты или через Владивосток.

После своего возвращения в Россию в январе 1917 г. Штефаник совместно со своим непосредственным начальником, главой французской военной миссии в Российской империи генералом М. Жаненом попытались добиться согласия

российских правительственных и военных учреждений на переброску чешско-словацких волонтеров во Францию. Благодаря посредничеству генерала В. И. Ромейко-Гурко, на тот момент являвшегося временно исполняющим должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего, чешский вопрос был вынесен на рассмотрение делегаций стран Антанты во время Петроградской конференции (22 января (4 февраля) 1917 г.). На ней он впервые был представлен как международный. Однако результаты его обсуждения оказались крайне скромными. Решение политического будущего чехов и словаков было решено отложить до того момента, когда изменится внутриполитическая обстановка в самой Австро-Венгрии. Представляется, что создание на территории России и Франции автономных чешско-словацких войсковых единиц в начале 1917 г. рассматривалось представителями союзников как мера исключительно практического значения. Они рассчитывали на увеличение их численного состава на Западном и Салоникском фронтах. Политическая составляющая чешского вопроса была отнесена на второй план и на тот момент не играла значимой роли.

Рассматривая деятельность, которую вел в России М. Р. Штефаник, нельзя не принять во внимание активную поддержку, которую оказывал всем его начинаниям – будь то обсуждение вопроса о переброске на Западный фронт чешских и словацких военнопленных, или предпринятые им действия против Й. Дюриха – начальник французской военной миссии генерал Морис Жанен. Во многом благодаря его посредничеству Штефанику удалось вступить в переговоры с ведущими должностными лицами Ставки Верховного главнокомандующего и Министерства иностранных дел Российской империи, в том числе и с министром Н. Н. Покровским. Исследованные материалы показали, что Жанен и его коллега, начальник французской военной миссии в Румынии генерал Анри Матиас Бертело, находились с ним в постоянном контакте. Их интересовала и борьба за лидерство внутри чешского движения в Российской империи. Более того, мемуары Жанена демонстрируют его полную солидарность с намерениями Штефаника нейтрализовать деятельность Дюриха и упразднить созданный по

инициативе Особого политического отдела МИД Российской империи Чешско-Словацкий народный совет. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что разработанный летом 1916 г. проект отправки военнопленных чехов и словаков из России во Францию являлся совместной инициативой правительства Третьей республики и Чешско-Словацкого национального совета.

3. В сентябре 1916 г. у парижского центра заграничного сопротивления появилась возможность начать активные действия по созданию воинских подразделений на территории Французской Республики. Переговоры, которые начал проводить с французскими военными и дипломатами генеральный секретарь ЧСНС Э. Бенеш, во многом способствовали определению принципов, на основании которых предстояло формировать Чешско-Словацкую армию во Франции. Следует признать, что немаловажную роль в этом процессе должен был играть опыт, накопленный на данном направлении российской стороной.

В России переговоры о переброске чехов и словаков на Западный фронт продолжились и после Февральской революции. Их можно условно разделить на несколько периодов. Первый из них, с середины мая и вплоть до начала июля 1917 г., тесным образом связан с деятельностью пребывавшего на тот момент в России французского министра вооружений А. Тома. В свою очередь для Т. Г. Масарика и его коллег приоритетным был процесс формирования чешско-словацких частей для Франции. Начало второго периода ознаменовали успешные действия Чешско-Словацкой бригады в сражении у Зборова (19 июня (2 июля) 1917 г.). Эта битва стала поворотным моментом, приведшим к корректировке позиций Отделения Чешско-Словацкого национального совета в вопросе об отправке части добровольцев на Западный фронт.

Согласие российских правительственных и военных учреждений завершить формирование Чешско-Словацкого корпуса способствовало тому, что председатель ЧСНС и его коллеги сосредоточились на этом комплексе проблем. В свою очередь, решение об отправке транспортов с чешскими и словацкими добровольцами на Западный фронт было отложено вплоть до конца августа –

начала сентября 1917 г. Тогда пришло известие об окончательном согласии правительства Третьей республики с разработанным ОЧСНС проектом. При этом приоритетным оставалось формирование чешско-словацких частей для России, в то время как организация частей для Западного фронта должна была иметь второстепенное значение. Представляется, что данный этап завершился в ноябре 1917 г. и пришелся на события Октябрьского переворота.

4. Последний этап в решении вопроса о переброске чешско-словацких добровольцев начался после Октябрьского переворота и продолжался вплоть до заключения дипломатическими представителями УНР и Советской России в Брест-Литовске сепаратных мирных договоров с Центральными державами. На фоне нестабильной внутриполитической обстановки на территории бывшей Российской империи правительства стран-союзниц приступили к разработке планов, направленных на стабилизацию положения на Восточном фронте. На проведенном 22 – 23 декабря 1917 г. англо-французском совещании было постановлено разделить территорию по линии Восточного фронта на две зоны влияния – британскую и французскую. Таким образом, военным и дипломатическим представителям Третьей республики предстояло заняться вопросом организации сопротивления Центральным державам на Украине, в Бессарабии и Крыму.

Наиболее активную деятельность в этом направлении вели на Украине генерал Ж. Табуи и начальник французской военной миссии в Румынии генерал А. М. Бертело. Они полагали, что находящиеся на территории Украины чешско-словацкие части могли бы стать своеобразной основой для формирования значимых вооруженных сил для активизации военных действий на Восточном фронте. Согласно их представлениям, Чешско-Словацкий корпус мог участвовать и в боевых действиях на территории Румынии. Кроме того, на помощь со стороны чешско-словацких частей рассчитывали правительство Украинской Народной Республики и организаторы Добровольческой армии – генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин. Проект об организации представителями

«угнетенных народностей» Австро-Венгрии под руководством чешско-словацкой стороны и поддержке французских военных представителей национальных воинских контингентов для стабилизации Восточного фронта был выдвинут и самим Т. Г. Масариком.

Неопределенность ситуации и непрекращающееся обсуждение возможных вариантов применения частей корпуса в значительной степени способствовали затягиванию решения вопроса о его отправке на Западный фронт. Анализ этих сценариев и отношения к ним самого Т. Г. Масарика, позволил прийти к выводу, что наиболее приемлемой для него стала идея вывоза корпуса во Францию. Работая на данном направлении, лидер ЧСНС продолжал действовать рука об руку с представителями Третьей республики. Открыто эта деятельность стала проявляться после провозглашения Чешско-Словацкого корпуса 25 января (7 февраля) 1918 г. автономной частью Чешско-Словацкой армии во Франции. С этого момента французский фактор приобрел превалирующее значение. На решение членов Президиума ОЧСНС отправить созданное ими войско на Западный фронт во многом повлияла заинтересованность правительств Украинской Народной Республики и Советской России в заключении сепаратного мира с Центральными державами. В этих условиях опасение за судьбу Чешско-Словацкого корпуса, который мог быть расформирован в качестве одного из подразделений стран Антанты, а его военнослужащие – переданы Австро-Венгрии и преданы там суду, и стало первостепенной причиной для принятия чешско-словацкой стороной в феврале – начале марта 1918 г. окончательного решения о вывозе подразделений корпуса с территории Украины и России во Францию.

***

Таким образом, приведенные выше соображения показывают, что в 1916 – первой половине 1917 г. правительство Третьей республики и сотрудничавший с ним Чешско-Словацкий национальный совет исходили из признания роли России

в решении чешского вопроса в политическом и военном аспектах. При этом следует отметить, что отношение правительственных структур Третьей республики к вопросу об организации на российской территории чешско-словацких войсковых частей в 1917 г. заметно эволюционировало. Первоначальное признание паритета России и Франции в их создании больше не устраивало французскую сторону. В новых условиях представители французского правительства и ЧСНС приняли решение взять на себя не только заботы по организации автономной Чешско-Словацкой армии во Французской Республике, но и финансировать Чешско-Словацкий корпус в России, обеспечивая в том числе транспортировку его частей на Западный фронт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы:

1. *Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ):*

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел.

Ф. 134. Архив «Война».

Ф. 135. Особый политический отдел.

Ф. 138. Секретный архив министра.

Ф. 151. Политархив.

Ф. 187. Российское посольство в Париже.

Ф. 323. Дипломатическая канцелярия при Ставке.

2. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):*

Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего.

Ф. 68. Жилинский Я. Г., генерал (1916 г.).

3. *Российский государственный исторический архив (РГИА):*

Ф. 909. Вергун Дмитрий Николаевич (1871 – не ранее 1917). Публицист славянских благотворительных обществ, председатель Галицко-Русского общества, сотрудник газеты «Новое время».

Ф. 1276. Совет министров.

4. *Российский государственный военный архив (РГВА):*

Ф. 1198к. Документы по истории создания Чехословацкого государства.

5. *Vojenský ústřední archiv – vojenský historický archiv (VÚA – VHA):*

Fond Československá národní rada (ČSNR) (1914) 1915 – 1918 (1931).

Fond Čs. legie ve Francii – Generální štáb československých vojsk (FL – GŠ).

Fond Odbočka Československé národní rady v Rusku 1917 – 1919 (OČSNR).

6. *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR (AÚTGM):*
Fond TGM – VÁLKA.

II. Публикации документов:

7. Версальский мирный договор: полный перевод французского подлинника под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина со вступительной статьей проф. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. – М. : Литиздат НКИД, 1925. – 198 с.

8. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1 : Ноябрь 1917 – август 1918 г. – М. : Наука, 1973. – 551 с.

9. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914 – 1920. Документы и материалы. Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914 – 1917. – М. : Новалис, 2013. – 1016 с.

10. Каржанский Н. Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. – М. : Змий, 1918. – 95 с.

11. Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 3. – Praha : Orbis : Čin, 1935. – 685 s.

12. Diplomatické dokumenty o Československém státu. – Paříž : Imprimerie Slave, 1918. – 56 s.

13. Guelton F., Braud E., Kšiňan M. Generál Milan Rastislav Štefánik v archívnych dokumentoch Historickej služby francúzského ministerstva obrany / F. Guelton, E. Braud, M. Kšiňan. – Bratislava : Vojenský historický ústav, 2009. – 180 s.

14. Československá legia vo Francúzsku [Electronický zdroj]. – 2007. – 346 s. – Режим доступа: http://www.pamatnik.valka.cz/index.php/texty/dokumenty/sbornik-francie.pdf. – Дата обращения: 21.02.2015.

15. Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš. Sv. 1 : 1914 – 1918. – Praha : Masarykův ústav a archiv AV ČR, 2004. – 353 s.

16. Masaryk T. G. Válka a revoluce. Díl 2 : Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1917. – Praha : Ústav T. G. Masaryka : Masarykův ústav AV ČR, 2008. – 357 s.

17. Masaryk T. G. Válka a revoluce. Díl 3 : Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1918. – Praha : Ústav T. G. Masaryka : Masarykův ústav a archiv AV ČR, 2017. – 245 s.

18. Vznik Československa. 1918. – Praha : Ústav mezinárodních vztahů, 1994. – 439 s.

19. Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii // Naše revoluce. – 1929. – Roč. 6. – Č. 1 – 2. – S. 147 – 154.

20. Werstadt J. Počátky českého odboje v zrcadle dopisů Lva Sychravy a Josefa Tvrzického z roku 1915 (leden – březen) // Naše Revoluce. – 1933. – Roč. IX. – Sv. 2. – S. 173 – 212.

III. Источники личного происхождения:

21. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. – М. : Высший военный редакционный совет, 1924. – 300 с.

22. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М. ; Л. : Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – 249 с.

23. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. – М. : Воениздат, 1986. – 750 с.

24. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары: в 5 т. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934 – 1938. – 5 т.

25. Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 1. – Прага : Орбис, 1926. – 232 с.

26. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. – 2-е изд. – М. : Международные отношения, 1991. – 236 с.

27. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М. ; Пг. : Государственное издательство, 1923. – 472 с.

28. Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии. 1916 – 1918. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – 591 с.

29. Сазонов С. Д. Воспоминания. – Париж : Книгоиздательство Е. Сияльской, 1927. – 398 с.

30. Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 1. – Praha : Orbis : Čin, 1935. – 537 s.

31. Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 2. – Praha : Orbis : Čin, 1935. – 612 s.

32. Červinka J. Cestou našeho odboje: příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914 – 1918. – Praha : F. Žďarský, 1920. – 195 s.

33. Dürich J. V českých službách. Vypsání mého pobytu za hranicemi 1915 – 1918. – Klášter nad Jizerou : nákladem vlastním, 1921. – 102 s.

34. Foch F. Mémoires pour servir à l’histoire de la guerre de 1914 – 1918. En 2 volumes. – Paris : Plon, 1931. – 2 vol.

35. Husák O. Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka. Kn. 1. – Praha : Československá oběc legionářská, 2017. – 357 s.

36. Ivo. Francouzští starodružinící // Dokumenty naší národní revoluce. – 1923. – Roč. 1. – Č. 5. – S. 102 – 106 ; – Č. 7. – 9. – S. 181 – 187.

37. Gurko B. War and Revolution in Russia. 1914 – 1917. – New York : The Macmillan Company, 1919. – 420 p.

38. Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – Praha : Nakladatelství J. Otto, s.d. – 381 s.

39. Janin M. Pád carismu a konec ruské armády (moje misse na Rusi v letech 1916–1917). – Praha : Jaroslav A. Ružička, 1931. – 230 s.

40. Janin M. Úvahy o Dürichově misi // Naše revoluce. – 1937. – Roč. XIII. – Sv. 2. – S. 145 – 154.

41. Joffé S. La phalangue tchèque: Comment se sacrifièrent les premiers volontaires tchécoslovaques. – Paris : Berger-Levrault, 1919. – 117 p.

42. Joffre J. Mémoires du maréchal Joffre (1910 – 1917). T. 2. – Paris : Plon, 1932. – 469 p.

43. Mareš B. Lumír Březovský, Benjamin roty Nazdar. – Brno : Moravský legionář, 1934. – 125 s.

44. Niessel H. A. Le triomphe des bolchéviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917 – 1918. – Paris : Plon, 1940. – 381 p.

45. Noulens J. Mon ambassade en Russie Soviétique. 1917 – 1919. En 2 volumes. Paris : Plon, 1933. – 2 vol.

46. Poincaré R. Au service de la France: neuf années de souvenirs. En 10 volumes. – Paris : Plon, 1926 – 1933. – 10 vol.

47. První časopis čsl. odboje za hranicemi. Vzpominky Josefa Hoffmana-Kratkého // Naše revoluce. – 1933. – Roč. 9. – Sv. 1. – S. 65 – 79.

48. Sinanoglou I. Journal de Russie d’Albert Thomas. 22 avril – 19 juin 1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1973. – Vol. 14. – № 1 – 2. – P. 86 – 204.

49. Tabouis G. Comment je devins comissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Т. 8 : Спогаді. – Варшава : б. и., 1932. – С. 141 – 161.

50. Ulrych E. S Francii za svobodu světa. Čeští dobrovolníci ve francouzské armadě: Cizinecká legie. 1914 – 1918. – Smíchov : Stanislav Minařík, 1920. – 126 s.

51. Válečný deník Jendy Hofmana, letce-dobrovolce (1914 – 1917). – Praha : Čin, 1928. – 296 s.

52. Vergé A. Avec les Tchécoslovaques: invraisemblable et véridique epopée. – Paris : René Guillon, 1926. – 201 s.

IV. Материалы из периодических изданий:

53. Гражданам города Киева // Československý denník. – 1918. – Č. 15. – S. 1.

54. Казачий слет // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. – 1917. – № 247. – С. 2.

55. Лекция проф. Масарика // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. – 1917. – № 247. – С. 2.

56. IV. universál // Československý denník. – 1918. – Č. 10. – S. 3.

57. Appel aux slaves d’Autriche-Hongrie // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – №. 19395. – P. 3.

58. Contre la France // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – №. 19412. – P. 2.

59. České zahraničné kolonie // Československá samostatnost. – 1916. – Roč. I. – Č. 10. – S. 6.

60. Čeští dobrovolníci v armadách spojenců // Československá samostatnost. – 1916. – Roč. I. – Č. 11. – S. 1.

61. Décret relatif au loyers des Polonais et des Tchèques autorisés à resider en France. Du 16 Octobre 1914 // Bulletin des lois de la République Française. – 1914. – № 133. – P. 2868.

62. Décret relatif à la prorogation des délais en matière de loyers. Du 27 Octobre 1914 // Bulletin des lois de la République Française. – 1914. – № 133. – P. 2928 – 2931.

63. Décret relatif à la prorogation des délais en matière de loyers. Du 17 Decembre 1914 // Bulletin des lois de la République Française. – 1914. – № 133. – P. 3202 – 3205.

64. Drobné zprávy // Československá samostatnost. – 1916. – Roč. I. – Č. 13. – S. 8.

65. Élections // Bulletin mensuel de la Colonie Tchèque de France. – Le 1er avril 1916. – P. 7 – 8.

66. Faites et informations // La Nation Tchèque. – № 14. – P. 62 – 63.

67. Francouzský attaché u našeho korpusu // Československý dennik. – 1918. – Č. 1. – S. 5.

68. Informations diverses. Les volontaires tchèques // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – № 19520. – P. 3.

69. L’aggression autrichienne // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – №. 19393. – P. 1.

70. La chasse aux maisons et produits boches. Une Fédération antiboche // Journal Franco-Tchèque Nazdar. – 1915. – Deuxième année. – № 5 et № 6.

71. La fête du roi Albert // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – № 19490. – P. 4.

72. La Ligue Franco-Tchèque // Journal Franco-Tchèque Nazdar. – 1914. – Deuxième année. – № 3 et № 4.

73. Le « loyal » François-Joseph // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – №. 19394. – P. 1.

74. Les Amities Tchèques // La Nation Tchèque. – 1915. – Première année. – № 7. – P. 114.

75. Les Tchèques et la Russie // La Nation Tchèque. – Première année. – № 10. – P. 304.

76. Manifestation devant l'ambassade d'Autriche // – Excelsior. – 1914. – Cinquème année. – № 1350. – P. 7.

77. Martin L. La gloire de la Bohême // L'Indépendance Tchèque. – 1915. – № 10 – 11. – P. 1.

78. Maxa P. Náš odchod z Ukrajiny. Ze starých papíru redakčních // Československý denník. 1918. Č. 102. S. 1 – 2.

79. Našemu vojsku. V Paříži, v květnu 1916 // Československá samostatnost. – Roč. I. – Č. 17. – S. 1.

80. O naší politické situaci. Výtah z řeči prof. Masaryka na plenární schůzi OČNR 1. prosince 1917 v Kyjevě // Čechoslovák. – 1917. – Roč. 3. – Č. 117. – S. 1 – 2.

81. Odchod vojska do Francie a jeho politický význam. Z memoranda prof. Masaryka // Československý denník. – 1918. – Č. 37. – S. 2.

82. Poslanec Duerich u ministerského předsedy Brianda // Československá samostatnost. – 1916. – Roč. I. – Č. 17. – S. 5.

83. Poslední boje o Kyjev // Československý denník. – 1918. – Č. 15. – S. 4.

84. Prof. Masaryk kozákům // Československý voják. – 1917. – Roč. 1. – Č. 4. – S. 14.

85. Prohlášení česko-slovenského vojska v Rusku // Čechoslovák. – 1917. – Roč. 3. – Č. 86. – S. 1.

86. Prohlašení // Československý dennik. – 1918. – Č. 15. – S. 1.

87. Rapport au président de la République Française. Paris, le 2 août 1914 // Journal Officiel de la République Française: Lois et décrets. – 1914. – Quarante-sixième année. – № 210. – P. 7084 – 7085.

88. Rapport au président de la République Française. Paris, le 16. décembre 1917 // Journal officiel de la République Française: Lois et décrets. – 1917. – Quarante-neuvième année. – № 344. – P. 10379.

89. Sénat: Session ordinaire de 1915: compte-rendu in extenso. 27e séance // Journal officiel du 4 Juin 1915. – P. 257 – 272.

90. U představitelů voj[s]ka lidových komisařů // Československý denník. – 1918. – Č. 17. – S. 2.

91. Une manifestation à Paris // Le Temps. – 1914. – Cinquante-quatrième année. – №. 19378. – P. 1.

92. V Kyjevě 9. února // Československý denník. – 1918. – Č. 15. – S. 2.

93. Všem plukům československého armádního sboru // Československý vojak: věstník československého vojska. – 1918. – Roč. I. – Č. 5.

94. Vzhůru, do Francie! // Čechoslovan. – 1917. – Roč. VII. – Č. 24.

95. Z našeho vojska // Československý denník. – 1918. – Č. 6. – S. 3.

96. Z řeči prof. Masaryka na informační schůzi OČSNR v Kyjevě dne 14. (1.) února 1918 // Československý denník. – 1918. – Č. 24. – S. 2.

V. Литература:

97. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 1 : 1914 год. Начало. – М. : Кучково поле, 2014. – 637 с.

98. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 2 : 1915 год. Апогей. – М. : Кучково поле, 2014. – 622 с.

99. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 3 : 1916 год. Сверхнапряжение. – М. : Кучково поле, 2015. – 381 с.

100. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). Т. 4 : 1917 год. Распад. – М. : Кучково поле, 2015. – 413 с.

101. Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции 1870 – 1918. – М. : Мысль, 1986. – 488 с.

102. Бабинцев В., Галкина Ю. «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета (УрГУ), 2016. – С. 352 – 358.

103. Бабинцев В., Галкина Ю. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916 – 1917) // Quaestio Rossica. Т. 5. – 2017. – № 1. – С. 241 – 254.

104. Ведерников М. В. Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. … канд. историч. наук 07.00.03 / Ведерников Михаил Владимирович. – М., 2016. – 273 с.

105. Ведерников М. В. Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. – 2015. – № 6. – С. 122 – 130.

106. Ведерников М. В. Становление политических институтов русских чехов в начале Первой мировой войны // Славянский альманах. – 2016. – № 3 – 4. – С. 138 – 150.

107. Ведерников М. В. Участие МИД в организации чешско-словацкой акции на территории России в середине 1916 – начале 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 2016. – № 5. – С. 60 – 74.

108. Ведерников М. В. Оформление чешского общественно-политического движения в России накануне Первой мировой войны // Клио. – 2017. – № 1. – С. 71 – 80.

109. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. 1917 – 1920. – М. : Воениздат, 1965. – 182 с.

110. Вишняков Я. В. Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // Вишняков Я. В., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. – М. : б. и., 2014. – С. 47 – 61.

111. Вишняков Я. В. Обреченная победа. Сербские реалии 1914 – 1915 гг. в оценках русского военного агента В. А. Артамонова // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня

рождения академика Ю. А. Писарева: сборник статей. – М. : Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 277 – 298.

112. Вишняков Я. В. «Сербская Голгофа» глазами русских дипломата и генерала // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 52 – 59.

113. Вишняков Я. В. Сербские добровольцы и Русская революция 1917 г. // Вестник МГИМО – Университета. – 2017. – № 5. – С. 33 – 59.

114. Вишняков Я. В. Сербы в русской армии в годы Первой мировой войны // Славяноведение. – 2017. – № 3. – С. 15 – 29.

115. Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917 – 1918 годах // Революционая Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. – М. : Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 195 – 216.

116. Гайкова Д. «Эти люди идут на казнь»: история роты «Наздар» // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Международной научно-практической конференции (27 – 28 ноября 2014 года, г. Москва). – М. : Изд-во МНЭПУ, 2015. – С. 547 – 556.

117. Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916 – 1918 гг. – Париж : Союз офицеров участников войны на французском фронте, 1933. – 247 с.

118. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России, 1914 – 1920. Париж ; Прага : б. и., 1928. – 219 с.

119. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны: Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. – М. : Наука, 1977. – 367 с.

120. Ефименко А. Р. Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 г. // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 6. – С. 17 – 22.

121. Зайончковский А. М. Мировая война 1914 – 1918 гг. В 3 т. – М. : Воениздат, 1938 – 1939. – 3 т.

122. Захаров А. М. Чехословацкие вооруженные формирования в составе русской армии и проблема складывания независимой Чехословакии (1914 – февраль 1918 г.) // Великая война 1914 – 1918. Альманах РАИПМВ. Вып. 2. – М. : Изд-во МБА, 2013. – С. 58 – 63.

123. Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России, 1917 – 1921. – М. : Мысль, 1977. – 253 с.

124. Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С. Глава 13. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. – М. : Наука, 2008. – С. 415 – 471.

125. Историография истории южных и западных славян: учеб. пособие для вузов по специальности «История» / Ненашева З. С. и др. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – Режим доступа: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000061/. – Дата обращения: 21.02.2016.

126. История Франции / Ред. коллегия: А. З. Манфред (отв. ред.) и др. Т. 2. – М. : Наука, 1973. – 663 с.

127. Клеванский А. Х. Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914 – 1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов: сборник статей. – М. : Мысль, 1965. – С. 21 – 65.

128. Клеванский А. Х. Из истории чехословацких политических организаций в России (1914 – февраль 1917 г.) // Ученые записки. – 1963. – Т. 25. – С. 60 – 102 ; – Т. 26. – С. 226 – 269.

129. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914 – 1922. – М. : Наука, 1965. – 395 с.

130. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 280 с.

131. Кшинян М. «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в 1916 – 1917 годы // Запад – Восток. – 2017. – № 10. – С. 104 – 118.

132. Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение: Очерк чешско-русских отношений, 1914 – 1918. – Париж : Град Китеж, 1927. – 175 с.

133. Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. – М. : Наука, 1965. – 412 с.

134. Марьина В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш – политик и человек, 1884 – 1948. – М. : Индрик, 2013. – 488 с.

135. Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд: сборник статей. – Мартин : Neografia Martin, 2001. – 157 с.

136. Михутина И. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской центральной рады. – М. : Европа, 2007. – 278 с.

137. Мошечков П. В. Национальное движение чехов и словаков во Франции в начале Первой мировой войны (июль 1914 – середина 1915 года) // Берегиня. 777. Сова. – 2016. – № 3 (30). – С. 122 – 129.

138. Мошечков П. В. Рота «Наздар» и ее участие в военных действиях на Западном фронте в 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 г. Материалы V Международной научно-практической конференции (26 – 28 ноября 2015 года, г. Москва). – М. : Изд-во МНЭПУ, 2016. – С. 591 – 600.

139. Мошечков П. В. Успехи и неудачи миссии Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в России: обсуждение вопроса об отправке военнопленных во Францию // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 19 – 28.

140. Мошечков П. В. Французский аспект миссий Й. Дюриха и М. Р. Штефаника в Россию (1916) // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 2018. – № 1. – С. 18 – 31.

141. Мошечков П. В. Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии // Славянский альманах. – 2018. – № 1 – 2. – С. 98 – 111.

142. Мошечков П. В. Чешские и словацкие добровольцы на пути из России во Францию (май – ноябрь 1917 г.) // Клио. – 2018. – № 6 (138). – С. 113 – 122.

143. Недбайло Б. Н. Чехословацкий корпус в России (1914 – 1920): историческое исследование: дис. … канд. историч. наук 07.00.02 / Недбайло Борис Николаевич. – М., 2004. – 228 с.

144. Ненашева З. С. Правовое положение военнопленных чехов и словаков в России в начале Великой войны (1914 – 1915 гг.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915. Материалы V международной научно-практической конференции (25 – 28 ноября 2015 г.). – М. : Изд-во МНЭПУ, 2016. – С. 607 – 620.

145. Ненашева З. С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных. 1917 г. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века. Историческая память: сборник по материалам международной конференции, октябрь 2012 г., г. Москва. – СПб. : Нестор – История, 2014. – С. 32 – 48.

146. Ненашева З. С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и рельность // Современная Европа. – 2017. – № 7. – С. 88 – 98.

147. Павлов А. Ю. Россия на межсоюзнических конференциях в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 2. – С. 25 – 31.

148. Павлов А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой войны. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. – М. : Вече, 2011. – 213 с.

149. Павлов А. Ю. Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны. дис. … д-ра историч. наук: 07.00.15 / Павлов Андрей Юрьевич. – СПб, 2012. – 321 с.

150. Павлов А. Ю. Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914 – 1918. Альманах РАИПМВ. Вып. 3. – М. : Изд-во МБА, 2013. – С. 33 – 41.

151. Попов А. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914 – 1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. – 1929. – Т. 2 (33). – С. 3 – 33 ; – Т. 3 (34). – С. 3 – 38.

152. Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. – 2012. – № 5. – С. 75 – 103 ; – № 6. – С. 54 – 76.

153. Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне: демократическая революция 1918 года на Волге. – СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2015. – 530 с.

154. Романенко С. А. Национальные революции в Австро-Венгрии и ее распад в представлениях большевиков // Чичеринские чтения. ″Революционный 1917 г.″: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного университета (ТГУ), 2018. – С. 131 – 146.

155. Романенко С. А. Позиции социал-демократических партий Австро-Венгрии на совещаниях по подготовке международной социалистической конференции в Стокгольме // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): материалы международной конференции, (Ставрополь 23-26 октября 2014 г.). – Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ), 2015. – С. 178 – 185.

156. Романенко С. А. Проблема Австро-Венгрии и южнославянский вопрос в политической борьбе в России (февраль – октябрь 1917 г.) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 5. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ), 2014. – С. 188 – 216.

157. Романенко С. А. Распад многонациональных государств Центральной Европы в XX веке: Австро-Венгерская империя // Общественные науки и современность. – 2014. – № 6. – С. 113 – 122.

158. Романенко С. А. Советская Россия и Австро-Венгерская монархия от октября 1917 года до Брест-Литовского мира // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 65 – 75.

159. Романенко С. А. Среднеевропейская и балканская дилемма 1917 – 1918 гг.: Австро-Венгрия или Югославия? // Европейские сравнительно-исторические исследования. – 2017. – № 5. – С. 157 – 180.

160. Сайдлер И. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основание чехословацкого государства // Т. Г. Масарик и Россия: развернутые тезисы докладов международной научной конференции 12 – 13 ноября 1997 г. – СПб. : б. и., 1997. – С. 50 – 56.

161. Сахаров К. В. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). – Берлин : б. и., 1930. – 142 с.

162. Серапионова Е. П. Битва у Зборова // Rossica: научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага : Euрославика, 2012. – С. 47 – 55.

163. Серапионова Е. П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.: сбоник статей. – СПб. : Алетейя, 2011. – С. 120 – 136.

164. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890 – 1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. – М. : Наука, 2006. – 512 с.

165. Серапионова Е. П. Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. – 2014. – № 7. – С. 16 – 25.

166. Серапионова Е. П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М. : Индрик, 2009. – С. 322 – 339.

167. Серапионова Е. П. Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные

государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М. : Индрик, 2009. – С. 357 – 373.

168. Серапионова Е. П. Чешский и словацкий народы в годы Первой мировой войны // История стран Центральной и Восточной Европы XX века: учеб. пособие для вузов. – М. : Профиздат, 1997. – С. 58 – 62.

169. Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. – М. : Наука, 2005. – С. 44 – 77.

170. Серапионова Е. П. Чехи и словаки в формирующемся Чешско-Словацком корпусе в России в годы Великой войны // Dvě století nacionalismu. Pocta prof. Janu Rychlíkoví. – Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR : Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2014. – S. 314 – 328.

171. Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика: по материалам международной научной конференции, 16-17 марта 2000 г. – М. : Русский путь, 2005. – 252 с.

172. Фирсов Е. Ф. Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колонии в России в 1915 – 1917 гг.: Масарик или Дюрих // Версаль и новая Восточная Европа: сборник статей. – М. : б. и., 1996. – С. 111 – 135.

173. Фирсов Е. Ф. Борьба Т. Г. Масарика за национальную независимость в 1917 – 1918 гг. // Первая мировая война – пролог XX века: материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН – МГУ имени М. В. Ломоносова – МГПУ (8 – 10 сентября 2014 г.). Ч. 1. – М. : ИВИ РАН, 2014. – С. 257 – 261.

174. Фирсов Е. Ф. Военно-дипломатические миссии генерала М. Р. Штефаника в Россию в 1916 – 1919 гг. (чешско-словацкие и геополитические аспекты) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: материалы Международной конференции ″Первая мировая война и современный мир″ (26 – 27 мая 2010,

Москва). – М. : Изд-во Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ), 2011. – С. 38 – 49.

175. Фирсов Е. Ф. Восприятие Т. Г. Масарика в России и его геополитические ориентиры // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. Материалы 2-го заседания Комиссии историков и архивистов России и Чехии. – М. : б. и., 1998. – С. 153 – 160.

176. Фирсов Е. Ф. Словацкие сюжеты и знаменитый словак М. Р. Штефаник (по архивным материалам России) // Меценат и мир. – 2002. – № 17 – 20. – С. 508 – 518.

177. Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. – М. : Индрик, 2012. – 335 с.

178. Babka A. Za Polární kruh: kus historie československého vojska za hranicemi. – Praha: Památník Odboje, 1924. – 30 s.

179. Baerlein H. The March of the Seventy Thousand. – London : Leonard Parsons, 1926. – 370 p.

180. Bartůšek J. Štefánikova vojenská činnost. – Praha : Legie, 1930. – 36 s.

181. Boháč J. Kronika Československé legie ve Francii. Kn. 1 : Rota Nazdar, 1914 – 1916. – Praha : Naše záloha : O. Vaněk, 1938. – 580 s.

182. Bradley J. F. N. La Legion Tchécoslovaque en Russie, 1914 – 1920. – Paris : t. Delmas Bordeaux, 1965. – 151 p.

183. Bradley J. La France, la Russie et l’indépendance tchécoslovaque en 1918 // Revue d’histoire moderne et contemporaine. – 1969. – T. 18. – № 2. – P. 189 – 202.

184. Branna moc neexistujícího států // Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XIIb. 1890 – 1918. – Praha ; Litomyšl : Paseka, 2013. – S. 686 – 714.

185. Braud E. A l’origine de la création de l’armée tchécoslovaque en France: le général Milan Rastislav Štefánik // Revue historique des armées. – 2009. – № 255: Les étrangers dans l’armée française. – P. 79 – 83.

186. Brouček S. K druhému břehu: Češi v prostředí francouzské společnosti, 1862 – 1918. – Praha : Etnologický ústav AV ČR : Ministerstvo zahraničních věcí ČR : nakl. Nová tiskárna v Pelhřimově, 2007. – 187 s.

187. Chrobák T. Ernest Denis – sa vie et son temps // Chrobák T., Olšáková D. Ernest Denis. – Praha : Nakladatelství Eva – Milan Nevole, 2003. – S. 99 – 142.

188. Cohen V. The life and times of Masaryk – the president-liberator. A biographical study of Central Europe since 1848. – London : J. Murray, 1941. – 262 p.

189. Eliáš A. Vývoj a boje československých legií ve Francii: Šestá přednáška v cyklu o našem osvobození, pořádaném jednotami ČSOL. – Praha : Památník Odboje, 1924. – 23 s.

190. Fic V. M. Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914 – 1918). – New Delhi : Abhinav Publications, 1977. – 270 p.

191. Francie a zrození Československa: společná cesta k demokratické Evropě (1914 – 1925): katalog z výstavy mapující československo-francouzské vztahy za první světové války a v období první republiky do roku 1925 = La naissance de la Tchécoslovaquie et la France: un chemin commun vers une Europe démocratique (1914 – 1925): catalogue d’exposition / Jindřich Dejmek [et al]. – Praha : Ministerstvo zahraničních věcí ČR, 2008. – 159 s.

192. Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat: zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4. – 5. mája 1999. – Bratislava : Vojenský historický ústav, 1999. – 245 s.

193. Hájková D., Hajdiniová E. „ Mais Paris demeure un phare...“ Influences de la France dans la vie d’Edvard et Hana Beneš avant 1919 // Revue des Études Slaves. – 2015. – T. 86. – Fasc. 4 : Relations franco-slaves. – P. 449 – 472.

194. Henry Ch., De Méans F. L’Armée Tchécoslovaque. – Paris : Charles-Lavauzelle & Cie, 1928. – 208 p.

195. Herben J. T. G. Masaryk. Díl II. – Praha : s. n., 1927. – 660 s.

196. Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. – Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. – 513 s.

197. Kautský E. Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázniky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky. – Martin : Matica slovenská, 2007. – 295 s.

198. Kennan G. F. Soviet-American Relations, 1917 – 1920. Vol. I : Russia Leaves the War. – London : Faber and Faber, 1956. – 544 p.

199. Kopta J. Štefánik. – Praha : Památník Odboje, 1923. – 33 s.

200. Kotík L. Průlom v Artois dne 9. května 1915. První hrdinný boj československých dobrovolníků ve Francii. – Praha : Čsl. vědecký ústav vojenský, 1924. – 40 s.

201. Kratochvil J. Cesta revoluce. – Praha : Čin, 1922. – 674 s.

202. Kubů E., Šouša J. T. G. Masaryk a jeho c.k. protivníci: československá zahraniční akce ženevského období v zápase s rakousko-uherskou diplomacií, zpravodajskými službami a propagandou (1915 – 1916). – Praha : Univerzita Karlova, nakladatelství Karolinum, 2015. – 364 s.

203. Kudela J. Československé a polské vojsko v Rusku // Slovanský přehled. – 1927. – Roč. XIX. – Č. 7. – S. 497 – 516.

204. Kudela J. Československé vojsko ve Francii. – Praha : Československá obec sokolská, 1928. – 30 s.

205. Kudela J. Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše Revoluce. – 1931. – Roč. VII. – Sv. 1. – S. 1 – 31 ; – Sv. 2. – S. 161 – 169 ; – Sv. 3. – S. 281 – 291 ; – 1932. – Roč. VIII. – Sv. 3. – S. 254 – 271 ; – Sv. 4. – S. 399 – 421.

206. Kudela J. Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. – Praha : Nákladem "Památníku Odboje", 1923. – 233 s.

207. Kudela J. Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi do odchodu čsl. armádního sboru z Ukrajiny: šestá přednáška cyklu Československá Revoluce: proslovena 29. března 1923. – Praha : Památník Odboje, 1923. – 98 s.

208. Kudela J. Rok 1917 v dějinách odboje. – Brno : Moravský legionář, 1927. – 116 s.

209. Kudela J. Rok 1918 v dějinách odboje. Část I: Leden – červen. – Brno : Moravský legionář, 1928. – 144 s.

210. Kudela J. Rok 1918 v dějinách odboje. Část II: Červen – prosinec. – Brno : Moravský legionář, 1928. – 136 s.

211. Les armées françaises dans la Grande Guerre. En 11 t. – Paris : Imprimerie nationale, 1922 – 1939. – 11 t.

212. Levée M. Les précurseurs de l’indépendance tchéque et slovaque à Paris. – Paris : Louis Martin, 1936. – 188 p.

213. Marès A. Les Français et Thomas Garrigue Masaryk // Revue des Études Slaves. – 1988. – T. 60. – P. 703 – 723.

214. Marès A. Mission militaire et relations internationales: l’exemple franco-tchécoslovaque. 1918 – 1925 // Revue d’histoire moderne et contemporaine. – 1969. – T. 30. – № 4. – P. 559 – 586.

215. Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie): kapitoly a príspevky z vedeckej konferencie s popularizačným akcentom / Bohumila Ferenčuhová [et al.]. – Bratislava : Spoločnosť Pro Historia, 2014. – 140 s.

216. Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / editori Miloslav Čaplovič, Bohumila Ferenčuhová, Mária Stanová. – Bratislava : Vojenský historický ústav - Ministerstvo obrany Slovenskej republiky : Historický ústav SAV : Slovenský národný archív, 2010. – 288 s.

217. Milan Rastislav Štefánik – astronome, soldat, grande figure franco-slovaque et européenne / sous la direction de Bohumila Ferenčuhová. – Bratislava : Spoločnosť pre dejiny a kultúru strednej východnej Európy, 1999. – 113 s.

218. Mlynárik J. Cesta ke hvězdam a ke svobodě. – Praha : Lidové noviny, 1991. – 275 s.

219. Namont J.-Ph. La Colonie Tchécoslovaque. Une histoire de l'immigration tchèque et slovaque en France (1914 – 1940). – Paris : Institut d'études slaves, 2011. – 411 p.

220. Namont J.-Ph. La Colonie Tchécoslovaque en France pendant la Première guerre mondiale // Guerres mondiales et conflits contemporaines. – 2004. – № 216. – P. 41 – 57.

221. Nechvatal M. La naissance d'une armée Tchécoslovaque en France // Guerres mondiales et conflits contemporains. – 1993. – № 169. – P. 37 – 41.

222. Nenaševa Z. S. Prvé kolo boja za pomlčku – ruské ministerstvo zahraničných veci, T. G. Masaryk a otázka politického osudu Slovákov počas prvej svetovej vojny // T. G. Masaryk a slováne = T. G. Masaryk and the Slaves / Vratislav Doubek, Ladislav Hladký, Radomír Vlček. – Praha : Historický ústav AV ČR ve spolupráci s Masarykovým ústavem a Archivem AV ČR, 2013. – S. 55 – 71.

223. O samostatný československý stát, 1914 – 1918 / Jan Galandauer [et al.]. – Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1992. – 117 s.

224. Papoušek J. Boj za československou samostatnost. – Praha: Orbis, 1928. – 65 s.

225. Papoušek J. Rusko a československé legie v letech 1914 – 1918. – Praha : Slovanský ústav : Orbis, 1932. – 60 s.

226. Papoušek J. Carské Rusko a československá otázka // Carské Rusko a naše osvobození. – Praha : Orbis, 1927. – S. 9 – 49.

227. Papoušek J. Carské Rusko a náš boj za samostatnost // Naše revoluce. – 1932. – Roč. VIII. – Sv. 1. – S. 1 – 25.

228. Papoušek J. Revoluční Rusko a československé legie // Naše revoluce. – 1932. – Roč. VIII. – Sv. 2. – S. 129 – 146.

229. Papoušek J. Konflikt československých legií se sověty // Naše revoluce. – 1932. – Roč. VIII. – Sv. 3. – S. 241 – 253.

230. Píchlik K. L'activité anti-autrichienne des Tchèques // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1969. – Tome 16. – № 1. – P. 87 – 99.

231. Pichlík K. Zahraniční odboj 1914 – 1918 bez legend. – Praha : Svoboda, 1968. – 499 s.

232. Pichlík K., Vávra V., Křížek J. Červrnobílá a rudá: vojáci ve válce a revoluci. 1914 – 1918. – Praha : Naše vojsko, 1967. – 471 s.

233. Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenšti legionáři (1914 – 1920). – Praha : Mladá fronta, 1996. – 282 s.

234. Pisecký F. Generál M. R. Štefánik. – Praha : Svaz národního osvobození, 1929. – 137 s.

235. Pingaud A. Histoire diplomatique de la France pendant la Grande Guerre. En 3 t. – Paris : Editions ″Alsatia″, 1938. – 3 t.

236. Polavský A. Česká revoluce v Anglii. Příspěvek k dějinám našeho zahraničního odboje // Dokumenty náší národní revoluce. – 1924. – Roč. 2. – Č. 5. – S. 101 – 104.

237. Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. 7 : Les crises du XX-e siècle. P. 1 : de 1914 à 1929. – Paris : Hachette, 1957. – 369 p.

238. Renouvin P. La Première guerre mondiale. – Paris : Presses universitaires de France, 1965. – 126 p.

239. Renouvin P. La crise européene et la Grande Guerre (1904 – 1918). – Paris : Librairie Félix Alcan, 1934. – 639 p.

240. Robl R. Praporečník Karel Bezdíček: příspěvek k historii české roty Nazdar ve Francii, 1914 – 1915. – Brno : Moravský legionář, 1935. – 178 s.

241. Sak R. Anabáze: Drama československých legionářů v Rusku (1914 – 1920). – Jinočany : H & H, 1996. – 174 s.

242. Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách, 1914 – 1938. – Praha : Academia, 1999. – 271 s.

243. Swain G. The origins of the Russian Civil War. – London ; New York : Longman, 1996. 296 p.

244. Šedivý I. Češi, České země a velká válka, 1914 – 1918. – Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2001. – 492 s.

245. Štejdler F., Boháč J., Bednařík F. Československé legie za světové války. – Praha : Památník Odboje, 1928. – 51 s.

246. Štejdler F. Ideový a vojenský význam československých legií. – Brno : Moravský legionář, 1924. – 28 s.

247. Štejdler F. Naše vystoupení v Rusku r. 1918. – Praha : Památník Odboje, 1923. – 85 s.

248. Štvrtecký Št. Náš Milan Rastislav Štefánik. – Bratislava : Smena, 1990. – 305 s.

249. Tobolka Zd. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl IV. : 1914 – 1918. – Praha : Československý Kompas, 1937. – 416 s.

250. Tuček A. Prvých tisíc branného odboje: k desítiletí vzniku České družiny na Rusi a setniny Na Zdar ve Francii. – Praha : A. Tuček, 1924. – 38 s.

251. Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. – Praha : Aleš Skřivan ml., 2000. – 288 s.

252. Unterberger B. M. The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. – Chapel Hill ; London : Univ. of North Carolina Press, 1989. – XIV, 463 p.

253. Vančura J. Arnošt Denis. – Praha : Spolek výtvarných umělců Mánes, 1923. – 296 s.

254. Vávra J. Z Masarykovy kontrrevoluční činnosti v Rusku // Historie a vojenství. – 1954. – № 1. – S. 84 – 144.

255. Vávra V. Klamná cesta: příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. – Praha : Naše vojsko, 1958. – 277 s.

256. Veber V. O Československých legiích a potřebě tradice // Československé legie v Rusku: sbornik příspěvků z kolokviuma 9.5. 2001 v Praze. – Praha : Národní knihovna ČR - Slovanská knihovna, 2003. – S 6 – 15.

257. V boj! Obrázková kronika československého revolučního hnutí v Italii, 1915 – 1918. – Praha : Vyd. Za Svobodu, 1927. – 945 s.

258. Vojtěch V. Česká kolonie Pařížska v našem odboji // Naše Revoluce. – 1926. – Roč. IV. – Sv. 1. – S. 1 – 37 ; – Sv. 2 – 3. – S. 178 – 225.

259. Vorel J. Legionáři. – Brno : Rohrer, 1930. – 110 s.

260. Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914 – 1920 / O. Vaněk, V. Holeček, red. R. Medek. Kn. 1 – 4. – Praha : nákladem vlastním : Vydavatelství «Za Svobodu», S. S R. O., 1925 – 1929. – 4 kn.

VI. Электронные ресурсы:

261. Русская армия в Первой мировой войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/manifest/manifest.html. – Дата обращения: 22.10.2016.

262. Хронос [Электронный ресурс] / ред. В. Б. Румянцев. – Режим доступа: http://www.hrono.ru. – Дата обращения: 22.10.2016.

263. Historie vojenského historického ústavu Praha [Electronický zdroj] // Vojenský historický ústav. – Режим доступа: http://www.vhu.cz/zakladni-informace-o-vhu-praha/historie-vhu-praha/. – Дата обращения: 13.03.2016.

264. Vláda České Republiky. Historie minulých vlád [Electronický zdroj]. – Режим доступа: https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/historie-minulych-vlad/historie-18014/. – Дата обращения: 17.04.2018.